

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1835 ГОДЪ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Пешербургъ, 31 Декабря 1835 года.**

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 1.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 2 дня, 1855 года.

А дамы! Сунься кто, попробуй, овладѣй,
Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъъ судей,
За картами, когда возстануть общимъ бунпомъ,
Дай Богъ першніе, вѣдь самъ я былъ женатъ:
Скомандовашъ велише передъ орунпомъ,
Присутствовашъ пошдите ихъ въ Сенатъ!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОВѢСТИ БЕЗУМНАГО. Москва. 1834 года.

Еще повѣсти! Еще рассказы! *Еще Бальзакъ! Русскій Бальзакъ! Доморощенный Бальзакъ!* Еще псѣдонимъ!

Погорьльскій и князь *Безгласный* напрасно скрываютъ свои блестящія славою имена подъ вымышленными; но баронъ *Бралбеусъ* и господа *Морозовъ* и авторъ *Безулиной* поступили весьма благоразумно, укрывъ наспоящія свои прозвища подъ щипомъ псѣдонимовъ. Многие спешенные люди обвиняютъ насъ журналистовъ за рѣзкія сужденія, за спорогіе приговоры книгамъ. Сполагоря поспороннимъ разглагольствовашъ: они не обязаны томишь себя зѣвапельноспію надъ чпешіемъ книгъ пошныхъ; а каково намъ! Самый першѣливый поперепъ першѣние, самый холоднокровный разгорячипся. Посадилъ бы эшихъ жалоспливыхъ людей хопя на мѣсяць въ нашу журналиспскую кожу;

погда бы каждый изъ нихъ, я увѣренъ, еще болѣе насъ наговорилъ бы грубыхъ испинъ о безграмошныхъ писачкахъ! Пуспъ они заспавяпть сочиняпть книги людей грамошныхъ, даровипныхъ, здравомысленныхъ — п мы общаемся и клянемся хвалипть, беспреспанно хвалипть всѣ новыя произведенія опечешпвенной словешности. Но возможно ли хвалипть Московскія издѣлія липерапурной опрасли промышлешности? Повѣспи *Безулинаго*, безъ всякаго прекословія, принадлежатъ къ симъ, какъ говаривалъ Н. А. *Полевой*, *кустарнымъ товарамъ.*

Вмѣсто всѣхъ сужденій и осужденій, обзоровъ и приговоровъ, мы предложимъ здѣсь нашимъ чипапелямъ обращипки, взяпые на выдержку изъ повѣспей г-на *Безулинаго.*

Ярко пылали кенешы, разливая блестящій свѣтъ свой на разоложенныхъ карнизяхъ залы, или играя пыспячью радужныхъ цвѣтовъ въ огромныхъ люстрахъ. Лаковый паркешъ, какъ зеркало блестялъ кругами подъ золотыхъ свѣтломъ разбросанныхъ по спѣнамъ кандеабровъ, фарфоровыя и хруспальныя вазы, свѣтлицымысл пирамидами

переливаясь безконечными *цветами радуги*, подставляли упомолненнымъ поспыпеламъ прохлажденія упоенной роскоши. Лъниво раздавались звуки огромной музыки. Суепа съ уныніемъ важно расхаживала по *золотымъ* го-спиннымъ въ лицахъ присущспвующихъ, пресыщеніе ясно вклеймено было въ ихъ лицахъ, во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Блестлицій закъ кипльа народомъ.

Толпы раздалась, разсыялась... и изъ нихъ цѣль царь развилась въ *блестящей* окружности и, какъ метеоръ покапилась по *зеркалу паркета*, спраспы кипльа во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Быспрый взоръ его *молніею сверкала* по лицамъ присущспвующихъ, но *разожженнй бунтующимъ пламенемъ* своевольной нѣги, онъ *блестльа* какимъ-то упоительнымъ *лучемъ* мечпашельности, когда глаза его вспрыпнулись съ глазами его дамы. *Огненная Испанка*, *осыпая тучею полуночныхъ кудрей*, она *жала* сердце *пылкою* оправою спраспы. Она *пальа* сердце невѣдомымъ перзаніемъ мукъ: *Паллицій зной* спепей!

Но теперь, когда *блестятъ* передо мною благопворные *лучи*, *согрывающіе* меня жизнью, снова попляпса въ умѣ моемъ воспоминанія *золотыхъ* дней младенчества. Изъ глазъ спвоихъ, *Испанка*, *шекушь* эти живипельные *лучи* бага.

Ощущенія его *пламенны*, какъ *раскаленный лучъ солнца* *полуденнаго*. *Леонидъ* оспановился, *спыпнувшій румянецъ*, какъ *заря* скапидса съ чела его съ каплею *гдкой слезы*.

Я молоде, *пламя* вмѣспъ съ кровью спечепъ по моимъ жиламъ.

Я зналъ, что здѣсь не радости—одна *ядовитая тоска*, одинъ *неукротимый пламень желаній* *испепелитъ* *развалины сердца*.

Равнодушіе и упрекъ *спыпнулись* въ эпому взоръ.

Какъ изваяніе, приковался онъ къ этимъ очамъ, когда-то *блестившимъ* для него всемъ *огнемъ упоительной страсти*.

Въ глазахъ его было *мутно*, какъ въ *водоворотѣ океана*.

Онъ *хотльа бы* *изорвать* *всѣхъ*, *самаго себя*, *все твореніе*, *чтобъ залить бунтующій огонь души*.

Кровь какъ *лава кипльа* въ его жилахъ. *Пламя*, *неукротимое пламя*, *кипльа* въ груди юноши.

Они взглянули другъ на друга и *зареву румянца* *изобличадо* *внупреннее волненіе* обоихъ.

Какъ будто слеза *сперкнула* на длинныхъ *рѣсницяхъ* *Елены*.

Золотистыми *лучами* своими иградо солнце... *Горькая*, *жугая слеза* скапидса съ длинной *рѣсницы* и, какъ *алмазъ*, *пробъжала* по щекъ ея.

Воздухъ здѣсь *пышетъ* на меня *духотою* пенницы.

«Дальше, дальше отъ шума и суены,» говорида спра-далица, *сдѣргивая* *шаль* съ высоко *вздымающейсѣя* *грудн*,

чтобъ освѣжипь *сгарающіе* свои члены: «Тамъ *адъ* *палитъ* *огнемъ* *перзаній* *спвоихъ!*»

Какъ живо помню я пѣ мгновенія, когда обнималъ мою *Елену* со всею *горькостію пылкости*.

Не жги сердца *ядомъ* неисполняемыхъ желаній; *прошепала* она, *спараясь* *укрыпъ пылающее* чело на *грудн* *возлюбленнаго*.

Спавши передъ нею на кодьни, онъ *пылающимъ устами* *добызалъ* *хододную* *руку* ея... *Легкое* *судорожное* *движеніе* *пробъжало* по членамъ, *согрывающимся* *жизнью*.

Онъ *кръико* *сжалъ* ея въ своихъ *объятияхъ* и на ея *устахъ* *запечатльа* *жаркій* *поцѣлуй* *спраспы*. *Пламень* съ *кровью* *пальа* сердце юноши.

И земля *не* *попала* *преспупницу*. Глаза ея *сперкали* нѣгою, *спраспыю*, *гнѣвомъ*. И *пыльа* *бунтующей* *страсти*, и нѣга *пылкихъ* *желаній*.... И долго, долго, *бѣло* *плапье* *нещаспной* *блестльа* *сквозь* *деревья*, *серебрило* *лучами* *льбца*.

Пышные *балы* своимъ *роскошнымъ* *спытоль*, *своею* *спаею* *легконогихъ* *поклонницъ* *моды* *манни* *юношей*. *Дѣвушки* *спыпидли* *блеспуть* *искусспвомъ*.

Балъ *естъ* *всепожирающая* *пучина*, *жадно* *поглощающая* въ себя *блестательныя* *надежды* *юношей* и *дѣвъ*, не разочарованныхъ *еще* *бѣдспвеннымъ* *опытомъ* *жизни*. Тамъ—на *балахъ* *эпихъ*, *впервые* *раздспаются* *они*—*радужныя* *созданія* *воспорговъ*.

А Елена?... О! она *дышала* *удушливыми* *эпоемъ* *Сары*, *дыханіе* ея было *тлетворнымъ* *Самуиломъ*, *пожигающимъ* *все* *окреспъ*. *Ужасно* *бояпсья* *прнблнженія* *другаго*, *избъгапъ* *паллицаго* *перзанія* *очей* *его*.

Въ *темносп* и *хододѣ* *земной* *жизни* *одннъ* *попльа* *лучъ* *спѣспипь* и *согръваспъ* *радоспью* и *блаженспвомъ* *душу* *человѣка*.

Краска *спыда* *зарумянитъ* *щѣки* *моей* *Евгенн*.

Томный *полуспвьтъ* *оспытая* *эпо* *убѣжнице* *любви* и *преспупленія*. *Тупъ* *возжигало* *пламень* *желаній*; *подъ* *небомъ* *комнатки*, *усыпнымъ* *золотистыми* *звездочками*, *спершилось* *сполько* *воспорговъ*.... *Звукъ* *подъѣзжающихъ* *къ* *магазину* *карепъ* *пальа* *его* *внупренноспъ*, *разжигал* *бопье* и *бопье* *адъ* *мучипельнаго* *ожиданія*.

Онъ *пламеннымъ* *дыханіемъ* *согръвалъ* *руки*, *жаркнми* *лобаніемъ*, *казалось*, *хотльа* *перелнпъ* *новую* *жизнь* въ *грудь* *возлюбленной*.

Лобзанія *долгія*, *мерпвыя*, *пламенныя*, *кипльали* *кровь* *ихъ*.

Дрожь *желаній*, *подобно* *магнетической* *искрпъ*, *перелнла* *взапно* *опъ* *одного* *къ* *другому*... *глаза* *запылали* *огнемъ* *бунтующимъ*... *Оспряса* *нѣгу* съ *пылающихъ* *очей*, *облнпныхъ* *влагою* *спадосспасптя*, *лежала* *Елена* на *грудн* *Леоннда*. *Слезы* *пожсгали* *пронцпательнымъ* *пламенемъ* *споимъ* *всѣкую* *опраду* *будущаго*. *Дома* *успокоилось* *пламенное* *волненіе*.

Тоска неизъяснимая *палила* ея внутренность... *Багровый румянец* пыннами выпунилъ на ланипахъ... *Леонидъ*... *молчали* яркаго гнѣва зажглись его очи, увидя *Елену* въ такомъ состояніи.

Сердца ихъ пребудушь *пыла, огнь и буря*; неукротимое *пламя дышетъ* въ груди ихъ; души ихъ *тлѣютъ* пожаромъ поэтическаго восторга.

Глаза его *блистали* безуміемъ гореспи.

Его взоры *пламенели* преслѣдують меня.

Онъ въ нѣмомъ восторгѣ созерцалъ красому армейскаго мундира, подъ копорымъ бlixоь *пламенное огненное сердце*.

Въ глазахъ прямо *отсвѣчивается* по же самое чувствво. Можешъ ли *пыкала*, неопытная душа юноспи удержашъ что либо впайнѣ?

Съ помненіемъ юнаго *пламеннаго* сердца ждешь *Лиза* часа, назначеннаго для свиданія. *Ярко рдѣютъ ея щеки; лавою волкана кипитъ кровь ея; воображеніе пылетъ, какъ зарево пожара*.

Въ *пылкахъ* событіи, слились для неѣ всѣ смущенія видѣнія *разгорелной фантази*.

Они поклялись еще разъ въ вѣчной до гроба, даже за гробомъ, *пламенной* любви—и разошлись.

Кпо можешъ осановишь *пламенные* порывы сердца? *Огнемъ горитъ оно!*

Смѣхъ глубже и глубже расправляетъ *кипящій* ядъ перзаний.

Съ послѣднимъ *румянецемъ* дѣвственной нѣги припала она *пламенными* щеками и бѣющимъ сердцемъ къ его сердцу, и на *горячихъ* уснахъ его запечашъла *поцѣлуй жаркій; сладоспный*... *пламень* пробѣжалъ по его жидамъ ошъ упоишельнаго лобзанія.

Балъ былъ во всемъ *разгарѣ! Тускло горѣли свѣги отъ кипячаго пара народа*... *потолокъ чертился длинными струями отъ жаркаго дыханія; дико вращались глаза подъ масками, облитые огнемъ чувствениости; жарко кипѣло дыханіе*.

Ея черные глаза *блестятъ* изъ глазныхъ впадинъ, какъ *два бѣжала погребальные* въ пемную ночь. Пухъ лебедя не шакъ нѣженъ, не шакъ былъ, какъ эши округлоспи, шрепещущія ошъ ядовипаго волненія, ошъ эшаго *пламеннаго* дыханія, *сжигающаго* ея внутренность.

Изъ *огненныхъ* взоровъ, подобно молніи пробѣгающихъ по шодѣ.

Огнемъ любви и восторговъ.

О, если-бъ вы видѣли, какъ *загорѣлось* ея око гнѣвомъ.

Въ эшихъ двухъ словахъ, въ эшихъ двухъ измѣненіяхъ голоса *пылаго*.

Она снова обшарила углы залы *пылающими* взорами... Высоко вздымалась *пылающая* грудь. Пора! повпорила она, успремивъ на него *пылающій* взоръ свой, въ копоромъ *горѣло* все обдуманное кокепсшво женщины, *весь пламень* еще дѣвственныхъ желаній.

Кровь, какъ *пламя* вращалась въ его жидяхъ. Она схватила его за руку: ужасно дрожала рука эша *пылающими* огнемъ ревности, *зубы стучали во рту*.

Удушливый жаръ *палилъ* юношу, члены дѣвухки *сгорали* *огнемъ пылающими*.

«Ко мнѣ!» вскричалъ *Владиміръ* шихо, прильнувши *жаркими* уснами къ ея уснамъ.

Или онъ не любишь шебя со всею *пылкостью* спраспи?

На *пальцей*, бѣшеной спраспи юноши основашъ свое владычесшво!

Тамъ, въ эпомъ минушномъ жилищѣ нѣги, едва *озаренноли* *пусклыми свѣтомъ*, прижалъ *Владиміръ* *пылающую* *Луизу* къ сильно бѣющемуся сердцу.

Въ *пылающихъ* объятіяхъ юноши.

Огонь *палитъ* мою внутренность.

Въ эшихъ объятіяхъ *сжигалицихъ*:

Все бѣшенство юношескаго *пыла*.

Ошряхая съ глазъ *пальцу* нѣгу...

Онъ смошрѣлъ ошъ въ глаза, *пылающіе* бѣшенствомъ, спраспию, злобой.

Со всею *пламенностью* спраспи.

Огонь желаній.

Ея ланипы *пылали* всемъ *румянцомъ* восторга; ея очи *блестѣли* *непоспжимымъ огнемъ* *могущества*; уста ея *жаркія*; дыханіе ея было *жарге* *огня* шропиковъ.

Глаза ея попухли подъ всемъ *пальцами* *огнемъ* яроспи.

Загляните въ глубину сердца дѣвухки, когда спраспи изрокушь его *бунтующими* *ядомъ* своимъ; разберите эту *отраву чувствъ*, эту жажду мщенія, эшо *пламя* любви, сливающіяся вмѣстѣ въ одно чувствво груспи, шоски, опчаянія, муки, мщенія и пылкой, *безграничной* *страсти*...

Бурно, какъ вдохновеніе, *кипятъ* онъ яримъ ожеспоченіемъ.

Грудь, вздымающаяся подъ *жаркими* и неровнымъ дыханіемъ.

Неукротимый и несповый, когда *закипитъ* родникъ въ прежде-невозмоуцаемыхъ его нѣдрахъ, и погда онъ сдвигаетъ горы, не знаешъ преняшпвій.

При первыхъ порывахъ *жсугаго* *огня* спраспей.

Усна его, уже неоднократно *горѣвшія* пламенемъ лобзаній.

Ланипы ея еще *горѣли* *лагою* *слезъ* эшихъ.

Свѣтъ попемнѣлъ въ его глазахъ, ноги его и все шѣло дрожали какъ въ лихорадкѣ, сердце замирало, *голова* *горѣла*.

Глаза ея *горѣли* *огнемъ* *непоспжимымъ*.

Гохова его *горѣла*... глаза зашпилились чѣмъ-шо пусклымъ и безжизненнымъ.

Лица геспей *горѣли* радоспию и удовольспвіемъ.

Дико *блестѣли* его *глаза* въ эшу минупу, какъ раскаленные уголья.

Тогда бѣдняжка вскочила; *глаза ея горѣли* опічаяніемъ и бѣшенствомъ.

Она вдыхала въ себя воздухъ, какъ будто бы вся внутренность ея горѣла *огнемъ и пламенемъ*.

Изъ сихъ выписокъ чипашели безъ труда удосповѣряясь, что это романъ блестящій, что въ немъ много огня, что его дѣйствіе кипитъ, какъ клокочущая лава въ широкой упробѣ Эпны.

Заключимъ! Не напрасно сочинитель скрылъ себя подъ псевдонимомъ *Безузнаго*; можетъ быть, этому эписепу обязанъ онъ снисхожденіемъ цензора, одобришаго къ напечатанію его книгу, начиненную безполковщиною и неблагоприспосойностями. Издашели *Свѣ. Пчелы, Библиотеки для Чтенія и Телескопа* то же самое, только другими словами, сказали ему.

СЦЕНА ИЗЪ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(1825).

Къ одному храброму, образованному, исполненному чести и благоволенія къ подчиненнымъ начальнику прибылъ въ полкъ новопроизведенный въ прапорщики *прынтикъ*, воздоенный кислымъ млекомъ Французскаго учителя, обломка Якобинской шайки. Онъ принявъ былъ командиромъ какъ роднымъ опцомъ и приглашенъ ежедневно кушать хлѣбъ-соль за его прапезою.

Настало лѣто, полки выступилъ въ лагерь. Однажды послѣ ученья, нашъ *прынтикъ* приходилъ къ начальнику, великъ доложивъ о себѣ. Дверь въ кабинетъ опворяется и слуга говоритъ ему: «Баринъ васъ проситъ.» Вошедъ, онъ дерзкимъ тономъ сказалъ: Г. полковникъ! вы-съ меня давиче на ученѣ обидѣли-съ. — «Право, не понимаю, какъ это случилось; я всегда взвѣшиваю свои слова.»—Вы сказали-съ, что я вялъ и нераспоропень. . . — «Не помню; однакожь кажется, что я не говорилъ эпаго, а что нибудь помятче.»—Нѣтъ, вы сказали.— «По чести, увѣряю васъ, что совсѣмъ эпаго не помню. Развѣ, можетъ. быть, въ запальчивости и раздосадованный; но нѣтъ, быть не могло. Впрочемъ, если это сорвалось у

меня съ языка: по безъ умысла, безъ желанія оскорбить васъ, и я опъ всего сердца прошу извинить меня.»—Вы почно сказали-съ. Я пришелъ къ вамъ объясниться-съ. . . я дворянинъ-съ. . . офицеръ-съ. . . долгъ чести. . . Вы почно сказали-съ. . . — «Ну, сказалъ!» произнесъ громовымъ голосомъ выведенный изъ перпѣнія фанфаронствомъ *прынтика* заслуженный воинъ: «сказалъ — и повторю вамъ еще, что вы вялы и нераспоропны въ дѣль. Слышите ли!» я сказалъ эпо: «что же вамъ угодно?»—Ничего-съ!—И, поворотя на право кругомъ, пошелъ на свою кварпшуру.

НАГРАДА ЗА СОЧИНЕНІЕ.

Когда великому *Конде* въ награду блестятельныхъ побѣдъ его, построень былъ замокъ Шанпильи, то предположено было украсить фронтисписъ онаго надписью, которая бы въ крапкихъ словахъ выражала всѣ побѣды сего героя.— За лучшее сочиненіе была назначена награда въ 1000 палеровъ.—Между многими сочиненіями находились списки одного Гасконца, которые, хопя и не удомлестворили предположенной цѣли, но за оригинальность идеи удостоились награды въ 500 палеровъ. Вотъ они:

Pour célébrer tant de vertus,
Tant de hauts faits et tant de gloire,
Mille écus! Morbleu, mille écus:
Ce n'est pas un sou par victoire.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМО ОДНОЙ ДАМЫ ОБЪ АЛЖИРѢ.

Мустафа-паша. 3-го Іюля 1834 н. с.

Я ждала пвоего опвѣпа, милая *Адель*, чтобы снова писать къ тебѣ и продолжая описаніе моихъ впечатлѣній. Увѣренная въ пвоемъ одобреніи, я опять принимаюсь за перо. Пишу къ тебѣ сидя подъ окномъ и имѣя предъ глазами одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ въ свѣтѣ. Постараюсь изобра-

зипь его такъ, какъ онъ разспилается предо мною.

Вправо проспирается прекрасная оплогоспъ, имбющая около шести миль въ длину и покрытая загородными домами, копорыхъ блестящая бблизна прелестно опдблелется на темной зелени кипарисовъ, фиговыхъ, гранатовыхъ и оливковыхъ деревъ. Эпи воспочныя виллы, споль оригинальныя по своему квадратному устройству и плоскимъ перасамъ, почпи всб окружены густою изгородою изъ кантусовъ и алое, издали замбпныхъ по ббловатымъ листамъ своимъ. Прямо, пропивъ меня, Средиземное море съ ревомъ капптъ огромныя синіе валы свои, и какъ будто хочепъ все поработипъ себб. Но власть сильнбйшая положила предблы его яроспи. Вбво видно обширное пространство пусклаго и однообразнаго бблага цвбпа, копорое можно сравнитъ съ блестящею скапершью, упадающею съ вершины горы до самаго моря. Смпрю внимательнбе и узнаю огромную каменоломню бблага камня. Далбе, вижу приспань и мачты кораблей, и говорю сама себб: это воинственныи Алжиръ, давнишнее приспанище морскихъ разбойниковъ, городъ, копорый нбкогда почипался неприсупнымъ.

Нынб Алжиръ есть одинъ изъ прбпнбйшихъ областныхъ Французскихъ городовъ, представляющихъ наиболб средствъ всякаго рода. Но я опдалилась опъ своей карпины. Возбратимся къ ней, чпобы нарисовать переднбй и заднбй плапъ ея. Послбднбй образуется величеспвенною вершиною Апласа, копорый упирается въ облака нахмуреннымъ челомъ своимъ, а первый—прелестнымъ жилищемъ полковника иностраннаго легіона, успроеннымъ въ полу-Маврипанскомъ и полу-Французскомъ спилб. Въ этомъ жилищб соединяется все, чпю два народа представляютъ удобнаго и покойнаго, и оно легко можетъ заспавитъ позабытъ о Европейскихъ загородныхъ домахъ нашихъ.

Ты знаешь, моя милая, чпю мы женщины, также какъ дбпи, не можемъ видбтъ чего нибудъ прекраснаго, безъ пого, чпобы не почувствовать желанія приблизипся къ

этому предмету. Такъ и я, полюбовавшись нбсколько времени изъ окна прелестнымъ видомъ, копорый опкрывается у меня передъ глазами, не могу устоятъ пропивъ сильной охоты сбспъ на лошадь и пробхатъся по окрестности. Превосходныя дороги, предположенныя и приведенныя въ исполненіе герцогомъ *Ровиво*, копорый не успблъ самъ ими воспользоватъся, и копораго имя, изъ благодарности, было начертано золотыми буквами на скалб близъ Алжира, между Императорскимъ укрбпленіемъ и Бабазуйскими воропами, — представляюпъ всаднику самое безопасное и самое прбпное мбсто для бзды. Иногда, однако-же, любитель цвбпущей распительности охотно опдалается въ спорону опъ сихъ дорогъ и слбдуепъ по прелестнымъ пропнкамъ, освеннымъ гранатовыми и фиговыми деревьями, копорыхъ вбпвы переплелены сорочьими ягодами и дикими ясынами, или же пробирается по извилинамъ ручья, поберегамъ коего растутъ мирпы и розовыя лавры. Въ послбднее Воскресенб, цблбю нашей прогулки былъ лагерь Дуэйрскбй, лежащбй въ шести миляхъ опъ Алжира. Прекрасный завпракъ, приготоленный подъ тбнью деревъ по приказанію командира лагеря, вознаградилъ насъ за понесенную успалость. Ты сама чувствуешь, чпю посбщеніе шести или семи женщинъ не можетъ бытъ хладнокровно прбпано въ лагерь, а попому не удивишься, если я скажу тебб, чпю всб офицеры соперничествовали между собою въ заботливости и вниманб къ намъ, чпобы доказать тбмъ свою благодарность.

Нбсколько дней пому назадъ, мы съ г-жею *В.* опправились верхами въ одну прекрасную деревушку, лежащую близъ Будьярей, и принадлежащую Маврипанскимъ дамамъ. Хозяинъ дома приказалъ податъ намъ пирожковъ съ медомъ, молока, кофе, попомъ поднесъ намъ спкляночки съ розовымъ масломъ и повель къ своему семейству. Жена его безъ сомнбнбя почипается женщиною замбчательной красоты, попому чпю она полспла до безумія. Эпи дамы всячески спарались доказать намъ свою любезность, но къ сожалбнбю, она была совершенно для насъ

поперяна, попому что мы не понимали ихъ и не смѣли позвать генеральскаго переводчика. Я нахожу головной уборъ Маврипанскихъ женщинъ очень красивымъ: онъ состоитъ изъ плапка, искусно повязаннаго на головѣ и, въ важныхъ случаяхъ, убранныя по краямъ нѣсколькими рядами жемчугу и бриллантовъ. Уборъ сей дополняется еще красными гвоздиками, приколонными въ разныхъ мѣстахъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ. Руки и ноги этихъ женщинъ украшены браслетами. Что касается до прочей ихъ одежды, то она состоитъ изъ пряпокъ, накинутахъ безъ вкуса и такъ, что они могутъ закрыть и обезобразить самый лучший спань. На ногахъ онѣ носятъ башмаки, шипые золотомъ, но формою своею совершенно противорѣчащие нашимъ понятіямъ о красотѣ въ этомъ отношеніи. Дѣти ихъ чрезвычайно милы, не смотря на свои волосы, окрашенные въ рыжій цвѣтъ. Инстинктъ кокетства, врожденный женщинамъ всѣхъ націй, не допустилъ ихъ принять этого негоднаго обычая: онѣ красятъ волосы и брови въ черный цвѣтъ, а красный оставляютъ для ногтей своихъ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ Жидовскій филограммовый колпакъ, острый и чрезвычайно длинный; но я безъ всякаго сравненія предпочитаю видѣть ихъ съ простымъ плапкомъ на головѣ.

Вообще мужчины здѣсь гораздо лучше женщинъ. Ихъ бѣлый пюрбанъ, окружающій красную скуфью, красный или синий камзолъ, шипыи золотомъ, бѣлая перевязь, небрежно брошенная черезъ плечо, длинныя ихъ бороды, движенія, исполненныя благородства и важности, все это составляетъ очаровательное цѣлое. Досадно видѣть такихъ прекрасныхъ мужчинъ, занятыхъ въ лавкахъ совершенно женскими работами: они шьютъ, гладятъ, размазываютъ шелкъ. Изумленіе мое еще увеличилось, когда я узнала, что къ подобнымъ занятіямъ прибѣгаютъ люди высшихъ классовъ, чтобы убить время, которое безъ того они не умѣли бы употребить въ домахъ своихъ.

Мавры и Арабы кажутся мнѣ прекраснѣе, что они окружены народонаселеніемъ,

замѣчательнымъ по своей неопрятности. Однакоже, какъ ни отвратительны кажутся съ перваго взгляда Бискри (*Biscrî*), но я нахожу, что видѣ ихъ вовсе не представляеть того оппечатка подлости и уничиженія, который дѣлаеть нашихъ Французскихъ нищихъ столь неприятными. Одежда ихъ состоитъ изъ худыхъ шерстяныхъ лохмотьевъ, завязанныхъ на головѣ и вокругъ пояса веревками изъ верблюжьей шерсти; но эти лохмотья не скрываютъ ногъ и рукъ ихъ, которыхъ смуглая кожа и наружная крѣпость доказываютъ, что кровь этихъ людей не заражена еще развратомъ и излишествами, которое приносятъ съ собою образованность, доведенная до высокой степени. Я смотрю изъ окна своего, какъ они проѣзжаютъ по равнинѣ, отдѣляющей меня отъ морскаго берега. Они ѣдутъ верхомъ на мулахъ и верблюдахъ на Алжирскій рынокъ, куда опвозятъ огромныя корзины, полныя апельсинами, цыплятами, и особенно тыквами, съставляющими главную пищу Бедуиновъ.

Къ крайнему моему сожалѣнію, недавно опдали приказаніе срубить множество спелбелей алое, чтобы сдѣлать изъ нихъ приюпы для солдатъ. Хотя я очень чувствую, какъ тяжело было-бы для часоваго въ Африкѣ оставаться безъ защиты отъ солнечнаго зноя, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы для укрытія его подѣланныя придумали другое средство, оставя полямъ лучшее ихъ украшеніе, украшеніе мнѣ болѣе драгоценное, что его можно видѣть не чаще, какъ черезъ два года. Я почитаю особеннымъ щастіемъ то, что пріѣздъ мой въ Африку случился именно въ ту пору, когда цвѣтутъ на немъ цвѣты. Я видѣла, какъ вдоль по дорогамъ и по морю, изъ средины множества кустовъ алое, выросли крѣпкіе спелбелы, подобныя колоссальной спаржѣ и въ соразмѣрности распуше съ равною быспропою. Въ пять недѣль, спелбелы эти достигли пятнадцати футовъ высоты и увѣнчались прекрасными цвѣтами, замѣчательными особенно по своему расположенію, представляющему совершенное подобіе пышнаго кандеабра. Спелбелы эти тверды какъ дерево и служатъ для одинаковаго съ нимъ употреб-

ленія. Въ эпохъ разъ, полезное пропировъ-
чипъ пріятному, лишая насъ одного изъ
лучшихъ украшеній окрестности Алжира.

До сихъ поръ жаръ казался мнѣ здѣсь очень
сноснымъ и даже менѣе изнурительнымъ, неже-
ли во Франціи, благодаря морскому вѣпру,
который поднимаясь ежедневно около десяти
часовъ утра, пріятно освѣжаетъ воздухъ.
Вчера онъ былъ однакоже замѣненъ пу-
стымъ вѣтромъ, который по щастію
дулъ только двѣнадцать часовъ и не часто
возобновляется. Пока дуель Саміель или Си-
рокко, то чувствуешь какое-то изнеможе-
ніе и слабость, которые трудно выразить.
Если, по несчастію, кому либо встрѣчается
необходимость выйти въ это время, то
воздухъ кажется наполненнымъ огненными
частичками; вихри песку и пыли поднимаю-
тся на ужасную высоту и совершенно ослѣп-
ляютъ васъ. Но комнаты въ домахъ устраи-
ваются такимъ образомъ, что въ нихъ все-
гда можно найти прохладу, и когда такой
вѣтеръ начинается дуть, въ нихъ закрыва-
ютъ всѣ окна и двери, чтобы не допустить
его пуда проникнуть. Мы женщины, кото-
рыхъ никакія обязанности по службѣ не за-
спавляютъ выходить изъ домовъ, немного
терпимъ въ Африкѣ, и даже противъ обык-
новенія пользуемся нѣкоторыми преимуще-
ствами.

Я вижу дымъ парохода, возвѣщающій
скорое его опбытіе. Мнѣ едва оспается вре-
мя обнять тебя и попросить принять но-
вое увѣреніе въ искренней и нелицемѣрной
моей дружбѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К А З А К У.

Казакъ опчаянный, лихой,
Лепи скорѣй съ опвагой въ бой!
Уже давно пвой мечъ булапный
Не пилъ крови въ пирушкѣ рашной;
Уже давно пвой бодрый конь
Не уносилъ тебя въ огонь
Съ надеждой сладостной, опрадной.

Казакъ опчаянный, лихой,
Лепи скорѣй съ опвагой въ бой!

Уже давно средь ясной ночи
Твои недремлющія очи
Обозрѣвая спать родной,
Въ восторгѣ имъ не любовались;
Когда съ ударомъ вѣсповой
Войска до утра просыпались
И вновь на бой приготавлились.
Казакъ опчаянный, лихой,
Лепи скорѣй съ опвагой въ бой!

Давно со звукомъ барабана,
Поклинувъ ты палатку спана
И вспрыгнувъ бодро на сѣдло,
Орла полѣтомъ не носился,
Судьбѣ зависливой на зло
Съ вапагой вражьей не рубился,
И злой нагайкой не хвалился.
Казакъ опчаянный, лихой,
Лепи скорѣй съ опвагой въ бой!

Лепи, лепи на пиръ кровавой!
Но воропись съ него со славой! —
Какъ перль, храни честь казака!
Пріобрѣли еѣ вамъ дѣды
Въ бояхъ за славныя побѣды. —
Не бойся, не щади врага:
На полѣ слава дорога! —
Лепи, лепи на пиръ кровавой
И воропись съ него со славой!

Ив. Галанинъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. С. Т...ВОЙ.

*(По возвращеніи ея изъ Р***.)*

Какъ роза на груди Психеи
Алѣетъ, для неѣ мила,
Такъ милой прелестью своею,
Краса небесъ, ты развѣла!

Л. Р.

1833.
Омскъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое лишь въ пеплыхъ споропахъ,
 Распешъ, цвѣшешъ и созрѣваетъ,
 Къ намъ приплываешъ въ корабляхъ
 И въ *цѣломъ* сладостный напитокъ доставляешъ.
 Въ *последнее* и васъ пошлюшъ,
 Когда вы много нагрѣшите;
 Но *цѣлаго* ужъ памъ конечно не дадушъ,
 Хоть слезно вы просите.

III.

M O D E S.

Revenons aux modes de nos mères, revenons-y avec ces mélanges de couleurs qui donnaient tant de coquetterie à leurs toilettes. Voyez comme il est joli, ce costume garni de rubans, ou de gros de Naples découpé! comme cette alliance a plus de richesse, et plus de fantaisie que les volans pareils! madame *Hippolyte*, sur le bon goût de laquelle nous revenons encore aujourd'hui avec plaisir, a la première conçu ces redingotes simulées, dont les devans sont bordés d'une petite ruche en ruban satiné.

Les *petits chapeaux* en velours, pour le soir, sont de gracieuses coiffures que la mode semble respecter. Les *petits chapeaux* sont un intermédiaire si convenable et si commode entre le chapeau de ville et le turban; il y a telle toilette qui, pour le théâtre, pour une soirée parée, ne peut être complète qu'avec une petite forme gracieusement relevée, ombragée de deux plumes, ou plus simple avec des fleurs. Cet hiver, madame *Lepetit*, rue Grange-Batelière, dispose les plus charmantes formes que nous puissions désigner, des formes simples, peu chargées de ruban, riches de leurs belles plumes *romaines*, mais qui laissent à une demi toilette toute la simplicité d'un *presque négligé*. Puis ce sont des formes en gaze, relevant par un nœud, et sous les cheveux entourées d'un cordon de fleurs qui va se perdre sur un des côtés de la passe. Ceci, plus nouveau, et tout-à-fait distingué, se rapproche des vieilles modes; il faut pour cette coiffure des cheveux en touffes crépées demi-longues et quelques fantaisies prétentieuses qui répondent à ce chapeau, moitié bonnet, moitié turban; léger et transparent

comme l'un et l'autre, élégant et coquet, jeune et de bon goût.

Pl. No 1. Vieilles modes.

Pl. No 1. Chars à bancs.—Caleches à vasistdasz.

M O Д Ы.

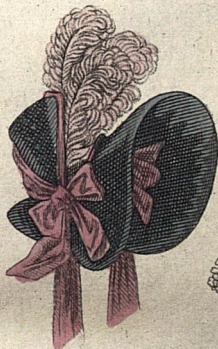
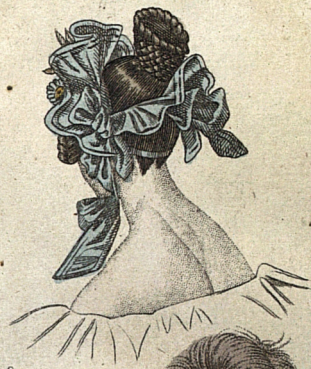
Возвратимся къ модамъ нашихъ бабушекъ, возвратимся къ нимъ съ этою смѣсью цвѣшовой, придававшей сколько кокетства ихъ нарядамъ. Посмотрите, какъ красивъ этотъ костюмъ, отдѣланный лентами, или выстѣпнымъ гроденаплемъ! Сколько это соединеніе богатѣе и заключаетъ въ себѣ болѣе вымысла, нежели одинакія оборки! Г-жа *Hippolyte*, къ хорошему вкусу которой мы возвращаемся нынѣ опять съ удовольствіемъ, первая вздумала дѣлать эти сложныя рединготы, у которыхъ полы отдѣланы рюшемъ изъ апласной ленты.

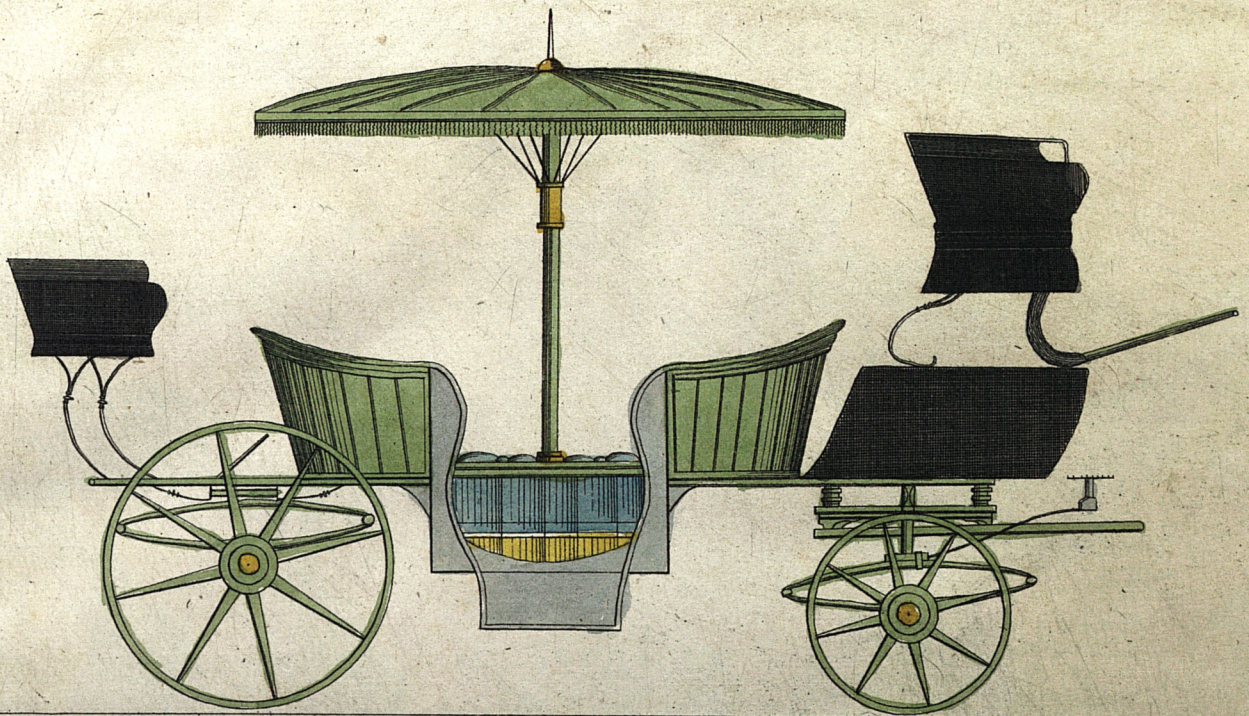
Маленькія бархатныя вечернія шляпки весьма ловкой уборъ, до котораго мода не смѣетъ касаться. Маленькія шляпки весьма приличны и покойны для средняго убора между городской шляпкой и шюрбаномъ; это такой нарядъ, для шеатра, или наряднаго вечера, который ничѣмъ не можетъ быть дополненъ какъ маленькимъ, ловко приподнятымъ полемъ, съ двумя перьями, или простѣе, съ цвѣтами. Г-жа *Lepetit* приготовляетъ нынѣшней зимою самыя красивыя шляпки; фасоны просты, лентъ накалывается мало; оиѣ великопны оиѣ прекрасныхъ Римскихъ перьевъ, но для полу-наряда сохраняющъ почти всю простоту *неглиже*. Помощь газовой поля, приподнятыя бантомъ, а подъ волосы проходивъ шнурокъ, шеряющійся на одной споронѣ поля. Это новѣе, совершенно оплично, и приближается къ стариннымъ модамъ. Къ этому убору нужны волосы, взбитые полу-длинными кусочками и нѣкоторыя зашѣйливыя прихоти, соотвѣтствующія этой шляпкѣ: несомѣтъ чепчикъ и несомѣтъ шюрбанъ; легкая и прозрачная, какъ шотъ и другой, щеголеватая и зашѣйливая, моложавая и хорошаго вкуса.

Карш. No 1. Стародавнія моды.

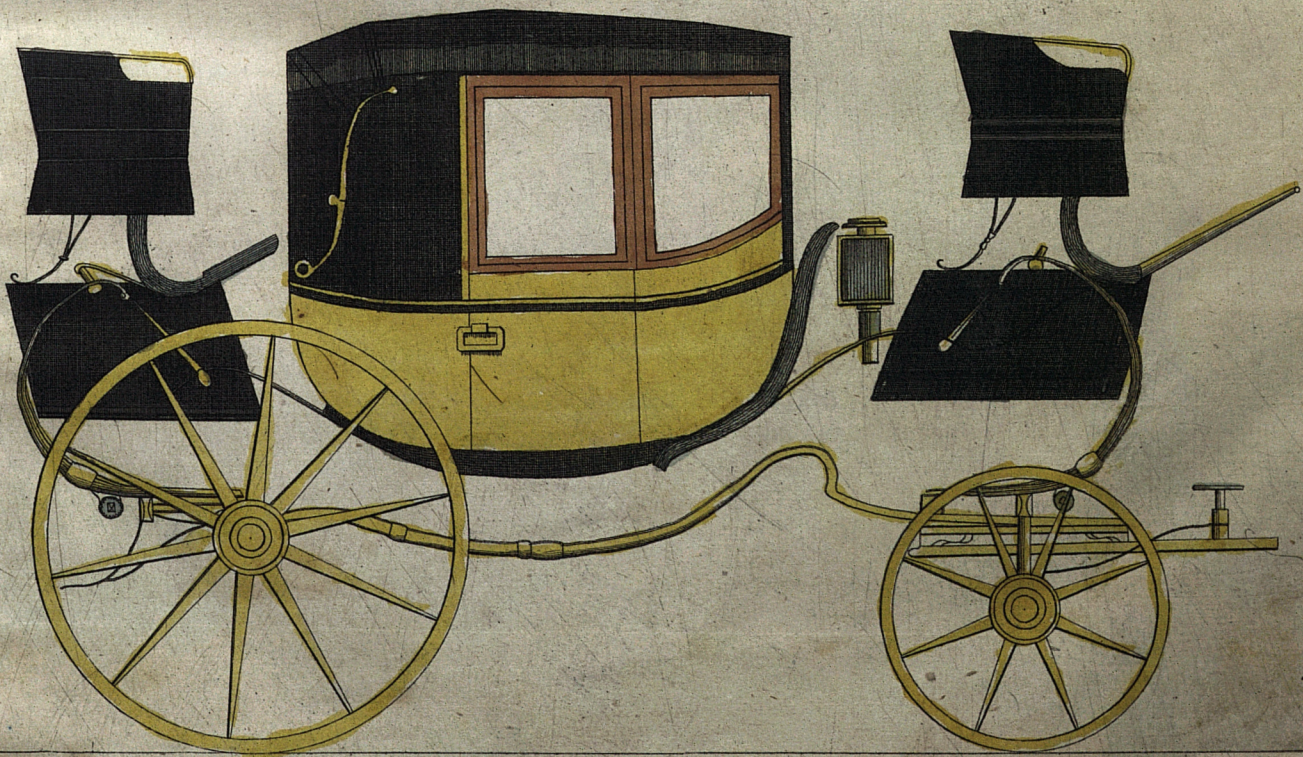
Карш. прибавочная No 1. Шаробанъ.—Колска.

N.º 1re Numér. T^{er}qu. 7° P. N.

Char à bancs.

Calèche à Vasistas.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 2.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 5 ДНЯ 1835 ГОДА.

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ щасльемъ упоенной,
Москвы колынопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.

А. Пушкинъ.

П Л А К С А.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ПОКОЙНОМУ МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

Какихъ не вымыслилъ причинъ,
Чтобъ мужу бую умудришься,
Не можно вѣкъ носить личины
И истина должна открыться.
Державинъ.

Какъ много произошло добра для нашей литературы отъ прекращенія *Московского Телеграфа*! Въ самомъ дѣлѣ, нельзя оцѣнить вреда, который сдѣлалъ *Телеграфъ* въ продолженіе девятилѣтняго своего существованія. Конечно, люди съ здравымъ разсудкомъ, съ твердыми правилами, самоспелые, мыслящіе, знакомые съ логикою и съ сухою Нѣмецкою метафизикою, безопасны отъ его лжемудрствованій; но для въспряныхъ, легкомысленныхъ юношей; но для пѣхъ пожилыхъ людей, которые подвержены головокруженію, имѣютъ отвращеніе отъ ум-

ственныхъ усилій, неохотники размышлять, скудны свѣдѣніями,—увлекательные, самонадѣянные полки г. *Полеваго* и брата его, ихъ рѣзкіе приговоры, ихъ блестящіе парадоксы, сдѣлались пѣмъ же, что Алкоранъ для Турокъ: они вѣрують въ его непогрѣшительность.

Издапель *Телеграфа* принялъ за правило противорѣчитьъ всему тому, что принято цѣлымъ свѣпомъ за истину, утверждено неопразимыми доказательствами, освящено вѣками и мнѣніемъ людей мудрыхъ, не лжесвидѣтелей; людей спрогой добродѣтели, не имѣвшихъ никакой причины бытъ приспρασными. Онъ отвергаетъ свидѣтельство милліона очевидцовъ, называетъ ложными событія, происходившія въ глазахъ цѣлаго государственства и на единогласіи всѣхъ современныхъ писателей основанныя.

Передъ нами лежитъ шестая часть *Размышлений о важнѣйшихъ истинахъ Религіи*, сог. *Иерузалема*.

I. С. Петербургскій Цензурный Комитетъ въ отчетѣ своемъ о семъ пвореніи знаменитнаго Нѣмецкаго писателя говоритъ: «Качественно внушительнаго достоинства сей книги, можно сказать не обинуясь, что она есть одна изъ числа полезнѣйшихъ, каковыя и на иностранныхъ языкахъ рѣдки, а на Россійскомъ и еще рѣже. Невозможно найти другой книги въ семъ родѣ, въ которой бы содержались столь ясныя и убѣдительныя доказательства истины и божественности Христіанской вѣры, и такія сильныя опроверженія вольнодумства, какъ въ семъ безцѣпномъ пвореніи *Иерузалема*. Оно переведено на всѣ Европейскіе языки, и вездѣ нашло своихъ почитателей. Авторъ оной признается однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Христіанства. Оно въ нашъ лжепросвѣщенный вѣкъ, когда духъ вольнодумства столь быстро разливается, служилъ сильнымъ проповѣдникомъ оплодотворенія. Въ заключеніе нелишне присовокупить, что книга сія переведена на Русскій языкъ превосходно; почему и можно отъ нея ожидать сугубой пользы.»

II. Карамзинъ (Письма Русскаго путешественника), говоря о *геніи* вообще, заключаетъ свое сужденіе слѣдующими словами: «*Иерузалемова* книга о Религіи, оживляетъ духомъ ревности, возвышаетъ душу гитателю.»

III. Издатель Русскаго Инвалида (П. П. Пезаровіусъ, 1814 годъ, No 55) опоздалъ весьма лестно. «Можно поздравить Россійскую литературу съ прекраснымъ переводомъ превосходнаго сочиненія;» написалъ сей безпристрастный цѣнитель: «книга сія на Нѣмецкомъ языкѣ служила для многихъ къ утвержденію въ священныхъ истинахъ Религіи Христовой и къ упованію совѣсти. Она переведена на всѣ Европейскіе языки и вездѣ нашло своихъ почитателей. Нѣтъ сомнѣнія, что и на Русскомъ она принесетъ не меньше пользы.»

IV. Издатель Сына Отечества (Н. И. Грекъ, 1818 годъ, No 8) напечаталъ: «*Иерузалема* считается въ числѣ знаменитѣйшихъ Германскихъ Богослововъ и сочиненіе его Ве-

trachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der Religion, признано *классическимъ* въ своемъ родѣ. Появленіе онаго на Русскомъ языкѣ будетъ конечно пріятно всѣмъ любителямъ назидательнаго чтенія, которыхъ число у насъ нынѣ, благодаря распространенію истиннаго просвѣщенія, весьма велико. Русскій переводъ близокъ, ясенъ, чистъ, словомъ: очень хорошъ.»

V. Литературная газета (Издатели Баронъ А. А. Дельвицъ и О. М. Соловъ, 1831 годъ, No 22) дали мнѣніе, которое мы вполне внесемъ сюда: «Книга *Иерузалема* представляетъ читателямъ полный сводъ доказательствъ назидательныхъ, почерпнутыхъ изъ природы, изъ внутреннихъ сочувствій души человеческой и изъ Опкровенія Вѣры Христовой. Вездѣ писатель сей, силою логики, опровергаетъ разрушительныя теоріи мечтателей - натуралистовъ, и съ душевнымъ краснорѣчіемъ, происходящимъ изъ теплаго убѣжденія, говоритъ о непреложности пѣхъ истинъ, на кои въ суебной своей гордости посягали вольнодумцы. Книга *Иерузалема* переведена слогомъ яснымъ и чистымъ, въ выраженіяхъ соблюдена надлежащая точность.»

VI. Въ *Телескопъ* (издатель г. Надеждинъ, 1831 годъ, No 8) помѣщено: «Въ размышленіяхъ *Иерузалема* сообщена *Слову жизни* форма строгой діалектической послѣдовательности, подъ надзоромъ умствующаго разсудка, испощающаго всѣ свои усилія для того, чтобы собственною властію плѣнить себя въ послушаніе Вѣры. По сему онъ оставался всегда важными и полезными для пѣхъ, въ коихъ раскрывшаяся дѣятельность мышленія, успѣвъ сознавъ свою силу, не умѣя очертить для неѣ должныя границы, претѣкаетъ и соблазняется о тайнства Вѣры, недоступныя для ея условій и законовъ.»

VII. *Сѣверная Пчела* (1831 годъ, No 55) съ удовольствіемъ извѣстила читателей своихъ о появленіи *третьяго изданія* сего назидательнаго и общепользнаго сочиненія. И въ 1834 году въ No 285-мъ повпорила сіе извѣщеніе.

VIII. *Съверная Почта* (1818, No 13) опоздалась о ней въ лесныхъ выраженіяхъ.

IX. *Le Conservateur impartial* (1818, No 15) съ своей стороны изъяснилъ о самой книгѣ и о предложеніи оной на Россійскій языкъ съ похвалою.

X. Въ *Соревнователъ прощщенія* (1818, No 4) изъяснена благодарность переводчику за его многополезный трудъ.

XI. Издапель *Благонамѣреннаго* (незабвенный А. Е. *Измайловъ*), согласно со всѣми вышеисчисленными, далъ о ней благопріятный отзывъ.

Въ Германіи оной вышло осмнадцать изданій.

Всѣ хвалятъ! Эшаго уже доспапочно было, чпобы вооружить прошивъ неѣ *Телеграфъ*, которій, какъ эшо уже спо разъ сказано и доказано, все достоинство свое поспавлялъ въ прекословіи всѣмъ, во всемъ и всегда. Онъ обрадовался случаю блеснуть опважнымъ парадоксомъ и какъ разъ намахалъ свой приговоръ сему важному пворенію. Помѣщаемъ его здѣсь слово въ слово.

«Книга *Иерусалема* (копорого, скажемъ мнмоходомъ, можно бы уволить опъ прилагательнаго *знаменитый*) явилась въ 1768 году, когда матеріализмъ и нелѣпая философія Французская XVIII-го вѣка волновали всѣ умы. Прошивъ ихъ вооружались кто чѣмъ могъ. Ихъ прошивники — *Держалы*, *Даленбурги*, *Иерусалемы*, *Нооты* (1) рапоборспвовали съ ними, издавая философическо-религіозныя сочиненія. Въ наше время книги сихъ зашщпниковъ уже бесполезны. Не смѣшно ли будепъ нынѣ вооружаться прошивъ того, чпо давно само собою исчезло и пропало (2)? *Иерусалемъ* сражаепся съ *Белемъ*, *Ламетри*, *Вольтеромъ*; но кто же вѣрипъ пеперь философіи эшихъ людей (3)? Припомъ, для чего зашщпять Божественную Религію такимъ бѣднымъ оружіемъ, какимъ зашщпаетъ еѣ *Иерусалемъ*? Нынѣшняя философія (4) въ вѣчныхъ законахъ ума находипъ совер-

шенное согласіе съ *Откровеніемъ* (5). Въ слѣдствіе сего, или говорите совершенно по *Откровенію* свяшой Вѣры въ Богословско-назидательныхъ пвореніяхъ, или восходите къ высшему умозрѣнію. Срединна то, чпо писали *Иерусалемы* и *Даленбурги*—соединеніе схоластической философіи съ безопчѣпными восклицаніями, не убѣждаетъ ума и не прогаепъ нашего сердца. Всему еспъ время, и для нашего времени равно бесполезны и безбожныи *Ламетри* и набожный *Иерусалемъ*.»

Теперь, изволипе видѣть, господа читатели, чпо послѣ пакого грознаго приговора его священному, всею ученою Европою уважаемому пворенію знаменипаго Германскаго писателя, мы имѣемъ право порадоваться, чпо *Московскій Телеграфъ* не сущеспвуепъ

СМѢТЛИВЫЙ КУЧЕРЬ.

Одинъ баринъ спросилъ у своего кучера: согласенъ ли онъ съ-нимъ пупешествовать? «Всюдо радъ съ вами ѣхавъ, сказалъ кучеръ съ воспоргомъ.» — Какъ! и въ самый адъ? Подумай однако, чпо памъ неспершимый жаръ; шы же, сиду на козлахъ, первый попадешъ въ полымя. — «Никакъ нѣпъ, сударь; я васъ высажу у воропъ, а самъ оспанусь на улицѣ, я знаю свое мѣспо.»

СТИХОТВОРНОЕ КЛАДБИЩЕ.

Одинъ риемачъ припешъ къ *Пирону* подспую пепрадь спиховъ, прося разспопрѣпъ ихъ и поставипъ кресты, на пѣхъ спихахъ,

- (2) Взгляните-ка на Францію; тамъ $\frac{9}{10}$ Парижанъ увѣрили васъ, чпо злое зеріе разраспаепся и заглушаетъ добрыя нравы. — В.
- (3) А нарушеніе прислги при высадкѣ Бонапарта въ 1815 году, а Июльская революція? — В.
- (4) Которой г. *Полевой*, какъ уже спо разъ доказано, не понимаепъ. — В.
- (5) Чпо же иное пишепъ *Иерусалемъ*? Ей, сій, г. *Полевой*, по своему обычаю, не читалъ книги, о копорой судипъ и ридипъ! Випъ онъ говорилъ же объ игрѣ актѣровъ въ пакой песпь, копорой (за болѣзнію одного изъ нихъ) совсѣмъ не представляли!!! — В.

(1) Священныя имена, кои должно произносипъ съ благодарностию. — В.

копорые ему не полюбятся. Спустия нѣсколь-
ко дней, авпоръ Мепроманіи возвратилъ ему
рукопись. «Какъ сударь, да шупъ нѣтъ ни
одного креста?» вскричалъ въ радости мо-
лодой человекъ.—Точно такъ, ни одного,—
замѣпилъ *Пиронъ*: но не ужели вы хопите,
чтобы я изъ вашего сочиненія сдѣлалъ клад-
бище? —

А МНѢ ДОСТАНЕТСЯ!

По вскрытіи Невы полпились у приспани
жалавшіе скорѣе чрезъ неѣ переправились.
Какой-то чиновникъ, не слушая убѣжденій
полицейскаго служителя, спарался ворваться
въ лодку, уже наполненную людьми. «Сдѣ-
лайте милость опспушите,»—сказалъ поли-
цейскій: бѣда мнѣ съ вами!»—А какая бѣда?
спросилъ чиновникъ. «А вопъ какая: вамъ-то
ничего не будетъ, вы упоните;—а мнѣ такъ
достанется опъ начальства!

ПОДАРОКЪ.

Знаменшый кардиналъ *Дюбуа* имѣлъ обы-
кновеніе въ Новый годъ говорить слѣдующее
привѣтствіе своему дворецкому, приходив-
шему къ нему съ поздравленіемъ: «Я дарю
тебѣ для Новаго года все то, что ты
украдь у меня въ теченіе минувашаго.» Дво-
рецкій низко кланялся, бормоча: По гробъ
благодаренъ буду вашему преосвященству! —
Увы! многіе изъ Русскихъ господъ, по случаю
приближенія Новаго года, могутъ сдѣлать
такой-же подарокъ своимъ управителямъ!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСПЫТАНІЕ.

Въ царствованіе *Филиппа V*, короля Ис-
панскаго, графъ *Ольдагнеръ* былъ вице-коро-
лемъ Мексики. Проживъ въ Америкѣ болѣе
двадцати лѣтъ, онъ захопѣлъ наконецъ воз-
вратиться въ Испанію. Такъ какъ съ до-
споинспвами вѣрнаго подданнаго, онъ сое-

днилъ въ себѣ свойства искуснаго и про-
свѣщеннаго правителя, по *Филиппъ* долго не
хопѣлъ согласиться на его увольненіе; но
друзья, копорыхъ имѣлъ *Ольдагнеръ* при Дво-
рѣ, успѣли однако-же въ томъ, что мѣспо
его было опдано другому. Графъ возвра-
тился въ опечество съ огромнымъ богат-
ствомъ, поселился въ Валенціи и совершен-
но посвяпилъ себя воспитанію своей един-
спвенной дочери *Элеоноры*.

Элеоноръ было пятнадцатъ лѣтъ; ея гла-
за, исполненные нѣжностіи и благородства,
ея лицо, подернутое легкимъ облакомъ за-
думчивостіи, спройный спанъ ея, влекли къ
ней всѣхъ благородныхъ молодыхъ людей
пой обласпи; всѣ они, видя еѣ, говорили съ
воспоргомъ: Ахъ! какъ она прекрасна! Но
когда взоры ея обожателей, обозрѣвая пред-
метъ ихъ исканій, замѣчали алмазы, сверкав-
шіе въ черныхъ волосахъ ея, дорогіе перлы
на груди ея и богатыя украшения на дра-
гоцѣнныхъ пкканяхъ ея одежды, то они при-
бавляли со вздохомъ: Ахъ! какъ она богата!
Имя Элеоноры, единспвенной дочери вице-
короля Мексики, переходило изъ успъ въ
успа, и самыя честполобивыя и привлека-
пельныя изъ знатнѣйшихъ людей Испаніи
безпрерывно увеличивали собою свішу мо-
лодой графини.

Между тѣмъ *Ольдагнеръ*, повергнушый пре-
ждевременною смертію жены въ неупѣшную
горестъ, съ безпокойствомъ видилъ своско-
рыспныя исканія, предметомъ копхъ была
дочь его. Онъ забопился только объ ея ща-
спіи, и опеческое сердце его не могло безъ
содроганія видѣть молодыхъ поклонниковъ
Элеоноры, рано научившихся прикрывать бла-
говидною личиною свои пороки, скрывать
свои недоспапки, и украдкою смѣяться надъ
самыми благородными чувспвованіями, пока-
зывая по наружности самыя спрогія правила.

Погрузившись однажды въ эпи размышле-
нія, графъ *Ольдагнеръ* призвалъ своего упра-
вителя *Мигуэлъ де ла Сабреру*. *Мигуэлъ* былъ
сынъ одного Мадридскаго цирюльника, но
какъ всѣ Каспильцы, выдавалъ себя за дворя-
нина, и никогда не упускалъ прибавлять

пишуль дона къ имени своего опца. Кромѣ эпой слабости, *Мигуэль* былъ умный и честный спарикъ, преданный пользамъ своего господина, и эти качества, столь рѣдкія, даже въ Испаніи, были причиною, что его почитали болѣе другомъ, нежели слугою графскаго дома. «*Мигуэль*, сказалъ ему графъ: нынче больше, нежели когда нибудь, озабочиваетъ меня положеніе моей *Элеоноры*. Ей предсавляются при паршіи, и паршіи очень приличныя. Но не смотря на то, что всѣ женихи ея извѣстны съ самой хорошей спороны, я очень затрудняюсь выбрать изъ нихъ достойнѣйшаго. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей племянникъ герцога *Медини*, донъ *Альваръ де Кацересъ*; другой сынъ перваго министра, маркиза *Санта-Круца*; прелстй кавалеръ ордена Алькантары, донъ *Мануель дель Ортилиузъ*; опецъ его сдѣланъ адмираломъ, и надѣялся получить мѣсто Магонскаго губернатора. Прошу тебя дажь мнѣ совѣтъ; ты знаешь, что всѣ мои желанія и надежды клонятся къ щастію моей милой дочери. Подумай, пощи средства доставить мнѣ возможность судить о прехѣ женихахъ ея. Соединить эпого ангела съ человекомъ, недостойнымъ ея добродѣтелей, значило бы нанести мнѣ смертельный ударъ.

Мигуэль подумалъ съ минупу и отвѣчалъ: Я знаю, графъ, одно только средство короче узнать свойства дона *Альвара*, маркиза *Санта-Круца* и кавалера *д'Алькантары*. Средство это, можетъ быть, покажется вамъ необыкновеннымъ, спраннымъ, смѣшнымъ, но я почитаю его прекраснымъ. Вы знаете, что обезьяны съ удивительнымъ умомъ и вѣрностію подражаютъ всему, что дѣлается въ ихъ глазахъ, а у васъ самихъ есть обезьяна, которая хитрѣе инаго Саламанскаго докпора. Требуйте, чтобы каждый женихъ позволилъ ей прожить у себя десять дней. Вѣрно никто изъ этихъ молодыхъ людей не угадаетъ вашего намѣренія и цѣли, съ какою вы это сдѣлаете. Для васъ же это средство послужитъ зеркаломъ *Архимеда*; оно покажетъ вамъ въ испинномъ видѣ пѣхъ, копорыхъ вы желаете узнать, и сорветъ съ нихъ личину, которую они носятъ въ свѣтѣ и которую бросаютъ подъ ноги, ко-

гда возвращаются въ непринужденный, домашній кругъ. —

Графъ *Ольдагнеръ* не могъ безъ смѣха выслушать эпого поваго средства узнавать людей. Онъ поручилъ *Мигуэлю* приготовить все нужное для успѣха въ его предпріятіи, и отправился къ *Элеонорѣ*, съ лицомъ, менѣе пасмурнымъ и заботливымъ, нежели обыкновенно.

Между пѣмъ *Мигуэль*, не перья времени, спалъ заботился о томъ, чтобы приготовить *Гаспардо* (такъ звали обезьяну) къ опѣзду въ домъ племянника герцога *Медини*, съ котораго должно было начаться испытаніе. Онъ велѣлъ одѣть обезьяну въ богатое платье изъ краснаго бархата, и предувѣдомивъ дону *Альвара* о посѣщеніи новаго знакомца его, опвезъ *Гаспардо* въ спаринный замокъ герцоговъ *Медини*.

При всей увѣренности въ умъ и проницательности своего управителя, графъ *Ольдагнеръ* не надѣялся, чтобы поѣздка его обезьяны принесла ему какую нибудь пользу. «Знаю, говорилъ онъ *Мигуэлю*: что *Гаспардо* очень смышленъ и поняпливъ, но кто поручится, что донъ *Альваръ* будетъ такъ списходипелетнъ, чтобы цѣлый день оставлять при себѣ пакого гостя?»—Ваша свѣпелость, по видимому худо знаете людей щеславныхъ и влюбленныхъ, — возражалъ *Мигуэль*.—Если бы вы послали къ герцогу *Мединѣ* послѣдняго мула изъ вашей конюшни, онъ и тому опвелъ бы мѣсто въ своей гостиниой. Желанія наши, къ чему бы они ни клонились, успрапляютъ всѣ препяпствія, и для того, чтобы вбить гвоздь въ колесо фортуны, самый сильный вельможа не постыдился бы влѣзть на плеча простаго носильщика.—

Мигуэль не обманулся въ своихъ предположеніяхъ; обезьяна дѣйствительно ни на минупу не покидала племянника *Медини*. По испеченіи десяти дней, управитель графа *Ольдагнера* отправился за *Гаспардо*, копорый очень неохотно распался съ своимъ привѣпливымъ хозяиномъ. Донъ *Альваръ*, чтобы лучше сыграць принятую роль, заплакалъ, прощальсь съ любимцемъ спараго графа. *Мигуэль* воз-

врался въ замокъ въ по самое время, когда госпи вспавали изъ-за роскошнаго обѣда. Лишь полько обезьяна, выпущенная на свободу, увидѣла пусыя блюда, опорожненныя и недопшныя бушылки, какъ попчасъ съла за споль и окруживъ себя оспапками обѣда, какіе могла собрать, не вспала съ мѣспа до пѣхъ поръ, пока усалоссть, пресыщеніе и дѣйствіе винныхъ паровъ не заспавили еѣ бросишься на канаве.

Опець *Элеоноры*, предупрежденный *Мигуэлемъ*, самъ былъ свидѣтелемъ излишесствъ, какимъ предавался *Гаспардо*. — Вы видиште, сказалъ управишель своему господицу: что дочь ваша не можешь бышь женою шакого мопса, какъ донъ *Альваръ*; человекъ, копорый проводишь за споломъ ночи, среди бушылковъ Кипрскаго, Шампанскаго и Порпо, не спойшь любви ея. Не думайште болѣе о донъ *Альваръ*. Завпра очередь маркиза *Санта-Круца*. Увидимъ, щаспливѣ ли мы будемъ на эпошь разъ.—

На другой день обезьяну опвезли къ сыну перваго миниспра, гдѣ еѣ вспрѣпили со всѣми признаками живѣйшаго удовольствія, Прошло десяпъ дней, и *Гаспардо* возвратился въ графскій замокъ. Первымъ его дѣломъ было бросишься въ пѣ комнапы, гдѣ спояли споды, приготоовленные для карпчной игры. Увидѣвъ карпы, *Гаспардо* усѣлся въ кресла за однимъ сподомъ, и съ удивишельнымъ проворспвомъ спалъ пасовапъ ихъ, снимапъ и перекидыватъ. Глаза его сверкали, и онъ беспреспанно подражалъ движенію человека, копорый ищепъ у себя въ карманахъ, чѣмъ бы замѣнишь проигранное. — Ваша свѣплоссть, сказалъ *Мигуэль* графу *Ольдагнеру*: молодой маркизь де *Санта-Круцъ* такъ же не можешь бышь вашимъ зяпемъ: онъ опчальный игрокъ. Теперь займемся кавалеромъ *Альканшары*,

Въ слѣдующій день *Гаспардо* опправился къ дону *Мануелю* десъ *Ортильцъ*. Онъ прожилъ у него десяпъ дней. Возвратившись опъ молодаго кавалера, онъ спалъ бросапъся къ ногамъ всѣхъ женщинъ, копорыя ему вспрѣчались, брапъ ихъ за руки, и въроптно, по примѣру своего образа, ужимками,

плачемъ и крикомъ изъявляпъ имъ спраспъ, копорой вовсе не чувспвоваль. — О! сказалъ *Мигуэль* графу *Ольдагнеру*: эпопъ подаепъ еще менѣе надежды, нежели два первые. Теперь ваша свѣплоссть видиште, что дочь ваша избѣжала съпей мопса, игрока и повѣсы. Вы свободны опъ всѣхъ предразсудковъ; вы болѣе всего заботишесь о щаспиі прекрасной *Элеоноры*, и всему предпочипаепте благородспво чувспвованій; и такъ, поищиште въ области искусствъ и словесноспи зяптя, доспойнаго васъ и вашей дочери. Подвяжиште золотыя крылья какому нибудъ безвѣспному паланшу, копорому недоспаептъ полько довольспва, чпобы сдѣлапъся гениемъ. Вопъ напимѣрь, я не разъ видѣлъ, чпмо молодой художникъ, копорый такъ вѣрно изобразиль всю прелеспъ молодой графини, вздыхаептъ и блѣднѣептъ, оспавляя мѣспа, въ копорыхъ *Элеонора*. Молодой человекъ эпопъ сынъ одного храбраго моряка и называется *Фернандомъ Барталелоомъ*; опець его опмичился въ званіи корабельнаго капитана въ послѣдную войну съ Португальцами; самъ онъ одаренъ большимъ паланпомъ и прекраснымъ, благороднымъ характеромъ. Въ немъ одинъ полько недоспапковъ: бѣдноспъ; но опъ васъ зависипъ сдѣлапъ его богатымъ и наградишь его рукою вашей дочери, копорая къ нему неравнодушна. Впрочемъ, не смотря на хорошую извѣспноссть, копорою онъ пользуется, можно такъ же опослапъ къ нему *Гаспардо*: эпо нашъ пробный камень.

Совѣпъ *Мигуэль* такъ поправилься графу, чпмо онъ съ охопою ему послѣдовалъ. *Гаспардо* былъ опосланъ, и возвратился чрезъ десяпъ дней. Но какъ удивила всѣхъ перемяна, копорою замѣпили въ немъ послѣ его возвращения. Онъ оспавиль всѣ свои дурныя привычки и непрерывно подражалъ дѣйспвіямъ человека рисующаго и размышляющаго; если же на минупу и покидалъ занятія, то для пного полько, чпобы осыпашъ поцѣлуями порптретъ, копорый, какъ узнали въ послѣдспвіи, изображалъ *Элеонору*.

Графъ *Ольдагнеръ*, сполько же обрадованный, сколько изумленный новымъ своимъ опкры-

пiемъ, не медля соединилъ дочь свою съ молодымъ художникомъ. *Мигуэль* получилъ щедрое награжденiе, а *Гаспардо* дожилъ до старости въ домъ, котораго щастiе онъ упрочилъ, самъ того не зная. Щастливья супружества встрѣчались бы гораздо чаще, если бы обезьяны этого рода были не такъ рѣдки.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

М Е Ч Т А.

I.

Я люблю ночной порою
Вдоль по дремлющей рѣкѣ,
Полный тайною мечтою,
Плыву на легкомъ челнокѣ.
Въпра тихое дыханье
И весла чуть вяпный шумъ,
И звѣзды небесъ мерцанье,
Все пипаешь сладость думъ.
Легкій чолнъ мой обвивая,
Плещешь влага голубая;
Вейся, вейся вкругъ челна,
Вейся, тихая волна!
Я люблю твой шумъ унылой,
Какъ призванье дѣвы милой,
Какъ души родной привѣтъ,
Какъ мечту пропекшихъ лѣтъ.

II.

Влага въ зыбкихъ переливахъ
Бьетъ о берегъ и журчитъ;
Всходишь мѣсяць—и на ивахъ
Листъ дрожащій серебришь.
Какъ торжественна природа
Въ часъ таинственный, ночной!
Эта дальность небосвода,
Эти ивы надъ рѣкой,
Этотъ мѣсяць—лампа ночи,
Эти звѣзды—неба очи,
И дыханье въперка,
И спокойная рѣка,
И шуманы надъ долиной,
И надъ эпою каршиной

Блѣдный пеба *колоритъ*,
Все такъ сердцу говоритъ!

III.

Любитъ серна молодая
Горь высокихъ крушизну,
Любитъ рыбка золотая
Водъ кристальныхъ глубину,
Соловей въ тѣни прохладной
Любитъ пѣсни звонко лишь,
Любитъ ландышь ароматной
Росу упренную пить;
Такъ и я, о помъ, что было
Сердцу радостно и мило,
Въ пишинѣ люблю мечпашь.
Я люблю воспоминашь,
Сердца памятью богатый,
И надежды и утрапы,
И безпечность юныхъ дней,
И мечты любви моей.

IV.

Неизмѣнной чередою
Вслѣдъ за часомъ часъ идешь,
Но бесплмень надъ душою
Быстрый времени полетъ,
И завѣнное мечпанье
Въ глубинѣ души лежишь,
И любви воспоминанье
Память сердца сохранишь.
Дней минувшихъ свѣтлый геній,
Геній чистыхъ наслажденій,
Опъ меня не оплемай!
Мнѣ въ мечпаньяхъ представляй
Образъ юный дѣвы милой,
И въ душѣ моей унылой
Воскреси, возобнови
Сновидѣнiя любви.

Платонъ Волковъ.

C H A R A D E.

Mon premier t'achemine et lentement et vite
Où t'appelle une affaire, où t'invite un plaisir:
L'âge, une infirmité, viendront le ralentir,
Et te forcer, lecteur, à rester en ton gîte.

Mon second assez rare, a le double mérite,
 De toujours bien penser, de toujours bien agir;
 Jamais avec ses jours ne s'éteint sa mémoire:
 Dans les annales de l'histoire
 Il renaît pour ne plus mourir.
 De l'active industrie étalant la richesse,
 Mon fastueux entier, où le public se presse
 Et souvent ne peut faire un pas,
 Fut jadis, pour sauver la Grèce,
 Teint du sang de Léonidas.

Въ No 1-мъ, помѣщенная шарада значить: *Лиллон-адъ*.

MODES.

En terminant, nous devons à nos lectrices un mot des charmantes capotes anglaises; capotes de velours avec des rubans de satin ou de taffetas, souvent garnies d'un demi-voile, et quelquefois d'un petit bonnet de blonde, plat sur le front, avec des *berthes* en rubans sur les joues.

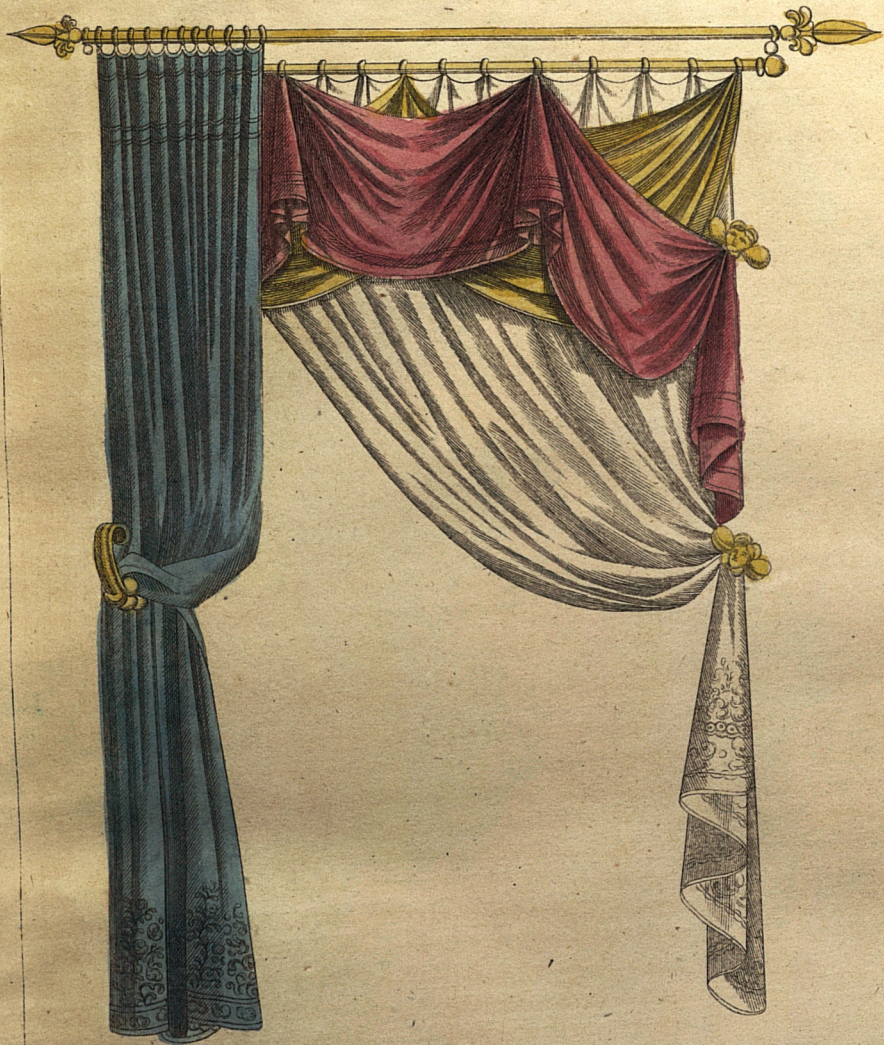
Une merveilleuse invention vient mettre à la portée des petites fortunes des ornemens de luxe que jusqu'ici ont seuls adoptés les gens très-riches, dans leurs hôtels riches de mille fantaisies réunies. Les *cartons-pierre* de M. *Romagnesi*, rue de Paradis-Poissonnière, sont une savante et parfaite reproduction des beaux modèles en bronze ou en marbre que nous tenons de l'antique ou des statuaires modernes. La matière, d'une solidité à toute épreuve, offre une illusion telle, que, confondus dans l'atelier de M. *Romagnesi*, il est absolument impossible de reconnaître, entre deux vases de même modèle, quel est le bronze ou le *carton pierre*; entre deux statues, quel est le plâtre ou l'imitation. Mêlant à cette œuvre d'industrie tout le talent d'un sculpteur, M. *Romagnesi* compose des sujets pour dessus de consoles ou de cheminées, jolies petites figures gracieuses et animaux pittoresques; il monte des *serre-papiers* et des cofrets *moyen-âge* charmans pour figurer avec pompe sur un bureau de cabinet et dans le boudoir d'une femme. Enfin les moulures d'appartement, faciles à placer partout, sont aussi fines, aussi solides que les moulures de plâtre ou de pierre, et comme tout les

objets sont d'un prix surprenant, pour en donner une idée, toute imparfaite qu'elle soit, nous citerons une figure de bronze sur un socle de granit, des coupes de porphyre ou de lapis lazuli, que l'on estimerait (en matière rare ou en marbre) de 100 francs à 50 louis, et que l'imitation peut procurer pour la faible somme de 15 à 30 francs.

МОДЫ.

Окапчивая, скажемъ о прелестныхъ Англійскихъ капотахъ: бархатные капоты, съ ашласными или пашьяными лентами, часно съ полу-вуалемъ, а иногда небольшимъ блондовымъ чепчикомъ, гладкимъ на лбу, съ бертами изъ лентъ на щекахъ.

Чудесное изобрѣшеніе даетъ способъ имѣть съ небольшимъ состояніемъ роскошный украшенія, который досель находились только у богатыхъ людей въ ихъ домахъ, изобилующихъ собраніемъ разныхъ прихотей. *Cartons-pierre*, г-на *Romagnesi*, искусное и совершенное подражаніе прекраснымъ бронзовымъ или мраморнымъ образцамъ, которые мы имѣемъ отъ древнихъ или новѣйшихъ ваятелей. Сославъ, чрезвычайно прочный, представляемъ такую обманчивость, что въ рабочей г-на *Romagnesi* совершенно невозможно узнать, изъ двухъ одинакихъ вазъ, которая бронзовая и которая изъ *carton-pierre*; между двумя спашуями, которая алебастровая и которая подражаніе. Присоединяя къ этому искусству весь талантъ ваятеля, г-нъ *Romagnesi* составляетъ украшенія на верхъ *конзолей* и для каминовъ, красивыя, маленькія, ловкія фигурки и живописныхъ; онъ обдѣлываетъ *serre-papier* и прелестные сундучки среднихъ вѣковъ; они съ пышностью стоятъ въ кабинетѣ на бюро или въ дамскомъ будуарѣ. Наконецъ лепныя работы для комнатъ, которые удобно помѣстить куда угодно; онъ также шокль, также прочны, какъ алебастровыя или каменные, и какъ всѣ вещи, необыкновенной цѣны. Чѣмъ дасть объ этомъ понятіе, хотя весьма несовершенное, мы скажемъ объ одной бронзовой фигурѣ на гранишномъ цоколѣ; о чашахъ порфировыхъ или изъ *lapis lazuli*, которые бы цѣнили (изъ рѣдкой матеріи или мрамора) отъ сѣ франковъ до 50 лундоровъ, а въ подражаніи можно имѣть за малую сумму отъ 15 до 30 франковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 3.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
оплаткою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 9 дня, 1855 года.

Однажды Скрягинъ видѣлъ сонъ,
Что будто пиршество давалъ большое онъ.
Онъ этого онъ сна столь сильно испугался,
Что могъ на силу вспасть,
И страшной клятвой обязался
Впередъ совсѣмъ не спать.

П. Сужарковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ПРИЧУДЛИВАЯ ЛЮБОВЬ или ЖЕНСКАЯ СТРАННОСТЬ.

Въ наше время, горе тому, кто не можетъ похвалиться, что онъ пощъ и сухъ, какъ былинка; ему заранѣе должно опказаться онъ всякой удачи въ женщинахъ. Дамы наши видятъ въ каждомъ муцинѣ съ блѣднымъ и болѣзненнымъ лицомъ неисчерпаемый источникъ сильныхъ ощущеній; часто муцина эпошъ бываетъ существо пустое, ничтожное; но эпо не измѣняетъ дѣла, и если только онъ молчитъ, то для женщины довольно эпого, чтобы осуществиться всѣ мечты ея воображенія. Видъ его приводитъ ей на мысль мрачныхъ романтическихъ героевъ; каждая видитъ въ немъ, по произволу своей фантазіи, *Лару, Манфреда, Антони*, и устремляетъ на него всю силу любви, которую она питаетъ къ этимъ обольстительнымъ созданіямъ. Тому, кто одаренъ черными гла-

зами и чарующимъ взоромъ, мертвеннымъ цвѣтомъ лица и насмѣшливою улыбкою, не сподобитъ перьятъ и одного слова, чтобы плѣнить женщину Саманинской школы. Она видитъ его—и спроситъ воспламеняетъ весь составъ ея; онъ улыбается, и она презираетъ общество съ его нелѣпыми законами; онъ смотритъ на неѣ, и она кидается въ его объятія.

Какъ я сказалъ уже, эпо неумѣренная склонность прекраснаго пола къ сухотѣ угрожаетъ самымъ невыгоднымъ вліяніемъ судьбѣ настоящаго поколѣнія. Знаю, что нравиться женщинамъ всегда сподило многого. Предки наши не имѣли другаго средства смягчить сердца своихъ красавицъ, какъ опправиться въ Палестину и воропиться опшуда съ переломанными руками и ногами. Въ то время, женщины награждали своею любовью только тѣхъ, у которыхъ недоставало какого нибудь члена; въ послѣдствіи, муцины обязаны были разоряться для нихъ; нынче они должны худѣть и сохнуть; но

эпопъ послѣдній родъ самоопроверженія въ пользу прекраснаго пола тѣмъ опаснѣе, что онъ возможенъ для всякаго и вредитъ даже будущему поколѣнью. Припомъ, онъ можетъ имѣть послѣдствія, столь же трагическія, какъ и рыцарское самопожертвованіе нашихъ доблестныхъ предковъ. Приведу этому одинъ очень печальный примѣръ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, котораго я всегда зналъ какъ человека съ самымъ веселымъ характеромъ, очень пріятнаго въ обществѣ и постоянно готоваго забавляться чѣмъ бы то ни было, пришелъ ко мнѣ однажды угрюмый, скучный, разспроенный. Удивясь такой перемѣнѣ, я спалъ добиваясь отъ него ея причины. Послѣ долгихъ опговорокъ, онъ признался мнѣ наконецъ, что ему до безумія нравился графиня *В.*, но что всѣ его исканія, всѣ доказательства самой сильной страсти, нисколько не могли пронуть ея сердца. Между тѣмъ, онъ былъ увѣренъ, что никогда не повредилъ себѣ въ ея мнѣніи какою нибудь неловкостію, на примѣръ, онъ никогда не хвалилъ при ней ея пріятельницъ и не бранилъ новой пьесы, не узнавъ напередъ ея мнѣнія. Мы спали доискиваясь, чтобы могло такъ возстановить противъ него женщину, которая не славилась своею недоступностію, какъ вдругъ мнѣ пришла одна мысль. Я спалъ противъ моего пріятеля и посмотрѣлъ на него пріспально. Онъ былъ очень недурень собою, но ахъ! у него было полное, румяное лицо, и, что еще ужаснѣе! довольно круглое брюхо.—«Какъ, несчастный!» сказалъ я ему: «ты стараешься заслужить взаимность графини *В.* и осмѣливаешься показываться ей на глаза съ такимъ свѣжимъ, полнымъ лицомъ и съ такимъ тучнымъ спаномъ! Развѣ ты не знаешь, съ какимъ ужасомъ смотришь она на все, что только немного похоже на полщину?... По этому очень не мудро, что она тебя не терпитъ! Если ты хочешь ей поправиться, то непременно долженъ поху-дѣть.»—«Ахъ, Боже мой! да какъ же это сдѣлать?»—«Надобно меньше ѣсть.»—Признаюсь себѣ, любезный другъ, можетъ быть къ стыду моему, что какъ скоро я сажусь за столъ: то пылъ моей страсти нисколько не

уменьшаетъ моего аппетита, а ты знаешь, что я не могу на него пожаловаться. — «Если такъ, то тебѣ оспается одно средство: принимай лекарство *Леруа*; оно производитъ вѣрное дѣйствіе, и ты непременно похудѣешь; тогда лвишь къ графинѣ *В.* и не говори ей ни слова, а только вздыхай; когда она увидитъ тебя сухаго, блѣднаго, даже желтаго, если можешь: то не въ состояніи будетъ тебѣ проптивиться; а потомъ въ своей волѣ будетъ объдашь хопя два раза въ день.»

Несчастный другъ мой имѣлъ неблагоразуміе послѣдовать моимъ совѣтамъ; и чрезъ двѣ недѣли нельзя было узнать его. Тогда онъ рѣшился представиться графинѣ. Онъ еще не довольно высохъ въ то время, чтобы внушить ей къ себѣ любовь, но ласковый пріемъ, который она ему сдѣлала, ободрилъ его, и онъ опять принялся за адское лекарство, которое я ему присовѣпывалъ. Чѣмъ больше онъ пилъ его, тѣмъ больше разспроивалось его здоровье, а чѣмъ больше разспроивалось его здоровье, тѣмъ сильнѣе привязывалась къ нему графиня. Скоро онъ впалъ въ чахотку. Графиня *В.* призналась, что любитъ его; скоро она поклялась обождать его до гроба, и наконецъ была уже готова на всѣ возможные пожертвованія; какъ по несчастію онъ умеръ въ ея объптіяхъ... Опчаяніе графини было невыразимо; но она упѣшалась тѣмъ, что съ эпихъ поръ ей уже не было нужды прибѣгать къ вымысламъ романтизма, чтобы имѣть предметъ вздоховъ и фантасмическихъ мечпаній. Она сама изсушила полстаго, здороваго мушкетера.

И такъ сохните, худѣйте, если хопите успѣть въ липературѣ, въ полипикѣ, искусствяхъ, а особливо въ любви. Безъ шутокъ, мы живемъ въ пощемъ вѣкѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРИЗЕЛЬ КОХРАНЪ.

Когда подданные послѣдняго короля Шотландскаго *Иакова* подняли противъ него знамя мятежа, то однимъ изъ самыхъ ревност-

ныхъ участпиковъ въ ономъ былъ сирь *Джонъ Кохранъ*, предокъ графа *Дундоналда*, живущаго еще понынь. Суровость рока, преслѣдовавшая въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій домъ *Калпбеля* и вовлекшая въ погубель съ нимъ всѣхъ тѣхъ, которые были ему преданы, не пощадила и сира *Кохрана*. Окруженный королевскими войсками, онъ оказалъ продолжительное, упорное и отчаянное сопротивленіе, но долженъ былъ однако-же уступить многочисленности, взявъ былъ въ плѣнъ, преданъ суду и осужденъ на смертпную казнь. Ему оставалось жить еще нѣсколько дней, и пюремщикъ ожидалъ только письменнаго повелѣнія, чпобы вестп его на эшафотъ. Семейство и друзья сира *Джона* посѣпили его въ пюррьмъ, и въ послѣдніе съ нимъ проспились. Но одна близкая ему особа не пришла вмѣстѣ съ другими членами семьи его принять его благословеніе, а между тѣмъ, она была надеждою его дома, и служила самому сирю *Джону* почти единспвеннымъ утѣшеніемъ; словомъ, это была *Гризель*, любимая дочь его.

Вечерній сумракъ начиналъ уже облекать своею тѣнью желѣзные запворы темницы сира *Джона*, и несчастный узникъ, прислонясь головою къ холодной стѣнѣ, съ горестію думалъ о томъ, чпо судьба отказала ему даже въ послѣдней опрадѣ напечатлѣвъ прощальный поцѣлуй на чель своей милой дочери, какъ вдругъ желѣзная дверь со скрипомъ повернулась на ржавыхъ петляхъ, и въ комнапу вошелъ пюремщикъ, ведя за собою молодую и прекрасную дѣвушку. Спанъ ея былъ высокъ и спроенъ, поступи величественна; черные глаза ея блиспали и не были омочены слезами, но въ самомъ этомъ блескѣ мелькала горесть... горесть слишкомъ сильная, чпобы допустить еѣ лишь слезы.—Локоны черныхъ волосъ ея раздѣлялись у ней на лбу, бѣломъ и чпспомъ, какъ мраморъ, и ниспадали по плечамъ. Когда она вошла, сирь *Джонъ* поднялъ голову, и увидѣвъ еѣ, вскричалъ: дочь моя *Гризель!*

«Бапюшка! любезный бапюшка!» и она бросилась въ его объятія.

— Свиданіе ваше будетъ непродолжительное,—сказалъ, уходя, пюремщикъ.

— Да защипишь и утѣшишь тебя Небо, дитя мое,—сказалъ сирь *Джонъ*, прижимая еѣ къ груди своей.—Я боялся умереть, не благословивъ моей любимой дочери; и это опасеніе было для меня ужаснѣе самой смертп... но ты явилась и послѣднее благословеніе несчастнаго отца пвоего...—

«Нѣтъ, нѣтъ, остановипесь, бапюшка,» вскричала она: «это благословеніе не будетъ послѣднимъ! это невозможно...»

— Успокойся, дочь моя... О! если бы я могъ предложить тебѣ какое нибудь утѣшеніе... но я потерялъ всякую надежду: пройдетъ еще при дня, и ты и прочіе дѣти мои будете...—сиропами, хотѣлъ онъ сказать, но это слово замерло на губахъ его...

«Три дня!» повпорила она, съ живостію сжавъ руку отца своего. «Три дня!... И такъ естѣ еще нѣкоторая надежда... и отецъ мой будетъ живъ. Мой дѣдушка другъ королевскаго духовника; онъ испроситъ пощаду своему сыну... и отецъ мой не умретъ!...»

— Нѣтъ, милая *Гризель*, не спарайся себя обманывать... Намъ нельзя болѣе имѣть никакой надежды... приговоръ мой уже подписанъ королемъ и вѣспникъ смертп везетъ сюда повелѣніе казнить меня...—

«Пусть такъ, но отецъ мой не умретъ!.. вы не умрете, бапюшка,» повпорила спокойно молодая дѣвушка... «Теперь мы разспанемся, но для того, чпобы скорѣе опять свидѣться.»

— Чпо ты хочешь сказать, дитя мое?—спросилъ сирь *Джонъ*, съ безпокойствомъ смотря на дочь свою.

«Не спрашивайте меня объ этомъ, бапюшка,» возразила она: «не спрашивайте меня теперь, а молитесь и благословите меня, но только не въ послѣдній разъ.»

Онъ опять со слезами прижалъ еѣ къ сердцу. Черезъ минупу вошелъ пюремщикъ, и отецъ и дочь разспались.

Въ день, послѣдовавшій за симъ свиданіемъ, какой-то путешеспвенникъ перешелъ чрезъ Бервикскій подъемный мостъ и пройдя *Маригапскую* улицу, сѣлъ на скамь у воротъ гостинницы, но не осмѣлился войти въ неѣ: она была выше его соспоянія, ибо за нѣ-

сколько лѣтъ предъ тѣмъ служила главною кварширою *Оливеру Кроивелю*, и даже въ самое по время была мѣстопребываніемъ *Иакова VI*, короля Шотландскаго. Путешественникъ эпошъ былъ одѣтъ въ шерстяное полукафтанье, сплнутое кожаными полсомъ, и въ короткій плащъ изъ простой шкани, накинутый сверху. По видимому, онъ былъ еще молодъ, но шляпа, надвинутая на глаза, совершенно скрывала черты его. Въ одной рукѣ онъ несъ небольшой узелокъ, а въ другой спранныческій посохъ. Спросивъ спаканъ вина, и отдохнувъ немного, онъ снова опправился въ путь. Между тѣмъ съ наступленіемъ ночи поднялась сильная буря. Густыя черныя тучи бѣжали со спороны моря; въперъ съ яростію ревѣлъ по улицамъ; крупный дождь лилъ какъ изъ ведра, и рѣка Твидъ съ шумомъ капила свои бунтующія волны.

— Сохрани тебя Небо въ такую спрашную ночь! — сказала часовой, споявшій у Англійскихъ ворошъ, когда путешественникъ переходилъ подъемный мостъ.

Спусти нѣсколько минутъ, онъ былъ уже на обширномъ, пустынномъ и спрашномъ Твидмупскомъ болотѣ, изрѣдка поросшемъ густымъ кустарникомъ. Не смотря на ярость бури, беспреспанно усиливавшейся, путешественникъ вошелъ на пригорокъ; между тѣмъ дождь лилъ ручьями, и въперъ ревѣлъ, какъ спая голодныхъ волковъ. Незнакомецъ продолжалъ иппи до тѣхъ поръ, пока опошелъ за двѣ или за три мили отъ Бервика; путь, какъ бы не въ силахъ будучи выдерживать долѣе бурю, онъ укрылся подъ густымъ кустарникомъ, росшимъ по споронамъ дороги. Ночь спановилась темнѣе и темнѣе, ураганъ яростнѣе и ужаснѣе, и путешественникъ уже около часа оставался подъ ненадежнымъ своимъ кровомъ, когда на дорогѣ послышался топотъ скачущей лошади. Человѣкъ, который на ней ѣхалъ, держалъ голову въ наклоненномъ положеніи противъ вѣтра; но вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ за узду его лошадь. Всадникъ поднялъ голову, и незнакомецъ, приспавя писполетъ къ груди его, вскричалъ:

«Слѣзай, или я застрѣлю тебя!»

Всадникъ, дрожа отъ холода и спраха, дѣлаетъ движеніе, чтобы взяться за оружіе, но въ ту же минуту, рука разбойника, бросивъ поводъ лошади, схватываетъ его за грудь и сбрасываетъ на землю. Упавъ ницъ, онъ остается нѣсколько минутъ безъ движенія, а между тѣмъ разбойникъ, овладѣвъ кожаными чемоданомъ, въ копоромъ заключались депеши, опправленные на сѣверъ Англии, и положивъ его на плечо, скрывается между кустарниками.

На другой день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, жители Бервика сбѣжались на мѣсто, гдѣ произошелъ грабежъ; они обходили всѣ окрестности, но не могли открыть ни малѣйшаго слѣда сдѣланнаго похищенія.

Сиръ *Джонъ Кохранъ* былъ еще живъ; депеши, въ которыхъ заключался смерпный приговоръ его, были украдены, а прежде, нежели бы успѣли послать новое повелѣніе о его казни, ходатайство опца его графа *Дундоналда* предъ королевскимъ исповѣдникомъ, могло повести къ опмѣнѣ приговора. *Гризель* не оставляла болѣе его темницы и старалась улаждать его горестнѣе нѣжными утѣшеніями. Прошло около двухъ недѣль со времени похищенія депешъ, и надежда начала было оживать въ сердцѣ узника, когда узнали, что всякое ходатайство было напрасно, и что король снова подписалъ смерпный приговоръ. Черезъ день роковое повелѣніе должны были получить въ темницѣ.

— Да исполнится воля Божія! — сказалъ сиръ *Джонъ*. «Аминь!» опвѣчала *Гризель* съ горячностію: «но отецъ мой не умретъ!»

Всадникъ, везшій депеши и смерпный приговоръ сира *Джона Кохрана*, въехалъ въ Твидмупское болото; онъ раздиралъ шпорами бока своего коня, внимательнѣе осматриваясь, и не выпуская изъ руки заряженнаго писполета. Луна проливала на равнину блѣдный свѣтъ, придавая фантаспическій видъ каждому кусту и дереву. Всадникъ ѣхалъ такимъ образомъ, какъ вдругъ надъ головой его раздался писполетный выстрѣлъ, и лошадь его поднялась на дыбы; въ поже время отъ выстрѣла изъ своего писполета и испуганная лошадь бросилась въ спорону съ пачкою силою, что всадникъ ея упалъ на землю.

Разбойникъ спалъ ему ногою на грудь, и занесъ падъ нимъ кинжалъ, сказалъ: «Опдай мнѣ свое оружіе, или я убью тебя!»

Топъ повиновался. «Теперь вспань и спуй съ Богомъ. Я оставлю у себя твою лошадь и чемоданъ твой.» Ограбленный всадникъ вспалъ и со спрахомъ пошелъ по дорогѣ въ Бервикъ; между тѣмъ разбойникъ вскочилъ на его лошадь и пустилъ её во всю прыть по равнинѣ.

Все уже было приготовлено къ казни сира *Джона Кохрана*, и исполнители правосудія ожидали только прибытія курьера съ приговоромъ, чптобы вести его на эшафотъ, когда разнесся слухъ, что депеши снова похищены. Это обстоятельство вновь по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли продолжало жизнь сира *Джона*. Онъ упалъ въ объятія своей дочери, и сказалъ ей со слезами:

— Тупъ явно дѣйствуетъ рука Божія.—

«Не говорила ли я вамъ,» возразила молодая дѣвушка: «что вы не умрете, бацюшка?»

Двѣ недѣли еще не истекли, какъ двери тюрьмы сира *Джона* отворились, и графъ *Дундональдъ* бросился въ объятія своего сына. Онъ возобновилъ свое ходатайство у исповѣдника, и король, склонившись наконецъ на убѣжденія, простилъ несчастнаго опца.

Узникъ возвратился уже къ своему семейству, но *Гризель*, почти не покидавшая опца во время его заточенія, была еще въ опсупствіи. Всѣ окружающіе сира *Джона* воздавали хвалу таинственному Провидѣнію, которое дважды останавливало посланцевъ съ депешами, когда слуги доложили о приходѣ какого-то незнакомца. Сиръ *Джонъ* велѣлъ впустить его, и въ комнату вошелъ знакомый чипапелямъ разбойникъ. Онъ былъ въ одеждѣ, нами описанной, въ полспомѣ плащѣ и шерстяномъ полукафтанѣ, но не смолря на эпопѣ проспой нарядъ, видно было, что онъ принадлежалъ къ высшему званию. Войдя въ комнату, онъ приложилъ къ шляпѣ руку, но не обнажилъ головы своей.

«Прочтите эти бумаги,» сказалъ онъ: «и попомъ бросьте ихъ въ огонь.»

Сиръ *Джонъ* взглянулъ, поблѣднѣлъ и задрожалъ: это были два смертные его приговора.

— Спаситель мой!— вскричалъ онъ: какъ вознаградишь тебя, тебя, которому я обязанъ жизнію. Батюшка, дѣти мои . . . благодарите его за меня.—

Спарый графъ *Дундональдъ* схватилъ незнакомца за руку . . . дѣти обняли его колѣна . . . онъ самъ закрылъ рукою глаза и залился слезами.

— Твое имя! ради Бога, скажи намъ свое имя! кто ты таковъ?—

Незнакомецъ скинулъ шляпу, и длинные локоны *Гризели Кохранъ* рассыпались по плечамъ ея.

— Великій Боже! вскричалъ щасливый опецъ . . . эпо дочь моя, моя *Гризель!* я могу назвать её своимъ избавителемъ!—

Остановимся здѣсь, чптобы не ослабить эпой прогательной сцены. Добавимъ только, что *Гризель Кохранъ* была бабкою сира *Джона Стурта* и супругою г. *Кутса*, знаменитаго банкира.

СТИХОТВОРЕНІА.

ДУШЕВНАЯ СТРАНА.

Не омрачай, зловѣщій духъ,
Меня въ тиши уединенной,
Да не превожится мой слухъ
Молвою шумной, дерзновенной.

Я убѣжалъ подъ тѣнь дубовъ —
Разочарованный опѣ свѣта:
Подслушивалъ глаголь боговъ
Въ воспоргѣ испинномъ поэта.

При сумракѣ, въ лѣсной глуши
Брожу почасу одинокой;
Тогда внупри моей души
Живу я мыслію глубокой.

Свѣшла душевная страна,
Когда покой въ ней величавый—
Гробница надъ спрастными видна
И солнцемъ лучъ небесной славы.

Природы скрылъ въ ней идеалъ
Неослазательный, духовный,
И вѣчной радости фяль,
И вѣчный жершвенникъ любовный.

гупъ быль въ одну минуту готовы. На маленькихъ же судахъ поворачиваютъ каронады вдоль борта, чпобъ имѣть болѣе мѣста на палубѣ для дѣйствія снастями, и потому орудія сіи непременно должны быль закрѣплены.

Вторая ошибка: во время шторма, котораго шакъ силенъ, чпо вырываетъ клочками закрѣпленный парусъ изъ подъ сезней, на шхунѣ перемѣняютъ *марсель* (справедливѣе *топсель*)! Это не *pas plus ultra* искусства въ морской службѣ, какъ пишетъ г. Ротгевь, а просто невозможность, если дулъ насполящій штормъ, не говорю уже ураганъ, въ который и подумать нельзя неспи какой нибудь парусъ, не только перемѣнять его другимъ.

Сила дувшаго погда въпра, кажется, немножко преувеличена, шакже какъ и слѣдующее его выраженіе: *одному только щастью обзано судно, что его также не изорвало въ куски.*—Ухъ, какъ это спрашно!!

Есть у него и еще подобныя выраженія, но выписывать ихъ здѣсь щитаю излишнимъ. Я лучше укажу на то мѣсто снапья, которое показало мнѣ опмѣнно хорошимъ. — Говорится о капитанѣ: «Поручивъ себя Провидѣнію, онъ весьма хладнокровно и весело смотрѣлъ впередъ; глаза его, безпреспанно обращенныя на мрачность, казалось, хотѣли проникнуть еѣ и волны, возгроздавшіяся передъ шхуной и закрывавшія самую ночь.»

Также мастерски изображены готовность мапрасовъ къ исполненію приказаній капитана, и привязанность ихъ къ нему, какъ слѣдствія строгаго дисциплины, которая велась на шхунѣ, и какъ доказательство ума и опытности командира. Подобныя описанія всегда пріятно читають; за то очень непріятно читають, какъ выбросило капитана волною за бортъ и какъ *на лету онъ поймалъ одной рукой ванту* и спасся; непріятно потому, чпо дурно описано. — Въ разбираемой нами снапья встрѣчаются выраженія вовсе почти непонятныя, какъ на примѣръ то, которымъ начинается снапья: *Вѣтеръ еще свирпѣлъ отъ встрѣеннаго сопротивленія...*

Это сказано въ противность испинѣ и физикѣ!—Похоже на это, переводчикъ *Куперова* романа *Лоуманъ*, описывая крушеніе шхуны *Ариель*, говоритъ (когда уже лопнулъ послѣдній канатъ): *и какал пенька въ состояніи удержатъ столь сильно намокшій корабль въ водѣ!*— Но обратимся къ своему предмету. Г. Ротгевь говоритъ: *шхуна лежала на правомъ боку, или шхуна снова приведена была на правый бокъ.* Прочтя это, подумаешь, чпо шхуна шла лѣвымъ галсомъ и наклонялась опъ ударенія въпра въ паруса на правую сторону, п. е. какъ бы лежала на правомъ боку. Но сочинителю угодно, чпобъ подъ эшимъ словомъ разумѣли совсѣмъ прошное, п. е. чпо *шхуна шла правымъ галсомъ*, говоря по морски, или *приведена была опять на правый галсъ*, п. е. чпо правый бокъ еѣ обращенъ былъ къ въпру.

Еще одно спранные выраженіе автора и довольно.—Онъ говоритъ о капитанѣ: «Теперь надлежало ему спускаться по въпру, *стащивъ гротъ на низъ*, потому чпо не было средства убраться его обыкновеннымъ образомъ.» — Конечно надлежало спускаться по въпру не капитану, а шхунѣ; но это еще можно сказать: ибо въ разговоръ мы часпо смѣшиваемъ дѣйствія корабля съ дѣйствіями его командира, или лучше сказать, движенія перваго съ расположеніями втораго; но можно ли сказать: *стащивъ гротъ на низъ?* И гдѣ это слышалъ нашъ авторъ?! Обыкновенно, желая уничтожить дѣйствіе какого либо паруса, его *убирають, спускають, берутъ на штовъ, крпѣлятъ* и проч.—Но *стащить* парусъ говорится развѣ на лайбахъ, а на военномъ суднѣ никто эпаго не услышитъ.

Въ заключеніе скажу, чпо первые опыты всегда почти бываютъ слабы, и потому пользуются большимъ снисхожденіемъ опъ чпталателей. Виновать, чпо въ эпомъ случаѣ поспушилъ не пакъ: Я первый опытъ г. Ротгева въ описаніяхъ морскихъ сценъ прочель съ особеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ свои *Nota-Bene*. Передаю ихъ ему въ надеждѣ, чпо это не только не оспановитъ его на семъ поприщѣ, но напротивъ придастъ ему болшую охоту написать сцены, не имѣющія

такихъ ошибокъ, лучше и совершеннѣе эшихъ. Чего съ неперпѣніемъ ожидать будепъ покорный его слуга

Морской Офицеръ.

Декабря 7, 1834.

М О Д Е С.

Entraînés depuis quelques semaines par le desir de passer en revue toutes les nouveautés de la saison, nous avons un peu négligé les détails intimes de la toilette; nous avons omis de signaler les nuances qui donnent un cachet de nouvelle forme à un jupon ou à un mouchoir de poche.

Aussi, après cet intervalle, ne pouvons-nous mieux faire que d'analyser un trousseau envoyé la semaine dernière en Allemagne.

La robe du matin, en dentelle de Bruxelles, était brodée à bouquets diminuant vers le haut. Les manches longues, dans le même genre, se garnissaient aux poignets par des manchettes en pointes, détachées de la manche, afin de pouvoir se porter sur toute autre robe.

La robe du soir, en tulle illusion, était garnie autour de la gorge d'un cordon de petites roses blanches, reposant sur une mantille de blonde; la manche, à moitié couverte par une branche qui se rejetait de haut en bas, était retenue sous cette ligne comme sous une agrafe de fleurs.

Nous passerons à quelques nouveautés dans les parties du trousseau qui nous ont paru les plus saillantes. Des *jupons* en fine percale, terminés par un haut volant, bordés d'un petit tulle ou d'une basse dentelle, destinés à être portés sous les redingotes ouvertes, se portent aussi sous toutes les robes. D'autres, plats, avaient au-dessus d'un ourlet haut de deux doigts un entre-deux de même largeur en broderies ou en tulle anglais; d'autres enfin, tout-à-fait unis, étaient en belle percale anglaise, à mille carreaux tracés par un fil saillant. Nous pourrions détailler quelques fort jolis modèles de camisoles, et des *manteaux de lits* en percale brodée, garnis de mousseline brodée ou de batiste d'Écosse festonnée. Nous signalerons particulièrement des *peignoirs de dessous*, destinée à précéder la *robe de chambre d'étoffe*, et dont on voit le corsage montant froncé, le collet rabattant, les manches justes au poignet, sous les ouvertures de celle en par-

dessus. Les devans de la jupe, bordés d'un entre-deux, se laissent apercevoir boutonnés par de petites pattes croisées.

М О Д Ы.

Увлеченные нѣсколько времени желаніемъ пересмотрѣть всѣ новоспи времени года, мы немного пренебрегли подробностями нарядовъ. Мы не говорили о цвѣсахъ, которые придають оппечалокъ новой юбкѣ или носовому платку.

И такъ, послѣ этаго промежутка, мы не можемъ ничего лучше сдѣлать, какъ разсмотрѣть приданое, посланное на прошедшей недѣль въ Германію.

Упреннее платье, изъ Бриссельскихъ кружевовъ, вышито было букетами, уменьшающимися къ верху. Рукава длинныя, въ такомъ же родѣ, внизу у обшивокъ манжетки, сдѣланыя мысками, опдѣльныя отъ рукавовъ, чшобъ можно было надѣвать съ другимъ платьемъ.

Вечернее платье, изъ шюля *illusion*; лифъ вверху обшитъ былъ шнуркомъ изъ бѣлыхъ мелкихъ розъ, свержъ блондовой манпильи; рукавъ, въ половину прикрытый вѣлкой, сброшенной свержу внизъ, придерживанъ былъ эпою полоскою какъ зашежкой изъ цвѣшовъ.

Мы перейдемъ къ новоспямъ въ пѣкопорыхъ часпяхъ приданого, показавшихся намъ самыми рѣзкими. Юбки изъ тонкаго перкала, внизу широкая оборка, обшитая узенькимъ шюлемъ или кружевцомъ, для открытыхъ редингошовъ надѣваются также подъ всякія платья; другія, гладкія, снизу рубецъ въ два пальца, потомъ прошивка такой же ширины, вышитая, или изъ Англійскаго шюля; наконецъ еще совсѣмъ гладкія юбки, изъ прекраснаго Англійскаго перкала, съ мелкими клѣтками, означенными толстою ниткою. Мы могли бы описать нѣсколько весьма красивыхъ покровъ кофточекъ и вышитыхъ перкаловыхъ *manteaux de lits*, обшитыхъ вышитою кисею или Шопландскимъ башистомъ, выметаннымъ зубцами. Мы опишемъ особенно нижніе пеньуары, надѣваемые подъ шлафроки изъ матерій, собранный лифъ котораго, опкинущый воронникъ и рукавъ въ обпаяку около киспи, видны изъ-подъ верхняго. Полы юбки съ прщивками видны схваченныя маленькими клафонами на перекрестъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 4.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Января 12 дня 1855 года.

«Какая-жь лошадь я!» свалившись съ мосту въ грязь,
Корова говоритъ.—«Какая-жь я корова!»
Упавши лошадь въ ровъ, вскричала разсердясь.—
Такой примѣръ намъ не обновя:
Обычай эпопъ мы найдемъ и у людей.
Какъ часто въ обществѣ друзей,
Когда о глупостяхъ людскихъ идешь бесѣда,
Другъ на друга мигающъ два сосѣда!

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЗГЛЯДЪ ПОДЪ СТОЛЪ.

Un billet adroitement glissé sur le genoux
qu'on presse légèrement; des pieds qui jouent
et qui se caressent, des verres qu'on change,
des mots qui ne signifient rien pour les
autres, mais dont on saisit si bien le double
sens..... c'est alors que tout est jouissance.

Pigault le Brun.

Бываютъ объѣды, гдѣ веселье не изгнано
излишнею чинностію, гдѣ умные люди умъ-
ютъ заводитъ разговоры, гдѣ любезныя жен-
щины напоминаютъ каждому о наслажде-
ніяхъ жизни, и гдѣ смѣливая хозяйка умѣетъ
разсѣять своихъ гостей такъ, чпобы каж-
дый могъ найтти о чемъ поговорить съ своими
сосѣдами. Признаюсь, на такихъ-то объѣдахъ
хотѣлось мнѣ часто посмолрѣть, что дѣ-

лается подъ споломъ, тамъ, гдѣ разговоръ
кажется живымъ и занимательнымъ.

Въ то время, когда одинъ господинъ запу-
пывался въ разсказѣ исторіи, которой кон-
ца предвидѣть было невозможно, и которая
ничего занимательнаго не заключала, замѣ-
пилъ я, что одна дама маленькаго роста,
въ розовой шляпкѣ, кажется разспроганною,
нѣжная выразительность изображается въ
глазахъ ея, она боится дышать и сидитъ
неподвижно.—Не можетъ быть, чпобы раз-
сказъ этого господина былъ причиною ея
разспройства.

Тутъ одна молодая въпреница захохо-
пала въ самомъ жалкомъ мѣстѣ разсказа
исторіи; у неѣ однако же кажется доброе
сердце и вѣрно причина смѣха сокрыпа
подъ споломъ.

Тамъ дѣвица высокаго роста покраснѣла
какъ ягодка, когда сосѣдъ ея, молодой чело-

вѣкъ, съ почтительнымъ видомъ предлагалъ ей блюдо макаронъ. — Ага! сударыня, ужь вѣрно не эти макароны васъ такъ раз- румянили.

Вдругъ одна дама вскрикнула. — «Что съ побою, мой другъ?» спросилъ мужъ ея, сидѣвшій на другомъ концѣ стола. — Ничего, отвѣчала она, у меня заболѣлъ зубъ; но это уже проходишь. —

Подали десертъ и Шампанское уже пѣ- нится, бокалы осушаются, умы разгорячи- лись и всѣ разомъ заговорили. Теперь по са- мое по время, въ которое можно много кое о чемъ переговорить съ своей сосѣдкой. Любопытство посмотрѣвъ, что дѣлается подъ споломъ, вынудило меня уронить па- бакерку; я нагнулся, чтобы ея поднять, и бросилъ взглядъ на все окружающее. — Чпо-жъ я вижу!

Тамъ промолвавшая маркиза слегка пожм- маетъ руку богатаго негоціанта, который бросаетъ ей на колѣни любовную запи- сочку и которую она ужь вѣрно не уронитъ. — А это что такое? — Двѣ огромныя ноги вблизи одна съ другою; путь вѣрно есть недоумѣніе, кто нибудь ошибся; бросимъ взглядъ на особъ тамъ сидящихъ: одна нога принадлежитъ полскому Ан- гличанину, другая составляетъ собствен- ность богатаго спарика, обожаателя пре- краснаго пола; между ними сидитъ дѣвица лѣтъ шестнадцати, свѣженькая и хорошень- кая, невинная и неопытная. Въ продолженіи всего обѣда она была предметомъ вздоховъ и любезностей своихъ сосѣдей. Она опу- щала глаза внизъ и поджала подъ себя ма- ленькія свои ножки; а эти господа пропя- нули огромныя свои ноги и Англичанинъ положилъ свою на ногу спарика волокишы. Оба вѣдъ себя, оба надѣючися получить ми- лостивый взглядъ, и чѣмъ болѣе Англича- нинъ надавливаетъ, тѣмъ болѣе спарикъ приходишь въ восторгъ.

Но пора мнѣ приподнявшись, довольно вре- мени проискалъ я мою пабакерку; впрочемъ, нечего уже и смотрѣвъ, потому что спук-

нувшись объ ножку стола, я опсправилъ всѣ ноги по своимъ мѣспамъ.

Съ Франц. С—р—ъ.

БЛАГОДЕНСТВІЕ ПОЛЬШИ, ВЪ БЫТНОСТЬ ЕЯ ВАРШАВСКИМЪ ГЕРЦОГСТВОМЪ.

Чпо приобрѣли Поляки гибельною дружбою *Наполеона*? Въ отвѣтъ на сіе приведемъ спранные, но справедливое замѣчаніе одного путешественника въ 1811-мъ году. «Какая это земля?» спрашивалъ онъ, вѣхавъ въ Польшу. — Герцогство Варшавское. — «Какой же здѣсь народъ?» — Поляки. — «Кто гер- цогъ?» — Король Саксонскій. — «Какие у нихъ законы?» Французскіе! — «Какия деньги здѣсь ходятъ?» — Прусскіе! —

МАЛОРОСЛОЕ ВИНО.

Славный въ свое время въ Москвѣ и Пепер- бургъ оспрыми отвѣтами генералъ-маіоръ *К—во* обѣдалъ у графа *М****, который предъ окончаніемъ стола велѣлъ принести полу-бутылку Венгерскаго, расхваливалъ его достоинство, а болѣе старость, и между прочимъ спросилъ своего гостя, какъ онъ находитъ это вино? — «Ваше сіятельство!» отвѣчалъ *К—во*: «Вино очень хорошо, жаль только, что слишкомъ мало по своимъ лѣ- тамъ!»

ТРАГЕДІЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ЖИВОТНЫМИ.

Плохіе актёры разыгрывали весьма дурно трагедію. — «Пьесу сію приличнѣе назвать баснею, а не трагедіею,» сказалъ одинъ изъ зрителей. — Почему такъ? — спросилъ его поварищъ. — «Вы слышите,» отвѣчалъ пер- вый: «что на сценѣ разговариваютъ не люди, а животныя.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЖИВОПИСИ ВЪ ИСПАНИИ И О ЖИВОПИСЦАХЪ ИСПАНСКОЙ ШКОЛЫ.

(Статья первая).

Въ драмѣ, поэзіи и живописи, также какъ въ исторіи, Испанцы оплччаются чѣмъ-то доблестнымъ, выражающимся всего болѣе дѣйствіями и примѣрами, а не кристическими диссертаціями и хвастливымъ многословіемъ.

Напротивъ, Италіанцы, одаренные умомъ плодотворнымъ, гибкимъ и проникательнымъ, обладали не однимъ даромъ съ легкостью творить произведенія искусства: имъ вполне принадлежалъ также талантъ себя выказывать. Будучи націею, занимательною по своей славе, пылкостью воображенія и превосходному знанію природы, особенно въ физическомъ отношеніи, едва лишь успѣвали они создать мастерское произведение, и тотчасъ предлагали его образцомъ цѣлой Европѣ. Такимъ-то образомъ, въ шестнадцатомъ столѣтіи, Италія, средоточіе просвѣщенія, овладѣла удивленіемъ Европы. Она посылала своихъ историковъ во все извѣстныя государства; она имѣла поэтовъ и соперниковъ для всѣхъ побѣдъ и завоеваній; она снабжала живописцами и ваятелями всѣхъ монарховъ. И если великіи были ея припязанія: то они оправдывались разнообразнымъ талантомъ сыновъ ея. Она облакалась всеми своими воспоминаніями, всеми своими развалинами; вызывала все великія пѣни свои, собирала въ великолѣпные Музеумы все свои памятники и образцовыя произведенія искусства: первопрестольная столица Западной Церкви, она призывала иностранцевъ на свои празднества, и цѣлый міръ на нихъ спекался. Словомъ, она допускала всю просвѣщенную Европу наслаждаться произведеніями искусства ея.

Но Испанія, заключенная въ собственныхъ своихъ предѣлахъ и обладавшая характеромъ болѣе твердымъ и упрямымъ, не хотѣла выставлятъ себя пшпомъ для энтузіазма народовъ.

Замѣчательнѣйшее изъ литературныхъ ея твореній, *Донъ Кихотъ Сервантеса* есть насмѣшка надъ существенными недостатками Испанскаго характера. Не имѣя, подобно Италіанцамъ, намѣренія возвысить драматическое искусство, воскресить *Софокла* и *Меландра* и предписать театральныя правила всѣмъ другимъ народамъ, *Лопеъ де Вега* и *Кальдеронъ* съ неисчислимою плодотворностью доставляли сюжеты и завязки для пьесъ всѣмъ послѣдующимъ драматургамъ Французскимъ, Англійскимъ, Нѣмецкимъ и даже Италіанскимъ. Подобнымъ образомъ дѣйствовала и школа Испанской живописи, столь же прекрасная, столь же возвышенная и столь же плодотворная, какъ и школа Италіанская. По крайней мѣрѣ, мы почитаемъ ея такою. Если Испанцы и занимались искусствами, то не столько для того, чтобы блеснуть своимъ талантомъ, не столько, можетъ быть, по склонности къ проявленію изящества формы, сколько для украшенія своихъ храмовъ иконами, которыя бы возбуждали во всей ея возвышенности силу религіознаго чувства; своихъ дворцовъ картинами, которыя бы упрочивали память о геройскихъ подвигахъ народа. Отъ того-то чувство религіозное и героическое, можетъ быть, сильнѣе выражено, рѣче оппечательнѣе въ Испанскихъ картинахъ, нежели въ произведеніяхъ Италіанцовъ. Последніе, которыхъ геній столь изумителенъ въ искусствахъ, посредствомъ сего самаго генія, удалялись иногда отъ истиннаго Христіанскаго вдохновенія. Въ геніи *Мишель-Анжело* также, какъ въ геніи *Данте*, есть нѣчто, близкое къ исполинскому генію древняго язычества. Нагота фигуръ, полу-сласто-страстное выраженіе головъ, страннѣйшій характеръ побочныхъ принадлежностей картинъ у мастеровъ Венеціанской школы, все это, возбуждало удивленіе и даже восторгъ въ отношеніи къ совершенству искусства, пѣмъ не менѣе рѣшительно отдаленна отъ Христіанской духовности. Только въ Испаніи все дѣвическія головы идеальны, только тамъ безпримѣнно господствуетъ Каполическая духовность. Невозможно видѣть нѣкоторыхъ произведеній

Веласкеца, Мурилло и ихъ соревнователей, не ощутивъ въ сердцѣ набожности, невольно ею проникающей.

Въ литературѣ своей Испанцы также отличаются двумя свойствами, занимающими крайніе и противоположные предѣлы произведеній ума: это лирической гений и даръ описанія проспонародныхъ нравовъ. Съ одной стороны, самый пылкій и самый истинный энтузіазмъ одушевляетъ ихъ великихъ лирическихъ поэтовъ; съ другой, нѣтъ ничего замысловатѣе, смѣшнѣе и страннѣе нѣхъ истинно Испанскихъ сочиненій, которыя послужили образцомъ *Гусману Алфараскому* и *Жил-Блазу*. Хвалы предметамъ возвышеннымъ и жизнь побродягъ, вопъ странныя почки сближенія; рядомъ съ романическимъ и религіознымъ воспоргомъ, низость вкуса и мелочная инприга, какая противоположность! Но кто не видитъ, что самая эта противоположность совершенно объясняется характеромъ и нравами Испанцевъ. Въ образцовыхъ произведеніяхъ Испанскихъ живописцевъ замѣтно тоже самое свойство. Они превосходны во всемъ, что есть самага возвышеннаго, также какъ во всемъ, что есть самага низкаго. Подлѣ истинно небесныхъ дѣвъ великихъ Испанскихъ художниковъ, вы съ изумленіемъ вспрѣчаете нищихъ въ ихъ лачугахъ, сцены между пьяницами, Цыганами и Цыганками, побродягъ, одѣтыхъ въ рубище, старыхъ ворожей, картины внутренняго быта, непапоминающія Фламандской школы и отличающіяся удивительною оригинальностью. Среди подробностей, часто описательныхъ, вы находите свѣжестъ, жизнь, теплоту, которыя изумляютъ васъ. Солнце, освѣщающее эти картины, какъ будто согрѣваетъ ихъ; удивительная выпуклость фигуръ, волшебство колорита, широта кисти, облагороживаютъ низость изображенныхъ предметовъ. Тупъ нѣтъ, какъ на Фламандскихъ картинахъ, мелочнаго подражанія домашнему быту; чайника, писаннаго цѣлый мѣсяцъ, корзины съ морковью, надъ которою прудились цѣлый годъ; это Венеціанскій колоритъ, доведенный до бѣльшей степени теплоты и озаряющій поэ-

тическимъ блескомъ самыя ничтожныя подробности.

Доказательствомъ того, что Испанцы занимались искусствомъ собственно для себя, служивъ недоспапокъ историческихъ свѣдѣтельствъ объ ихъ живописцахъ, и незначительность числа Испанскихъ картинъ, находящихся въ другихъ государствахъ. Собраніе маршала *Сульты* есть единственное въ Европѣ. Въ Англии есть нѣсколько хорошихъ Испанскихъ картинъ, но число ихъ не превышаетъ двѣнадцати. Парижскій Музей заключаетъ въ себѣ только шесть Испанскихъ картинъ. Нѣтъ ни малѣйшаго средства исторгнуть изъ святилищъ образцовыя произведенія, служащія имъ украшеніемъ. Лучшія творенія художниковъ, подобныхъ *Рибера* и *Мурилло*, разсыпаны по всемъ Испанскимъ городамъ и находятся въ каждой церкви, въ каждомъ соборѣ, въ каждомъ монастырѣ. Въспомо того, чтобы видѣть ихъ собранными въ особомъ музее, не иначе какъ путешествуя по всей Испаніи, можно постигнуть достоинство и величіе этой школы. Картины сіи, какъ мы сказали, разсыпаны въ Кадиксъ, въ Севилью, въ Корду, въ Бадаюзъ, въ Гренадъ, въ Валенцію, въ Валладолидъ, въ Мадридъ, и королевскихъ дворцахъ, и каждая изъ нихъ, каждая изъ спашуй сдѣлалась предметомъ поклоненія, неразлучнымъ съ самымъ алтаремъ, и котораго нельзя похитить, не навлекши на себя обвиненія въ святотатствѣ. Художники рѣдко посѣщали Испанію, и большая часть великихъ твореній, о которыхъ мы говорили, не были даже переданы свѣпу посредствомъ рисованія и гравированія.

Художественное направленіе дано было Испанцамъ Италіанцами, служившими всей Европѣ вожаками на пути искусства. Подобно Римлянамъ, Испанцы среднихъ временъ старались ознаменовать эти времена дѣланиями, а не картинами. Италіанцы того же времени имѣютъ нѣкоторое сходство съ Греками. «Порабощенная Греція, сдѣлавшаяся владычицею своего повелителя,» говоритъ одинъ Латинскій поэтъ: «перенесла въ суровый Латіумъ искусства, въ которыхъ она

упражнялась.» Такимъ же образомъ, побѣдительная Испанія заимствовала изъ Италіанскихъ источниковъ склонность къ живописи и ваянію. Люди, подобные *Диего*, *Хуртадо де Мендозъ*, и бывшіе посланниками въ Италію, или опредѣленные управлять завоеванными городами съ строгостію и суровостію, всегда отличавшимися Испанскихъ властителей, посвящали свои досуги узанію либературнаго духа побѣжденной страны, и спарались имъ преисполнить себя. Италіанскія библіотеки послужили къ образованію сего воинственнаго народа, овладѣвшаго Неаполемъ и Сициліею, и грозившаго поработить весь Италіанскій полуостровъ. Испанскіе монастыри обогатились множествомъ драгоценныхъ рукописей. Люди, никогда не покидавшіе оружія, научились отъ *Петрарки* искусству слагать любовные стихи. Поэтический геній Испаніи, по природѣ сильный и исполненный благочестія, но лишенный изящества и упорченности, измѣнилъ свой характеръ, когда молодой воинъ, *Гарцилазо де ла Вега*, умершій при двадцати лѣтъ отъ роду, познакомилъ свое опечество съ грустною задумчивостію и элегическою нѣжностію Италіанскихъ пѣвцовъ. Тоже самое дѣйствіе произвела нѣкогда Греція на побѣдительный Римъ. Поэтический геній Римлянъ, въ томъ видѣ его, какого рѣдкіе слѣды еще встрѣчаются у *Лукреція*, геній религиозный, земледѣльческій, сельскій и воинственный, уступилъ вліянію превосходства Грековъ, и смягчился, образовался, исправился, чпобы сдѣлаться пѣмъ, чѣмъ былъ онъ во времена *Виргилія* и *Овидія*. Подобнымъ образомъ и умъ Испанцевъ, глубокій и суровый въ существѣ своемъ, подвергся измѣненію, происшедшему отъ знакомства съ Италіанскими нравами; въ замѣнъ силы и оригинальности, отличавшихъ его и которыхъ частію онъ лишился, онъ пріобрѣлъ прелесть, изящество и тонкое чувство вкуса. Испанцы отличаются отъ Римлянъ характеромъ болѣе восточнымъ, болѣе мыслящимъ и вмѣстѣ болѣе пылкимъ. Послѣдніе, люди совершенно полимическіе, родившіеся для спана воинскаго и Сенапа, пренебрегали и опвергали искусство, которое

первоначальная ихъ республика причисляла къ забавамъ, недостойнымъ человѣка. Напрошивъ, каполицизмъ Испанскій, рано или поздно, долженъ былъ благопріятствовать развитію искусствъ. Безъ помощи Грековъ, Римляне совершили бы многіе пруды на пользу общественную усроеніемъ водопроводовъ, мостовъ, амфитеатровъ, великолѣпныхъ дорогъ; но никогда бы не подумали они лишь бронзу, высѣкать мраморъ, покрывать стѣны своихъ зданій роскошными изображеніями. Искусство, собственно такъ называемое, не было полезно для жизни общественной, а Римляне всего болѣе цѣнили уваженіе къ полезному.

Напрошивъ, въ Испаніи, даже безъ содѣйствія Италіанцевъ, искусства должны были процвѣсти рано или поздно. *Навареттъ*, *Цурбаранъ*, *Мурильо* не были перфвльвыми подражателями *Тиціана* или *Рубенса*. Не съ помощію пруда и рабскаго списыванія подлинника, какъ дѣлывалось въ Римѣ, создавали они свои образцовыя произведенія. Они отличаются совершенно особымъ, національнымъ характеромъ, въ которомъ нельзя обмануться: это Испанское небо, Испанское солнце, Испанскіе нравы. Безъ сомнѣнія, учителями ихъ были Италіанцы, отъ которыхъ они получили множество полезныхъ наставленій въ отношеніи къ технической и вещественной части искусства. Подъ руководствомъ *Тиціановъ* и *Рафаелей*, успѣхи Испанской живописи были гораздо значительнѣе, нежели тогда, когда бы художники Испанскіе были сами своими учителями. Они обязаны Италіи примѣрами и наставленіями, но геніемъ своимъ обязаны они самимъ себѣ и народному ихъ характеру.

Эпоха, въ которую Испанцы соединились съ Италіею пѣсными узами, была велика и обильна происшествіями. Небольшой безыменный народъ воиновъ, соединеніемъ Кастиліи и Арагоніи и завоеваніемъ послѣдняго королевства Мавританскаго, возвысился на степенъ независимыхъ націй. Въ томъ же году, Христіанскій крестъ вознесся надъ Алгамброю, преплылъ Аплантическій океанъ

и покорилъ новый мiръ. Мексика предлагала Испанiи свои сокровища, между тѣмъ, какъ побѣды сей послѣдней въ Италiи открывали ей поприще искусствъ. Философы замѣчали, что большая часть новопрiобрѣтенныхъ богатствъ перешла въ руки духовенства, и это справедливо. Они говорили также, что исключительно католическiй и монашескiй духъ эпохи страны долженствовалъ спѣснить кругъ дѣйствiй, ограничить усилiя и погасить энтузиазмъ Испанскихъ художниковъ. Мы согласны, что священные предметы составляютъ сущность почти всѣхъ творенiй Испанскихъ художниковъ по части живописи, архитектуръ и ваянiя; и въ отношенiи къ политической экономiи, и можетъ быть даже, къ частной нравственности, мы не спанемъ оспаривать преобладанiя, противъ котораго пакъ ревностно возставали мыслители послѣдняго столѣтiя. Что же касается до губительнаго дѣйствiя эпохи преобладанiя на искусство, то мы не можемъ не сомнѣваться въ немъ. Важная живопись, живопись историческая, процвѣтаетъ лишь подъ защитою высшихъ сословiй, довольно избыточныхъ для того, чтобы достойно награждать артиста, довольно могущественныхъ, чтобы оказывать ему покровительство; сословiй, обладающихъ чертогами и храмами, въ которыхъ творенiя художника могутъ явиться во всемъ своемъ блескѣ. Въ среднихъ вѣкахъ единственно сила духовенства произвела Готическiя соборныя церкви, и никакая другая власть никогда бы не успѣла въ томъ. Для убѣжденiя въ словахъ нашихъ, стоить только обратить вниманiе на состоянiе исторической живописи въ Англии, гдѣ ни частные люди, знаменитые по своему богатству, ни аристократiя, обладающая огромными сокровищами, никогда не могли доставить ей присвойнаго существованiя. Искусство спѣснилось; художники обратились къ портретамъ и пейзажамъ, для удовлетворенiя желанiй каждаго въ особенноти; живопись дала своимъ произведенiямъ форму, размѣръ и важность, какихъ требовало мѣсто, ею занимаемое. Фрески Ватикана, чудесныя произведенiя живо-

писи, коими усъяна Италiя, произведенiя другаго разряда, но почти равнаго достоинства, наполняющiя Испанскiе соборы, процвѣли подъ покровительственнымъ влиянiемъ того высшаго духовенства, котораго владычество донынѣ еще пугаетъ умы.

(Окончанiе въ слѣд. листкѣ.)

ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗЪ РИМА (*).

Воображенiе *Мишель-Анж* подлинно было Римское.

Невозможно было ему имѣть посредственные виды, когда оно на что взидало. Оно вдругъ, въ трехъ важныхъ художествахъ, произвело соборную церковь св. Петра, картину Спрашнаго Суда и статую *Моисей*.

Моисей сидитъ, держа подъ одною рукою скривляющаго закона, а другая величественно покоится на груди пророка.

Какой взоръ!

Величественное сіе чело, кажется, не иное что, какъ прозрачная завѣса, едва покрывающая безмѣрный разумъ.

Изумляешься колеблющимся волнамъ бороды его, спелющимся, или лучше сказать, пекущимъ до пояса и его обливающимъ:—но первый взоръ объемлетъ только *Моисей*.

Борода сія не въ природѣ, я согласенъ: но она въ красотѣ идеальной.

Уста исполнены выраженiя; на нихъ мысль ожидаетъ словъ.

Гомеръ, *Боссуэтъ*, *Мишель-Анж*, кажется, наследственно владѣли однимъ воображенiемъ.

Не ужели оно попухло?...

К. II.

(*) Первое было помещено въ 90, 91 и 92 NN *Дневн. Прибавл.*

ДОСТОПАМЯТНОЕ СЛОВО НЕЩАСТНАГО
ЛУДОВИКА XVI-го.

Лудовикъ XVI былъ въ дѣтствѣ своемъ холоденъ и скрыпенъ. Имѣя большаго брата, онъ не могъ надѣяться быть королемъ, и придворные не думали искать его благоволенія. Не смотря на свою наружную нечувствительность, *Лудовикъ* огорчался симъ неуваженіемъ. Однажды спросили у него: кто ему всѣхъ любезнѣе? Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать; наконецъ сказалъ съ горесью: «Могу ли любить кого нибудь, когда меня никто не любитъ?»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРИЗРАКЪ.

Сказка.

Ночью пушникъ запоздалый
Долго по полю блуждалъ,
И измученный, усталый,
Онъ приспанища искалъ!...
Но все пусто!... Восхищая,
Не свѣплвешъ огонекъ:
Всюду мракъ и глушь нѣмая —
Только плещетъ ручеекъ!...
Вдругъ мелькаешь!... Пропадаешь!...
Что-то вновь горитъ звездой!...
Пушникъ смотришь... оживаетъ...
И шуда во шмѣ ночной
Онъ спѣшишь... и погибаетъ!...
Что онъ вѣрилъ огоньку?
Тамъ болошо!... Каждый знаетъ:
Нѣшь возврапа никому! —

*

Взору юношѣ прекрасенъ
Такъ порокъ въ дали блестящъ. —
Не ввѣрайся!... Онъ ужасенъ!...
И погибелью даритъ!...

К. Петерсонъ.

КЪ Л. М У.

Прощай, мой милый, Богъ съ побойю,
Лепи за славой въ дальній край,
И лавры грудью добывай.
А я вслѣдъ за побойю—и вмѣстѣ,
Судьбу свою благодаря,
Порубимся на полѣ чести—
За честь, отчизну и Царя.

*

Съ побойю я шель одной дорогой,
Но душно спало мнѣ на ней;
И пакъ, чего же думать долго?
Спѣшу шуда, гдѣ повольнѣй.
Но лишь шогда, скажу безъ лести,
Забуду дружбу и шебя—
Какъ лягу я на полѣ чести,
За честь, отчизну и Царя.

Е. III — ii.

E N I G M E.

On doute si je viens des cieux ou des enfers,
Tant j'apporte aux humains de plaisirs et de peines!
J'inspire l'espérance et les craintes soudaines,
Et rends l'esclave libre au milieu de ses fers.
Aux plus nécessaires mes présens sont offerts;
Mais on ne voit jamais que leurs mains en soient pleines,
Je n'ai de leurs vrais biens que les images vaines,
Et flatte seulement les maux qu'ils ont soufferts.
Je suis, comme l'Amour, sujet à l'inconstance;
J'aime, comme ce dieu, la nuit et le silence,
Et ne chéris pas moins les antres et les bois.
Je suis un enchanteur, qui sans force et sans armes,
Triomphe également des peuples et des Rois,
Et rien n'est si facile à rompre que mes charmes.

Въ No 8-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Орелъ.*

M O D E S.

Enfin nous désignerons de magnifiques mouchoirs de poche, brodés comme par enchantement sur une batiste aussi transparente qu'une gaze, bordure haute comme la main, où serpente une rivière de jours, enfermée dans les guirlandes mates et légères, et le bord du mouchoir découpé en sinuosités capricieuses. Pour le matin, on en avait fait disposer de fort simples bordés d'un tulle uni sur lequel reposent cinq ou six petits lacets très-déliçats.

Le luxe des rubans n'a pas diminué depuis l'été passé. Les ceintures longues sont tellement de mode que l'on ne voit presque plus de boucles dans un bal. Dès qu'une toilette sort un peu de l'ordinaire, elle est de suite complétée par une ceinture de satin flottant au bas de la taille.

Au moment des bals, des grandes toilettes décolletées, des robes aux corsages ajustés qui dessinent la taille, nous devons rappeler l'attention de nos abonnées sur les merveilleuses inventions de M. *Pousse*. Après nous être arrêtés sur l'habileté avec laquelle il dispose ses formes; après avoir dit toute l'aisance et la liberté laissée par lui à la taille, qu'il rend fine et souple sans gêner les mouvemens ni la respiration, nous nous appesantirons sur les ingénieux procédés qui ont valu à M. *Pousse* les médailles d'encouragement à l'exposition de cette année. Ces corsets, parfaitement solides, offrent des avantages inappréciables: par un seul mouvement de la main, ils se desserrent graduellement sans que l'on ait à se déshabiller; avec la même promptitude le corset lacé, serré et arrêté, se trouve délacé instantanément. Enfin M. *Pousse* a réalisé les projets incomplets des *pareseuses*, en trouvant le moyen de se lacer en une seule minute, avec la plus entière facilité, sans ni démêler les lacets, puisqu'il n'y en a qu'un seul, ni se trouver desserrée, puisqu'un ressort maintient le lacet aux degrés où on veut le fixer.

Pl. No 2. 1) Boissure ornée de rubans. — 2) Robe de satin royal.

M O Д Ы.

Наконецъ мы расскажем о великолѣпныхъ носовыхъ платкахъ, вышитыхъ какъ-бы волшебствомъ по багиспу, прозрачному какъ газъ, кайма шириною въ ладонь, гдѣ извивается полоска рѣшетокъ, между маповыми, легкими гирляндами, а край платка вырѣзанъ произвольными извилинами. Для ушра весьма простые платки, обшитые гладкимъ шюлемъ, по которому положены пять или шесть узенькихъ шнурковъ.

Роскошь на леншы не уменьшилась съ прошедшаго лѣта. Длинные пояса въ такомъ употребленіи, что на балахъ почти не видно пряжекъ. Если нарядъ выходитъ немного изъ обыкновеннаго, то дополняется толчасъ развѣвающимся апласнымъ поясомъ.

Во время баловъ, нарядныхъ платьевъ съ открытыми лицами, съ лицами въ обтяжку, обозначающими палию, мы должны обративъ вниманіе нашихъ читательницъ на чудесное изобрѣненіе г-на *Pousse*, фабриканша корсетовъ. Остановившись на искусствѣ, съ какимъ онъ располагаетъ формы, сказавъ о ловкости и свободѣ оставляемой имъ шалин, которую онъ дѣлаетъ тонкою и гибкою, не сжимающей движеній и дыханія, мы разсмотримъ замысловатыя приготовленія, доставившія г-ну *Pousse* медали ободренія на выставкѣ нынѣшняго года. Эти корсеты, весьма прочные, имѣють неоцѣненные выгоды: однимъ движеніемъ руки, они разшнуровываются постепенно; съ такимъ же проворствомъ корсетъ, зашнурованный, спянушый и завязанный, въ минуту разшнуровывается. Наконецъ г-нъ *Pousse* выполнилъ неусовершенствованныя предпріятія корсетовъ à la *pareseuse*, нашедь способъ спягивать въ одну минуту, весьма легко, не распутывая шнурковъ, потому что только одинъ, и не допуская ослабѣвать корсетъ, потому что пружина удерживаетъ шнурокъ на шой шпенени, гдѣ хопляшь его укрѣпить.

Карп. No 2. 1) Головной уборъ, украшенный лентами.—2) Платье изъ королевскаго апласа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 5.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 16 дня, 1855 года.

Съ какою сладостью о немъ
Въ невольномъ забытїи своемъ
Уединенная мечтала!
Какъ, новой жизнию дыша,
Легко ей было! Какъ блистала,
Какъ ликовала въ ней душа!

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Племянникъ. Любезный дядюшка, скажите пожалуйста, какимъ образомъ можно заспа-
вить какую нибудь дѣвицу любить себя?

Дядя. А что, ты имѣешь въ эпосъ надобности?

Пл. Совсѣмъ нѣтъ; однако-жь на всякій случай... Знаете ли... запасись сред-
ствами не мѣшаешь.

Дядя. У меня есть прекрасное наставленіе,
списанное мною въ молодыхъ лѣтахъ изъ
рукописнаго сочиненія одного моего прїа-
теля.

Пл. Нельзя ли мнѣ его одолжить, дядюшка?

Дядя. Изволь; да только возврати мнѣ его.
Мнѣ хотя теперь нѣтъ надобности; но
прїяпно имѣнь что нибудь изъ сочиненій
моихъ спарыхъ прїятелей.

Дядя вынулъ изъ комода листъ исписан-
ной бумаги и подавая его племяннику, ска-
залъ: вотъ оно.

Племянникъ поспѣшно взялъ бумагу и на-
чалъ читать: «Совѣты любовникамъ.» — Да,
эпо бы кстапи!.... —

«И очень, воскликнулъ дядя: если ты взду-
малъ завести любовишку. Впрочемъ берегись:
красавицы вообще хипры; онѣ заведутъ
тебя слишкомъ далеко, и ты самъ послѣ
будешь не радъ. Спѣшишь только запутаешься
въ любовныя сѣти, а шамъ и прощай...
Будешь охатъ, да вздыхать, да пособишь
нечѣмъ. — Сколько есть несчастныхъ при-
мѣровъ: пошь съ ума сошелъ, пошь упо-
чился, пошь повѣсился, а все опъ любви.
Охъ любовь, любовь!»

Пока дядя эпо говорилъ, племянникъ про-
бѣгалъ глазами бумагу.

Дядя. Читай вслухъ.

Племянникъ читаетъ: «Если вы замѣти-
те у любимой вами особы расположеніе къ
себѣ: по не теряйте ни одной минуты
изъяснишь ей любовь вашу. Клянитесь всѣмъ,
чѣмъ угодно. Юпитеръ, по высочайшему

своему благоволенію, уничтожилъ всякую кляпву, которую любовь у любви вырываетъ.»

«Ищите случая чаще видѣться съ любимой вами особою, и при каждомъ такомъ случаѣ доказывайте ей любовь вашу всеми средствами, какія только можно употребить безъ нарушенія приличій свѣта.»

«Располагайте въ свою пользу всѣхъ близкихъ къ любимой вами особѣ. Хвалите ихъ какъ можно болѣе; хвалите все, что имъ ни принадлежитъ. Это удивительное имѣетъ дѣйствіе на самолюбіе.»

«Знайте, когда быть веселымъ и когда задумчивымъ, когда пылкимъ и когда кропкимъ.»

«Примѣчайте, къ чему болѣе склонна ваша красавица, и, сообразно тому, располагайте свои дѣйствія въ отношеніи къ ней.»

«Умѣйте соединять въ себѣ вѣжливостъ съ благоразуміемъ, кротостъ съ простодушіемъ.»

«Не забывайте, что вы должны имѣть честное любіе болѣе обыкновеннаго; ибо женщина столько же дорожитъ имъ, какъ и своимъ собственнымъ.»

«Не высказывайте своихъ неудачъ. Это легко можетъ прохладить самую жаркую любовь.»

«Преодолевайте всѣ препятствія въ любви и твердо надѣйтесь на успѣхъ: ибо ни одинъ еще любовникъ не приходилъ въ совершенное опечаленіе.»

«Если вы все сіе исполните, то скоро замѣните у любимой вами особы желаніе изъяснить вамъ свою чувствительность. Тутъ вы можете сорвать не одинъ поцѣлуй, которые прежде вамъ запрещаютъ, а потомъ позволяютъ; наконецъ красавица, оппалкивая вашу руку, похититъ ихъ на вашихъ устахъ.»

N. N.»

—Прекрасно!—воскликнулъ племянникъ.

«Да, не дурно,» отвѣчалъ дядя.—«Я этимъ не одинъ разъ удачно пользовался, и всякому молодому человѣку совѣтую наблюдать эти правила. Только — повпорю тебѣ, не

влюбляться по уши. Это ужасная болѣзнь, ничѣмъ неизлечимая. — Любить надобно слегка,—это здоровѣе и даже въ своихъ лѣтахъ полезнѣе. Прощай; до свиданія! мнѣ надо еще кое-чѣмъ заняться.»

Дядя ушелъ въ другую комнату; а племянникъ закричалъ на лакея чтобы подаль ему шинель и, какъ вихрь, помчался домой на парѣ.

Лепи, любезный! только дай Богъ, чтобы ты не залезъ въ домъ сумасшедшихъ.

К. П . . . п . . . ко.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЖИВОПИСИ ВЪ ИСПАНІИ И О ЖИВОПИСЦАХЪ ИСПАНСКОЙ ШКОЛЫ.

(Окончаніе).

Предѣлы нашей газеты не позволяютъ намъ слѣдовать за авторомъ этой статьи въ длинномъ исчисленіи живописцевъ, способствовавшихъ съ послѣдней половины XIII столѣтія къ прославленію Испанской школы, и потому мы назовемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на примѣръ: *Лудовика де Вергаса*, который проживъ двадцать семь лѣтъ въ Италіи, возвратился въ отечество со вкусомъ, образовавшимся подъ вліяніемъ *Рафаэля* и *Перино дель Ваги*; *Алонзо Санхеца Козлло*, любимаго живописца *Филиппа II*; *Жуана Фернандеца Наваретта*, достойнаго пипомца школы *Тиціановой*, и не смотря на двойной слѣсный недоспапокъ (онъ былъ глухъ и нѣмъ) извѣстнаго своею превосходною карпиною, изображающею *Авраама*, который принимаетъ ангеловъ, *Лудовика Моралеса*, прозваннаго божественнымъ и замѣчательнымъ по выраженію фигуръ его, изъ коихъ особенно славится: его *Ессе Ното*; *Викентіа Жоаннеса*, главу Валанціанской школы, знаменитаго своею карпиною: мученіе Св. *Стефана*; *Рибальту*, принадлежавшаго къ той же школѣ, и пр. и пр. Мы спѣшимъ обратиться къ самой блистательной эпохѣ живописи въ Испаніи, эпохѣ, оппосающейся къ концу XVI столѣтія.

Веласкеуз, родившійся въ 1599 году, отъ родителей Португальскаго происхожденія, назывался дономъ *Диего де Сильва*. Можно сказать, что онъ самъ былъ своимъ учителемъ: ибо въ немъ сохранилось весьма немного слѣдовъ опличительнаго таланта пылкаго *Террери* и скромнаго *Пагео*. Чтобы лучше изучить природу, онъ безпрестанно дѣлалъ очерки различныхъ предметовъ, представлявшихся глазамъ его. То списывалъ онъ мертвую природу, то срисовывалъ живые образцы, изображая ихъ во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, и благодаря споль глубокому и разнообразному изученію, не было предмета, отъ самаго возвышеннаго до самаго низкаго, въ изображеніи котораго не показалъ *Веласкеуз* удивительнаго искусства. Школы Венеціанская, Голландская и Флорентинская какъ будто соединились въ талантѣ *Веласкеца*, этого превосходнаго живописца, который писалъ картины домашняго быта, портреты во весь ростъ, прелестные пейзажи и съ одинаковымъ величіемъ изображалъ природу мертвую и природу живую. Полнаго развитія своего таланта достигъ онъ однакоже въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, и характеръ первыхъ его произведеній не отличаетя пою естественностію, какою запечатлѣны лучшія его творенія. Впрочемъ жизнь его представляетъ непрерывный рядъ успѣховъ. Женившись на дочери *Пагео*, онъ отправился въ 1622 году въ Мадридъ, гдѣ приобрѣлъ покровительствіе перваго министра и любимца королевскаго, герцога *Оливареса*, и получилъ отъ него пансіонъ съ званіемъ королевскаго живописца. Онъ началъ намъ портреты *Карла*, принца Англійскаго, въ послѣдствіи *Карла I*, котораго герцога *Букингемъ*, безразсудный совѣтникъ безразсуднаго государя, привезъ въ Испанію въ надеждѣ испросить для него руку и сердце Испанской инфанты. Очеркъ портрета *Карла I*, сдѣланный *Веласкецомъ*, нынѣ болѣе не существуетъ. Любопытно было бы сравнить это произведеніе, хотя едва набросанное, со многими портретами того же государя, работы *Фанъ-Дика*. *Филиппъ III*, изгоняющій *Мавровъ изъ Испаніи*: таковъ былъ сюжетъ первой важной картины, заказанной *Велас-*

кеу и доставившей ему званіе *huissier de la chambre* и право находиться при дворѣ.

Въ 1627 году *Рубенсъ* посѣтилъ Мадридъ. Оба великіе художника сблизились, и живописецъ Фламандскій внушилъ живописцу Испанскому желаніе побывать въ Италіи, опчизнѣ искусствъ. Король съ прудомъ согласился дать ему просимое дозволеніе; однакоже, въ концѣ 1629 года, *Веласкеуз* отправился, получивъ на дорогу нѣсколько рекомендабельныхъ писемъ, свидѣтельствующихъ о высокомъ уваженіи, какое питали къ нему король и первый министръ его. Поживъ въ Венеціи, во дворцѣ посланника, онъ посѣтилъ попомъ Феррару, Болонію и Лоренцу. Оттуда пріѣхалъ онъ въ Римъ, гдѣ Папа вручилъ ему ключи отъ ложъ Ватикана, и такимъ образомъ, *Веласкеуз* въ продолженіе цѣлаго года могъ на свободѣ изучать образцовыя произведенія *Мишель-Анджело* и *Рафаэля*.

Геній *Веласкеца* былъ совершенно самобытный. Произведенія, написанныя имъ во время пребыванія въ Римѣ, хотя и замѣчательныя красотою формъ, опличаются какою-то принужденностію и изысканностію, свидѣтельствующихъ объ усиліяхъ непривычнаго подражанія. Провѣди нѣсколько времени въ Неаполѣ, вмѣстѣ съ соотечественникомъ своимъ, живописцемъ *Риберою*, прозваннымъ *Эспаньолеттою*, онъ возвратился въ Венецію, въ 1631 году, и встрѣпилъ намъ опличный пріемъ. Во время его отсутствія, король не позволялъ ни одному живописцу списывать съ себя портреты. Немилость, которой подвергся *Оливаресъ*, не простиралась на *Веласкеца*. Въ 1648 году онъ снова получилъ позволеніе отправиться въ Италію, и въ этотъ разъ пребываніе его въ Венеціи было гораздо продолжительнѣе и послужило ему къ изученію той прекрасной школы живописи, которая служила какъ бы звеномъ между собственно такъ называемою Италіанскою школою и школою Фламандскою. Въ Римѣ онъ изумилъ членовъ академіи св. *Луки*, своихъ собратій, представивъ имъ портреты слуги своего *Паризи* и испинно превосходную картину, изображающую *Иннокентія X*. Король призывалъ

его обратно въ Испанію и съ неперпнїемъ ждалъ его возвращенія. По прїездѣ, онъ былъ назначенъ въ должность *aposen-tador-major*, а въ 1660 году, послѣ Пиренейскаго мира, посланъ былъ въ семь званіи въ Ирунъ, для занятія королевской квартиры. Въ Юнѣ того же года *Филиппъ IV* отдалъ *Лудовику XIV* руку инфанты *Маріи-Терезіи*, и пѣмъ приговорилъ совершенный упадокъ благороднаго государства, которое своимъ неискуснымъ правленіемъ онъ еще до того низвелъ съ высокой степени, имъ занимаемой. *Веласкеузъ*, исполнивъ свою обязанность по службѣ, возвратился въ Мадридъ, занемогъ, и скоро Испанія оплакала своего величайшаго живописца.

Трудно дать общее понятіе о многочисленныхъ произведеніяхъ *Веласкеца*, ибо они писаны въ совершенно различныхъ родахъ. Если они имѣютъ особенное отличительное свойство, то оно заключается въ чрезвычайной свободѣ кисти, пренебрегающей всѣми препяпспвіями и обрабатывающей всѣ предметы съ равнымъ и неподражаемымъ искусствомъ и прелестію. Портреты его равняются достоинствомъ портретамъ *Тициана*; также какъ *Фанъ-Дикъ*, онъ умѣетъ придавать своимъ фигурамъ пошъ благородный видъ, по достоинство и прелестъ взора, которыхъ, послѣ сихъ великихъ художниковъ, такъ удачно схвачены сиромъ *Томасомъ Лауренсомъ*: многіе портреты *Филиппа IV* и герцога *Оливареса*, писанные *Веласкецомъ*, доказываютъ это блистательнымъ образомъ. Въ изображеніи обыкновенныхъ предметовъ, они отличаются пою же свободою, пою же смѣлостію кисти, придающими поэтическій характеръ фигурамъ и предметамъ вовсе не поэтическимъ. Ничего не можетъ быть блестяще, забавнѣе и прелестнѣе его *Собранія пипуховъ*, картины, находящейся въ Мадридской королевской галерей. По срединѣ, полунагой человекъ, увѣнчанный виноградными лозами, сидя на бочкѣ, служащей ему вмѣсто трона, возлагаетъ орденъ бутылки на одного изъ своихъ собратьевъ, который сложивъ руки и наклонивъ голову, по видимому, съ глубокимъ благоговѣніемъ принимаетъ почетный знакъ,

который дають ему. Всѣ пѣницы торжеспвуютъ эпошъ случай и какъ будто одобряютъ выборъ власпшпеля бочки. Ни одинъ Фламандскій живописецъ не изобразилъ столь живой и выразительной вакханаліи; прибавимъ, что ни одинъ не облекъ обыкновенныхъ и чувственныхъ идей своихъ въ поэзію столь веселую и блистательную. Другая картина *Веласкеца* заслужила Европейскую извѣстность. Предметъ ея очень простъ. Въ комнатѣ, которой отворенная дверь занимаетъ задній планъ картины, инфанта донна *Маргарита* Австрійская, дочь *Филиппа IV*, принимаетъ изъ рукъ одной придворной дамы чашу воды; на лѣво отъ неѣ самъ *Веласкеузъ*, съ налитрою въ рукѣ, списываетъ портретъ съ инфанты; на право, двое придворныхъ карликовъ ведутъ и дразнятъ любимую собачку инфанты, по видимому привыкшую къ ихъ дурному съ нею обхожденію, попому, что она сморщитъ на нихъ взоромъ покорнымъ, перпѣливымъ и почти усыпленнымъ. Эффектъ свѣта, идущаго изъ глубины картины и разливающагося по всей комнатѣ, поражаетъ своею удивительною еспественностію. *Лука Жарденсъ*, пошъ Фламандскій живописецъ, который рисовалъ съ легкостію столь изумительною и столь неправильною, въ изъявленіе того, что средства, которыхъ употреблялъ *Веласкеузъ* для преодоленія трудностей воздушной перспективы и для приданія полотну почти волшебной еспественности, были для него непонятны, говорилъ объ этой картинѣ: «это теология живописи.»

Веласкеузъ былъ не менѣе превосходный пейзажистъ, какъ и портретный живописецъ. Живописцы, которыхъ изображалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, могутъ выдержатъ соперничество съ живописными *Скиндерса*. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ его есть, можетъ быть, та, которая представляетъ маркиза *Спинолу*, предводительствующаго своимъ войскомъ, и принимающаго отъ губернатора Голландскаго города Бреды ключи крѣпости. Испанская армія отдѣлена отъ отряда Фламандскаго генерала большою массою свѣпа. Между этими двумя группами, столь искусно раздѣленны-

ми и оплеченными. одна опъ другой не только своимъ положеніемъ, но и выраженіемъ лицъ, видѣнь проспранный горизонтъ, котораго свѣжая и обильная зелень показываетъ, что мѣсто дѣйствія происходило въ плодородной Фландріи, и нѣсколько обгорѣвшихъ и еще дымящихся домовъ, напоминающихъ объ опустошеніяхъ, причиняемыхъ войною. Испанскій генераль дружески опирается рукою на плечо губернатора, какъ бы желая привѣпливымъ обхожденіемъ сдѣлать для него менѣе тягостнымъ положеніе побѣжденнаго. Нельзя надивиться важной и печальной покорности своей участи Фландрскаго генерала, благородной, опкрытой и почти ласковой осанкѣ его побѣдителя, и разнообразному выраженію обѣихъ группъ. Мало живописцевъ, которые бы такъ близко держались природы и которые бы умѣли съ такою силою её идеализировать, ни на шагъ опъ неё не опдалаясь. Въ манерѣ *Веласкеца* нѣтъ ничего принужденнаго, изыканнаго; независимость его кисти оплечается всегда чрезвычайною правильностію, и живописецъ эпопъ, котораго стиль такъ самобытенъ и представляетъ такія трудности для подражанія, обрабатывается всѣ предметы безъ малѣйшаго усилія.

Мы не станемъ говорить, продолжаетъ авторъ статьи, изъ которой мы заимствовали это извлеченіе, о *Иосифѣ Рибертѣ*, который, родившись въ Испаніи, прожилъ такъ долго въ Италіи, гдѣ и умеръ, что она приобрѣла преимущественное право щипать его между своими живописцами.

Францискъ Цурбаранъ, котораго называютъ *Караваджемъ* Испаніи, спалъ, можетъ быть, выше образца своего. Это одинъ изъ тѣхъ живописцевъ, которые владѣли самою широкою кистью, и которые, проповоспавляя густыя тѣни яркому свѣпу, тѣмъ не менѣе умѣли самымъ искуснымъ образомъ согласить ихъ, посредствомъ свѣпло-тѣни (clair-obscur). Св. *Олга Цурбарановъ* есть одна изъ превосходнѣйшихъ картинъ въ мірѣ. Въ облакахъ, среди чепырехъ учителей Латинской церкви, видѣнь св. *Олга*, надъ которымъ изображены въ сіяніи *Иисусъ Христосъ*, Богородица, св. *Павелъ* и св. *Доминикъ*. Внизу кар-

тины представлены на колѣнахъ, съ одной стороны архіепископъ *Діего-Деца*, а съ другой Императоръ *Карлъ* пятый, въ царской мантіи и съ короною на головѣ. Въ карпинѣ эпои всего прекраснѣе чепыре учителя, особенно св. *Іеронимъ*, который поднявъ руку и указывая перстомъ на небо, кажется погруженнымъ въ глубокія размышленія. Въ Испаніи, герцогу Далматскому принадлежатъ около двѣнадцати *Цурбарановыхъ* карпинъ. Въ Мюнхенской галерей мы видѣли св. *Іоанна* и Богородицу, работы того же живописца.

Если бы мы писали полную исторію Испанской живописи, то намъ оставалось бы назвать еще многихъ другихъ художниковъ. Поспѣшимъ обратиться къ *Мурилло*, пому, котораго вноспранцы почитаютъ единственнымъ представителемъ живописи въ Испаніи. Крещеный въ Севильѣ, 1-го Января 1638 года, онъ рано обнаружилъ склонность къ своему искусству, и опданъ былъ для обученія къ *Іоанну де Кастилло*. Первоначальная его манера, заимствованная въ сей школѣ, была холодна и непріятна, также какъ манера его учителя. Впрочемъ, произведенія его юности не вовсе лишены достоинства; въ нихъ замѣтно выраженіе и основательное изученіе своего искусства. Примѣръ *Цурбарана* и *Роеласа* указалъ ему другой лучшій путь. На двадцать пятимъ году своего возраста, онъ вспрѣпилъ въ Севильѣ прежняго своего поварища, *Педро де Мойя* (Moja), который будучи немного старѣе его, ѣздилъ во Фландрію изучать произведенія *Фанъ-Дика*, и пользовался въ Лондонѣ уроками сего великаго художника. Примѣръ и рассказы *Мойи* возбудили въ *Мурилло* желаніе предпринять подобное путешествіе. Но онъ былъ такъ бѣденъ деньгами, что для проѣзда изъ Севиллы въ Мадридъ принужденъ былъ написать и продать нѣсколько священныхъ карпинъ. По пріѣздѣ его въ столицу Испаніи, *Веласкецъ* доставилъ ему входъ въ Эскуріальскій дворецъ, гдѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, онъ прилежно списывалъ произведенія великихъ мастеровъ. Съ сего времени до 1648 года, талантъ его совершенствовался болѣе и бо-

лѣ; но поприще, пройденное имъ въ послѣдствіи съ такою славою, открылось для него не ранѣе, какъ послѣ женишбы его на доннѣ *Беатриксъ де Кабрера*. Спилъ его сдѣлался погда свободнѣе, кисть оживилась, колоритъ пріобрѣлъ нужную шеплоту, и характеръ его произведеній нисколько не потерявъ своей идеальности, болѣе приблизился къ природѣ. Испанскіе біографы приписываютъ такое превращеніе любви, которую онъ питалъ къ женѣ своей, и мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ ихъ свидѣтельствѣ. Будучи призванъ въ Кадиксъ для написанія въ памошной церкви Капуциновъ большой карпины: *Обрученіе св. Екатерины*, *Мурилло* упалъ съ высокихъ подмостковъ; онъ никогда не могъ совершенно излечиться отъ слѣдствій сего паденія, и умеръ въ 1682 году, на рукахъ своего ученика и друга *Нунецца де Вилла-Вицензіо*.

Произведенія сего великаго художника довольно многочисленны, и по мнѣнію нашему, уступаютъ достоинствомъ только произведеніямъ *Веласкеца*. Испанцы называютъ *Мурилло милымъ живописцемъ*. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть прелестнѣе, нѣжнѣе и небеснѣе его фигуръ. Онъ превосходно изображалъ женщинъ и дѣтей, и всѣ его фигуры этого рода отличаются какою-то нѣжностью мысли и исполненія, прелестью выраженія, съ которою не сравнится ни одинъ живописецъ. Мы не думаемъ, чтобы пребываніе въ Италіи могло послужить къ усовершенствованію его рѣдкаго таланта. Какихъ полезныхъ наставленій спалъ бы искать этому великій художникъ въ изысканности, отличительной произведенія *Карла Домье*, *Піетро де Кортоне* и *Чиньяни*! Творенія его лучшаго времени замѣчательны удивительною свободою и легкостью кисти. Кажется, какъ будто художникъ едва касался полотна, и оставляя памъ и сямъ блестящія пятна, шутя умѣлъ исполнить свое произведеніе. Часто также работа *Мурилло* отличается болѣею твердостью кисти, и искусный художникъ любитъ соединять въ одной и той же карпинѣ оба сіи рода живописи. Такъ напримѣръ, святые и ангелы, которыхъ изображаетъ онъ сидящими

или стоящими въ облакахъ, кажутся одаренными плѣтомъ и кровію, отличными отъ крови и плѣта земныхъ фигуръ, занимающихъ прочія частіи карпинъ его. Отсюда происходитъ богатство, разнообразіе и прелестъ, которыхъ невозможно выразить словами. *Мурилло* не менѣ замѣчательнѣе, какъ превосходный колористъ; группа многихъ карпинъ его имѣетъ блѣдный и безжизненный сѣрый цвѣтъ, который ярче отличаетъ живыя краски главныхъ фигуръ его. Такъ какъ церкви и монастыри рачительно сохраняютъ образцовыя произведенія сего художника, то въ другихъ спранахъ извѣстны только нѣкоторыя изъ его tableaux de genre, по которымъ такъ называемые любители заключили, что *Мурилло* никогда не писалъ ничего, кромѣ нищихъ и дѣтей, играющихъ въ кегли. Произведенія его въ семъ послѣднемъ родѣ въ самомъ дѣлѣ замѣчательны по своему колориту и живости; но чтобы вполне узнать *Мурилло*, надобно видѣть его *Благовѣщеніе*, *Магдалину*, а особенно *Мученіе св. Андрея*. Ни одинъ живописецъ не изображалъ опверстаго неба и свѣта небснаго съ такою идеальною испиною. Мы назовемъ еще его удивительное *Поклоненіе пастырей*, находящееся въ Мадридскомъ Музеѣ, и *Загати Пресвятой Дѣвы*. Онъ образовалъ многихъ отличныхъ учениковъ и между прочими *Тобара*, *Менезеса* и *Нунецца де Вилла-Вицензіо*.

Здѣсь оканчивается великая эпоха Испанской живописи; она еще не имѣла достойнаго историка; что-жъ касается до стапья, которую мы представляемъ читателямъ, то она конечно не можетъ назваться подробнымъ и точнымъ разборомъ всѣхъ художниковъ и образцовыхъ произведеній сей живописи. Блестящее состояніе сего искусства въ Испаніи оканчивается въ то время, когда величіе ея начинается приходиться въ упадокъ. Испанія въ послѣдующемъ ея состояніи не имѣла болѣе великихъ живописцевъ, но плѣтъ не менѣе, она можетъ гордиться дивными произведеніями, созданными ею въ продолженіе полтора столѣтія.

(Изъ *Foreign Quarterly Review*.)

Дерптъ.

26-го Іюля 1834.

M O D E S.

La mode des robes relevées n'est pas une exception comme elle fut l'année dernière. Ce genre gracieux et tout-à-fait coquet, ce genre *Louis XV*, dont nous avons pris l'idée aux peintures de Versailles ou du Louvre, a une grace toute charmante.

Considérons maintenant les toilettes d'hommes. Les plus nouveaux habits se font en drap bleu foncé, à collet de velours noir, et revers coquillés en cornet, avec des manches courtes et étroites dégageant tout-à-fait la main et le bas du poignet. On conserve les boutons guillochés; le velours du collet doit être d'un noir roux, entièrement en opposition avec la nuance bleue du drap.

Il en est de même du casimir des pantalons, et des gilets de laine ou de satin; ils sont d'un noir terne qui ne conserve plus rien des reflets bleuâtres qu'avait le noir, il y a peu de temps, même, en étoffes de laine.

Les gilets de brocard sont les mieux portés comme gilets de bal; à larges dessins brochés en soie mêlée d'or; étoffe riche, d'un brillant effet. Le jeune comte *d'O*... portait, ces jours derniers, à l'Opéra Italien, un charmant gilet. Il était de brocard orange et vert, à larges fleurs sur feuillages groupés. La fleur orange rehaussée d'or aux traits de lumière, se détachait avec éclat. Une seule rangée de petits boutons guillochés le boutonnait jusqu'à la moitié environ, et le collet en châle dégageait la cravate.

À la sortie de l'Opéra, le comte *d'O*... portait un par-dessus de la plus élégante forme; prenant parfaitement sa taille et tombant en longue jupe flottante. Ce par-dessus, en drap vert-bouteille, était ouaté et piqué comme une robe de chambre, doublé en marceline de même couleur. Le collet, les revers arrondis et les paremens retroussés des manches, étaient doublés en velours, bordés d'une tresse plate. La cravate en satin noir, était nouée en rosette, au-dessus d'un jabot de batiste plissé. Pour compléter ce riche costume, le jeune comte portait un claqué *gibus* en feutre doublé de satin noir, ayant, au lieu de galon fermé par une boucle, une ganse nouée en rosette et terminée par deux petits glands en houpettes de soie flache.

M O Д Ы.

Упопребленіе на приподнятыя платья, не есть исключеніе, какъ въ прошедшемъ году. Эпаловкая и щеголеватая одежда, времянь *Лудовика*

XV, о которой подали намъ мысль живописныя украшенія Версаля и Лувра, истинно прелестна.

Теперь поговоримъ о мужскихъ нарядахъ. Новѣйшіе фраки дѣлаются изъ синяго сукна, съ чернымъ бархатнымъ воронникомъ и опворотами, сдѣланными вздушными прубками, съ коронками и узкими рукавами, не прикрывающими кисти и низъ руки. Тисненныя пуговицы все еще въ упопребленіи; бархатъ воронника долженъ быть рыжевато-черный, совершенно противоположный съ голубымъ опливомъ сукна.

Также панталоны казмировые и жилеты шерстяные или апласные, всё чернаго пусклаго цвѣта, въ которомъ нѣтъ болѣе синевалыхъ опливовъ, бывшихъ даже въ шерстяныхъ матеріяхъ.

Для баловъ парчевые жилеты самые упопребительнѣйшіе; крупныя узоры, запканныя шелкомъ съ золотомъ; великолѣпная, красивая матерія. На молодомъ графѣ *d'O*... , на дняхъ, въ Италіанской Оперѣ, былъ прелестный жилетъ изъ парчи, оранжевой съ зеленымъ; большіе цвѣты разбросаны были по гуашнымъ листьямъ. Оранжевый цвѣтокъ съ золотомъ опдѣлялся съ блескомъ при свѣчахъ; одинъ рядъ тисненыхъ пуговиць заспегивалъ его до половины, а воронникъ шалью выказывалъ галстухъ.

При выходѣ изъ Оперы на графѣ *d'O*... былъ сюртукъ самаго щеголеватаго покроя, обхвапывавшій совершенно шайю и висящій длиною развѣвающимся юбкою. Этотъ сюртукъ изъ сукна бушлочнаго цвѣта, на вапѣ, проспеганъ какъ упренній шларокъ и подложенъ марселиномъ подъ цвѣтъ. Воронникъ, округленныя опвороты и подобранныя обшлага подложены бархатомъ и обшпты плоскою плетенкою. Галстухъ черннй апласный, завязанъ розеткою, надъ бапшпсовымъ жабо, сложеннымъ въ мелкія складочки. Для довершенія эпой пышной одежды, у молодаго графа была разплющенная валяная шляпа *gibus*, подложенная чернымъ апласомъ, и обложенная, вмѣсто галуна, заспегнутаго пряжкою, шнуркомъ, завязаннымъ розеткою, на концахъ небодшіе жѣлуди съ шелковыми кисточками.

П о п р а в к а.

Въ № 4-мъ Лип. Прибавд. въ 1-й спрк. объясненія картинки моды, ошибкою напечатано: Boissure, вѣдьсто: Coiffure.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 6.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 19 ДНЯ 1835 ГОДА.

На столпъ дорожный Петръ философъ нашъ походитъ:
Показываетъ путь, а самъ по немъ не ходитъ.

А. Измайловъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЙНАХТСБАУМЪ ВЪ —ВЛѢ.

Лѣтъ за десять передъ симъ поселилась въ нашемъ уѣздѣ Лифляндская фамилія *Фонъ-Э....*. Въ главою опспавной инженеръ генераль-маіоръ Богданъ Фодоровичъ *Фонъ-Э....*, служившій въ полѣ чепыремъ Россійскимъ Монархамъ: *Екатерины, Павлу, Александру и Николаю*. Онъ купилъ село и двѣ деревни у покойнаго генераль-лейпенапта князя *Волоколамскаго*, и перевезъ къ намъ супругу свою, дѣшей и внучапъ изъ Риги потчасъ по покупкѣ. Самъ же старый генераль ежегодно проводилъ здѣсь мѣсяца по два, а въ 1829 году, по прошенію, уволенъ опъ службы съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Съ первымъ свыкъся онъ, какъ съ неразлучнымъ товарищемъ во всѣхъ походахъ и командировкахъ: мундиръ сдѣлался частью его самаго — никто не запомнитъ, чпобы эпопъ семидесятилѣпный спарець надъвалъ когда нибудь фракъ или шерукъ неформенный. Впсорая—награда за сорокасемилѣпную ревностпную службу и увѣче—была необходима ему для содержанія дома и воспитанія 16 внуковъ, опспавшихся у не-

го на рукахъ послѣ убиаго въ сраженіи подъ Прейсшъ-Эйлау сына его полковника, другаго сына, умершаго опъ горячки въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и дочери, кончившей жизнь съ печали черезъ два мѣсяца послѣ мужа.

Лѣтъ за семь или за восемь, въ сосѣдствѣ *Фонъ-Э....* водворилась другая Лифляндская же фамилія *Р....*, изъ Вольмара. Самъ спатскій совѣпникъ *Федоръ Фодоровичъ* двѣнадцатъ лѣтъ былъ дирекпоромъ училищъ въ одной изъ Сибирскихъ губерній, вышелъ въ опспавку и жилъ въ Вольмарскомъ уѣздѣ на мызѣ. Въ эпопъ уѣздъ пришелъ кваршировать Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ. Поставляя для полка провіантъ и фуражъ, *Р....* познакомился съ полковымъ командиромъ. Ему понравилась единородная дочь вдовца полковника, а ей пришелъ по душѣ спатскій совѣпникъ *Федоръ Фодоровичъ*: они обвѣнчались. Вскорѣ послѣ того, полковникъ, осмапривая ропы и переѣзжая черезъ озеро, завезенъ Чухонцомъ въ полыню, просудился и умеръ. Зяпъ и дочь его за-благодарзудили переѣхатъ на жительство въ — вльскую деревеньку, доставшююся имъ по наслѣдству послѣ покойнаго,

Оба Оспъ-Зейскіе помѣщика завели между собою сперва знакомство, потомъ пріязнь, потомъ дружество.

Надобно предупредить чипашелей, потому что не всѣмъ Русскимъ извѣстенъ дѣтскій праздникъ, который наканунѣ Рождества Христова торжествуютъ во всей Германіи, Швеціи, Даніи, Норвегіи, въ нашихъ чепырехъ западно-приморскихъ губерніяхъ, въ Нарвѣ, и даже отчасти въ полунѣмецкомъ Петербургѣ.

Этотъ праздникъ называется *Вейнахтсбаумъ* и начинается въ сумерки съ 24-го на 25-е Декабря. Въ особенной комнатѣ (въ которую дѣтей не впускаютъ до извѣстнаго времени) разставляютъ ёлки, по числу дѣтей; ихъ вѣлвы унизаны конфетками, позолоченными и посеребрѣнными Грецкими орѣхами, пряниками, разноцвѣтными лентами, игрушками и подарками, соотвѣтственными полу, возрасту и склонностямъ маленькихъ виновниковъ праздника. Комнату, обыкновенно залу, спараютъ освѣтить какъ можно ярче, на ёлкахъ горятъ сотни тоненькихъ восковыхъ свѣчекъ. Когда все готово: тогда мать, отецъ, дяди, тѣтки, взрослые братья и сестры, черезъ рядъ тѣмныхъ комнатъ ведутъ за руку малютокъ, у которыхъ сердце хочеть выскочить отъ неперпѣнія. Съ размаху растворяются отъ двери настежь, свѣтлозарность поражаетъ маленькихъ героевъ — и они въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что Спаситель прислалъ имъ гостинцевъ за прилежаніе и доброе поведеніе. Между тѣмъ, каждаго подводятъ къ его особенному деревцу. Мальчики видятъ на своихъ пикахъ, сабли, ружья, уланскія шапки, гренадерскіе кивера, гусарскія пашки, а подъ ними пушки, жеспиныхъ солдатъ, деревянныхъ коньковъ, меншики, доломаны, Басни *Крылова*, Новую дѣтскую библиотеку *Б. М. Федорова*, Повѣсти *Булли*, пер. *В. П. Бурнашевилья*, сказку Конѣкъ-горбунокъ *Ершова*, Черную курицу *Погорльскаго*. Глазки ихъ разбѣгаются; дыханіе замираетъ отъ восторга. Они схватываютъ одно, берутъ другое; роняютъ, поднимаютъ, поворачиваютъ на всѣ стороны, бѣгутъ благодарить нѣжныхъ родителей, вытося

около нихъ, какъ рой, цѣлуютъ ихъ ручки, прыгаютъ на шею.

Такого-то праздника я былъ свидѣтелемъ 24-го Декабря минувшаго 1834 года. Генераль *Фонъ-Абергартъ* пригласилъ на оный не только семейство друга своего *Рамбаха*, но и изъ города почетнѣйшихъ гражданъ съ ихъ дѣтьми. Къ полудню пріѣхалъ уѣздный предводитель съ предводительшею, судья съ судьешою, исправникъ съ исправницею; провіантскій коммисіонеръ вдовецъ съ тремя дѣтьми, казначей также вдовецъ съ чепырьямъ, сосѣди его помѣщики *Ромашкинъ*, *Гвоздевъ* и *Карасевъ*, помѣщицы *Залбржичука*, *Лизандрова*, *Валласова*. Малютокъ черезъ полчаса посадили за обѣдъ.

Для нихъ былъ накрытъ особенный низенькій столікъ, обставленъ миниатюрными спульчиками, уставленъ парелочками, графинчиками, ножичками, вилочками. Имъ служили дворовые мальчики, одѣтые по казацки и дѣвочки въ бѣлыхъ каменкоровыхъ кофтахъ и юбочкахъ, опдѣланныхъ алыми лентами.

Мы ходили вокругъ стола и любовались ангельскими личиками маленькихъ гостей, ихъ ясною физіономіею, невинными взглядами, непорочною улыбкою, рѣзвостью, болловствомъ и живостью однихъ, кротостью другихъ, смѣлостью и застѣнчивостью, докостью и неумѣнемъ обращать съ приборами, съ рюмками, съ стаканами. Няньки и дядьки не успѣвали надзирать за ними и, къ концу обѣда, скапертъ сдѣлалась похожею на ландшафтъ Швейцаріи: горы крошекъ, соли, сахару—были по ней разсыпаны, озера краснаго вина и квасу спруидись и грозили затопить весь наспольный міръ.

Послѣ нихъ мы сѣли за трапезу. Опобѣдавъ на скорую руку, дамы отправились убирать деревцы, раскладывать вещицы, развѣшивать, нанизывать, пришивать, обшивать, а мы принялись за карпы.

Въ 6-ть часовъ спарая генеральша шепнула своему почтенному супругу, что Вейнахтсбаумъ готовъ, что многіе маленькіе ихъ гости привыкли рано ложиться спать, и что пора начинать. Хозяину ненужно было насъ упрашивать бросить висць. Ма-

люпокъ собрали въ уборной хозяйки, погасили свѣчи въ другихъ комнапахъ и черезъ всю длинную анфиладу повели ихъ въ потѣмкахъ къ залѣ. Двери распахнулись, музыка загремѣла, очарованная зала съ пылчю огнями открылась во всемъ блескѣ, съ разубранными зелеными ёлками по срединѣ. Я не берусь описывать ихъ радость.
 Вѣрнѣ опишу вамъ свои впечатлѣнія.

Я обошелъ всѣ сполки, оспанавливалъ у каждой ёлочки, разговаривалъ съ каждымъ дитяшею, разсмапривалъ каждую вещицу, каждую игрушку и, увы! въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, въ эти души, еще неразвернувшіяся, въ эти сердца чистыя, какъ бѣлая бумага, непорочныя какъ голубица, уже брошены были семена спраспей, вѣрояпно, ихъ неоспорожными родителами.

Крошечка-дѣвочка, не занимавшаяся своими подарками, а изподлобья смопрѣвшаая на вещицы своей рѣзвухи-сосѣдки, будетъ зависплива, если воспитаніе не вырветъ съ корнемъ этаго вреднаго зародыща изъ ея сердечка.

Мальчикъ, сперва съ жадностью вскочившій на своего бѣлогриваго коня, но скоро имъ наскучившій и бросившій свои игрушки, чтобы насильно опнимать у другихъ: показываетъ уже спропшивый характеръ и своеволие.

Малютка, которая прятеть свои вещицы, и играеть игрушками сосѣдокъ, имѣеть изрядную наклонность къ скупости.

Ребенокъ, который изломавъ свои, кидаетъ на вещицы другихъ и помогаетъ ихъ поршпть: обнаруживаетъ безпечность и можетъ сдѣлаться распочительнымъ.

Дитя, которое, оставя свои забавы, вырываетъ куклу у другаго, еспъ дитя избалованное, и я совѣтовалъ бы заранѣе связывать ему ручѣнки, пока онъ еще коропки.

Напротивъ того дитя, которое получа въ подарокъ разныя игрушки, книги, каршинки, поипчасъ начинаеть опъ всего сердца ими заниматься, разговаривать съ своею куклою, наряжать её, и приглашалъ къ себѣ въ гости своихъ спепенныхъ подругъ, угощаетъ ихъ плодами и конфектами—естъ дитя-милое,

скромное. Оно всегда будетъ утѣшеніемъ родителей.

Дитя, которое не замѣчая ни нарядовъ, ни серѣгъ, ни лентъ, хватается за книгу и пробѣгаетъ её,—склонно къ размышленію и вѣрно покажетъ блиспапельные успѣхи въ наукахъ.

Мальчикъ, который мимо осѣдланнаго коня, знамень и барабановъ, пропятиваетъ руку къ мапемапическимъ инструменпамъ, передъ нимъ въ красномъ сафьянномъ переплѣтѣ разложеннымъ,—общаетъ инженера, попографа, архипекпора, и какъ знаетъ? можетъ бытъ впораго *Дйлера*.

Изъ ребенка, кидающагося на карандаши, умоляющаго очинить ихъ и, послѣ того, задумчиво черпящаго по бумагѣ домики, дерева и лошадокъ,—можетъ бытъ, выдетъ впорой *Брюловъ*, впорой *Венеціановъ*.

Изъ дитяпи, важно распанавливающаго жестяныхъ гренадеръ, уланъ и казаковъ,—(исторія тому свидѣтель) легко образуется новый *Задунайскій*, новый *Чесменскій*, новый *Дриванскій*.

Младенцу, приспально вперившему очи въ ландкарту обоихъ полушарій, можетъ бытъ предоставлено ипши по спопамъ *Чигагова*, *Матюшкина*, *Литке*, *Лазарева* и пробить свѣжую пропу до полюса Арктическаго.

Умѣйте лишь, воспитатели и наставники юношества! лелѣять сіи нѣжные цвѣты, охранять ихъ опъ заразительнаго дыханія низкихъ спраспей, опъ буръ порока; расправляйте сіи нѣжные спебли такъ, чтобы они росли прямо и, головками спремаясь прямо къ Небу, возносили къ Нему еиміамъ высокихъ подвиговъ и ароматъ добродѣтели.

А. Корамлинскій.

1834 года
 Декабря 31 дня.
 С. Петербургъ.

ДВА ЛЕКАРСТВА ОТЪ ЛЮБВИ.

1560—1834.

1560.

Въ Руанѣ до сихъ поръ еще уцѣлѣлъ одинъ спаринный домъ съ красивою оспро-

конечную кровлю, чудесною рѣзбою, спа-
пуюми св. *Петра* и св. *Романа*, дубовыми
дверями и жолобами для спаюа воды, пор-
чащими по угламъ кровли въ видѣ крыла-
пыхъ драконовъ. Мы не назовемъ улицы, въ
копору спомимъ эпопъ домъ, потому что
все въ немъ происшедшее дѣлаемъ немного
чеспи его обитателямъ, и потому что одно
полько жилище добродѣтели заслуживаетъ
почнаго указанія, дабы родители, проходя
мимо него съ дѣтьми своими, могли сказать
имъ, оспановясь у порога: Здѣсь соверши-
лось такое-то доброе дѣло! Въ эпомъ-то
домъ случились два происшествія, копоруя
мы памѣрены рассказать читателямъ.

Въ 1560 году жилъ въ немъ одинъ почеп-
ный Руанскій гражданинъ вмѣспъ съ своею
женою, кропкою какъ ангелъ, набожною, какъ
нельзя болѣе. Оба они пользовались уваже-
нѣмъ всѣхъ сосѣдей, и между вѣрными, при-
ходившими молиться въ храмъ, нищѣ всегда
узнавали ихъ, говоря между собою: «Мы
безъ спыда можемъ проспаунуть имъ руку:
они внимательны къ просьбамъ неимущихъ,
и за эпо Богъ услышитъ ихъ молитвы.»

Для того, чпобъ быть щасливымъ и
проводить дни, неоправляемые душевными
превогами, прежде всего надобно быть до-
бродѣтельнымъ... Но эпого не довольно
однако-же для чепы, соединенной религіею,
любовію и приличіями. Для полнаго щаспья
ей нужно нѣчто такое, чпобы служило до-
казательствомъ, что союзъ ея угоденъ Богу
и благословенъ Имъ свыше. *Вильгельмъ Ро-
берто* не имѣлъ недоспапка въ эпомъ сви-
дѣпельспвъ благоспи Божіей; жена его
Марцелина, на другой годъ ихъ брака, роди-
ла дочь, послѣ копоруя они имѣли еще нѣ-
сколько сыновей, изъ коихъ однако же ни
одинъ не спался въ живыхъ. Одна полько
Агнеса избѣжала гибельнаго дѣйспвія поваль-
ной болѣзни, испребившей въ 1562 году
большую часть младенцовъ. Никогда еще ча-
долюбивыя матери не были постигнуты
споль спрашнымъ бѣдспвіемъ; во всѣхъ до-
махъ, на улицахъ, въ церквахъ, взору пред-
спавлялось множеспто гробовъ въ два или
при фуа длиною, покрытыхъ бѣлыми по-
кровами, и эпо побудило одного проповѣд-

ника того времени, знаменипаго своимъ кра-
спорѣчѣемъ, сказать въ одномъ изъ поученій:
«Въ нынѣшнемъ году, всѣ ангелы земные
оплелѣли въ свою небесную опчизну, и
зловредный въперъ дулъ съ пакою силою,
что всѣ розы опали на своихъ спелбляхъ.»

Видя усиленіе смертноспій въ городѣ, ро-
дители *Агнесы* прибѣгли къ совѣпамъ иску-
снаго врача, чпобы узнать опъ него сред-
ства предохранить свою милую дочь опъ
дѣйспвія губительной болѣзни. Не знаю, въ
чемъ сосполяли совѣпы ученаго мужа, знаю
полько, что 8 Сентября, въ день Рожде-
ства Пречистыя Дѣвы *Маріи*, родители
Агнесы привели еѣ во храмъ Богоматери, и
набожно опслушавъ обѣдню, произнесли опъ
имени своей дочери обѣтъ никогда не поки-
дапъ бѣлой одежды, символа чистоты и не-
порочноспіи... Въ то время опцы и мате-
ри семейспвъ не пвердо полагались на иску-
спво человѣческое, и чпобы лучше сохра-
нить дѣпей своихъ, вручали ихъ покрови-
пельспву Бога, заспуленію ангеловъ и свя-
пыхъ Его.

Агнеса, начиная со дня обѣта, оставила
цвѣпную одежду и спала показывалась въ
бѣломъ; плашье, покрывало, обувь ея, все
было бѣлаго цвѣта. Легкій румянецъ едва
оппѣнялъ ея щеки и уста, и концы ея пре-
леспныхъ пальцевъ. *Агнеса* и въ одеждѣ об-
щей всѣмъ ея подругамъ была бы прекрасна,
но въ эпомъ нарядѣ она казалась еще пре-
краснѣе. Когда, по окончаніи домашнихъ за-
няпій, она шла съ матерью къ вечернему
богослуженію, сосѣди ихъ, вспрѣчаясь съ
ними, говорили: «Вопъ госпожа *Марцелина*
съ своимъ ангеломъ.» — И въ самомъ дѣлѣ,
иногда, среди вечерняго сумрака, бѣлая оде-
жда дѣвушки уподобляла еѣ легкому при-
зраку... *Агнесъ* было тогда шеспнадапъ
лѣпъ...

Унылый звонъ колоколовъ соборной церкви
призывалъ жителей города къ панихидѣ, со-
вершенной за упокой души духовнаго вла-
дыки и архіепископа Руанскаго. При жизни,
сей добродѣтельный мужъ былъ щедръ и
милоспивъ къ проспому народу и бѣднымъ,
копоруе называли его опцомъ своимъ, и по-
тому смерть его повергла жителей Руана

въ неліцемѣрную горестъ. *Вильгельмъ Робертъ*, жена его *Марцелина* и *Агнеса* заранѣе отправились въ церковь, куда спѣшили толпы народа. Спѣсны великолѣннаго Гопическаго собора были обиты чернымъ сукномъ: дѣйствительно, церковь имѣла причину облекаться въ прауръ, ибо въ лицѣ архіепископа смерть лишила её одного изъ самыхъ достойныхъ и вѣрныхъ сыновъ.

Не смотря на многочисленное спеченіе народа, глубокая тишина царствовала въ храмѣ... Видъ усопшаго поразилъ каждого изъ пришедшихъ, и живые смолкли передъ мертвымъ, проспертымъ на высокомъ погребальномъ одрѣ своемъ. Съ злобою мипрою на головѣ и епископскимъ посохомъ въ рукѣ, паспырь какъ будто покоился сномъ отдохновенія, и народъ какъ бы боялся разбудить его... *Агнеса* въ первый разъ видѣла мертваго и дивилась, что между жизнью и смертію было такъ мало разницы. Погрузившись въ грустныя размышленія, возбужденныя въ ней предспощимъ зрѣлищемъ, она не замѣчала, что одинъ изъ чепырехъ благородныхъ юношей, споявшихъ у подножія погребальнаго одра,—юноша, который былъ въ глубокомъ праурѣ и который долженъ бы былъ плакать и молиться, потому что въ архіепископѣ онъ потерялъ роднаго дядю, эпотъ юноша не спускалъ съ неѣ глазъ. Сначала, взоры его были привлечены бѣлизною одежды *Агнесиной*, такъ рѣзко опличавшейся отъ общаго праура, но потомъ ихъ поразила и приковала къ себѣ восхищительная красота молодой дѣвушки. Чудно было начало этой спраспи, возникшей подъ сѣнію надгробнаго балдахина; но долгъ повѣспователя заставляеть меня сказать, что спраспа эпу скоро раздѣлила и сама *Агнеса*... *Рауль* (имя юноши) рано научился при дворѣ всѣмъ хипроспямъ и обманамъ, какіе употребляються для оболещенія невинности. Знапное происхождение его могло пугать благоразумную оспорожностъ спараго *Роберто*; какъ предспощительный опецъ, онъ не допускалъ *Агнесу* до знакомства съ молодыми людьми, не принадлежавшими къ ихъ кругу, и часто твердилъ, что «фіалка не распеть подъ пѣвню дуба.» Такимъ образомъ, *Рауль*

долженъ былъ прибѣгнувъ къ ложному смиренію и скрыть свое происхождение подъ одеждою простаго школьника, чптобы переспустить порогу жилища поѣ, которая занимала всѣ его мысли и была предметомъ пламеннѣйшихъ его желаній.

Бѣдная дѣвушка! Если *Рауль* умѣлъ обманывать, то она умѣла только любить, и полюбила всею силою юной души... Но любовь ея, оспаваясь поспощанно чпсною и непорочною, какъ любовь ангела, скоро наскучила *Раулю*. Онъ полюбилъ её въ одинъ мигъ, и забылъ въ одинъ день. Любовь эпу, родившуюся сначала въ собспвенномъ его сердцѣ, онъ сбросилъ съ себя также легко, какъ одежду, которая ему не правилась; но между тѣмъ онъ заронилъ опасную искру въ сердце *Агнесы*, и скоро эпа искра сдѣлалась Греческимъ огнемъ, который переспаетъ свирѣпствовать не прежде, какъ совершенно испребивъ обьяпный имъ предметъ.

Онъ предался развлеченіямъ; она оспалась въ добычу сукъ, безопрадной любви своей. Онъ обратился съ своими улыбками къ другимъ женщинамъ; она вовсе переспала улыбається. — Дни спали казаться ей чрезмѣру длинными, а по ночамъ сонъ бѣжалъ ея изголовья; молитвы *Агнесы* сдѣлались разсѣянны, работа менѣе пщательна, ласки къ опцу и мапери не споль нѣжны, щѣки не такъ румяны, взоры не такъ живы.

Жизнь поспощенно погасала въ бѣдной дѣвушкѣ... Гибелью былъ для неѣ первый взоръ любви; брошенный въ храмѣ, близъ ложа смерпи, онъ былъ какъ будто зараженъ ея племтворнымъ дыханіемъ... Въ наше время, женщина, сдѣлавшись жертвою любви споль сильной и такъ скоро обманутой, не могла бы долѣе жить, и въ гробѣ спала бы искасть конца своимъ спраданіямъ; но къ щастію, *Агнеса* не опередила своего вѣка и нашла иное средство къ облегченію своей тяжелой скорби. Однажды она узнала, что одинъ изъ городскихъ спаршинъ просить руки ея; эпо извѣстіе дало почувствовать *Агнесѣ*, что при всѣхъ ея усилахъ, ей не удалось еще испребить въ своемъ сердцѣ привязанностъ къ *Раулю*; и вопъ, въ одно ушро, послѣ цѣлой ночи, проведенной въ

моливъ, послѣ продолжительной бесѣды съ служительницей церкви, руководившимъ ея совѣстію, пвердо убѣдившись, что ей нельзя было надѣяться на щасіе въ свѣтѣ, она вошла къ своимъ родителемъ, и съ важностію склонивъ предъ ними колѣна, почтительно сказала: батюшка и мапушка, благословите меня.—Но за чѣмъ же спановишься на колѣна? спросилъ *Роберто*. — Почему не обняшь насъ, какъ всегда? сказала *Марцелина*.

— Сегодня я приняла великое святое намѣреніе! —

«Какое?» спросили вмѣстѣ отецъ и мать.

— Не принадлежать никому, кромѣ Бога.—

«Но ты готовилась сдѣлаться женою добраго и честнаго человѣка...»

— Я хочу лучше быть невѣстою Спасителя... —

Это благочестивое намѣреніе пвердо было принято, и ничто не могло измѣнить его. Припомъ, въ тѣ религиозныя времена, родители заслужили бы нареканіе, если-бы стали усиленно пропиваться призванію, которое, по мнѣнію ихъ, происпекало свыше.

Вмѣстѣ брачнаго вѣнка, *Марцелина* съ молитвою и слезами возложила длинный черный покровъ на голову своей дочери... Не знаю, погасла ли любовь къ *Раулю* подъ эпимъ покровомъ; но-преданіе повѣспвуетъ, что послѣ прехлѣпняго служенія Богу, *Агнеса* тихо угасла въ стѣнахъ Сент-Амандскаго монастыря, подобно одному изъ тѣхъ свѣтильниковъ благовоннаго бѣлаго воска, которые сожигаются предъ алтаремъ.

1834.

Когда у родителей не остается болѣе дѣшей, когда все, чѣмъ они дорожили въ мѣрѣ, сходитъ прежде ихъ въ могилу, то и для нихъ смерть служитъ единственнѣмъ прибѣжищемъ. *Вильгельмъ Роберто* и *Марцелина* скоро послѣдовали за своею дочерью и были похоронены на кладбищѣ Сент-Амандскаго аббатства. Тогда домъ, о которомъ говорилъ я въ началѣ эпго разсказа, перешелъ во владѣніе *Петра Роберто*, попомки котораго занимаютъ его и понинѣ.

Немного лѣтъ пому назадъ, въ домѣ эптомъ жила молодая, пригоженькая дѣвушка, родственница *Агнесы* въ пятомъ колѣнѣ. Еѣ называли *Аспазіей*... Родившись съ прекраснѣмъ личикомъ, она съ ранняго возраста привыкла слышать похвалы красотѣ своей. Отецъ, мать и всѣ друзья ихъ осыпали еѣ угожденіями и даже лестною. Опъ эпго, кокетство ея съ каждымъ днемъ развивалось болѣе и болѣе. Правда, что она оказывала во всѣхъ искусствахъ быспрые успѣхи; за то, родители *Аспазіи*, боготворившіе красоту ея, гордившіеся ея дарованіями, являлись съ нею во всѣхъ общественныхъ мѣспвахъ; балы, спектакли, концерты — эпго былъ воздухъ, которымъ она дышала. Въ театрѣ, никто не обращалъ на себя такою общаго вниманія; на балѣ, не было дѣвицы прелестнѣе; въ концертѣ, голоса пріятнѣе.

Въ одинъ вечеръ, въ какомъ-то филантропическомъ концертѣ, *Аспазія* превзошла сама себя и заслужила пакія громкія рукоплесканія, что одинъ молодой человекъ вскричалъ: *Малибранъ*, сама *Малибранъ* не можетъ съ нею сравниться.—

«Какой вздоръ!» сказалъ другой.

— Вздоръ! совсѣмъ нѣтъ; эпго сущая справедливость.—

«А я повторяю, что эпго вздоръ, глупость...»

— Милоспивый государь! —

«Вы не можете заспавить меня думая иначе.»

— И вы также!... —

Слѣдспвіемъ эпго спора была дуэль, слѣдспвіемъ дуэли рана, слѣдспвіемъ раны вынужденная склонность въ чувспвительномъ сердцѣ *Аспазіи*. Въ самомъ дѣлѣ, при нынѣшнемъ соспояніи нашихъ нравовъ, могла ли она уклониться опъ обязанности любить до смерти того, кто за неѣ опваживался на смерть. Нѣтъ, эпго было невозможно, и потому *Аспазія* приняла въ *Аристидѣ* такое живое участіе, что *Аристидѣ*, еще прежде совершеннаго выздоровленія, съ подвизаочною рукою, поспѣшилъ свидѣться съ тою, за которую онъ драдся, и копорой чувспвительность вполне измилась въ помъ безпокойствѣ, какое она обнаружила на его щепъ.

Я не спану описывать всѣхъ обстоятельствъ спраспи, копорая, какъ пожаръ, возгорѣлась въ сердцахъ *Аспазіи* и *Аристиды*. Нынѣ, все идетъ гораздо быспрѣе, нежели прежде, и спраспи дѣлають столь же большіе успѣхи, какъ и все прочее. Скажу только, что любовь нашихъ героевъ вспрѣтила сопропвление. *Аристидъ* былъ молодъ, спроенъ, хорошъ собою; у него былъ помный взглядъ, черные волосы, причесанные à la *Perrinet*, романпическая борода. Больше у него ничего не было.... а эпого было недоспапночно для родителей *Аспазіи*; они хотѣли богатства; у *Аристиды* его не было.

— Батюшка,—сказала однажды влюбленная дѣвушка опцу своему: пы прочель въ моемъ сердць? —

« Да, дочь моя... И съ прискорбіемъ замѣпилъ въ немъ склонность, опъ копорой пель должно опказаться. »

— Ты ошибаешься, батюшка: по, что пы называешь склонностью, не склонность, а спраспъ, копорая прекрапится во мнѣ вмѣспъ съ жизнью. —

« Но подумай, *Аспазія*, *Аристидъ* ничего не имѣеть. »

— Нѣтъ! онъ богатъ моею любовью и не лишится еѣ прежде моей смерти. —

« Ты должна забыть объ эпой любви... »

— Скорѣе умру, чѣмъ рѣшусь на эпо. —

« Милая дочь, послушай своего спараго опца! »

— Вы сами не хотите слушать своей дочери. —

« Не я, но разсудокъ пель за меня опказываетъ... »

— Любовь моя соспавляетъ мою славу... И если мои родители не хотятъ понимать меня, по вмѣспо того, чтобы благословить меня для щастія, въ жизни пусть оплачуть они смерть мою. —

Сказавъ эпо, *Аспазія* съ разгорѣвшимся лицомъ, распущенными волосами, задыхаясь, прибѣжала въ садъ; *Аристидъ* памъ ожидалъ еѣ.

« Ваша горестъ произноситъ мой приговоръ... Нѣтъ болѣе надежды! »

— Никакой, ни для меня, ни для васъ. —

« Они васъ не поняли? »

— Нѣтъ! —

« Не пронулись вашими слезами? »

— Нѣтъ! —

« Ахъ! я думалъ, что ничто не въ сосполннн вамъ пропвивипсья. »

— Холодность не можетъ понимать любви... —

« Какое нещастіе! »

— Зачѣмъ опчаяваться? Намъ оспається еще... —

« Что? »

— Средство избѣжать нашего нещастія... Эпо средство—смерть!.. Она сдѣлаеть насъ свободными. —

« Но вамъ умереть въ пакой молодости! »

— Чѣмъ ранѣе я умру, пѣмъ менѣе буду спрадать... Они не хотѣли соединить насъ въ жизни... соединимся же за гробомъ. —

« Но, *Аспазія*, попытайтесь еще разъ угворить ихъ. Вы слишкомъ прекрасны и молоды для того, чтобы умереть. Упадите снова къ ногамъ вашихъ родителей. »

— Я гопова эпо сдѣлашь, но безъ всякой надежды. —

Всѣ убѣжденія, копорыя упопрестила *Аспазія*, чтобы склонить своего опца къ согласію на бракъ ея съ *Аристидомъ*, оспались напрасными. Свѣдѣнія, собранныя о его семействѣ, показали, что оно не только не имѣло доспапночнаго сосполнннн, но и не пользовалось уваженіемъ въ свѣпъ.

Чрезъ нѣсколько времени, топъ, копорый клялся *Аспазіи* любить еѣ одну, уѣхалъ изъ города съ какою-то акприсою. Но бѣдная, покинутая дѣвушка такъ далеко зашла въ своемъ заблужденіи, такъ увлеклась ложнымъ сосполннннмъ души своей, что почла необходимостью разспаться съ жизнью, и въ одинъ вечеръ, пайно оспая домъ родителескій, домъ, изъ копораго *Агнеса* набожно перешла въ монастырь, бросилась съ моста въ мупные волны Сены.

Другія времена, у насъ во Фрарціи другіе нравы! Прежде набожность и благочестіе были свойспвомъ молодыхъ дѣвушекъ. Нынче, сомнѣнія и вольнодумство соспавляютъ ихъ характеръ! Прежде, нещастіе искало свя-

щennaго убъжища; нынче, неодобренная спраспъ ищепъ кроваваго гроба! Прежде, въра внушала человѣку: *Ты страдаешь, терпи и смирайся!* Нынче, въкъ говоришь ему: *Ты страдаешь, лиши себя жизни!*

C H A R A D E.

L'abeille aux fleurs prend mon premier,
Qui deviendra miel ou bougie;
Point de procès sans mon dernier.
Tout homme de génie,
Savant, artiste, héros,
Trouvent dans mon entier, le prix de leurs travaux.

Въ Но 5-мъ, помѣщенная шарада значить: *Купи-Донъ.*

M O D E S.

Pour terminer ces détails sur le costume du soir, nous parlerons des foulards brochés, blanc sur blanc; ou amaranthe, couleur sur couleur. Il fallait, pour les hommes comme pour les femmes, établir une distinction entre les mouchoirs de négligé et les mouchoirs de toilette; les hommes, privés des dentelles et des broderies, et ayant fait choix du foulard, ont imaginé des foulards brochés en plain ou seulement aux coins. Soie blanche comme la batiste; recherche simple et élégante. Ces foulards brochés sont exclusivement réservés aux toilettes du soir: portés le matin, au lieu des autres, ce serait manquer toute l'intention qu'on doit leur conserver.

Le matin, on porte de petites redingotes en drap noir, collet de velours; avec des pantalons de casimir à côtes, gris de fer ou noisette foncée; des gilets de *flanelle anglaise* à carreaux rouges et noirs ou verts et noirs, ou en *brocard de laine*, orange et violet, jaune d'or et marron, paille et café brûlé. Ces gilets négligés conservent une forme qui, répétée sans exception, n'en reste pas moins encore très-bien portée. Les devans croisent sur le côté où ils figurent un revers par deux biais réunis au milieu.

C'est à un ruban noir très-court, que les jeunes gens suspendent le lorgnon d'or ou de platine qui leur est nécessaire, mais que l'on ne porte plus comme bijou de fantaisie.

Au petit doigt, les hommes portent une grosse bague; il est de bon goût de choisir une antique, ou

mieux encore une bague de grand-père; médaillon ovale entouré d'un cercle d'or uni.

Les plus nouvelles cravates du matin sont en double gros de Tours, et en velours anglais marron ou gros-bleu. — Les plis que forment ces étoffes molles sont magnifiques et très-gracieux.

M O Д Ы.

Для окончанія подробностей о вечерней одеждѣ, мы скажемъ слово о запканныхъ фуларахъ, бѣлыхъ по бѣлому, или малиновыхъ подъ цвѣтъ. Какъ мужчинамъ надлежало, по примѣру женщинъ, сдѣлать различіе между простыми и нарядными плащами, то они, не нося кружевовъ и вышиваний, и выбравши фуляръ для носовыхъ плащковъ, вздумали носить запканные все сплошь или только по угламъ. Бѣлый шелкъ, какъ бахиспъ, отлично, просто и щеголевато. Запканные фулары исключительно употребляютъ съ вечерней одеждою: носить ихъ упромъ, было бы не оказывать имъ должнаго вниманія.

Упромъ носятъ небольшіе черныя сюртуки, съ бархатными воротниками; панталоны изъ рубчататаго казимира, сѣро-железнаго или темно-орѣховаго цвѣта; жилеты изъ клѣпчатой Англійской фланели, красной или зеленой съ чернымъ, также изъ шерстяной парчи, оранжеваго цвѣта съ фиолетовымъ, золотатаго съ каштановымъ и соломеннаго съ цвѣтомъ жженаго кофе. Для эпитъ простыхъ жилетовъ сохраняется прежній покрой, давно уже носимый, но все еще употребляемый. Полы, заложенные одна на другую, застегиваются на боку и составляютъ отворотъ изъ двухъ соединенныхъ въ срединѣ косыхъ полосокъ.

Молодые люди носятъ лорнетъ золотой или платиновой, на корошкѣ черной лентѣ, и то когда онъ для нихъ нуженъ, а не изъ прихоти.

Мужчины носятъ на маленькомъ пальцѣ большой перстень, который приличнѣе съ аншикомъ, или лучше еще приняться за дѣдовскую моду; овальный медальонъ, обложенный гладкимъ золотымъ обручиномъ.

Новѣйшіе упреніе галстухи дѣлаются изъ двойнаго гродетура и Англійскаго бархата каштановаго или синяго цвѣта. Складки, составляющіяся изъ эпитъ мягкихъ матерій, великолѣпны и весьма красивы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 7.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 23 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Конечно нѣтъ въ немъ эпаго ума,
Что гений для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скорь, блестящъ и скоро опротивишь,
Который свѣтъ ругаетъ на повалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что нибудь сказалъ:
Да адакій ли умъ семейство ошаспавившь?

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О ВЛІЯНІИ БѢСНУЮЩЕЙСЯ (ФАНТАСТИЧЕ-
СКОЙ) ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗДОРОВЬЕ.

(Изъ Gazette medicale.)

Эпопъ вопросъ соспавляетъ одинъ изъ
важнѣйшихъ предметовъ размышленія для
медико-философа. Напрасно будупъ называпъ
его недоспойнымъ вниманія; въ медицин-
скомъ отношеніи онъ сполько же важенъ,
какъ и объясненіе способа сообщенія холеры.
Испину сего мы надѣмся доказапъ въ слѣ-
дующей спатпѣ.

Сдѣлаемъ напередъ опредѣленіе. Мы при-
нимаемъ здѣсь фантастическое въ значеніи
обширнѣйшемъ, нежели какое имѣетъ оно
въ обыкновенномъ языкѣ, разумѣя подъ нимъ
наиболѣе рѣзкія черпы современной липера-
туры и подражательныхъ искусствъ вооб-
ще, каковы сущь:

1. Умышленное пренебреженіе всякихъ за-
коновъ Искусства, всѣхъ понятій о правиль-
ности, приличіи и порядкѣ въ теоріи.

2. Систематическое подражаніе отврати-
тельному и ужасному на практикѣ.

3. Спремленіе къ спранному, неопредѣлен-
ному, темному, чудовищному, какъ въ мы-
сляхъ, такъ и въ чувспвованіяхъ.

4. Наконецъ въ самой формѣ, въ коей оп-
ражается эпо умспвенное и нравспвенное
направленіе,—умышленное уродованіе языка,
изысканныя выраженія, насильспвенная связь,
необузванный неологизмъ: признаки упадка
и варварства.

Нѣтъ почти необходимости доказывапъ
испину сказаннаго нами. Откройте любого
изъ модныхъ романпиковъ: въ предисловіи—
диссерпація, въ коей авторъ утверждаетъ,
что въ липературѣ не сущеспвуемъ ника-
кихъ правилъ, ни обязанностей, что законы
въ искусствѣ предписываются полько вку-
сомъ и воображеніемъ арписпа. На сепъ
основаніи, онъ пребуемъ права гражданства
для своихъ уродливыхъ созданий. Содержаніе
романа оправдываетъ мысли, изложенныя
въ предисловіи. Скудость вымысла соспа-

вляеть почти всегдашній недостапокъ, которій увеличивается еще неблагоприспоспособностью картинъ и странностью слога. Съ самаго начала до конца кровь, грязь, нечистота физическая и нравственная; самый живописецъ, подражая мысли автора, изображаетъ на виньеткѣ или гильотину, или сцену разврата. Судите объ оспальномъ по этой вывѣскѣ. Книжка обклеена розовою или свѣтложелтою бумажкой, испещренною чудными вычурами и непонятными буквами. Авторъ хотѣлъ отличиться необыкновенною оригинальностью даже на оберткѣ — столь глубокаго его гений! Эти прекрасныя творенія, столь способныя образоватъ умъ и сердце, описанныя во многихъ тысячахъ экземпляровъ, служатъ главными запасами литературнаго арсенала библиотекъ, и ошуда распространяются по всемъ классамъ общества, отъ принцевъ и до кухарокъ.

Изъ поэтовъ одни *Ламартинъ* и *Беранже* языкомъ благороднымъ и сладкозвучнымъ воспѣваютъ достойное хвалы; всѣ прочіе варварскимъ слогомъ риторически творятъ, восхваляя безнравственныхъ и ужасныхъ картинъ и событій.

Ся испорченность народнаго вкуса обнаруживается преимущественно на театрѣ. Мы удивляемся спрасти древнихъ Римлянъ къ сраженіямъ гладиаторовъ; но куда доведетъ насъ эпа потребность сильныхъ ощущеній, изнурительныхъ чувствованій, кои поэты наши стараются возбуждать чудовищнымъ изображеніемъ того, что физическая природа и нравственный міръ предсказываютъ намъ самаго отвратительнаго и чудовищнаго.

Эта испорченность вкуса есть наслоящая нравственная зараза. Всякій въкъ имѣетъ подобное умственное заблужденіе. Средніе въка имѣли кабалистику и астрологию, XVIII въкъ месмеризмъ и юродивыхъ, въ XIX мѣ въкъ, въ коемъ мы имѣемъ честь жить, играеть эпу роль бѣснованіе (фантасмическое). Нельзя не замѣтить въ семъ странномъ предубѣжденіи, столь далеко удаляющемъ нашихъ артистовъ отъ цѣли искусства, —

совершеннаго распроеисва нервной системы, которая, подобно всемъ болѣзнямъ сего рода, распространяется чрезъ подражаніе и усиливается чрезъ обыкновеніе. Углубляясь въ созерцаніе правовъ среднихъ вѣковъ и искажая ихъ ложною историческою критикою, наши молодые писатели приносятъ варварству дань удивленія, которая будучи сначала притворною, подобно всемъ чувствованіямъ, противнымъ природѣ, содѣлалась потомъ естественною; они сполько вдаются въ эпоху химерическій міръ, котораго варварское величіе ихъ изумляетъ, что переносятъ въ настоящее общество мысли и чувствованія тѣхъ грубыхъ временъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ помѣшанные, употребляютъ погдашній языкъ, одѣваются какъ *Лудовикъ XI*, и опускаютъ бороду какъ *Балафре*. Они обнаруживаютъ въ приемахъ какую-то грубость, въ поступки нѣчто гордое и рыцарское; съ ужасающимъ краснорѣчіемъ говорятъ о сладостмищеніи, и чрезвычайно уважаютъ права Корсиканскіе. Идеаломъ жилища для нихъ служитъ феодальный перемъ спариннаго барона или пещера Испанскаго разбойника; они оказываютъ чрезвычайное презрѣніе къ новѣйшей образованности, къ въжливости и учтивости; въ картинѣ души человѣческой уважаютъ только спрасти сильныя, которыя разрушаютъ, поглощаютъ и истребляютъ; *оставаясь самыми кроткими сигналами природы*, они безпрестанно твердятъ о кинжалахъ, ножахъ, ядѣ, а сами не въ состояніи видѣть, какъ рѣжутъ цыплѣнка.

Всѣ эти люди суть жертвы фантасмическаго въ исторіи. Но есть другой родъ онаго, имѣющій источникъ въ особенной философіи. Оно вступило въ поэтическій міръ вмѣстѣ съ *Жаномъ-Сбогаромъ*, съ *Корсаромъ Байрона*, съ *Разбойниками Шиллера*, коихъ попомки суть чудовище вратъ с. Марпени, Ганъ Исландскій, Бугъ Жаргалъ, Квазимодо и всѣ отвратительные уроды, законные дѣти *Виктора Гюго*. Последователи сего рода фантасмическаго мизантропы, кои, бросивъ проникательный взглядъ на человечество и на міръ, ощутили непреоборимое

презрѣніе къ нему. Они гордо пребывали изъясненія причинъ всѣхъ постановленій и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, содѣлались врагами гражданскаго порядка. Порядокъ физическій кажется имъ сполько же смѣшнымъ, какъ и порядокъ нравственный, и они пустились выводить на сцену существа самыя чудовищныя и олицетворяють генія зла. Ихъ картины свѣта по истинѣ Сапанинскія; они забавляются картиною злодѣйствъ. Убийство, кровосмѣшеніе, распутство, болѣзни, горести, смерть—неизмѣнныя спихи ихъ твореній. Они безжалостно влекутъ васъ въ темницы, въ гошпitals, въ шайку негодяевъ, къ утопленникамъ, на Гревскую площадь, въ адъ, повсюду, гдѣ льются слѣзы, раздаются вопли, проклятія, скрежетъ зубовъ, повсюду, гдѣ встрѣчаемъ униженіе, муку, пытку, опчаланіе.

Сей родъ бѣснованія (фантасматическаго), называемый также Сапанинскимъ, распространенъ болѣе перваго и составляетъ недугъ болѣе важный. Зараженные имъ (а къ несчастію сія эпидемія усилилась между нашими драматургами и романиками) были бы весьма склонны къ меланхоліи и ипохондріи, если бы не прогоняли одновременно группы своей Шампанскимъ; достойно замѣчанія, что сіи несповные порицатели, сіи проповѣдники опчаланія проводятъ время свое самымъ пріятнымъ образомъ. Болѣзнь у большей части изъ нихъ гнѣздится въ однихъ только мысляхъ; но у нѣкоторыхъ она проникла въ самую глубину души, и тогда принимаетъ гибельное направленіе. Обыкновеннымъ слѣдствіемъ сего печальнаго заблужденія сердца и разума бываетъ расположеніе къ самоубійству.

Недавно мы видѣли сему ужасный примѣръ въ смерти двухъ молодыхъ людей, которые задушили себя въ чадной комнатѣ и скончались во взаимныхъ объятіяхъ. Причина ихъ опчаланія была самая неосновательная. Не испытавъ еще жизни, они рѣшили, что она уже имъ наскучила, и обдумали свое самоубійство со всѣми подробностями, какъ планъ какой нибудь мелодрамы. Они слыш-

комъ вѣрили нынѣшней пистикѣ: такого несчастія никакъ не случилось бы съ ними, если-бъ воображеніе сихъ молодыхъ людей не было разстроено пагубными созданіями новѣйшей поэзіи.

Доселѣ я разсмапривалъ фантасматическое сполько въ дѣйствіяхъ его на мозговую систему писателей, а мы видѣли, что оно составляетъ настоящую нравственную эпидемію; теперь мнѣ должно означить красками, еще болѣе мрачными, опасное вліяніе бѣсноватаго (фантасматическаго) на публику.

Представляю моралистамъ рѣшить вопросъ, составляетъ ли въ наше время театръ (какъ то думали прежде) школу нравовъ? Я съ своей стороны сомнѣваюсь, чтобы дѣвица или юноша могли почерпнуть хорошіе примѣры въ Маріонѣ де Лормѣ, въ Башнѣ Нельской, въ Антоніѣ Маврѣ. Это не невнятные зрѣлища; благоразуміе пребудетъ, чтобы опцы возбранили ихъ своимъ семействамъ, — да не разгнѣваются на насъ за то, сочинители сихъ и подобныхъ симъ пьесъ,

Но такія разсужденія не принадлежатъ къ нашему предмету: обратимся къ здоровью тѣлесному, которое весьма много зависитъ отъ здравія душевнаго.

Надобно замѣтить, что нервныя болѣзни нерѣдко рождаются и всегда уже увеличиваются отъ сильныхъ потрясеній души. Въ семъ отношеніи театръ нашъ есть настоящая общественная зараза. Сколько разъ ужасная кончина *Жана Шора*, отправленіе *Доны Соли* и привидѣніе *Буридана* заставляли вставать насъ ночью и спѣшить на помощь для прекращенія судорогъ, для облегченія пререптанія сердца, происшедшаго при выходѣ изъ спектакля. Сколько разъ желудокъ отказывался варить, усрашенный появленіемъ театральнаго чудовища! Не щипте ни въ водѣ, ни въ воздухѣ, ни въ пищѣ причинъ происхожденія сихъ исперикъ, ипохондрій, меланхолій; всѣ сіи недуги, споль нынѣ частыя, выходятъ изъ театра: они выбѣгаютъ изъ театра de la Gaîté, porte St. Martin, изъ Ambigu, изъ théâtre Français, изъ Одеона, какъ изъ главнаго источника. Тридцать лѣтъ игрока, драма способ-

спивовала продажъ одёколона едва ли не болѣе, чѣмъ самая холера, и *Ричардъ д'Арлингтонъ* сдѣлался, сколько мнѣ извѣстно, виновникомъ многихъ спрашныхъ случаевъ.

Фантаспическое дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ болѣе непосредственнымъ образомъ, ниспровергая въ нихъ всѣ законы гигиены. Я знавалъ молодыхъ людей, которые, для того, чтобы напиться *more templano* и по чистой любви къ живописному, разспроили свои слабые желудки XIX-го вѣка и, послѣ славнаго Кипрскаго вина, должны были приняться за молоко ослицы. Другіе, соревнуя Нѣмецкимъ ландскнехтамъ въ 30-ти лѣтней войнѣ, пили пиво бочками, и отъ него получили раздражительныя боли въ низу желудка. Я очень мало встрѣчалъ людей, кои отказывались бы отъ пищи и жили воздухомъ, подобно Кремонскому музыканту *Гофману*: ибо во Франціи мистицизмъ и мечтательность не имѣютъ успѣха; недавно случилось однако же мнѣ лечить одного молодого романиста, которому захотѣлось сдѣлаться такимъ же сухощавымъ, какъ Фаустъ *Шеффера*, и котораго, подобно нынѣшнимъ живописцамъ, находилъ идеалъ красоты въ выдающихся оспроконеціяхъ костей и пергаментной кожѣ. Между тѣмъ онъ чахнулъ и умиралъ съ голода.

Я могъ бы привести сотни подобныхъ примѣровъ, кои всѣ доказывали бы вредъ фантаспическаго направленія.

Любопытно было бы изучить дѣйствіе фантаспическаго по различію возраста, пола и занятій; но это пребудетъ продолжительнаго времени и глубокихъ розысканій. Впрочемъ, можно щипать доказанными слѣдующія положенія:

Женщины болѣе расположены къ фантаспическому, нежели мужчины. Преобладаніе нервной системы объясняетъ, почему болѣзни, отъ сей причины происходящія, бываютъ у нихъ и чаще и сильнѣе.

Фантаспическое поражаетъ преимущественно молодыхъ людей. Изъ 100 больныхъ, покрайней мѣрѣ 80 не имѣютъ и 30 лѣтъ. Въ 40 лѣтъ можно уже щипать себя въ

безопасности отъ онаго. Самый опасный періодъ есть отъ 18 до 25 лѣтъ; здѣсь нѣтъ примѣтнаго различія между дѣвцами и юношами.

Въ отношеніи къ занятіямъ, наблюденія не показываютъ намъ ничего рѣшительнаго. Впрочемъ можно вообще сказать, что болѣе другихъ склонны къ сей болѣзни люди праздные, которые хорошо пьютъ, хорошо ѣдятъ и посѣщаютъ Гентскій и Оперный бульвары; также молодые люди, недавно вышедшіе изъ училищъ.

Сей предметъ заслуживаетъ подробнѣйшаго развитія; но мы ограничиваемся теперь этимъ краткимъ обзоромъ, предлагая его, какъ тему разсужденія для медиковъ, желающихъ распространить предѣлы науки.

Съ Франц. К. К.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ж Е Н Щ И Н Ы.

Если нѣкоторые присвоиваютъ себѣ право произносить рѣшительныя обвиненія противъ женщинъ, то другимъ позволительно принимать на себя защиту прекраснаго пола. Безприсраспныя наблюденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что даже въ случаяхъ, когда подруги нашей жизни удаляются отъ свойственной имъ скромности, это происходитъ большею частію отъ обольщенія и дурнаго примѣра тѣхъ, которые подвергаютъ ихъ строному суду своему. По долгу ревностнаго защитника, я приведу здѣсь событія, свидѣтельствующія въ пользу женщинъ, и скажу, что вообще ихъ недоставки не такъ велики и многочисленны, чтобы блистательныя добродѣтели, которыми онѣ себя ознаменовали, не вознаграждали за нихъ съ избыткомъ.

Богиня, покровительница науки и искусствъ, мудрая *Паллада*, была женщина: безъ помощи полезныхъ наставленій, преподанныхъ *Церерою Триптолему*, человекъ, предоставленный самому себѣ, и донинѣ еще пилался бы правою полей. *Сократъ* почерпалъ свое

нравственное учение въ бесѣдахъ добродѣтельной *Феотимы*, къ совѣщаніямъ которой онъ часто прибѣгалъ. *Пивагоръ*, философъ, впервые подчинившій разсудокъ и опытность правильному ходу, признавался, что онъ былъ обязанъ эпитимъ знаменитой *Фелистокль*, сестрѣ своей и руководительницѣ. Дочь сего великаго мужа посвятила себя тому же занятію; соперница отца своего, она можетъ назваться матерью всѣхъ философовъ своего вѣка. Дочь *Аристиппа* оказала въ наукѣ нравовъ столь значительные успѣхи, что по смерти *Сократа* говорили, будто бы она наследовала умъ его и сердце. Такимъ образомъ умъ женщинъ сполько же превосходитъ умъ мужчинъ, сколько природа превосходитъ искусство. Женщинамъ нельзя также отказать въ величій души и геройскихъ добродѣтеляхъ, отличаящихъ ихъ, которые предназначены править царствами и одерживать побѣды на полѣ битвы. Если испорція берегаетъ опъ забвенія имена великихъ мужей, которыхъ она почтила названіемъ героевъ, то вмѣстѣ съ симъ она свято хранитъ имена женъ, прославившихся во всѣхъ вѣкахъ. Я приведу въ примѣръ *Деввору*, правившую народомъ Израильскимъ, — *Иудивъ*, опрубившую голову *Олоферну*, — *Лавель*, жену *Габера*, собственною рукою умертвившую *Сизару*, полководца войска *Иавинова*, и пѣмъ освободившую народъ свой опъ владычества Хананелль.

Римъ, гордящійся именами *Катоновъ*, *Антоніевъ*, *Цицероновъ*, не менѣ славится краснорѣчіемъ знаменитой *Корнелии*, матери и наставницы *Граковъ*; она научила сыновъ своихъ сему прекрасному и необходимому искусству, и поспавлялась въ своемъ опечесствѣ за образецъ славнѣйшимъ ораторамъ. Въ правленіе пріумвирата, на женщинъ была наложена одна довольно значительная подать; никто не осмѣливался принять на себя опасной обязанности говорить въ ихъ защиту; но дочь *Гортензія* вызвалась за нихъ ходатайствовать, и принудила пирановъ, бывшихъ ея судіями, уступить силъ ея краснорѣчія, и сложить большую часть пребуемаго налога.

У Грековъ, *Аспазія* равнымъ образомъ отличилась даромъ слова. Между учениками ея славится *Перикль*, краснорѣчивѣйшій изъ Аѳинянъ.

Самниціане, народъ, котораго нравы и законы дѣлаютъ собою честь всему человѣчеству, оказывали женщинамъ большое уваженіе. Право избирать себѣ супругу принадлежало у нихъ любимцамъ славы и друзьямъ добродѣтели.

Сикамбры, народъ Франкскаго племени, обратились въ бѣгство въ одномъ сраженіи. Жены ихъ, увидѣвъ это, успремились на встрѣчу бѣгущимъ, и обнаживъ грудь свою, вскричали: Разите, малодушные; разите: лучше умертвить насъ, чѣмъ подвергать позору и униженію. Тронутые сими упреками, одушевленные споль прогательнымъ зрѣлищемъ, Сикамбры соединяются снова, бой возобновляется, и они, опразивъ непріятеля, разбиваютъ его на голову.

Въ XII столѣтіи, при осадѣ Вейнсберга, герцога Виртембергскій, подъ властію котораго находился сей городъ, принадлежалъ къ числу противниковъ избранія *Конрада Ш*. Послѣ продолжительной, мужеспвенной и упорной обороны, онъ принужденъ былъ уступить силъ и необходимости. *Конрадъ*, раздраженный его сопротивленіемъ, вознамѣрился предать несчастный городъ огню и испребить всѣхъ его жителей; однѣ только женщины должны были избѣгнуть общей участи: онъ позволилъ имъ выпти изъ города и унести съ собою все, что онъ имѣли драгоцннѣйшаго. Но такова сила любви супружеской: жена герцога воспользовалась эпитимъ позволеніемъ, чтобы спасти жизнь своему супругу: она взяла его къ себѣ на плеча; другія женщины последовали ея примѣру, и такимъ образомъ, не смотря на слабость своего пола, вынесли изъ спѣнъ города дорогое для нихъ бремя. Гнѣвъ ихъ непріятеля не могъ долѣе противиться споль прогательному зрѣлищу. Изъ снисхожденія къ женщинамъ, *Конрадъ* даровалъ прощеніе мужьямъ ихъ, и городъ былъ спасенъ.

Дѣва Орлеанская, *Иоанна д'Аркъ*, своимъ геройскимъ самоопверженіемъ спасла Францію въ XV-мъ вѣкѣ.

Во всѣ времена, женщины съ большимъ успѣхомъ занимались музыкою, симъ очаровательнымъ искусствомъ, плѣняющимъ чувства гармоническими звуками; живопись также обязана имъ своимъ существованіемъ, и онѣ всегда посвящали ей свои досуги. Что же касается до поэзіи, кто не знаетъ, съ какой выгодной стороны опличились въ ней многія женщины? *Эрриня* такъ хорошо постигла возвышенность эпопеи, что въ двадцать лѣтъ была сравниваема съ *Гомеромъ* и раздѣляла славу сего царя поэтовъ. Женщины равнымъ образомъ не только занимались науками и искусствами, но и оказывали имъ покровительство. Первая академія изъ существовавшихъ во Франціи и первая награда, которою одобрялись въ ней дарованія, были устанавлены *Клеменціею Изорою*.

Наконецъ, можетъ ли чтонибудь сравниться съ сердцемъ матери? Я не сомнѣваюсь, что въ свѣтѣ есть чадолюбивыя опцы; но какъ далека ихъ нѣжность отъ нѣжности женщинъ. Добродѣтельная мать есть жертва, забывающая о себѣ для счастья дитяти, которое она произвела на свѣтъ: сладостный покой, свѣтскія забавы, она не знаетъ васъ болѣе и жертвуетъ своему младенцу всѣмъ, даже собственною жизнію! Посмотрите, съ какою заботливостью она обертываетъ его пеленами, съ какою нѣжностію держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Онъ спитъ, и опасеніе разбудитъ его удерживаетъ еѣ отъ малѣйшаго движенія. Онъ плачетъ, она предлагаетъ ему грудь свою, эту грудь, престоль прелестней, источникъ жизни. Младенецъ съ наслажденіемъ вкушаетъ живительный нектаръ; онъ доволенъ, онъ улыбается, глядя на мать свою; она также ему улыбается и невинными ласками изъявляетъ ему радость и любовь свою.

Если нѣкоторыя женщины и отказываютъ себѣ въ сихъ изъявленіяхъ материнской нѣжности, то совсѣмъ не отъ недостатка чувствительности. Ни одна изъ нихъ не повинуется безъ сожалѣнія жестокому обыкновенію, лишаящему ихъ сего сладостнаго удовольствія; ни одна не можетъ впервые

видѣть безъ содроганія, когда плодъ ея любви переходитъ въ руки наемницы. И сколько такихъ, которыя вовсе не рѣшаются слѣдовать обычаю, споль пропивному природѣ и нѣжному влеченію ихъ сердца. Увы! если эпоть обычай сдѣлался общимъ, то ихъ не должно упрекать въ эпоть: онѣ сами первыя жертвы его. Съ нѣжностію материнскою женщины соединяють сверхъ того горячность дѣтскую, и можно сказать безъ преувеличенія, что одушевляемыя сею послѣднею добродѣтелью, онѣ не разъ пворили чудеса.

Изъ всего предыдущаго должно заключить, что безъ женщинъ, міръ былъ бы спрашною пустынею и могилою смертныхъ. Что спалось бы тогда съ самимъ человекомъ? Онъ впалъ бы въ мрачную меланхолію; всегда одинокій и безпріютный, онъ былъ бы всюду сопровождаемъ скукою и пресыщеніемъ, и представлялъ бы собою несчастнѣйшее изъ всѣхъ существъ. Въ заключеніе я приведу на эпоть щепъ четыре стиха изъ трагедіи *Сорена: Освобожденная Венеція*, стихи, которые вполне выражаютъ мое мнѣніе о женщинахъ:

Sexe aimable et charmant, sans toi l'homme sauvage
Jamais du vrai bonheur n'eut entrevu l'image;
Son coeur triste et féroce autant que ses desirs,
Aurait connu les maux; et jamais les plaisirs.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. М. . . . НЪ К. Р. П. Н. К. ВОЙ.

(Изъ Байрона.)

Какъ имя скрытаго подъ гробовой доской
Прохожаго на мигъ вниманье привлекаетъ:

Такъ оспановится задумчивый взоръ швой,
Коль на пустынной сей страницѣ повспръчатъ
Мое, забытое побой! —

*

Прочтешь и мысленно меня вспомнешь ты,
Какъ вспоминають тѣхъ, которыхъ ужъ не
спало;

Такъ, здѣсь я схоронилъ завѣщныя мечпы
И сердце все свое. . . Оно давно увяло
Среди надеждъ щещы. —

А. Бистроль.

Москва.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ФЕБУ.

(Написанное незадолго до кончины).

Взойди, о Фебъ! на небеса,
Хотя сегодня въ два часа.
Дай чистымъ воздухомъ дохнушь,
На небо свѣпное взглянушь.
Ужь мѣсяцъ дома я лежу,
По комнатамъ едва брожу,
И спотыкаюсь, какъ слѣпецъ.
Томился бѣдный пвой пѣвецъ.
Тоска отъ упра до упра.
Брать въ руки не велятъ пера,
Ни даже въ книжку заглянушь;
Вдыхаетъ только бѣдна грудь.
Когда-жь сойдѣтъ на землю ночь,
Сонъ отъ одра уходишь прочь.
Другіе крѣпко, сладко спяшь.
Читаешь стиховъ въ служѣ не велятъ,
Ни декламировать, ни пѣть:
Нѣтъ мочи болѣе перпѣть!
О Фебъ! Тебѣ я вѣренъ былъ;
Когда недугъ меня шомилъ,
Спихами бредилъ я всегда,
Гексаметрами иногда.
Лежу въ жару, разсудка нѣтъ,
Спихами брежу, какъ поэтъ,
И воздаю тебѣ хвалу.
Приду я къ своему сполу:
На немъ чернилица споишь;
Она меня къ себѣ манишь.
Тутъ тяжело я воздохну,
Неволью руку прошаю.
Лишь за перо. . . Опять, прочь! прочь!
Кричитъ жена моя или дочь.
Писать больному не велятъ;
Глаза егдѣ болше заболѣтъ.
Зеленый зонтикъ я купилъ,

Но въ немъ еще не выходилъ.
Взгляну въ окно—взадъ и впередъ
Народъ по площади идѣтъ;
Вездѣ шуманно и мокро!

О, сдѣлай, добрый Богъ, добро:
Скорѣй, скорѣй прогляни,
Явись, блесни и прогони
Ненастные сырые дни.

Нельзя ли выпѣшняго дня
Изъ плѣна выпустишь меня?
Нельзя-ль взойти на небеса,
Хоть только на четверть часа?
Вѣдь мѣсяцъ дома я сижу
И никуда не выхожу.

Теперь я крѣпче на ногахъ,
Гулять бы могъ я на Пескахъ.
Хотя бы вышелъ въ Божій храмъ
И помолился бы я тамъ. . .

Но что я вижу? Чудеса!
Взошелъ ужъ Фебъ на небеса:
Мольбу мою услышалъ онъ.
Скорѣй, скорѣй изъ дому вонъ.
Пойдемъ, о *Nathalie*, пойдемъ,
Никифора съ собой возьмемъ;
Когда отъ слабости свалюсь,
То имъ авось приподнимусь.

А. Измайловъ.

6 Апр. 1830.

О М О Н И М Ъ.

Когда я ангола, Сибирскій или пѣспрый,
Пушистый, ласковый, коварный, когти оспры:
Тогда по одному

Въ дому

Содержать насъ обыкновенно.—
Насъ парами и шьютъ и держатъ непремѣнно,
Когда изъ кожи мы козловой—и каймой
Сафьянной красною опушены красиво.
Надѣшы на чулокъ изъ шерсти голубой,
Мы пляшемъ прѣпака на-диво.

Въ No. 6-мъ, помѣщенная шарада значить: *Succès.*

M O D E S.

Cette époque du nouvel an est une confusion, un chaos, dans lesquels se perd la mode; époque de bals, de visites, de fantaisies, qui nous conduit du salon de danse au boudoir, des galeries de Giroux aux curiosités de la Pagode.

Toute l'année, les femmes s'occupent stérilement de leur toilette; à ce moment elles ont un but, un mobile; ce n'est pas seulement la robe ou la coiffure qu'il faut étudier, c'est l'ensemble dans ses moindres détails. Il faut connaître tout ce que le caprice a créé aux magasins de *Baton* ou de Mmes *Delatour*, rubans et fleurs, parures plus charmantes que toutes les riches parures. Il faut avoir vu ce qui naît chaque jour aux magasins *Sainte-Anne*, pendant ces derniers jours de reproduction; pouvoir prononcer sur le chapeau de Mlle *Beaudrant* ou le turban d'*Herbault*; avoir fait choix de mille fantaisies précieuses qui s'échangent pour fêter la solennité de l'anniversaire.

L'impulsion redonnée à la mode la rend encore plus brillante qu'elle ne parut aux premières semaines d'hiver. Le matin, on porte le satin broché, comme autrefois le stoff et la popeline; le soir, les magnifiques satins satinés n'ont pas suffi, et la grande recherche s'attache aux *tissus de Memphis*, étoffe orientale, gaze du Mandarin, avec ses larges fleurs bordées d'or, ou ses légers dessins hiéroglyphes, se détachant purs et brillans sur la teinte blanc mat d'un cachemire. Le *tissu de Memphis* est sans contredit la plus remarquable création de l'année; jeunesse et élégance, coquetterie et richesse, il réunit toutes les exigences de toilette. M. *Delisle* a fait exécuter, sur la même idée, des écharpes d'un goût parfait, que quelques femmes ont employées à faire des turbans.

Le soir, en demi-toilette, on porte beaucoup d'organdis brochés à très-petits dessins de couleur; simplicité presque négligée, avec laquelle vont les *étoles* de satin, et des manchinis de rubans ou de fleurs.

Pl. No 3. 1) Chapeau de satin.—2) Bonnet de dentelle à la Maintenon.—3) Cabas de velours brodé d'or.—4) Manchon de satin et cygne.—5, 6 et 7) Ecran bordé de marabouts. Dévidoire et pupitre à lecture.

M O Д Ы.

Насупление новаго года есть смятение, хаосъ, въ копорыхъ мода исчезаетъ; эпоха баловъ, по-

сщений, прихошей, ведущая насъ изъ панцовальной залы въ будуаръ, и галлерей *Giroux* къ редкостямъ de la Pagode.

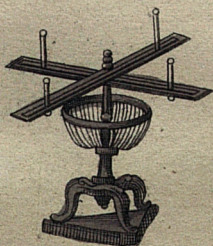
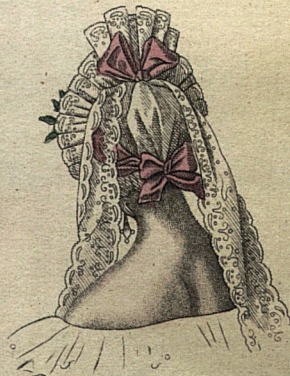
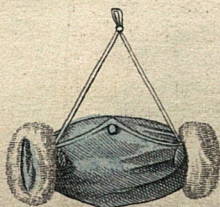
Весь годъ женщины бесплодно занимаются нарядами; въ эту минушу онѣ имѣютъ цель; надо думать не только о платьѣ или уборѣ, но о всемъ вообще въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ. Надо узнать все изобрѣтенное прихотью моды въ магазинахъ *Baton* или *Delatour*; ленты, цвѣты, уборы прелеснѣе всякихъ пышныхъ уборовъ. Надо видѣть все, что появляется всякой день въ магазинѣ *Sainte-Anne*, въ эти послѣдніе дни возобновленій; сказать пѣчто о шляпкѣ *Beaudrant* или шюрбанѣ d'*Herbault*; выбирать въ тысячахъ драгоценныхъ прихотливыхъ вещахъ, которыми обмѣниваются для празднованія годичнаго торжества.

Мода, возбужденная вновь, сдѣлалась блестяще, нежели сначала зимы. Упромъ, носящъ зашканные апласы, вмѣсто шпофа и поплина; для вечера, недоспачочно было великолѣпныхъ блестящихъ апласовъ, въ большомъ опличіи Мемфисская ткать, восточная маперія, газъ *Mandarin*, большіе цвѣты съ золотымъ обводкомъ, или легкіе іероглифическіе узоры, отдѣляющіеся съ блескомъ на маповой бѣлизнѣ кашемира. Мемфисская ткать безспорно самое замѣчательное произведение нынѣшняго года; молодость и щеголеватость, кокетство и пышность, она соотвѣтствуетъ всемъ требованіямъ наряда. У *Delisle* сдѣлали шарфы съ опличнымъ вкусомъ на подобіе этой маперіи; дамы употребляютъ ихъ на шюрбаны.

Для вечера въ полу-нарядѣ, въ большомъ употребленіи органди, зашканныя самыми мелкими цвѣтными узорами; это почти неглиже, къ которому весьма приличны узкіе апласные шарфы *étoles*, и манчини изъ лентъ или цвѣтновъ.

Карт. No 3. 1) Апласная шляпка.—2) Кружевной чепчикъ à la Maintenon.—3) Cabas бархашная, вышитая золотомъ.—4) Муфта апласная, опушенная лебедемъ.—5, 6 и 7) Эcranъ, опушенный перьями марабу.—Машинка разматывашъ шелкъ и шполикъ для чшенія.

N° 3^{is} Номер. Труд. К^o П. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 8.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30; съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 26 ДНЯ 1835 ГОДА.

Родные люди вопъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ оспальное время года
Не думали о насъ они...

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИЗБАВИ БОГЪ И ДУМАТЬ!

(Три разговора съ тремя чиновницами.)

Разговоръ первый.

Я. Какъ покойно расположенъ вашъ домъ.

Чиновница 8-го класса. Мы нанимаемъ и не дорого платимъ: 2,500 рублей въ годъ. Квартира бы и просторна, да 7 печей; дровъ выходитъ слишкомъ на 600 рублей въ зиму.

Я. Прекрасный входъ, оплогая лѣспница: и все эпо чугуна, бронза, красное дерево.

Чиновница. Все эпо мы принуждены были передѣлать на свой щѣпъ. Вы не можете себя предсавить, въ какомъ жалкомъ положеніи нашли мы эту квартиру. Всѣ комнаты перекрасили по своему вкусу, перебрали паркеты.

Я. Какой прелестный видъ изъ угольной комнаты.

Чиновница. Эпо цѣльное зеркальное стекло мы вспавили на свой щѣпъ. Тупъ было шусклое окошко съ мелкимъ переплѣтомъ.

Я. Вашъ рояль и по наружности инструменпъ блестящій...

Чиновница. Работы *Гизлера*. Только у него одного и можно найти въ Петербургѣ порядочное фортепiano. Здѣсь мастеровъ много и цѣны сходны, но дурень тонъ и спрой не держится. Моей *Дорисъ* даетъ уроки *Мейеръ* по 15 рублей за часъ; насилу уговорили, и по два раза въ недѣлю. Вы согласитесь сами, что при такомъ училелъ нельзя же играть на инструменпъ, который дребезжитъ какъ балабайка. По неволѣ изубыпчилисъ.

Я. Воспитаніе дѣшей здѣсь дорого спойтъ.

Чиновница. Разорипельно. У насъ живетъ Англичанка миссъ *Калминтонъ* за 1,000 рублей; по часамъ ходяпъ училили панцованья, рисованья и Французскаго языка. Нын-

че же въ понѣ Русская словесность, испорія: стыдно отспать опѣ знакомыхъ. Капихизисъ преподаетъ одинъ изъ извѣстныхъ законоучителей. Мы его взяли за пѣмъ, что онъ преподаетъ и у П**, и у Л**, и у Д**, и у Г**. Не боясь солгать, скажу, что уроки дѣшеи обходящя намъ въ годъ не менѣе прехъ тысячъ.

Я. Повѣрю; кто, имѣя такихъ прелестныхъ дочекъ, какъ ваша *Дарья Пахомовна* и *Лизавета Пахомовна*, пожалѣетъ денегъ на ихъ образованіе. Я недавно повспрѣчался съ нами у крыльца Англійскаго магазина: опѣ съ гувернашкой выходили изъ кареты, а я садился въ сани. У васъ щегольской экипажъ.

Чиновница. Мы живѣмъ по мѣщански, держимъ только пару лошадей, больше не въ состояніи.

Я. Ваша пара спойтъ инаго цуга. Карета новомодная.

Чиновница. Мужъ мой въ эпомъ случаѣ наслоящій Англичанинъ. Онъ покупаетъ вещи самыя лучшія и говоритъ, что дѣлаетъ это изъ экономіи. Онъ правъ; *Иоаннъ Гамсовскій* экипажъ прослужитъ пять лѣтъ лишнихъ, *Гамсовы* мебели заглядѣнье. У моего мужа и медикъ, и поршней, и сапожникъ первые въ городѣ. Если-бъ состояніе позволяло, мы бы показали, что умѣемъ жить, но наши доходы очень ограничены, и опѣ того мы спѣсняемъ себя; лѣтомъ не живемъ на дачѣ, принимаемъ одинъ разъ въ недѣлю, а въ будни споль нашъ обходится не дороже пяти рублей, да пять выдепъ на чай, сливки, освѣщеніе... Все это въ обрѣзъ, а какъ подведѣшь итогъ: такъ 3650 рублей. Это въ будни, а въ пріемные дни выскочитъ иногда и полпораста рубликовъ изъ кармана.

Я. Вы живете оплично, и судя по вашимъ словамъ, расходуете не больше 24,000 рублей.

Чиновница. Сохрани Господи! Да гдѣ мы ихъ возьмемъ? У насъ нѣтъ золотыхъ рудниковъ въ Сибири. За мною мой мужъ получилъ 50,000 рублей: они приносятъ 2000 дохода. Его пенсія, жалованье изъ прехъ мѣспъ, гдѣ онъ убиваетъ здоровье свое на

службѣ, все это не превышаетъ 11,000. А мы долговъ не дѣлаемъ; съ самою строгою бережливостію едва сводимъ концы съ концами.

Я. Ни съ какою бережливостію вамъ нѣтъ средства издерживать въ годъ менѣе 20,000 рублей.

Чиновница. Ваше увѣреніе спановится обидно. Говорю вамъ, что мы проживаемъ 11,000. Вы не принимаете въ уваженіе: умѣнья купить дрова, сѣно, муку во время, умѣнья одно платье перешивать десять разъ, чтобы оно показалось десятью новыми, одну блонду и накалывать на голову и надѣвать косыночкою; потомъ еѣ же опороть, перекрыть, изрѣзать и опушить ею бальное платье.

Я. Все такъ. Дѣло маспера боится; но...

Чиновница. Тупъ нѣтъ никакого *но*. Ваше сомнѣніе оскорбительно. Не думаете ли вы, что мужъ мой имѣетъ еще какіе нибудь посторонніе источники доходовъ?

Разговоръ второй.

Я. Въ продолженіе чепырехлѣпнаго опсуствія моего изъ Петербурга, у васъ многое переменилось—и на лучшее. Сердечно радуюсь. При опѣздѣ моемъ въ Пензу, я оставилъ васъ на Новыхъ Мѣспяхъ, въ маленькой свѣшпенькой кварширкѣ. Съ тѣхъ поръ вы успѣли завести свой домъ.

Чиновница 7-го класса. Домишко. Это сдѣлалось случайно. Мой *Панкратъ Ивановичъ*, какъ вамъ извѣстно, человекъ рашѣпливій. Начиная въ Академическихъ вѣдомостяхъ о продажѣ эпого дома, онъ долго щипалъ и вычиталъ, и нашѣлъ, что гораздо выгоднѣе купить домъ, хотя бы и прихватить должку, нежели нанимать кварширу. Будучи до крайности опстороженъ, онъ не положился однако-жъ на собственнй свой умъ, а посовѣтовался съ знапоками; они одобрили его намѣреніе и обѣщали ссудить деньгами, если-бъ у насъ своихъ недоспало. Слава Богу! мы безъ того обошлись. Мужъ мой три раза осматривалъ домъ, — думалъ, раздумывалъ,

валь, передумываль, и кончилъ пѣмъ, что совершилъ купчую и, потчасъ же получа свидѣтельство, заложилъ его въ Опекунскій Совѣтъ на 8 лѣтъ. Ему это было необходимо, чтобъ не занимать у чистыхъ людей за большіе проценты. Весною мой *Панкратъ Ивановичъ*, который, какъ вы знаете, человекъ ращѣпливый, заплѣлъ перестройки и передѣлки, оцекопурилъ домъ яновъ снутри и снаружи. А здѣсь и матеріалы и работники ужасно дороги, такъ что—при нашемъ весьма ограниченномъ состояніи, — это намъ было чувствительно. Вы знаете, что у насъ, кромѣ деревушки въ нашемъ сосѣдствѣ, которая не приноситъ и семи тысячъ рублей дохода, да жалованья, ничего нѣтъ. А содержать домъ и пакую кучу дѣшей не бездѣлица, надобно умъ да умъ.

Я. Вашему супругу не занимать его у другихъ. Это вашъ каменный корпусъ на углу?

Чиновница. Нашъ. Тутъ былъ пустырь. Моему *Панкрату Ивановичу* непріятно было его видѣть. Онъ призвалъ архитектора, который присовѣтовалъ выстроить путь деревянный флигель въ одинъ этажъ и отдавать въ наймы подъ мелочную лавочку, подъ ресторацію, подъ харчевню. Мой мужъ его не послушался: ужъ строиться, такъ строиться! сказалъ онъ рѣшительно. Признался, что когда онъ мнѣ показалъ фасадъ каменнаго флигеля въ три этажа, я испугалась издержекъ, полагая, что мы разоримся; вышло совсѣмъ иначе. Вы знаете моего *Панкрата Ивановича*; онъ все купитъ за полцѣны, достанетъ со дна моря. Флигель вышелъ, какъ вы сами видите, препорядочный, почти домъ, а спалъ не съ большимъ тысячъ въ десять. Онъ даетъ намъ по четыре тысячи въ годъ; а всего лучше то, что мы не навязали себѣ на шею ни полушки долгу.

Я. Это не мужъ, а кладъ.

Чиновница. За другимъ моя голова сгибала бы и пропала: всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ самъ завѣдываетъ. Пословица говоритъ: любишь въ госпяхъ дозѣсть, поцѣнь, такъ люби и самъ госпей накормить. Другимъ

спановится вечеринка въ двѣсти, въ триста рублей, а мой *Панкратъ Ивановичъ* дастъ пиръ на весь міръ, а обойдется въ пятьдесятъ. А все поже подадутъ вамъ, что и у богатыхъ: и ужинъ, и Сопернъ и Бургондское; пьютъ же не рюмками, а спаканами, какъ Франмасоны; не спрашиваютъ, гдѣ хозяину взять, но вынь да подавай. Безъ Шампанскаго и вечеръ не вечеръ; только пробки похлопываютъ.

Я (покажавъ головою). Мудреное дѣло! Пять бубликовъ Шампанскаго: вотъ вамъ и пятьдесятъ рублей. Освѣтитъ вашъ домъ порядочно—попробны другіе пятьдесятъ....

Чиновница. Мой *Панкратъ Ивановичъ* не ударитъ лицомъ въ грязь: винограды и конфеты пудами покупаетъ.

Я. На пудъ винограду необходимы прѣсны пятьдесятъ рублей; на десять фунтовъ конфетъ четвертые.

Чиновница (обидѣвшись.) Что это вы, *Алексій Федоровичъ*, дощипываетесь, какъ фискалъ какой? Не ужели вы мнѣ не вѣрите? Спросите у всего околота: гдѣ можно попить, поѣсть, повеселиться? Вамъ въ одинъ голосъ отвѣтятъ: у *Анны Ермолавы* и у *Панкрата Ивановича*. Въ послѣдніе именины его у насъ была разварная сперлядь въ 600 рублей.

Я. Не о томъ дѣло, сударыня. Я вѣрю, что вы умѣете удовольствіе госпей, купить хорошо и дешево; но... опъ десяти тысячъ дохода покупать сперлядей въ 600 рублей, немощко не подъ силу.

Чиновница (смутясь.) За то мы не держимъ экипажа; рѣдко ѣдимъ въ театръ, а если и поѣдемъ: то спараемся прискакать когонибудь, чтобъ взять ложу пополамъ; не гоняемся за модами.

Я. Ваша шаль и капотъ говорятъ пропивное.

Чиновница (осердясь.) Шаль подарила мнѣ матушка, а капотъ вышивали дома.

Я. Однако-жь....

Чиновница (выходя изъ себя.) Тутъ нѣтъ никакого однако. Уже не подозрѣваете ли

вы, что у мужа моего есть еще другие испочки доходъ?

Разговоръ прешій.

Чиновница 6-го класса. Не грѣхъ ли вамъ, любезный *Алексѣй Федоровичъ*, такъ долго не навѣстили насъ? Мы слышали отъ *фонъ-Кноблоховыхъ*, отъ *Родиловыхъ*, отъ *Изъдичиновыхъ*, что уже вы съ недѣлю въ Пепербургъ, а къ намъ глазъ не показываеши!

Я. Насилу отыскалъ вашу кварширу. Мнѣ сказали, что вы живете на Моховой, а шуда, а тамъ уже прибили билетъ.

Чиновница. Мы на этихъ дняхъ только сюда переехали. Въ Морской и дешево и мило: всего-то 3000 р. въ годъ. Несносная даль эта Моховая; живешь, какъ будто въ Америкѣ.

Я. Помнишь, вы жили еще дальше . . . въ Измайловскомъ полку

Чиновница. Тогда мужъ мой получалъ 1200 рублей, а теперь 2500.

Я. Прибавка не такъ значительна, чтобы переселились отшуда въ Большую Морскую.

Чиновница. Въспомъ съ прибавкою оклада, онъ получилъ другое назначеніе. Мѣстечко, какъ говорится не завидное, не блестящее, но покойное. Въ прежнемъ мой мужъ просиживалъ отъ 9-ти часовъ утра до 4-хъ по полудни — и вовсе отспунилъ было отъ дома. Теперь онъ сходитъ поутру въ магазинъ, выдаситъ требуемое — и потомъ цѣлый день сидитъ дома, хлопочетъ, хозяйничаетъ.

Я. Это и видно. У васъ новыя мебели.

Чиновница. Старая изорвалась, изломалась; надобно же было рѣшиться распаться съ нею.

Я. Вы при этой переменѣ не оспались въ накладъ. Ваша прежняя мебель была красного дерева, обита ситцомъ. Теперешняя изъ карельской берѣзы, фасона среднихъ вѣковъ; къ ней очень идетъ малиновая обьяръ. Коверъ богатый . . .

Чиновница. Заплаченъ 350 рублей, шить по канвѣ шелкомъ; онъ Русской работы. Я вынуждена была купить его: очень дуешь съ пола.

Я. Превосходный рояль. А гдѣ же ваши прежнія маленькія клавикорды?

Чиновница. Въ нихъ лопнула доска; это заставило меня промѣнять ихъ. Я придала бездѣлицу — 1300 рублей.

Я (подходя къ пальцамъ.) Что такое вышиваетъ ваша милая *Надежда Ермолавна*?

Чиновница. Мѣбель на дачу. Вишь вы еще не видали нашей дачи. Мужъ мой купилъ мѣсто за спарою Выборгскою заспавою, выстроилъ лѣпный домикъ изъ барочныхъ досокъ, разсадилъ садикъ, окопалъ канавою, огородилъ, раскрасилъ: дачка вышла хопъ куда, а спойтъ и съ мѣспомъ . . . смѣшно сказать! . . . не больше осьми тысячъ. Бездѣлица!

Слуга (входитъ съ чернубурою лисьею шубою, крытою бѣлымъ атласомъ.) Поршней принесть шубу, сударыня!

Чиновница. Позови его сюда. (Портной приходитъ; она встаетъ съ софы, идетъ къ зеркалу; портной накидываетъ ей на плеча шубу; она любуется собою и ею, и поворачивается къ зеркалу то спиною, то правымъ, то левымъ бокомъ. Это продолжается добрыхъ четверть часа; обернувшись лицомъ къ портному, она говоритъ.): Вотъ теперь хорошо сидитъ; нѣпсу сумъ, полы не вздернулись. Сколько тебѣ надобно за работу?

Портной. 30 рублей, сударыня.

Чиновница (вынимая изъ портфеля бѣленькую и синенькую бумажки и гривенникъ изъ кошелька, подаетъ портному). Вотъ тебѣ 30 рублей, и вотъ тебѣ гривенникъ на водку.

Портной. Покорнѣйше благодарствуемъ, ваше высокородіе.

Чиновница (вертается передо мною въ шубѣ.) Не правда ли, что шубка славная?

Я. Рѣдкая.

Чиновница. А если-бъ вы знали, какъ дешево мнѣ она досталась; почти даромъ. Бла-

гопріятель моего мужа, Калязинскій купецъ *Расторопинъ*, ѣхавшій прошлымъ лѣтомъ на Нижегородскую ярманку, напросился на комиссію у моего *Ермолая Ивановича*. Мой мужъ поручилъ ему вымѣнять мнѣ лисій мѣхъ на мой спарый, который ужъ выносился. Онъ и вымѣнялъ эпопъ съ придачею 500 рублей; когда же онъ привезъ его къ намъ: по у моего мужа не случилось денегъ, а въ долгъ онъ взялъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ. Вотъ онъ и предложилъ ему взять за эту цѣну мои маленькія бриліаншовыя серѣжки; а купецъ такой добрый, пошчасъ и согласился.

Я. 3,000 рублей не цѣна эпому мѣху; какой легкой.

Чиновница. 6 фунповъ вѣсу.

Я. Какой пушистой, почти чѣрной.

Чиновница. Онъ былъ еще лучше, да я врѣзала два воробника для дочерей и вспавила похуже.

Я. Чѣмъ торгуетъ благопріятель вашего супруга?

Чиновница. Хлѣбомъ.

Я. Вы въ мое опсуспствіе видимо поправили свое сословіе; я же свое, напрошивъ, распродалъ, заложилъ имѣніе въ Банкъ, сдѣлалъ 5 тыс. новаго долга.

Чиновница. Вы плохой хозяинъ. Мужъ мой всегда смѣивался, рассказывая мнѣ, какъ у васъ дворовые люди въ глазахъ воруютъ, какъ управитель изъ милоспіи удѣляетъ вамъ четвертую долю доходовъ, какъ онъ увѣряетъ васъ, что въ вашихъ деревняхъ или неурожай, или хлѣбъ градомъ побилъ, а на скотину падѣжъ.

Я. Я согласенъ и самъ, что не умѣю жить домомъ. Одинъ одинѣхонекъ, проживаю по 12,000!!! Меня обкрадываетъ и кучеръ, покупая фуражъ, и кухарка, покупая для спосла припасы, и ключница, и камердинеръ; совсѣмъ пѣтъ, не надивлюсь вашему искусству жить такими маленькими деньгами. Сколько вы получаете съ деревни?

Чиновница. 8,000.

Я. Окладъ вашего супруга какъ великъ?

Чиновница. 2,500; да вотъ два года сряду выдаютъ ему столько же за примѣрно-усердную службу.

Я. И того не болѣе 13,000. Непонятно, непоспизжимо! Я бы не умѣлъ такъ изворачиваться, хоть бы меня убили.

Чиновница. Что же тутъ непонятнаго? Эпо дѣлается очень просто.

Я. Какъ просто? Повторю вамъ, что изъ 13,000 рублей дохода: содержатъ домъ, купятъ мѣсто, выстроитъ дачу, не наживъ долговъ, непонятно, непоспизжимо, удивительно—и для головы моей невмѣспизжительно!

Чиновница. Вы всегда были подозрительны. (*Смѣясь.*) Ужъ не воображаете ли вы, что мой мужъ достаепъ деньги непозвопительными средствами?

Я. Нимало.

Чиновница (*продолжая смѣяться, говоритъ насмѣшливо*). Не сказывали-ль вамъ, что онъ обыгрываетъ молодѣжъ навѣрное?

Я. Нѣтъ; я знаю, что онъ къ такимъ подлоспамъ не способенъ.

Чиновница. Повторю вамъ, божусь дѣпъми, что все эпо дѣлается *просто*.

Я. Понимаю.

А. Кораблинскій.

ДОРОГАЯ ОЦѢНКА.

Одинъ молодець, выдававшій себя за большаго умницу, носившій лорнетъ на чѣрной лентѣ, къ рукъ привязанной, и шпиглеты, служилъ секретарѣмъ при одномъ вельможѣ, извѣспномъ по обширному уму своему.— «Начальникъ мой еще не знаетъ, *зего я стою!*» сказалъ онъ въ кругу своихъ пріятелей.— Тѣмъ лучше для тебя,—шепнулъ ему одинъ изъ нихъ: опъ эпоа зависипъ пвое щаспие!—

БЕЗКОНЕЧНЫЙ КАНАТЪ.

Съ палубы купеческаго корабля висѣлъ предлинный канатъ, но безъ всякой цѣли. Капитанъ приказалъ матросамъ выплести его изъ воды. Уже четверть часа тянули они, и все еще не видавъ было конца канату. «Когда-жъ будетъ конецъ?» съ сердцемъ спросилъ капитанъ. — Видно надъ нами подшутили, и опрѣзали конецъ; — отвѣчалъ одинъ изъ матросовъ.

ОНО И ЛУЧШЕ!

Зубной лекаръ *Элгозъ* получилъ мѣсто зубнаго врача при Польскомъ королѣ *Станиславѣ Лещинскомъ*, въ пошъ самый день, въ который выпалъ послѣдній зубъ у его величества.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЛАДОСТЬ ДРУЖБЫ.

(Соч. 2-жи *Бради*).

Я часто думала о спраннымъ предрасудкѣ, который не допускаетъ возможности дружественной связи между молодымъ мужчиною и молодою женщиною, и мнѣ всегда казалось, что предрасудокъ этотъ происпекаетъ отъ испорченности сердца, не дѣлающей намъ чести. Какъ будто нельзя часто видѣть и слышать молодаго человѣка, не почувствовавъ къ нему любви? Для этого надобно было бы предполагать сердце, свободное отъ всякой склонности этого рода. Между тѣмъ намъ еспешвенно искаеть челоувѣка, который бы думалъ и чувствовалъ такъ, какъ мы. Если мнѣ двадцать лѣтъ, то безъ сомнѣнiя я не спану повпорять пятидесятилѣтнему мечтѣ моего юнаго воображенiя, который покажутся ему бреднямъ, потому что онъ забылъ уже, что приидцать лѣтъ назадъ, онъ самъ думалъ точно такъ же. Я охотнѣе изберу своимъ повѣреннымъ того, кто бы могъ запластитъ мнѣ взаимною довѣренностю, которая всего болѣе связываетъ между собою людей.

По мнѣнiю свѣта, молодая женщина не можетъ сказаать: *это другъ мой*, безъ того, чтобы другiе не примолвили: *это ея любовникъ*. Свѣтъ неправъ, я всегда буду утверждать это. Не ужели для того, чтобы предаваться чувствованiю, которое имѣетъ столько прелести для тѣхъ, кто хорошо его понимаетъ, должно ожидать возраста, когда сердце охлаждаетъ, когда нещастiя, опытность (которая сама по себѣ есть уже нещастiе), заботы и горести жизни припупляють всѣ наши ощущенiя? Чувствованiе это не подвержено разочарованiю, оно неизмѣнно, потому что дѣйствiе времени не замѣпно на лицѣ женщины-друга. Обыкновенно говорятъ: *прекрасные глаза, исполненные любвию*, но выраженiе: *прекрасные глаза, исполненные дружбою*, неупотребительно; слѣдовательно глаза подруги могутъ спарѣться.

Съ немногими исключенiями, искренняя дружба очень рѣдко вспрѣчается между женщинами: ихъ взаимныя отношенiя проотивопоставляютъ ей пьму препятстiй. Женщины часто питають другъ къ другу завись. Превосходство наряда, успѣхъ или предпочтенiе въ обществѣ, могутъ быть предметомъ ссоры между двумя женщинами. Но между мужчиною и женщиною не можетъ быть соперничества. Вы слышите, напримѣръ, что другiе говорятъ: *онъ поетъ, какъ Тамбурины!* *Онъ играетъ на скрипкѣ, какъ Беррио!* Вамъ, какъ женщинамъ, нельзя имѣть припзанiй на голосъ *Тамбурины* или на искусство *Беррио*, и отъ того это нисколько не возбуждаетъ въ васъ зависпи, и не оскорбляетъ вашего самолюбiя! Вы сами примолвите: правда! онъ поетъ, онъ играетъ превосходно! Но если скажутъ: *она поетъ, какъ г-жа Малибринъ*, вы потчасъ увидите двусмысленныя улыбки женщинъ, услышите ихъ подозрительное шептанье. Къ сожалѣнiю, я должна сказаать, что мало женщинъ, которыми бы успѣхи въ обществѣ другихъ особъ ихъ пола не были прiятны; а любить того, кому завидуемъ, конечно очень трудно, если не вовсе невозможно.

Но мужчины отчаспи не сами ли виною той недовѣрчивости, которая отвергаетъ возможность дружбы между людьми разнаго

пола. Дружба требуетъ совершеннаго отсутствія эгоизма, а эти господа (не во гнѣвъ имъ будь сказано) неспособны къ безкорыстному самоотверженію, особенно въ нашу пользу. Въ любви, все служить къ ихъ выгоду. Любящая женщина готова на всё пожертвованія, которыхъ вы опъ неё попребуете: она отдастъ вамъ свое спокойствіе, доброе имя, щастіе всей жизни, и всё эти жертвы будутъ еще казаться ей недоспащными. Для васъ, она такъ мало дорожитъ будущимъ, что вы почти не щипаете себя ей за то обязанымъ! Какъ немного мушницъ, которые бы хотѣли любить насъ для насъ собственно, безъ всякой другой взаимности, кромѣ дружескаго пожатія руки при прощаньи вечеромъ. Повторяю снова, что одинъ только эгоизмъ большой части мушницъ причиною той недовѣрчивости, какую оказываютъ въ свѣтъ къ чувству чистой дружбы между двумя полами.

И однако же, какъ сладко имѣть друга! друга, который каждый вечеръ приходитъ разсказать вамъ повѣсти; который радъ, когда заспаетъ васъ одну, но не досадуетъ, если находить у васъ и постороннихъ; который садится противъ васъ въ креслахъ, спрашиваетъ, выѣзжали ли вы, не добиваясь, куда вы ѣздили; который не имѣетъ никакихъ прихотей, потому что ничто не даетъ ему права имѣть ихъ; который отдаетъ вамъ отчетъ въ двухъ или трехъ вашихъ порученіяхъ (у женщинъ всегда есть порученія), спрашиваетъ, что вы поручите ему на завтрашній день; друга, который повѣряетъ вамъ свои юношескія печали, рассказываетъ, что ему изменили, что его забыли, что онъ уже не влюбленъ болѣе! Тѣмъ лучше для васъ, въ промежуткѣ времени, который пройдетъ между старою и новою склонностію, вы будете видашь его два раза въ день; потомъ, когда онъ спанетъ посѣщая васъ только разъ, вы съ улыбкою ему скажете: и такъ, мой другъ? — О! да, я влюбленъ, возразитъ онъ; но въ эпоху разъ не такъ, какъ прежде; я увѣренъ въ женщинъ, которую люблю. Я покажу вамъ её; это ангель!... Черезъ полгода, иногда и менѣе, въ каминъ вашъ падаетъ пакетъ писемъ,

связанныхъ голубою ленточкою; и когда пламя превратитъ ихъ въ пепель, нѣжный взоръ устремляется на васъ, какъ бы умоляя о томъ, чтобы вы не требовали объясненія, которое услышите завтра безъ просьбы. И это также составляетъ одну изъ выгодъ дружбы. О! сладко имѣть друга!...

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЁРНЫЙ ГЛАЗЪ.

(Л. Я. Бр—кой.)

О! чёрный глазъ — опасный глазъ!
Спрашивай на свѣтъ всѣхъ заразъ!
Недаромъ такъ пугаютъ имъ:
Онъ чуднымъ пламенемъ своимъ
Мнѣ сердце глубоко прожѣгъ!
Я тайной грустью занемогъ
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ первый разъ
Я встрѣтилъ этошь — чёрный глазъ.
Въ кругу людей, наединѣ,
Какъ самъ не свой, — всё грустно мнѣ;
Гляжу-ль такъ, думаю-ль, — всё онъ
Передо мной; засну: — сквозь сонъ
Имъ брежу; даже наяву,
Какъ-бы въ бреду, его зову,
И мнѣ онъ милъ, какъ будто другъ;
Но всё ему, опомнясь вдругъ,
Я говорю: не въ добрый часъ
Тебя я встрѣтилъ, чёрный глазъ!

Фонъ-Бейеръ.

РОМАНСЪ.

Мнѣ про любовь, мой другъ, не пой,
Она свѣтлѣ мнѣ переспала;
Хоть было время, что порой
И для меня она блистала.

Мнѣ про любовь, мой другъ, не пой;
Ахъ! опъ безумнаго забвенья
Я оправилъ всю жизнь поскою,
Не знавъ минувшы успѣнья.

Мнѣ про любовь, мой другъ, не пой,
 Мнѣ на любовь не отвѣчали;
 И мой утраченный покой
 Лишь за насмѣшку принимали.

Мнѣ про любовь, мой другъ, не пой,
 Я испыталъ ея мученье;
 Моей не прогались мольбой,
 Зная мнѣ съ ней нѣтъ соединенья.

* * *

E N I G M E.

Mesdames, je commence tout,
 Et je mets fin à tout;
 Si l'on me voit chez tous,
 Ce n'est pourtant jamais chez vous.

Въ No 7-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Коты*.

M O D E S.

La blonde est bien portée, mais elle n'est pas reprise généralement. Les blondes anciennes, à fleurs massives, sont tout-à-fait rejetées. Celles que nous voyons en robes ouvertes, ou robes à volant, pour toilettes de bals ou toilettes de mariées, sont les *blondes dentelles* à réseaux doubles, dessins légers et travail satiné; la blonde ainsi conçue est une des plus charmantes fantaisies de la parure; c'est la dentelle avec plus de brillant et d'éclat.

Les chapeaux ne changeront qu'à Longchamps; ils restent à demi écrasés, demi relevés, demi inclinés, gracieux et commodes. *Herbault* vient de faire, deux chapeaux en velours noir et velours vert, avec un héron couleur sur couleur, jeté de côté, noué par des rubans de satins; ils nous ont paru fort jolis, — en velours noir, était bordé d'un demi-voile.

Mlle *Beaudrant* fait des capotes du matin, toutes simples, en satin blanc, avec un tour de tête en tulle bouillonné, où se piquent des petits nœuds en bouffettes; rien n'est plus élégant et distingué que cette capote négligée dans sa forme.

L'éventail et le bouquet ont pris une place dans le costume du soir comme la ceinture ou les bijoux. Les femmes y ont trouvé tant de charme et d'élégance, qu'après avoir su conquérir ces secrets de coquette-rie, elles devaient les conserver.

Les gazes à damiers ou damassées, se mettent sur un gros de Naples si les dessins sont satinés, afin de les faire ressortir avec avantage. Ces nouvelles mantilles, placées au-dessous de la sévigné, dégagent les épaules et donnent beaucoup de grâce à la taille.

M O D Y.

Блонда въ употребленіи, по не въ общемъ. Спаринныя блонды, съ тяжелыми цвѣтами, совсемъ вышли изъ употребленія. Тѣ, которыя мы видимъ на открытыхъ платьяхъ, или съ оборками, для бальныхъ нарядовъ или для невѣсты, это *блонды-кружева*, съ двойными рѣшетками, и легкими апласисными узорами; блонда въ жакетъ видѣ самая прелестная прихоть моды; это кружево съ большимъ блескомъ.

Шляпки не измѣнялся прежде Лонъ-Шана; онѣ все въ половину раздавленные, въ половину приподнятыя, въ половину наклоненныя, ловкія и покойныя. У *Herbault* сдѣлали двѣ шляпки изъ чернаго и зеленаго бархата, съ перомъ цапли, подъ цвѣтъ, брошеннымъ на сторону, завязанныя апласными лентами; онѣ показались намъ очень красивы, — черная бархатная была съ полу-вуалемъ.

Г-жа *Beaudrant* дѣлаешь совсемъ просыые упреніе капоты изъ бѣлаго апласа, съ буфкою изъ тюля вокругъ шуды, въ которую вшыкаются небольшіе банпикки буфочками; ничего нѣтъ опличнѣе и щеголеватѣе этого просыаго капота своимъ покроемъ.

Опахало и букетъ сдѣлались также необходимы при вечернемъ нарядѣ, какъ поясъ и вещи. Женщины нашли въ томъ сполько прелести и щеголеватости, что опыскавъ эти шайны кокетства, должны были ихъ сохранишь.

Газы съ шахматцами, или камчатными, надѣваютъ на гроденапль, если узоры апласные, дабы они казались лучше. Новыя манпильи, подшиваемыя ниже севинье, придаютъ палии много ловкости.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 9.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 164 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 30 дня, 1855 года.

Гордитесь смертные умомъ!
Но безприсрасно кто въ дѣянья ваши выскрешъ,
Съ прискорбіемъ воскликнешъ:
Ахъ, міръ сей сумасшедшихъ домъ!

Нахилковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С О В ъ Т Ъ.

(*Сог. Бальзака.*)

Не болѣе, какъ во спѣ шагахъ опѣ небольшаго городка Вандома, стоишъ на берегу Луары старое, почернѣвшее зданіе, съ пре-высокою кровлею, въ совершенномъ одиночествѣ, неимѣющее въ сосѣдствѣ своемъ ни смраданаго кожевеннаго завода, ни дурной госпоиницы.

Въ виду дома разспилается садъ, прилегающій къ рѣкѣ; буковыя деревья, составлявшія нѣкогда алеи онаго, не подсприжены: вмѣстѣ съ изгородой они распушъ по произволу; молодыя ивы, выходящія изъ Луары, замѣшно поднялись; права, или лучше сказашь, бурьянъ, украшаетъ собою всѣ оплогоспи берега; цѣлые десяты лѣтъ никпо не подчищаль фруктовыхъ деревьевъ. — Шпалерныя деревья походяшъ на проспой палисадникъ изъ грабины; дорожки, усыпанныя нѣкогда пескомъ, поросли порпулакомъ; или, говоря правильнѣе, не видѣнъ даже слѣдъ прежнихъ дорожекъ.

Но все же легко можно замѣшпшъ съ высопы горы, гдѣ висяшъ развалины спараго замка князей Вандомскихъ, что въ прежнее время мѣспо сіе соспавляло наслажденіе какого нибудь спараго помѣщика, который занимался цвѣпами, любилъ розы, вообще садоводспво, и былъ, можетъ бышъ, охотникъ до вкусныхъ плодовъ. Дѣйспвипельно, вы видите бесѣдку, или развалины бесѣдки со спломомъ, коего время неуспѣло еще совершенно испребитъ. Глядя на сей садъ, пакъ сказашь, уже не суцеспвующій, вы узнаете всѣ удовольспвія пихой, сельской жизни, пакже почно, какъ угадываете по надгробной надписи прежнее суцеспвованіе какого нибудь добраго негоцианпа. Для дополненія печальныхъ и вмѣспѣ сладоспныхъ мыслей, коими наполняется душа ваша, вы находите на одной изъ спѣнъ солнечные часы съ сею просткою надписью:

Fugit hora brevis.

Кровля сего зданія замѣшно осѣла; спавни наглухо запершы; на всѣхъ балконахъ ласпочки выопъ гнѣзда; двери никогда не оп-

воряются; права пробивается сквозь разселины лѣспницъ; мѣсяць, солнце, зима, лѣто, снѣгъ, перекоробили доски, испочили животины. Мертвая тишина дома нарушаема только крикомъ птицъ, мяуканьемъ кошекъ и визгомъ крысъ и мышей, свободно тамъ разгуливающихъ.

Невидимая рука повсюду начерпала слово: *Таинство!* . . .

Ежели бы вамъ вздумалось, изъ любопытства, взглянуть на сей домъ, со стороны улицы, вы бы замѣтили огромныя, круглыя свѣрху воропа, и въ нихъ множество дыръ, кои проверпѣли ребятишки. Я въ послѣдствіи узналъ, что воропа сія уже цѣлыедесять лѣтъ, какъ заперты.

Вокругъ каждой плиты помоста пробилась права; огромныя ящерицы бороздятъ стѣны; плещъ вѣетъ по почернѣвшимъ грудамъ камней. . . . Ступени на лѣспницахъ разохлись; веревка у колокола сгнила; трубы для спюка воды изломаны: все пусто, мрачно, безмолвно. Домъ сей естъ загадка чрезвычайная, но неразгаданная; имя его: Grande-Bretèche; нѣкогда эпо было маленькое помѣстье.

Во все время ссылки моей въ Вандомъ, романтическое положеніе сего спраннаго дома составляло одно изъ большихъ моихъ удовольствій. Я предпочиталъ оный обыкновеннымъ развалинамъ: ибо при видѣ такихъ приходилъ на память воспоминанія историческія, событія уже извѣстныя и несомнѣныя; но въ семь жилищъ, коперое еще стоить и распадается, такъ сказано, само собою, — заключалась пайна; кака-то неизвѣстная мысль или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая прихоть: часто по вечерамъ я перелезилъ съ трудомъ чрезъ одичалый плетень и, весь перецарапавшись, входилъ въ сей садъ, копорый не имѣлъ владѣльца; въ сію собственность, которая не была ни общественною, ни частною, и проводилъ тамъ цѣлые часы, разсматривая и любясь безпорядкомъ. Я не хотѣлъ сдѣлать ни одного вопроса въ Вандомъ относительно сего разрушенія, хотя бы могъ узнать наспоющую причину спраннаго зрѣлища; ибо я сочинялъ тамъ дѣльные романы; я предавался тамъ не-

большимъ вольностямъ меланхоли, и ежели бы мнѣ рассказали, можетъ быть, весьма обыкновенную повѣсть сего опустѣнія, я бы не написалъ многихъ поэпическихъ произведеній, коими тогда плѣнялся.

Вы все бы нашли въ эпомъ убѣжищъ: и нѣчто монастырское и спокойствіе кладбища, но безъ усопшихъ только, кои говорятъ съ вами своими эпитафіями, и наконецъ цѣлую провинцію съ ея односторонними идеями, съ ея песочною жизнью. . . . Тамъ все располагаетъ васъ къ задумчивости, и я часто плакалъ, и никогда не смѣлся. Иногда случалось, что прямо надъ моею головою пролеталъ голубъ, съ глухимъ шумомъ разсѣкая крыльями воздухъ, и я ощущалъ невольный спрахъ. Сырость вездѣ чрезвычайная; надобно остерегаться, чтобъ не наступить на ящерицу или лягушку, кои прогуливаются съ дикою свободою природы. Тамъ холодъ не спрашенъ; ибо въ нѣскольکو минушь вы почувствуете, какъ ледяной плащъ ложился на ваши плеча, подобно рукѣ командора въ Донъ-Жуанъ. — Въ одинъ вечеръ я даже вздрогнулъ. — Въперъ повернулъ спарый испорченный флюгеръ, пронзительный скрипъ коего, похожій на крикъ, показалось мнѣ, будто бы выходилъ изъ пустаго дома: эпо случилось именно въ ту минушу, когда я доканчивалъ довольно мрачную драму; что мнѣ и объяснило сей родъ надгробной грусти.

Однажды возвратился я домой; будучи исполненъ чрезвычайно грустныхъ чувствъ.

Не успѣлъ я опужинатъ, какъ вошла ко мнѣ хозяйка, и съ таинственнымъ видомъ шепнула мнѣ: — Вотъ г. *Реньольтъ!* — «Что за г. *Реньольтъ?*» — Какъ! вы его не знаете? Спранно! . . .

И въ тоже время вошелъ въ комнату высокій, сухощавый мушина въ черномъ фракѣ, съ шляпою въ рукѣ; онъ пропянулъ шею, какъ бодливый пѣленокъ и выказалъ свою остроконечную голову и блѣдное лицо, весьма похожее цвѣтомъ на спаканъ мутной воды. Мы бы приняли его за швейцара; въ его спаромъ по швамъ испертомъ плащъ;

по у незнакомца на галспухъ сіяль бриліантъ, а въ ушахъ золотыя серьги.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?—спросилъ я. Онъ сѣлъ на стулъ, придвинулъ его къ камину, положилъ шляпу на споль, и попирая руки, опивчалъ мнѣ:

«М. г! Я г. *Реньольтъ*.»—Я поклонился, думая про себя: *Il bondo cani!*... «Я маклеръ въ Вандомъ.»

— И такъ, м. г., что же вамъ угодно?—

«Потерпите немного!» говорилъ онъ, подымая руку, какъ бы желая меня пѣмъ остановить.—«Позвольте, м. г. Я узналъ, что вы иногда изволили прогуливаться въ саду *Grande-Bretèche*.»—Да, м. г.—«Потерпите съ минутой, сей часъ!»—продолжалъ онъ, дѣлая потъ же жестъ... «Еще немного... я не Турокъ, и не вмѣняю вамъ это въ пресупленіе; только, м. г., прошу васъ въ силу духовнаго завѣщанія покойной графини *де Мере*, прекратите ваши прогулки... Неудивительно, ежели вамъ, какъ иностранцу, неизвѣсны причины, по коимъ я допускаю разрушиться лучшему дому въ Вандомъ... Однако-жь вы, м. г., кажесь человекомъ образованнымъ: слѣдовательно должны знать, что законами воспрещается входить въ чужое владѣніе, будь оно обнесено проспѣмъ племянъ или спѣной.—Конечно, положеніе дома извиняетъ ваше любопытство, и что до меня, по пожалуй вы могли бы прохаживаться сколько вамъ заблагоразсудится, но поелику на мнѣ лежитъ обязанность исполнять завѣщаніе покойницы, то и прошу васъ болѣе не жаловать въ садъ... Я самъ, м. г., со дня распечатанія духовной не былъ въ домъ, а заколошилъ только двери и окна. Да, м. г., завѣщаніе это надѣлало много шуму въ Вандомъ!...» Тутъ мой почтенный незнакомецъ остановился, чтобы доспать плапокъ. Я уважилъ его говорливость, весьма хорошо понимая, что завѣщаніе г-жи *де Мере* составляетъ важнѣйшее событіе въ его жизни, и такъ, какъ мнѣ должно было проспитъ съ моими мечтами и романами, то я согласился узнать истину офіціальнымъ образомъ. — Не будетъ ли съ моей стороны нескромностью, если я попрошу васъ

изяснить мнѣ причины, по которымъ...—спросилъ я, не договоривъ. Слова мои изобразили на лицѣ незнакомца все удовольствіе, ощущаемое обыкновенно людьми, когда коснешся ихъ любимаго предмета. Маклеръ поправилъ, охорашиваясь, воротничокъ свой, вынулъ табакерку, поднесъ мнѣ табаку, и послѣ моего отказа, захватилъ большую щепотку... Онъ былъ щасливъ!

«М. г! Я нѣкогда служилъ въ Парижѣ... Не имѣя сосоянія, я пріѣхалъ сюда къ роднымъ, и между прочимъ женился на богатой моей двоюродной сестрѣ. М. г!» продолжалъ онъ, помолчавъ нѣсколько: «я не былъ еще женатъ, какъ однажды вечеромъ, когда я ложился спать, графиня *де Мере* прислала за мною... Горничная еѣ славная дѣвица (она служилъ теперь здѣсь въ гостиницѣ), и ожидала меня съ коляской. А! потерпите немного! Надобно васъ предупредить, что графъ *де Мере* умеръ въ Парижѣ за два мѣсяца до моего прибытія сюда. Говорятъ, что онъ скончался гнусною смертію, предавшись всемъ буйствамъ... Вы понимаете? Въ день отъѣзда его г-жа *де Мере* выехала изъ *Grande-Bretèche*, вывезла всю мѣбель, а нѣкоторые утверждаютъ даже, что сожгла еѣ вмѣстѣ съ гардинами и оспальными вещами на лугу въ Мере. Мѣсяца за три уже до того, графъ и графиня спранны жили; госпожа занимала бель-этажъ, а онъ жилъ въ нижнемъ. Оставшись безъ мужа, она ѣзжала только въ церковь, а у себя не принимала даже коротко знакомыхъ.—Кажется, съ самой поѣздки ея въ Мере, она примѣтно уже во всемъ перемѣнилась. Милая дама эта, я говорю милая потому, что бриліантъ этотъ достался мнѣ отъ неѣ. Я видѣлъ еѣ всего только одинъ разъ! И такъ, добрая эта дама была очень больна... вѣроятно, отчаянно даже; ибо она умерла не пославъ за докторомъ; многія здѣшнія дамы увѣряли, что она была не въ своемъ умѣ... Вотъ, милоспивый государь, меня взяло сильное любопытство, когда я понадобился г-жѣ *де Мере*; да и не я одинъ инпересовался узнать это происшествіе, и хотя уже поздно было, однако-же всѣ жители узнали о моемъ отъѣздѣ въ Мере. Горничная почти не оп-

въчала мнѣ на мои вопросы во время дороги, но сказала только, что госпожа ея едва ли проживетъ до утра.... Въ одиннадцать часовъ я прѣхалъ въ замокъ. Взошедъ по парадному подъѣзду, и пройдя большія комнаты, чершовски холодныя и сырыя, очутился я въ спальнѣ графини. Судя по безчисленнымъ полкамъ нашихъ жипелей, я воображалъ себѣ госпожу *дѣ Мере* прекрасною женщиною, кокеткою.. Ба! представьте себѣ, что я едва могъ замѣпить еѣ въ огромной постель! Одна только лампа освѣщала сію огромную комнату. Небольшой столъ стоялъ у кровати; на немъ лежалъ креспикъ съ распятиемъ, которое, говоря въ скобкахъ, я подарилъ женѣ, вмѣстѣ съ лампой.— Два стула и кушетка находились, вѣроятно, для сидѣлки.— А! милоспивый государь, ежели бы вы были на моемъ мѣстѣ въ эпоху огромной, обипшой черными обоями комнаты, вы бы по же подумали, что васъ перенесли въ наслоящую сцену изъ романа; память было холодно!.. вѣяло могильною сыростью!..

При пособіи пусклага свѣпа лампы, падашаго на подушки и при усильномъ напряженіи зрѣнія моего, я наконецъ разглядѣлъ госпожу *дѣ Мере*: лицо ея имѣло цвѣтъ желшаго воску и походило на двѣ сложенныя руки. На головѣ графини былъ кружевной чепецъ, изъ подъ котораго выказывались черныя и сѣдые волосы. Она приподнялась съ большимъ усиліемъ.— Черныя глаза ея, впавшіе глубоко, вѣроятно отъ лихорадки, и почти безжизненные, едва поворачивались въ своихъ глубокихъ впадинахъ,— чело ея было увлажнено; руки ея подобны были болѣе коспямъ, обтянутымъ тонкою кожею; жилы, мускулы рѣзко обозначались; видно было, что она нѣкогда была прекрасна; но въ эту минушу, непоспимое чувство проникло меня: кажешся, живое существо не могло бы дожить до такой худощавости.... Спрашно было смотрѣть!... Губы ея были блѣдножелшовашаго цвѣпа, и когда она заговорила со мною, то едва могла шевелить ихъ! Верхняя губа была по краямъ обозначена двумя тѣмными впадинами; и эштопъ знакъ крѣпкаго сложенія являлъ всѣмъ справеданія, чрезъ которыя она должна была прой-

ти, пока достигла своей искусственной жизни, которая позже наконецъ угасала.— По обязанности моей въ Парижѣ, я привыкъ къ такимъ явленіямъ, но увѣрю васъ, что вопли и слѣзы несчастныхъ семействъ были ничто, въ сравненіи съ сею одинокою женщиною въ семъ обширномъ зданіи.— Тишина была совершенная; я даже не замѣпилъ, чтобы одѣяло больной шевелилось отъ дыханія, и я споялъ неподвижно, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, глядя на умирающую.. Наконецъ, большіе глаза ея съ прудомъ обратились ко мнѣ; она хопѣла поднять правую руку, но она опустилась; и слова сіи, подобно дуновенію, вылетѣли изъ устъ ея, ибо голосъ ея уже не былъ голосъ:

— Я васъ ожидала съ большимъ неперпніемъ....—

Лицо ея покрылось румянцомъ отъ усилія заговорить.

«Сударыня,» сказалъ я. Она сдѣлала знакъ мнѣ замолчать. И въ ту же минушу спарая сидѣлка шепнула мнѣ: Не говорите... Графиня не можетъ слышать ни малѣйшаго шуму, и слова ваши могутъ встревожить еѣ.—Я сълъ. Нѣсколько минутъ спустя, графиня, собравъ послѣдній остатокъ силъ, съ большимъ прудомъ пропаянула руку къ изголовью; послѣ чего остановилась; наконецъ, послѣ послѣдняго усилія, чтобы выдернуть еѣ съ запечатанною бумагою, крупныя капли пота выступили на лицѣ ея.

— Ввѣрю вамъ завѣщаніе мое!..— сказала она. А! Боже!... Вопъ всё. Она взяла Распятіе, лежавшее на постель; послѣшно прижала его къ устамъ и умерла.— Выраженіе неподвижныхъ ея глазъ и теперь приводитъ меня въ препетъ, когда вспомню о нихъ... Видно, много она спрадала.... Въ угасающемъ взглядѣ ея изображалась радость, и эшто чувство запечатлѣлось на закалившихся глазахъ.

Почти все состояніе свое графиня завѣщала Вандомской больницѣ; что же касается до *Grande-Bretêche*, то она приказывала оставить домъ сей въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, и въ печеніе пятидесяти лѣтъ,

щипая срокъ со смерти ея, не впускашь въ оный никого; не дѣлаешь никакихъ починокъ, и если понадобится, наняшь даже спорожа для почнаго исполненія воли ея. По исполненіи сего срока, домъ сей долженъ принадлежать мнѣ, или моимъ наследникамъ.—Родственники ея не предъявили своихъ припязаній. И такъ. . .» Не договоривъ послѣднихъ словъ, незнакомецъ взглянулъ на меня съ поржесивующимъ лицомъ. . . Я отвѣчалъ ему кой-какими вѣжливостями, чѣмъ вполне ошаспливилъ его.

— «Признаюсь, милоспивый государь, вы произвели чрезвычайно сильное на меня впечатлѣніе; мнѣ кажется, я вижу умирающую блѣднѣе покрововъ ея; сверкающіе глаза ея наводятъ на меня страхъ, и вѣрно я увижу ихъ сегодня во снѣ. . . Но вѣроятно вы возьмете кой-какія догадки опносительно содержащагося въ духовномъ завѣщаніи. . .» — «Милоспивый государь,» отвѣчалъ онъ мнѣ съ комико-таинственною ужимкою: «я никогда не осмѣливаюсь судить объ особахъ, сдѣлавшихъ мнѣ честь наследствомъ.»

— По этому, милоспивый государь,—сказалъ я: въ завѣщаніи госпожи де Мерге нѣтъ ничего новаго. —

— «По дорогѣ отъ Версаля, въ Парижѣ, находится домъ, подчиненный такому же точно управленію.» —

— Не знаю въ силу ли это духовнаго завѣщанія, или просто капризъ живаго челоука.—

Маклеръ пропянулъ шею съ видомъ нѣсколько оскорбленнымъ, и наконецъ, къ щаспью, оставилъ меня.

(Опознаніе въ слѣд. листѣ.)

КАЛАМБУРЪ.

Недавно вышущенный изъ Кадетскаго корпуса офицеръ, находясь въ гостяхъ у своего родственника, сподялъ у камина и грѣлся. «Вы вѣрно озябли?» спросила его одна дама. — Нѣтъ,—отвѣчала родственница его: —онъ привыкаетъ къ огню.—

КНИГИ-ФУТЛЯРЫ.

Есть книги, до того пуспья, что ихъ можно употреблять вмѣсто футляровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

(Изъ Шиллера.)

Радость, первенецъ творенья,
Дщерь великаго Опца,
Мы, какъ жертву прославленья,
Предаемъ тебѣ сердца!
Все, что дѣлишь прихоть Свѣта,
Твой алтарь сближаешь вновь;
И душа, шобой согрѣша,
Пьетъ въ лучахъ своихъ любовь!

Х о р ъ.

Въ кругъ единый, Божьи чада!
Вашъ Отецъ глядитъ на васъ!
Святъ Его призывный гласъ,
И вѣрна Его награда!

Кто небесъ провидѣлъ сладость,
Кто любилъ на сей земли—
Въ миломъ взорѣ черпалъ радость,—
Радость нашу раздѣли:
Всѣ, чье сердце сердцу друга
Въ братской вторило груди;
Кто-жь не могъ любить—изъ круга
Прочь съ слезами отойди!

Х о р ъ.

Душъ родство! О лучъ небесный!
Вседержащее звено!
Къ небесамъ ведетъ оно,
Гдѣ вишаетъ Неизвѣстный!

У груди благой природы,
Все, что дышитъ, радость пьетъ!
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ.
Нали друзей дала въ нещасть—
Гроздй сокъ, вѣлки Харитъ,—
Насъкомымъ—сладоспираспье—

.

Х о р ь.

Что, сердца, благовѣстите?
Иль Творецъ сказался вамъ?
Здѣсь лишь тѣни—солнце тамъ—
Выше звѣздъ Его ищите!...

Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поимъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенишь;
Травку выманила къ свѣту,
Въ солны—хаосъ развила,
И въ пространствахъ—звѣздочешу
Неподвластныхъ—развила!

Х о р ь.

Какъ міры каплялся слѣдомъ
За вседвижущимъ першомъ,
Къ нашей цѣли попечѣмъ
Бодро, какъ герой къ побѣдамъ.

Въ яркомъ испины зеркаль
Образъ Твой очамъ блещишь,
Въ горькомъ опыта фіалѣ
Твой алмазъ на днѣ горипшь.
Ты, какъ образъ прохладенья,
Намъ предходишь средь шрудовъ,
Свѣщишь упромъ возрожденья
Сквозь разсыпны гробовъ!

Х о р ь.

Вѣрше правящей Десницъ! —
Наши скорби, слѣзы, вздохъ,
Въ ней хранятся, какъ залогъ —
И искупаются спорицей.

Кто постигнешь Провидѣнье?
Кто явишь спези Его?
Въ сердцѣ сыщемъ откровенье,
Сердце скажешь Божество!
Прочь вражда съ земнаго круга!
Породнись душа съ душой!
Жершвой месни—купимъ друга,
Пурпуръ вретшица цѣной!

Х о р ь.

Мы врагамъ своимъ просили,
Въ книгѣ жизни нѣтъ долговъ;

Тамъ, въ святилищѣ мировъ,
Судишь Богъ, какъ мы судили!...

Радость грозды наливаєшь,
Радость кубки пламенишь,
Сердце дикаго смягчаешь,
Грудь опчаянья живишь!
Въ искрахъ къ небу брызжешь пѣна,
Сердце чувствуешь полнѣй; —
Други, братья, на колѣна!
Всеблагому кубокъ сей!

Х о р ь.

Ты, чья мысль духовъ родила,
Ты, чей взоръ міры зажогъ!

.....
Жизнь мировъ и душъ свѣтило!

Слабымъ—братскую услугу,
Добрымъ—братскую любовь,
Вѣрность кляпвъ—врагу и другу,
Долгу въ дань—всю сердца кровь!
Гражданина голосъ смѣлой
Въ судъ, въ совѣтъ къ земнымъ богамъ;
Торжествуй святое дѣло—
Вѣчный спыдъ Его врагамъ.

Х о р ь.

Нашу длань къ Твоей, Отецъ,
Проспираемъ въ безконечность!
Нашимъ кляпвамъ даруй вѣчность,
Наши кляпвы—гимнъ сердцецъ!

О. Тютчевъ.

Минскъ.
1823. Февраль.

К Ъ * * *

Вопь онъ, вопь онъ, надъ чьей могилой
Слеза не канешъ съ грустныхъ вѣждъ!
Вопь онъ, влачащій жизнь безъ милой,
Безъ друга, кровныхъ и надеждъ:
Опъ слезъ его померкли очн,
Ланишы впапи опъ поски—
И весь онъ, будпо призракъ ночи —
Возспавшій съ гробовой доски!...

О М О Н И М Ъ.

Я модный, я большой,
Я образованный: и щеголь городской
Тщеславился, что онъ живетъ во мнѣ, хлопочеть,
И знался съ шѣми, кто мнѣ чуждъ, совсѣмъ не
хочеть.

Я солнечный, я лунный, я свѣчной,
Я ослѣпительный, я блѣдный, смѣшанъ съ мглой;
Я ночью прячуся, играю невидимку,
И если видѣнъ я: по будто какъ сквозь дымку,
Иль за стекломъ фонарнымъ;
Днемъ я вездѣ являюсь лучезарнымъ.

Въ № 8-мъ, помѣщенная загадка значить: *La lettre.*

К Р И Т И К А.

Картина послѣдней войны съ Персією.

1826—1828.

Г. *Зубовъ* увѣряетъ, будто: «онъ велъ ежедневный журналъ эпохи войны, и что до изданія онаго вполнѣ, по обстоятельству, не отъ него зависящимъ, онъ рѣшился представить Публикѣ краткую, но полную картину Персидской войны, съ истиннымъ, вѣрнымъ взглядомъ на настоящій ходъ обстоятельство...» Такъ говоритъ авторъ въ своемъ предувѣдомленіи. Громкое заглавіе соблазнило меня, я купилъ книгу, прочелъ, — и, къ крайнему удивленію и сожалѣнію, не нашелъ въ ней ничего книжнаго. Въ ней столько ошибокъ, опечатокъ и всякаго рода неисправностей (*), что немного книгъ найдется, равныхъ съ нею въ этомъ отношеніи. Картина войны вмѣщена въ самую пѣсную рамку: два листка въ 12 д. широко распавленнаго шрифта, безспорно показывають краткость; но ни картины, ни полноты, никакого взгляда, ни вѣрнаго, ни ложнаго, и ни одного обстоятельства, сколько нибудь означающаго слѣдъ и ходъ

(*). Копіи и содержателью Типографіи г. *Вингеберу* не душно бы нанять корректора порачишеднѣе.

дѣла, мы въ эпоху небольшой книжкѣ не отыскали. Изложеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ темно и сбивчиво, что съ прудомъ можно доискаться смысла.

Если авторъ, послѣ перваго неудачнаго опыта, намѣревался не на шулку написать настоящую войну Россіи съ Персією, то для общаго блага и его пользы, совѣтуемъ ему не порочиться окончаніемъ, и со всею возможною къ себѣ недовѣрчивостію, сначала изучить свой предметъ сколько можно тверже по правиламъ тактики и стратегіи, перенести всѣ дѣйствія опрядовъ на карту, свести, повѣрить ихъ по числамъ, по часамъ; — потомъ, поставивъ себя на мѣсто главнокомандующаго, его рукою и умомъ привести въ движеніе всю дѣйствовавшую армію, въ такомъ почно порядкѣ, какъ шла она противъ непріятеля. Съ такою же почно полнотою должно описать и дѣйствія непріятельской арміи. Словомъ, не смотря на краткость, надобно обозрѣть событія вполнѣ, и въ живой, движущейся картинѣ, нарисовать ихъ кистию художника, разумющаго свое ремесло, — умющаго чистаго происшедшее на полѣ битвы, почно такъ, какъ долженъ чистаго ихъ всякой генераль, всякой военный человекъ, берущій перо въ руки. Если бы г. *Зубовъ* зналъ свой предметъ глубже, по, конечно, онъ снялъ бы намъ, какимъ образомъ *Аббасъ-Мирза* съ 25-ю тысячами могъ очутившись въ тылу нашей арміи, и напасъ на армиллерійскій паркъ и обозъ, прикрываемый только 2,500 человекъ. Этого не могло случиться ни съ опрядомъ нашимъ, ни съ чистапельями, если бы авторъ писалъ свою картину войны по изложеннымъ выше правиламъ, слѣдуя коимъ, онъ никого не ввелъ бы въ заблужденіе.

Не столько по непріятному долгу критика, сколько по доброму желанію, скорѣе видѣть войну Персидскую, Турецкую, и если можно, по и послѣднюю Польскую войну, написанную перомъ человека, разумющаго свое дѣло, скажемъ молодому автору для переду, что взгляды частныя всегда бывають односторонни: въ такихъ взгля-

дахъ, какъ его, обыкновенно довольствуюпя однимъ общимъ резульпапомъ, въ копоромъ дѣйствіа не объясняются причинами, а причины оспаются безъ дѣйствіа. Это нѣчто мерпвое, безцѣпное, не имѣющее ни образа, ни жизни, изображаемое одними общими, привычными выраженіями: Ура! впередъ! наша взяла! — Всѣ пакія выходки, по похвальному обычаю, какъ въ могилу опускаюся въ сырые подвалы архивовъ, — и памъ предаюся вѣчному забвенію. Спранно, что г. *Зубову* вздумалось рисовать картину, или лучше, снимапъ плохіе списки съ реляцій, краснорѣчиво написанныхъ и во всенародное извѣспіе погда же объявленныхъ. Смѣло — да за по и неудачно!

В. Б.

М О Д Е С.

Les bals se succèdent et amènent peu de nouveautés; on y porte beaucoup de fleurs; et pour bijoux, des diamans. — Le blanc est de bon goût; la semaine dernière, à l'un des petits bals du château on remarquait que toutes les toilettes étaient blanches, sauf les fleurs.

Les robes, en reprenant les volans, ont repris aussi les garnitures de bal. Palmyre dispose une espèce de draperie retenue par des bouquets, qui fait un effet charmant sur une jupe de tulle; elle était portée avec distinction par madame S., ainsi que tout l'ensemble de sa toilette, riche et élégante. Sa robe en tulle blanc, à corsage tyrolien, était garnie de tulle illusion, successivement souple, pressé sans régularité, formant la draperie, et retenue sous une branche de feuillage de pimpernelle. Cette draperie revenait en diminuant sur les devans, où elle se perdait en remontant avec deux branches de pimpernelle à moitié de la jupe; dans les cheveux madame S... avait une couronne de pimpernelle, où se mêlaient quelques épis de diamans.

Dans le même genre, nous avons vu' une robe de gaze rose, garnie de gaze avec des nœuds satin au lieu de fleurs.

Une autre garniture, légère et très-bien portée, est une ligne interrompue de bouquets inclinés. Nous désignerons plus particulièrement les grappes de troëne, les bouquets de bruyère, les jacinthes, et les roses multiflores ou les roses noisette: l'acacia rose est joli sur le tulle blanc ou de couleur. Les fleurs jaunes ne vont à peu près que sur les étoffes jaunes ou roses.

Pl. No 4. Travestissemens, costume allemand du 17 et du 19 Siècle.

М О Д Ы.

Балы слѣдуюпъ одинъ за другимъ, а новостей мало появляеся; носяпъ много цвѣшовъ и бриляншовъ. — Бѣлый цвѣпъ въ больпвомъ вкусѣ. На прошедшей недѣль, на небольшомъ балѣ въ замкѣ, замѣчательно было, что всѣ были одѣпы въ бѣломъ, кромѣ цвѣшовъ.

Съ появленіемъ оборокъ на плапьяхъ, показываюся и бальныя накладки. Пальмира дѣлаепъ родъ драпировки, подхваченной букетами цвѣшовъ, что прелесно на пюлевой юбкѣ; на г-жѣ S. это было оплично, какъ вообще весь еѣ богатый и щеголеватый нарядъ. Бѣлое пюлевое плапье, съ Тирольскимъ лифомъ, опдѣлано было пюлемъ illusion, мягкимъ, прихваченнымъ неправильно, составившимъ драпировку, которая прихвачена была подъ вѣпку липьевъ *pimpernelle*, и уменьшаясь спереди на полахъ, перядась съ двумя вѣпками *pimpernelle* на половинѣ юбки; въ волосахъ г-жи S... была гирланда изъ *pimpernelle*, куда прибавлено было нѣсколько бриляншовыхъ колосьевъ.

Мы видѣли въ шакомъ же родѣ розовое газовое плапье, опдѣланное газомъ, съ апласными бантами вмѣсто цвѣшовъ.

Другая опдѣлка, легкая и весьма приличная, состоиптъ изъ полоски, прерванной висящими букетами. Мы особенно назовемъ: киспи изъ бирюзины (troënel), букеты изъ вереска (bruyère), гіациншы, многоцвѣпныя или орѣховыя розы: розовая акація красива на бѣломъ или цвѣпномъ шюль. Желтые цвѣпы почти идушъ шюлько къ желтымъ или розовымъ матеріямъ.

Карш. No 4. Маскерадные наряды.

№ 4. Амур. Труд. Тр. П. №.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 10.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 2 ДНЯ 1835 ГОДА.

Надъ мопылькомъ смѣялся человекъ:
—Госпъ упренній! по чеспы пыхъ мнѣ жалокъ!—
Онъ говоритъ: мгновенье—вопъ швой вѣкъ!—
И мопыльку могила—кусъ фіалокъ.—
За годомъ годъ порошится во слѣдъ,
И спарикъ опсчитано спо дѣтъ.
Часъ смерти бѣтъ! спарикъ на смерпномъ ложѣ
Вдохнувъ, сказалъ: и вѣкъ мгновенье поже!

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НА СВѢТѢ НѢТЪ БЕЗОБРАЗНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.

Древніе, когда имъ не о чемъ было гово-
ришь, заводили споръ о прекрасномъ, и такъ
какъ это никогда не доводило ихъ до како-
го нибудь заключенія, то вопросъ всегда
оспавался нерѣшеннымъ. Одному изъ поэтовъ
прошедшаго столѣтія назначено было одна-
ко же положить конецъ эпимъ прѣніямъ
слѣдующимъ стихомъ:

Rien n'est beau que le vrai: le vrai seul est aimable.

Но то, что прекрасно въ одной землѣ, мо-
жетъ быть вовсе не прекрасно въ другой.
Напримѣръ, хопите ли знашь, въ чемъ по-
спавляющъ Арабы красому женщины?

По ихъ понятіямъ, у неѣ должны быть
большіе черные глаза, задумчивый и спрасп-
ный взоръ; брови, подобныя двумъ дугамъ
ѣбеноваго дерева, и станъ прямой и гибкій,
какъ дропикъ. Это изображеніе прилично

хорошенькимъ женщинамъ всѣхъ земель, но
Арабская красавица, сверхъ того, должна
опличаться поступью, похожею на поступь
жеребѣнка; она должна припомъ красить
черною краскою свои рѣсницы, синюю губы
и желпою ногти; наконецъ, рѣчь ея должна
быть слаще меда. У Турокъ вкусъ гораздо
проспѣе: они всему предпочитающъ лицо
круглое, какъ полная луна, и бедра, полспыя
какъ подушки. Можетъ быть изъ угожде-
нія посланнику Оптоманской Порты, плащя
нашихъ дамъ опличающъ съ нѣкопорого
времени такою несоразмѣрною полнопою.

Воспламененное своимъ предметомъ, вооб-
раженіе мое обозрѣваетъ пѣ плѣнительныя
прелести, копорыми благодѣтельная приро-
да такъ щедро надѣлила женщинъ всѣхъ
клинаповъ, всѣхъ обласпей, королевспвъ,
имперій. Когда подумаю, что лилейная бѣ-
лизна пѣла, на копорую мы смопримъ съ
наслажденіемъ, по мѣнцію Африканцевъ, со-
спавляющъ опличительный признакъ врага

человѣческаго рода, и что путешественникъ Брюсъ былъ обязанъ ей пѣть, что въ Абиссиніи его сочили за чорпа, но вслѣдствіе разъ благословляю Провидѣніе за то, что оно съ такою премудростію примѣнило вкусы людей къ различнымъ формамъ и цвѣтамъ. Такъ оливковый цвѣтъ лица у южныхъ Европейскихъ женщинъ, мѣдный у Американокъ, и скрытый подъ премою дюймами грязи у женщинъ Эскимосскихъ, всѣ составляютъ предметъ гордости одного пола и наслажденія другаго.

Послѣ цвѣта кожи, самое значительное разнообразіе, замѣчаемое въ чертахъ, образующихъ красоту, встрѣчается въ формѣ носовъ. Начиная отъ курносыя Негрипки до своенравной *Рокселаны*; отъ маленькаго вздернутаго носика, который предписывала законы Оптоманской имперіи, до величественнаго носоваго очерпанія любимой наложницы мудрейшаго изъ царей Израильскихъ, — какое удивительное разнообразіе формъ и размѣровъ!

Какова бы впрочемъ ни была разность въ понятіяхъ, составленныхъ каждымъ народомъ о красотѣ и правильности чертъ, но почти всѣ онѣ согласны между собою въ отношеніи къ симетріи формъ. Одинъ Африканскій принцъ, во время пребыванія его въ Лондонѣ, былъ представителемъ прекрасной герцогини *Д.* . . . — Какъ жаль, — сказалъ онъ: что у ней не черная кожа, не полстыя губы, и что волосы ея не похожи на шерсть! — Въ эпоху исчисленія прелестей своихъ соотечественницъ, принцъ не упомянулъ о тѣхъ, которыхъ, въ его землѣ, имѣютъ свойство выпягиваться до такой степени, что ихъ закидываютъ, на плеча для того, чтобы дитя, привязанное ремнями на спинѣ у матери, удобнѣе могло почерпнуть въ нихъ питательное вещество, необходимое для его существованія.

Такимъ образомъ, на свѣтѣ нѣтъ безобразныхъ женщинъ, а есть одна только немѣстная красота. По этому, милостивыя государыни, никогда не употребляйте того непріятнаго сочетанія словъ, котораго преобусть граматака, но которое равно опровергаютъ чувство и разумокъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С О В ъ Т Ъ.

(*Окончаніе*).

Не успѣлъ я углубиться въ сочиненіе романа à la Radcliff, какъ вдругъ отворилась дверь и вошла полстная, веселая, словоохотная моя хозяйка, конечно за пѣть, чтобы узнать причину посѣщенія маклера. Мнѣ хотѣлось вывѣдать отъ ней, не вѣдаетъ ли она чего нибудь касательно г-жи *де Мере*, и послѣ продолжительнаго, утомительнаго предисловія, я узналъ слѣдующее:

— Изъ числа находившихся здѣсь, по повелѣнію Императора, плѣнныхъ Испанцевъ, у меня кваршировалъ одинъ молодой офицеръ, присланный въ Вандомъ на честное слово. — Онъ былъ Испанскій грандъ, спатный, красивый юноша, вовсе непохожій на свою братью гадкихъ Испанцевъ. . . . Имя его записано у меня въ регистръ, если хотите, прочтите сами. Я его много любила, не смотря на то, что не услышишь бывало отъ него болѣе чепырехъ словъ въ цѣлый день. Онъ былъ молчаливъ и разсѣянъ, ходилъ къ обѣднѣ и обыкновенно споялъ вблизи г-жи *де Мере*, точно какъ святоша, и никто не подозрѣвалъ, чтобы это дѣлалось съ намѣреніемъ. . . . По вечерамъ прохаживался въ горахъ: это напоминало ему его гористую родину, или бродилъ по развалинамъ замка, и возвращался обыкновенно къ полуночи. . . . Меня сначала это беспокоило; послѣ, мы привыкли къ его странностямъ. Однажды одинъ изъ кучеровъ нашихъ водилъ лошадей на водопой и, возвратясь, рассказывалъ, что видѣлъ, какъ грандъ купался и поплылъ вдоль рѣки не хуже рыбы. Увидѣвшись съ нимъ, я совѣтовала ему беречься болотныхъ нравъ, но ему кажется очень не понравилось, что видѣли его въ водѣ. Наконецъ въ одно утро, мы не нашли гранда въ его комнатѣ. Онъ не возвратился. Я шарила по всѣмъ угламъ и опыкала въ сполѣ записку его руки, и при ней пятьдесятъ червонныхъ, и бриллантовъ на десять тысячъ франковъ, запечатанныхъ въ небольшомъ ящикѣ. Въ запискѣ сказано было:

ежели онъ не возвратится, по все сіе должно принадлежать намъ, а о немъ не дѣлашь никакихъ розысковъ.—Мужъ мой жилъ еще тогда; онъ съ упра же опсправился опыскивать Испанца; и вопъ чпо случилось: *Лена* мой возвратился домой съ однимъ плащемъ, которое опыскалъ на берегу рѣки подъ однимъ большимъ камнемъ со спорны замка. Я показала письмо; онъ прочелъ его, сжегъ плаще, и объявилъ о побѣгѣ графа *Фередіа*.—Пуспились въ погоню: не шупъ-по было; *Лена* полагаель, чпо Испанецъ утонулъ... а я скорѣе подумала, чпо онъ замѣшанъ въ дѣлѣ г-жи дѣ *Мере*: ибо *Розалия* рассказывала, чпо госпожа ея велѣла съ собою положить въ гробъ распятіе чернаго дерева въ серебряной оправѣ, и шакое же почно я видѣла у графа *Фередіа*, но послѣ оно неизвѣсно какъ и куда дѣвалось.— Не правда ли, сударь, я могу владѣшь безъ угрызения совѣспи принадлежащю тысячами Испанскихъ франковъ? —

«Безъ сомнѣнїя... Но чпо же ты не распросила подробно *Розалию*?»

— Распращивала, да дѣвка эша спѣна наспоящая... знаель кой-чпо, а никакъ не выболпаель.... —

Спустия нѣсколько минушь, госпожа *Лена* удалилась — предспавя меня мрачнымъ мыслямъ, и возбудивъ во мнѣ романическое любопытство и религиозный прешеть, весьма сходный съ глубокимъ чувствомъ, ощущаемымъ нами при входѣ ночью въ тѣмную церковь, когда мы видимъ на высотѣ сводовъ опдаленный свѣтъ.

Забывшїй, полуразрушенный замокъ незапно предспавился мнѣ въ образѣ фаншастическомъ; я спарался проникнушь въ сіе шанспвенное жилище, опыскивая ключа къ сей поржественной повѣспи и къ оправѣ, погубившей прехъ особъ.

Розалия въ моихъ глазахъ была занимательнѣйшимъ сущеспвомъ въ цѣломъ Вандомѣ. Разспашпривая еѣ внимательно, я впервые замѣспилъ въ этой душѣ основаніе угрызений или надеждъ.—Нѣтъ, подумалъ я, не выѣду изъ Вандома, пока не вывѣдаю всѣхъ подроб-

носпей разрушающагося замка, и если нужно, сдѣлаюсь даже другомъ *Розалии*.

Двѣ недѣли спустя послѣ посѣщенїя маклера, я однажды сказалъ *Розалии*:

«Расскажи мнѣ пожалуй все, чпо знаель о г-жѣ дѣ *Мере*?»

— О! — опвѣчала она съ ужасомъ: не спрашивайте меня лучше! Если же вы хопите эшаго непременно, по общайте мнѣ хранишь все слышанное въ шайнѣ. — Я согласился на ея условіе, и не повпоряя собспвенныхъ ея словъ, передамъ рассказъ ея шакъ, какъ онъ врѣзался въ мою память:

Спальня госпожи дѣ *Мере* находилась въ нижнемъ эшажѣ. — Небольшой чуланчикъ, углубленный въ спѣну, служилъ гардеробомъ. За при мѣсяца предъ происшеспвїемъ, о которомъ я намѣренъ говорить, госпожа дѣ *Мере* очень заболѣла, и мужъ ея переселился въ первый эшажъ.

По какому-то непредвидимому случаю онъ возвратился въ шопъ вечеръ ранѣе обыкновеннаго, проигравъ долго и много на билїардѣ. Хопя съ нѣкотораго времени господинъ дѣ *Мере* довольспвовался упвердипельнымъ опвѣпомъ *Розалии* на вопросъ свой, спить ли супруга его, и обыкновенно шель прямо къ себѣ съ привычкою, похожею на дѣпскую доврчивость. Но на этотъ разъ ему какъ-то вздумалось зайши къ госпожѣ дѣ *Мере* и рассказашъ ей свою неудачу, а можешь бышь даже и поискашъ у неѣ меня. Онъ вспомнилъ, чпо за обѣдомъ г-жа дѣ *Мере* была очень мила, и, возвращаясь домой, прспто сказалъ себѣ, чпо женѣ его лучше. Замѣчаніе сіе сдѣлано было немного поздно, какъ обыкновенно дѣлаелься всѣмъ мужьями. Вмѣсто того, чпобы позвашь *Розалию*, которая въ шо время глаза въ кухнѣ, господинъ дѣ *Мере* направилъ спопы свои прямо въ спальню жены, при свѣпѣ фонаря, поставленнаго имъ на первой ступени лѣспницы. Легко было узнать его по походкѣ, раздававшейся въ сводахъ коридора. Въ шу самую минушу, когда онъ поворачивалъ ключъ у

двери, ему послышалось, что запираютъ дверь гардеробнаго чуланчика, а между тѣмъ, войдя въ комнапу, онъ увидѣлъ госпожу дѣ *Мере*, сплещающую передъ каминомъ. . . .

Въ проснопѣ души онъ было подумалъ, что вѣрно *Розалія* памъ; но подозрѣнне, какъ колоколь зазвенѣвшее въ его ухахъ, родило въ немъ недовѣрчивость: онъ приспально посмопрѣлъ на жену и прочелъ въ ея глазахъ какое-то смяпенне.

— Ты поздно возвращаешься сегодня? — спросила она дрожащимъ голосомъ. Господинъ дѣ *Мере* не отвѣчалъ, потому что появленне *Розаліи* было для него громовымъ ударомъ. Не говоря ни слова, онъ съ крестобразно сложенными руками началъ прохаживаться по комнапѣ опъ одного окна къ другому.

— Что ты такъ печаленъ, что съ побою? — спрашивала госпожа дѣ *Мере* боязливо, между тѣмъ, какъ *Розалія* раздѣвала еѣ. Онъ безмолвствовалъ. Спупай спать, я сама завью себѣ волосы, сказала госпожа дѣ *Мере*. Предугадывая какое нибудь нещастіе по лицу мужа, она хотѣла остаться съ нимъ наединѣ.

По мнимомъ уходѣ *Розаліи*, мнимомъ попому, что она оставалась въ продолженне нѣсколькихъ минутъ въ коридорѣ, господинъ дѣ *Мере*, блѣдный, съ дрожащими губами и большимъ хладнокровіемъ, подошелъ къ госпожѣ дѣ *Мере*, сказалъ:

«Сударыня! въ вашемъ гардеробѣ кто-то есть. . . .»

Выдержавъ испытующій взглядъ его съ удивительнымъ спокойствіемъ, она просто отвѣчала:

— Нѣтъ никого! . . . —

Эпо *нѣтъ* разорвало его сердце: ибо онъ ему не повѣрилъ; а между тѣмъ жена его никогда не казалась ему смиреннѣе, какъ въ эту минупу.

Онъ вспалъ, чтобы оппереть дверь, но госпожа дѣ *Мере* остановила его, схвативъ за руку; нѣжно и задумчиво посмопрѣла ему

въ лицо и спранно дрожащимъ голосомъ сказала:

— Ежели ты никого не найдешь. . . . по помни, все между нами кончено. . . . —

Чрезвычайное благородство въ осанкѣ графини возвратило мужу все къ ней уваженне.

«Да, *Жозефина!*» говорилъ онъ, я не пойду. . . Во всякомъ случаѣ мы навсегда бы разлучились. . . . Но слушай. . . . я знаю всю чистоту пвоей души, ты вѣрно бы не захотѣла взять на себя смерпнаго грѣха? . . . »

При сихъ словахъ графиня обрапила къ нему свой смупный взглядъ.

«Возьми, вопъ Распятіе пвое. . . . Клянись мнѣ предъ Богомъ, что памъ нѣтъ никого. . . . я повѣрю тебѣ, и никогда не оппру эпой двери. . . .»

Взявъ распятіе въ руки, госпожа дѣ *Мере* сказала въ полголоса:

— Клянусь! —

«Громче,» прервалъ еѣ графъ: «повтори: клянусь предъ Богомъ, что въ эпой комнапѣ нѣтъ никого. . . .»

Она повпорила кляпву, не смупясь даже нисколько.

«Довольно!» сказалъ господинъ дѣ *Мере*, и послѣ минупнаго молчанія, присовокупилъ:

«У тебѣ кажется новая, очень красивая вещь, которой прежде мнѣ не удавалось видѣть.» И съ большимъ вниманіемъ началъ онъ разсматривать крестъ чернаго дерева съ серебрянымъ Распятіемъ.

— Я достала эпотъ крестъ опъ *Дювиге*, а онъ купилъ его у одного Испанскаго монаха, когда топу проходилъ вмѣстѣ съ плѣнными черезъ Вандомъ въ прошломъ году. —

«А!» сказалъ господинъ дѣ *Мере* и, повѣсивъ Распятіе на золотой гвоздикъ, позволилъ. *Розалія* не замедлила явиться, и господинъ дѣ *Мере* послѣшивъ къ ней на вспрѣчу, опвелъ еѣ въ углубленне окна и шопомъ сказалъ ей:

«Я знаю, что *Горанфло* хочетъ на тебѣ жениться; одна ваша бѣдность помѣхой вамъ

въ помѣ. Ты вѣдь ему сказала, что не соглашаешься выпить за него, пока онъ не будетъ каменщикомъ - хозяиномъ. И такъ поди, кликни его съ заспупомъ и всѣми его припасами, но не перебудѣ никого въ домѣ, и смопри только никому ни слова, не по...»
Господинъ дѣ Мере насупилъ брови, потомъ ворошилъ Розалію: опдалъ ей ключъ свой, и дѣвушка скрылась.

«*Жанъ!*» кричалъ графъ громовымъ голосомъ въ коридоръ; и немедленно *Жанъ*, кучеръ и вѣспѣ повѣренный его, явился.

«Можете всѣ ложиться спать.» Потомъ сдѣлавъ знакъ *Жану* подойти ближе, господинъ дѣ Мере прибавилъ весьма тихо: «Когда всѣ заснутъ, понимаешь?... придешь мнѣ сказать.»

Господинъ дѣ Мере, отдавая свои приказанія, не терялъ изъ виду жены. Возвратясь, онъ сѣлъ у камина, и вѣрояпно началъ ей рассказывать всѣ подробности игры своей на бильярдѣ; ибо *Розалія*, возвратясь, нашла ихъ разговаривающихъ весьма дружелюбно.

Графъ только что предъ тѣмъ приказалъ шпикапуриръ всѣ попки въ нижнемъ этажѣ, и такъ какъ доставка алебапра въ Вандомъ очень дорога, то онъ и выписалъ онаго въ большомъ количествѣ, съ тѣмъ, чтобы оставшееся распродать на мѣстѣ съ барышемъ. У него оставалась его еще цѣлая бочка, и обстоятельство сіе внушило ему намѣреніе, которое онъ рѣшился привести въ исполненіе.

— *Горанфло* здѣсь!.. — сказала *Розалія*.

«Пусть войдетъ.»

Госпожа дѣ Мере немного поблѣднѣла, увидѣвъ каменщика.

«*Горанфло!*» сказалъ господинъ дѣ Мере: «принеси шпикапурики и алебапру сколько нужно, чтобы задрать эту дверь.» И подзывая къ себѣ *Горанфло* поближе, онъ сказалъ тихо при *Розаліи*: «Сегодня ты ночуешь здѣсь, а завтра получишь паспортъ на пропускъ въ городъ, который назначу тебѣ. На дорогу получишь шесть тысячъ франковъ. Десять тысячъ ты долженъ про-

жить въ этомъ городѣ. Не понравится тебѣ—можешь переселиться въ другой, только въ той же провинціи. Проездомъ, ты дождешься меня въ Парижъ; тамъ получишь отъ меня билетъ на другіе шесть тысячъ франковъ, которые отданы будутъ тебѣ по возвращеніи своемъ. За эту цѣну ты долженъ молчать обо всемъ, что будетъ происходить здѣсь въ нынѣшнюю ночь. Тебѣ же *Розалія* я даю десять тысячъ франковъ, которые получишь не иначе, какъ въ день свадьбы своею съ *Горанфло*, только молчать обо всемъ, ни полслова.... а по приданого не выдашь!...»

— *Розалія!* — кликнула госпожа дѣ Мере: расчеши мнѣ голову.—

Между тѣмъ графъ прохаживался вдоль и поперегъ комнаты, и изподлѣбя посмапривая по на дверь, по на работника, по на жену, но не являя ни малѣйшаго знака обидной недовѣрчивости. *Горанфло*, принявшись за работу, началъ спучать, и госпожа дѣ Мере, улучивъ минушу, когда каменщикъ выкладывалъ кирпичи, а мужъ споялъ на пропивоположномъ концѣ комнаты, сказала *Розаліи*:

— Тысячу червонныхъ въ годъ, душенька, ежели успеешь сказать ему, чтобы онъ оставилъ внизу прещину!..—Потомъ громкимъ голосомъ прибавила она, но съ ужаснымъ хладнокровіемъ: спупай, помоги ему.— Все время, пока работалъ *Горанфло*, господинъ и госпожа дѣ Мере пребывали въ молчаніи. Это былъ ращетъ графа, который не хотѣлъ дать средствъ женѣ говорить двусмысленно, а графиня молчала можетъ быть изъ благоразумія, а можетъ быть и изъ гордости.

Дверь была уже до половины заложена; хитрый каменщикъ, выждавъ время, когда господинъ его споялъ повернувшись спиною, ударилъ молотомъ въ одно изъ спекольъ двери. Это объяснило госпожѣ дѣ Мере, что *Розалія* успѣла переговорить съ *Горанфло*, который вѣспѣ съ нею съ ужасомъ замѣнилъ въ той комнатѣ смуглую человѣческую фигуру, съ черною головою и огненными глазами.

Пока господинъ дѣ *Мере* успѣлъ обернуться, несчастная женщина сдѣлала знакъ головою незнакомцу; знакъ сей означалъ: найдѣйся....

На разсвѣтѣ, часа въ четыре утра, ибо сіе происходило въ Сенптябрь мѣсяцъ, работа была кончена. Каменьщикъ ушелъ подъ надзоръ *Жана*, а господинъ дѣ *Мере* легъ въ спальнѣ жены.

Поутру, проснувшись рано, онъ сказалъ женѣ довольно беззаботно:

« Чортъ возьми! надобно иппи за паспортъ. »

Надѣвъ шляпу, не успѣлъ онъ сдѣлать шрехъ шаговъ, какъ одумался и взялъ креспъ.

Увидѣвъ сіе, графиня задрожала заблаговременно. Онъ вѣрно пойдетъ къ *Дювиге*, подумала она.

Тотчасъ же по уходѣ графа, госпожа дѣ *Мере* кликнула *Розалію* и ужаснымъ голосомъ закричала: Скорѣ! молотъ! молотъ! и за работу; я видѣла, какъ работалъ вчера *Горанфло*; мы успѣемъ пробить дверь и заложить ее.... Въ одно мгновение *Розалія* прибѣжала съ молотомъ, и графиня съ неизвѣрнымъ стараніемъ начала разламывать стѣну....

Уже нѣсколько кирпичей вылетѣли; графиня удвоила силы, чтобы нанести ударъ еще сильнѣе, какъ вдругъ повернувшись, увидѣла позади себя господина дѣ *Мере*, блѣднаго и грознаго.

Она упала безъ чувствъ.

« Опнесите графиню на кроватъ! » сказалъ хладнокровно хипрый супругъ. Предвидя все могущее случиться въ его отсутствіе, онъ разспавилъ съпъ женѣ своей. — Не выходя никуда, онъ проспо написалъ записку къ *Меру* и послалъ за *Дювиге*.... Ювелиръ пришелъ, когда порядокъ былъ уже водворенъ въ комнапъ.

« *Дювиге!* » спросилъ графъ: « не покупалъ ли ты кресповъ съ Распяіемъ у Испанцовъ, когда они проходили черезъ наше селеніе? »

— Нѣтъ, милоспивый государь. —

« Хорошо... благодарю тебѣ. »

« *Жанъ!* » присовокупилъ онъ, обращаясь къ своему повѣренному: « вели мнѣ подавать кушанье въ спальню жены моей: она больна, и я не оставлю её, пока она не выздоровѣетъ. »

Безчеловѣчный не опходилъ отъ жены въ продолженіе двухъ недѣль; и въ послѣдніе шесть дней, когда слышался какой нибудь шумъ въ задѣланной комнапкѣ, и когда графиня хопѣла умолять мужа за умирающаго незнакомца: графъ отвѣчалъ, не давая выговорить ей ни одного слова:

« *Полни!* Ты мнѣ клялась крестомъ Спасителя, что тамъ никого нтъ! »

Съ Франц. А. С.

ДЕНЬ НОВАГО ГОДА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ (*).

« Будете ли вы нынче вечеромъ въ маскерадѣ? » спросила меня дѣвица *Ю. Т.* — Я боюсь, что памъ будетъ очень душно, — отвѣчала я. « Но если мы помѣспимъ васъ въ оранжереѣ Зимняго дворца, то опшуда вы все увидите, не подвергаясь никакой опасности. » Это заспавило меня рѣшиться, и въ восемь часовъ явилась я въ назначенное мѣсто. Маскерадъ тогда уже начался. Большія дворцовыя залы были опкрыты для народа (?), который сходился шуда многочисленными полпами. Всего роздано было тридцать тысячъ билеповъ для входа въ эпопъ маскерадъ, и большая часть ихъ досталась народу (?). Дворяне и купцы всѣ были памъ въ одной полпѣ, въ которой не слышно было никакаго крика или шума, не замѣпно ни малѣйшаго смяпенія. Вообще, это ежегодное собраніе въ Императорскомъ дворцѣ важно и величественно. Бальная музыка гремяла непрерывно; она играла марши, извѣспные подъ названіемъ Польскихъ. Всѣ были въ костюмахъ, соопвѣспивенныхъ своему званію:

(*). Спашья, сочиненная одною Французенкою и переведенная изъ Парижскаго журнала: *Petit courrier des dames.* — В.

дамы въ Русскомъ платьѣ, а мушоны въ простыхъ домино. Русское платье прелестно: до введенія въ Россію иноземныхъ модъ, оно было въ общемъ употребленіи (1), но теперь его носятъ постоянно однѣ только деревенскія женщины (2). Оно состоитъ изъ широкаго *павойника*, вышитаго алмазами, жемчугомъ или золотомъ и серебромъ, и облегающаго голову въ видѣ діадемы (*en auréole*); и сарафана парчеваго или бархатнаго, съ широкими кисейными рукавами. Впрочемъ, вкусъ и роскошь могутъ до безконечности разнообразить эпохъ прекрасный костюмъ. Въ девять часовъ, Императорская фамилія и особы, принадлежащія къ Ихъ свѣтѣ, пошли по заламъ, то есть проникли сквозь толпу, среди которой, за минутой предъ тѣмъ, казалось, не было ни малѣйшаго пространства. Но такова волшебная сила Монаршаго присутствія: народъ раздвигается, когда самъ едва можетъ дышать отъ тѣсноты. Многія прекрасныя пары нѣсколько разъ проходили мимо оранжереи, но ни одна изъ нихъ не могла сравниться съ *Государемъ* и *Государынею*, какъ правильностію чертъ лица, такъ и величавою, истинно Царскою осанкою. Когда Дворъ опущиналъ, намъ позволено было взглянуть на залу. Въ Парижѣ не имѣютъ понятія о столь блистательномъ праздникѣ. Серебряный газъ, освѣщенный съ задней стороны и уподоблявшійся движенію прозрачной воды, слегка волнуемой вѣтромъ, покрывалъ стѣны эпохъ залы; висѣщія люстры, изливавшія потоки свѣта, сполы, покрытые богатѣйшими приборами, удивили меня и восхищили. Столъ *Государыни Императрицы* отличался отъ всѣхъ прочихъ изящною простотою; посрединѣ сполы огромный канделябръ, окруженный небольшимъ холмикомъ, сдѣланнымъ изъ моха и усаженнымъ гіацинтами, жонкилями, нарциссами и фіалками. Въ Россіи! въ Январѣ мѣсяцѣ! скажутъ, можетъ быть, наши милыя чинапельницы. Скажу имъ въ отвѣтъ, что

(1) Народолюбивый Императоръ Николай ввелъ ихъ при Дворѣ. — В.

(2) Теперь его носятъ: Императрица, спашь-дамы и фрейлины Двора *Ел Императорскаго Величества*. — В.

эпо удивительно, однако справедливо; но гораздо удивительнѣе, видѣть Самодержавнаго *Государя*, окруженнаго своими подданными, безъ всякой другой спражи, кромѣ ихъ любви къ Нему. Пожелаемъ эпоху конспирціоннымъ Монархамъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СУДЬБА ВОЛНЫ.

Съдая пѣняся волна,
Съ шипѣньемъ, съ шумомъ быстро мчалась,
И, вырываясь со дна,
Главой высоко подымалась.
Она неслась—и Океанъ
Низвергнувъ кажется хопѣла;
Она, какъ грозный великанъ,
Вокругъ съ презрѣніемъ смотрѣла.
Но ахъ! — граничная скала
Передъ волною вдругъ предстала,
И, какъ крушительница зла,
Громады спрашной ожидала.
Волна шумишь, волна бѣжишь,
Съ шипѣньемъ, съ шумомъ воды плещущъ.
Но мигъ... разбилась о границу—
И на границѣ брызги блещущъ!

Ив. Галашичъ.

9 Июня.

Я ЗНАЮ ВАСЪ.

Я знаю васъ, друзья-поэты,
Вы всѣ забравшись на Парнасъ,
Другъ другу пишете куплеты,
Въ которыхъ не щадите насъ:
Я знаю васъ!

*

Я знаю васъ, друзья-герои,
Вы въ бой гопшвы хопъ сей часъ,
И не оставите въ покоѣ
Для славы никого изъ насъ:
Я знаю васъ!

*

Я знаю васъ, друзья—Оемиды;
Но въ вашъ чепырнацашый классъ —

Попасъть пошнѣй, чѣмъ въ инвалиды —
Попасъть подѣ судѣ, избавь Богъ насъ.
Я знаю васъ!

*

И васъ узналъ, друзья—по нуждѣ —
И не имѣю нужды въ васъ;
Вы увѣряли головы въ дружбѣ;
Но эта дружба лишь на часъ;
Я знаю васъ!

C H A R A D E.

Cher lecteur, avec mon premier,
On construit mon second, ainsi que mon entier;
Mon premier, de substance dure,
Se voit partout dans les forêts;
Mon second, mon entier, nous servent de mesure
Pour un très-grand nombre d'objets
Divers de forme et de nature.

Въ Но 9-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Сеть*.

M O D E S.

Les rubans de satin mêlés à la blonde sont charmans comme complément de parure. Rien n'est plus ravissant que les fichus de madame Delatour; le brillant du ruban, le vaporeux de la blonde, la forme pleine de coquetterie et de goût, semblaient en même temps des bijoux et une façon de corsage. On porte en demi-toilette des garnitures en rubans plissés; avec une robe de mousseline, ou de crêpe à manches longues, une ceinture et des bracelets de rubans. La ceinture nouant par-devant, à longs pans, les bracelets formant une petite rosette sur le poignet.

Nous avons dit souvent que les ceintures longues étaient spécialement à la mode en toilette de bal, mais peut-être ne nous sommes-nous pas assez expliqués sur la formelle exclusion des boucles ou des plaques. Il n'y a que deux genres adoptés, les pans flottans ou le tour de taille, allant former derrière un petit nœud avec trois coques réunies. Quelques femmes y placent une plaque ronde de pierreries, semblable à la parure, mais jamais une boucle d'or.

Les écharpes de tulle sont à peu près les seules pour le bal; on voit cependant celles de satin simple et celles de satin dentelle, qui drapent moelleusement autour du cou.

Les coiffures se tiennent toujours à la Sévigné, ou à la Berthe; des nattes et des bandeaux, ou des touffes pendantes sur l'oreille. Il est fort difficile de décrire avec la plume les différens détails qui font une coiffure plus ou moins gracieuse, nous en laissons le soin au pinceau qui peut seule en reproduire la finesse.

M O Д Ы.

Апласныя ленты, перемѣшанныя съ блондою—прекрасно въ дополненіе наряда. Ничего нѣтъ восхищительнѣе косынокъ г-жи *Delatour*; блескъ ленты, облачный видъ блонды, форма, исполненная кокешства и вкуса, представляютъ въ одно время драгоценныя вещи и покроя лица. Въ полу-нарядѣ носятъ накладки изъ ленты, сложенныхъ въ складочки, съ кисейнымъ или креповымъ плашемъ; съ длинными рукавами; поясъ и браслеты изъ ленты. Поясъ завязывается спереди, съ длинными концами, браслеты съ розетками.

Мы часто говорили, что длинные пояса особенно въ употребленіи при бальномъ нарядѣ, но можемъ быть мы нехорошо объяснили совершенное исключеніе пряжекъ или бляхъ. Только два рода поясовъ въ употребленіи, съ длинными концами, или обхвативъ шалю, составляютъ сзади небольшой бантъ изъ прехъ пепель. Иныя дамы дѣлаютъ ихъ съ бляхою изъ каменьевъ, подобныхъ прибору, но никогда съ проспою золотою бляхою.

Тюлевые шарфы одни почти въ употребленіи для баловъ; видны однако же проспыя апласныя и изъ кружевнаго апласа, драпирующіеся нѣжно около шеи.

Прически все нѣ же à la *Sévigné* или à la *Berthe*; косы или гладкіе волосы, или кустики, висящіе надъ ухомъ. Весьма трудно описать подробности болѣе или менѣе ловкой прически; мы оспавляемъ это кисти, которая одна можетъ выполнить все въ точности.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 11.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Февреля 6 дня, 1855 года.

Спрана ей суешность была;
Она плѣниться не могла
Ея несвязною судьбиной;
Хотѣло-бъ сердце у неѣ
Себѣ избрать кумирь единой,
И плѣнь осмыслишь бытіе.

Е. Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

САМОУБІЙЦА.

Повѣсть.

(Изъ разсказовъ путешественниковъ.)

Нѣсколько лѣтъ тому (началъ почтен-
ный чиновникъ), былъ я посланъ началь-
ствомъ моимъ въ Т....скую губернію по дѣ-
ламъ службы. Графъ Р***, въ домъ котора-
го я всегда былъ принятъ и обласканъ, свѣ-
давъ о моемъ назначеніи, поручилъ мнѣ, на
прѣздѣ моемъ по Т....ской губерніи, осмо-
трѣть не задолго предъ тѣмъ доспавшееся
ему помѣстье. Чтوبъ видѣть эту вопчину,
надобно было ѣхать верстѣ за восемьдесятъ
въ сторону отъ большой дороги; почему я
рѣшился выполнить порученіе графа тогда
уже, когда окончу всѣ дѣла по казенной обя-
занности. Такъ я и сдѣлалъ.

Сполицу покинулъ я весною, а возвращал-
ся въ неѣ уже въ началъ осени. Изъ Т....
оправился я въ концѣ Августа на долгихъ,
потому что въ шу спорону, гдѣ находилось

помѣстье графа, пролегла только проселоч-
ная дорога и почтовыхъ станцій не было.
Я выѣхалъ изъ города передъ вечеромъ. По-
года спояла тогда постоянная и ясная; самъ
я былъ моложе десятью годами, и слѣдователь-
но ощущенія мои были живѣе и полнѣе. Сидя
въ скромной моей дорожной повозкѣ и смотря
на дикія, но живописныя окрестности, на
которыя ложился темный осенній вечеръ, я
предался мечтаніямъ; между тѣмъ луна тихо
всплывала изъ за дальнихъ холмовъ, наводила
блѣдный, серебристый свѣтъ на зелень долины
и на поля, покрытая оставшеюся послѣ жат-
вы на корнѣ низкою соломой, и отбрасывала
длинные тѣни отъ одинокихъ деревьевъ и дру-
гихъ предметовъ. Я замѣтилъ, что ящикъ
мой началъ показывать безпокойство и какой-
то страхъ. Каждый предметъ, неясно видѣн-
ный, каждая длинная тѣнь, ложившаяся не-
подалеку отъ дороги, заставляли его судорж-
но оглядываться въ спорону, прислушиваться
и пороку креститься. Приписывалъ это
врожденной прусосности моего возницы, я не
распрашивалъ о причинѣ его опасеній. Скоро

открылось передъ нами селеніе, красиво раз-
метанное между садами по скату холма, у
подшвы котораго вислась небольшая рѣчка.
По ту сторону селенія, на гребнѣ холма,
чернѣлся лѣсъ. Ямщикъ мой вдругъ оборо-
тился ко мнѣ и спросилъ: куда я прикажу
себя везти на ночлегъ въ этомъ селеніи?

«Зачѣмъ же здѣсь ночевать, дружокъ?
Ночь свѣплая, и мы можемъ ѣхать дальше.»

—Воля ваша, сударь; только дорога наша
пролегаеиъ по лѣсу, что за селомъ... А
тамъ, говорятъ добрые люди, водился не
больно здорово.—

«Что же такое?» спросилъ я поропливо.

—Да, Богъ въспы! Нашему брату крестья-
нину не слѣдъ болтать лишнее.—

Мнѣ попчасть представилась мысль, что
этомъ лѣсѣ населенъ шайкою отчаянныхъ
разбойниковъ, о которыхъ, по суевѣрному
ли спрѣху, по другой ли какой причинѣ,
не смѣютъ даже и намекнуть окружные
жители. Я велѣлъ останоииться въ селеніи,
предоставя ямщику выборъ квартиры. Онъ
погналъ во весь духъ, и скоро мы встрѣчи-
ны были лаемъ чупкиихъ собакъ, провожав-
шимъ насъ изъ улицы въ улицу, какъ бы
для того, чтоиъ извѣспить обывателей о
пріѣздѣ посторонняго.

Мы останоивались у пяти или шести
дворовъ; но нигдѣ не видно было свѣпа, и,
по всѣмъ примѣпамъ, жители спали крѣп-
кимъ сномъ, иио мы не могли ихъ достучать-
ся. Наконецъ я увидѣлъ опрятный сельскій
домикъ, немного больше и красивѣе обыкно-
венныхъ избъ крестьянскихъ, съ окнами на
улицу, сквозь ставни которыхъ пробивался
изнутри свѣтъ: я велѣлъ ямщику подѣ-
ѣхать туда и постучаться въ окно. Топчасть
къ воропамъ вышелъ молодой дѣпина лѣтъ
семнадцати и спросилъ: Чпо надобно?—

«Пусти насъ на ночлегъ, голубчикъ;»
отвѣчалъ я ему.

—Милости просимъ!—промолвилъ онъ по
минутномъ молчаніи, отворилъ ворота на-
спежь и мы въѣхали во дворъ. Молодой че-
ловѣкъ ввелъ меня въ большія проходныя
сѣни и опперъ дверь на право, сказавъ,

что на лѣво у нихъ черная изба. Я вошелъ
въ просторную и чистую комнату, съ ли-
повыми *мытыми* стѣнами и такими-жѣ лав-
ками вокругъ всѣхъ стѣнъ. Въ переднемъ
углу споялъ столъ, съ разрисованными на
немъ бупылками, чарками, шарелками и дру-
гими принадлежностями деревенской пируш-
ки. На столѣ горѣла свѣча въ высокоиъ же-
лѣзномъ подсвѣчникѣ. Въ углу, подъ *божни-*
цей, лежало на лавкѣ нѣсколько большихъ и
малыхъ книгъ въ изпасканныхъ и почернѣ-
лыхъ переплесахъ.

—Вотъ наша свѣплица,—сказалъ мнѣ дѣ-
пина, приспально осмопрѣвъ меня и сдѣлав-
шись словоохотнѣе; а тамъ, за перегородкой,
бапюшкина опочивальна.

«Кто же пвой бапюшка?» спросилъ я.

—Теперь онъ земскимъ, по власти Божіей
и опекунской, вотъ ужъ восемь лѣтъ къ ря-
ду; а былъ когда-то писаремъ на барскомъ
дворѣ.—

«Такъ это деревня помѣщичья?»

—Да, сударь, была когда-то, и у добраго
господина, когда Богъ держалъ на свѣпѣ
спараго барина, чуть за моею памяпью.
Теперь мы подъ опекой, и Богъ въспы, кому-
то доспанемся.—

«Гдѣ же пеперь пвой отецъ?»

—Онъ пошелъ за приказами къ управите-
лю, что живетъ тамъ, за церковью. Да вид-
но дѣла много сполкнулось: бапюшка что-
то позамѣшкался. Не прикажете ли, сударь;
покаместъ согрѣтъ для васъ чайникъ?—

«Не худо бы, другъ мой!» И едва выслу-
шавъ слова мои, молодой человекъ скрылся
съ какою-то услужливою поспѣшностью.

Оспавшись одинъ, опъ скуки началъ я
перебирапъ книги, лежавшія на лавкѣ. Тутъ
были: Чепья-Миней, Прологъ, Патерикъ
Печерскій и еще нѣсколько книгъ духовнаго
содержанія; кромѣ того: старинный пере-
водъ *Телемака*, разрозненные томы *Житія*
Клееланда, сына Кромвелева, *Апоѳеэгмата*,
изданная при *Петрѣ великомъ*, Лесажевъ *Жил-*
блазь, переведенный Тепловымъ, *Наставленіе*
о пгеловодствѣ, и го одному тому. *Одъ Ломо-*

носова и *Трагедій Суларокова*. Все это было попомнено необходимыми принадлежностями сельской библиотекы: *Пьсенникомъ* и *Гадательною книгою*, да *Энеидой на изнанку*, Осипова. Я замѣтилъ, что послѣднія три книги были гораздо новѣе, и что на нихъ не было зачеркнутой помѣтки имени прежняго владѣльца, какъ на книгахъ, прежде мною помянутыхъ. Подивившись такому спранныму смѣшенію книгъ, а еще болѣе такой разнообразной грамотности нынѣшняго ихъ хозяина, сельскаго писца, я спросилъ у его сына, вошедшаго ко мнѣ съ чайнымъ приборомъ: опкуда опцу его достались эфъ книги въ спаринныхъ переплетахъ?

— Да вопъ какъ, сударь, — опвѣчалъ онъ, сперва нѣсколько смѣшавшись опъ неожиданнаго и даже, признаюсь, нескромнаго вопроса. — Бапюшка мой много спрудился при описи барскаго имѣнія, особливо движимости, оставшейся въ домъ по смерти послѣдняго помѣщика: все, до малой ипшки, должно было внеспи въ книгу и всему выспавить цѣну, какую назначали цѣновщики съ опекунами. За то эпи господа и пожаловали бапюшку своею милостію: позволили ему взять посильное мѣсто изъ барскихъ книгъ, говоря, что опто-де вешхая и пенужная рухлядь, изъ которой если что и убудеть, то не велика бѣда. Бапюшка же мой, не въ похвальбу сказать, большой книгочей: знаетъ въ книгахъ всю подногопную и за однимъ словомъ гоповъ по шею въ землю врыпья. Спросите его, о чемъ хопите; на все у него есть опвѣтъ изъ писанія: такъ ему дался книжной разумъ. Вопъ какъ его господа благословили удѣлить себѣ частичку опой *ненужной рухлди*, примолвя въ шупку: «Все-де, что пы на себѣ снесешь, то и пвое,» — ему и царспва не сули: онъ и набилъ книгами два большія мѣшка, и чупъ было не надѣлся, паща ихъ домой. —

«А пы, другъ мой, по же любпшь чипать?»

— Спыдно сказать, а грѣхъ попаптъ, сударь: бапюшка, правда, самъ училъ меня грамотѣ, да сполько морилъ надъ книгами, что онъ мнѣ понадофли. Иное дѣло, коли

книга забавная, такъ и я радъ чипать вопъ, примѣромъ сказать, *Ворожел да Пьсенникъ*, эфъ книги по мнѣ; а по надъ иною корпишь, корпишь — инда сполбнякъ нападетъ. Да меня же, видно, Богъ обидѣлъ передъ бапюшкой: я и говорпшь не съумью, какъ онъ. Передъ нимъ иногда и нашъ опецъ *Евсей* спанепъ въ шупикъ, коли подъ часъ сойдупся да заговорятъ опъ Святаго Писанія. За то все церковники и челомъ моему бапюшкѣ, особливо когда о чемъ между собою не сладятъся въ *Пасхалии*. —

Я улыбнулся просподушной откровенности и высокому мнѣнію молодаго хозяина опъ опцѣ своемъ; но слова его пробудили во мнѣ праздное желаніе узнать сего сельскаго философа-самоучку, который, по словамъ его сына, радъ по шею зарыпья въ землю, чтобы доискатъся до смысла какого-либо слова. Напившись чаю, вздумалъ я пропйпсь по деревнѣ: красивое ея мѣспоположеніе, замѣченное мною при въездѣ, и приманчивый свѣтъ луны, всегдашней моей любимицы, поселили во мнѣ сію охопу. Я взялъ съ собою молодаго хозяина, который запасся большою палкой, для охраненія меня опъ собакъ. Мы пошли по длинной улицѣ, мимо церкви: все было пусто и глухо; даже спорожскія собаки селенія, видно, позаснуди на эпу пору. «Гдѣ же господскій домъ?» спросилъ я у моего проводника.

— А памъ, на въездѣ, къ дѣсу, — опвѣчалъ онъ.

«Можно его видѣпъ?»

— Почему же нѣпъ? по еспъ снаружи; а по въдъ онъ замкнупъ и кругомъ на-глухо заколочень. —

«Веди меня пуда.»

Молодой человекъ, сколько я могъ видѣпъ при лунномъ свѣтѣ, выпучилъ на меня глаза и лицо его выпянулось съ какимъ-то спраннымъ выраженіемъ боязни. — Завпра, сударь, коли на по ваша воля, поведу я, пожалуй, васъ къ барскому двору, — сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минупъ молчанія: а теперь, не во гнѣвъ вамъ, я пуда не ходокъ! —

«Отъ чего же? развѣ памъ спрашно?»

—Охъ, сударь! не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать: такъ-то спрашно, что добрые люди и въ дневную пору шуда почти не заглядываютъ.—

«Разскажи мнѣ, какал же пому причина?»

—Опянь, сударь, прошу не прогнѣвашься, у меня языкъ не поворопится. Если хопише, спросише у бапюшки: онъ все знаетъ и ничего не боится; онъ вамъ перескажетъ, что памъ дѣллось.—

«Ну, такъ укажи мнѣ дорогу къ господскому дому и отдай свою палку: я пойду одинъ, а ты дожидись меня здѣсь.»

—Эхъ, сударь! Бога ради не ходите!—

«Пустое, другъ мой; ты меня не напугаешь: пвое дѣло исполнить только по, чего я требую.»

Онъ не смѣлъ послушаться, видя мою рѣшимость, выраженную повелительнымъ голосомъ. Я взялъ у него палку и пошелъ по указанной дорогѣ. Скоро дошелъ я до спрашнаго суетвѣрнымъ поселянамъ дома. Онъ стоялъ особнякомъ, на довольно крупномъ скапѣ и обнесенъ былъ заборомъ, уже обветшавшимъ и во многихъ мѣстахъ повалившимся. Я пролѣзъ сквозь одинъ проломъ сего забора и взошелъ на заглохшій репейникомъ и крапивою дворъ. Домъ былъ деревянный, но довольно обширенъ. Двери и ставни забиты были драницами; но отъ вѣтровъ и непогодъ, у иныхъ оконъ ставни обломилась и висѣли на ржавыхъ цепляхъ. Лучи луны прямо ударили на стекла, и ярко отражались на нихъ, рисовали настроенному къ чудесамъ моему воображенію какіе-то свѣтлые призраки, будто бы бродившіе внутри пустыхъ покоевъ. Я невольно вздрогнулъ и почувствовалъ въ себѣ какой-то укоръ за неумѣстное и бесполезное любопытство—видѣвъ обветшалое строеніе, въ которомъ, по наружности, ничего не было особеннаго. Съ этою мыслью оправился я обратно. Покинувъ опустѣлый дворъ и завернувшись въ мой плащъ, пошелъ я скорыми шагами, и на поворотѣ въ улицу сполкнулся съ какимъ-то

запоздалымъ крестьяниномъ. Бѣднякъ сей такъ перепугался встрѣчи съ мнимымъ привидѣніемъ, шедшимъ изъ пустаго дома, что запряся всѣми членами, перекрестился, и закричавъ: «чуръ меня!» пустился бѣжать изъ всей мочи. Я самъ сперва немного опоропѣлъ; но вспомня, что было причиной такого быспрага побѣга, и видѣвъ, что я напрасно спалъ бы кликать крестьянина и увѣряя его, что я не мерпвецъ,—пошелъ я своею дорогой и скоро отыскалъ моего проводника, который, припалъ за угломъ одного плепня, дрожалъ, какъ осиновый листъ, не знаю, отъ холода или отъ спраха.

Но что же за таинственность лежипъ на этомъ домѣ, котораго боялся всѣ жители селенія, о которомъ не смѣютъ даже и промолвиться и который извѣстенъ и въ отдаленныхъ околоткахъ? Такъ думалъ я, возвращаясь на ночлегъ: ибо для меня теперь ясно было, почему ямщикъ мой не хопѣлъ ѣхать ночью далѣе: онъ зналъ, что дорога изъ селенія лежала мимо пустаго дома. Сія мысль заставила меня ускорить шагъ, въ надеждѣ узнать повѣсть о домѣ и умершихъ его владѣльцахъ отъ будущаго моего знаконца, грамотѣя земскаго.

Вхожу въ комнату—меня встрѣчаютъ чelовѣкъ лѣтъ сорока, въ долгополомъ сюртукѣ сѣраго сукна: это былъ хозяинъ дома. Я ожидалъ, что философъ-самоучка окажется также и орапоромъ-самоучкой, и встрѣпипъ меня длинною поздравительною рѣчью, или по крайней мѣрѣ какимъ нибудь вычурнымъ привѣтствіемъ; и вмѣсто всего-эпаго услышалъ обыкновенную сельскую благодарность хозяина за то, что я «не погнушался его домомъ и хлѣбомъ-солью.» Это на первыхъ парахъ разспроило мой планъ нападенія на слабую сторону моего грамотѣя; но вмѣстѣ поселило во мнѣ объ умѣ его мнѣніе, гораздо выгоднѣе прежняго. Я сбросилъ плащъ и сѣлъ на лавкѣ; а хозяинъ, принявъ мой плащъ, бережно свернувъ его и положивъ къ споронѣ, спалъ въ почтительномъ отъ меня разспояннн у печки, и какъ будто бы ожидалъ моихъ вопросовъ или приказаній. Симъ онъ далъ мнѣ полную свободу

разсмотрѣть себя. Это былъ человекъ средняго роста и крѣпкаго тѣла, съ здоровымъ, свѣжимъ лицомъ; выраженіе сего лица и быспрыхъ, черныхъ глазъ, показывало природный умъ, смѣпливость и даже нѣкоторое лукавство; а положеніе тѣла и приемы — изученную вѣжливостъ и навѣкъ обходиться со спаршими по званію. Такимъ образомъ мы провели первыя десятыя минуты нашего знакомства въ молчаніи, взаимно наблюдая одинъ другаго. Наконецъ молчаніе мнѣ наскучило. «Не спѣснилъ ли я тебя, другъ мой, своимъ прїѣздомъ?» спросилъ я хозяина.

—Нѣтъ, сударь! напрасно такъ изволили думать. Мы рады принимаю у себя добрыхъ господъ.—

«Впрочемъ, я заплачу тебѣ за ночлегъ и за все, чего потребую,» сказалъ я.

—Извините, сударь, — отвѣчалъ онъ: мы не держимъ постоялаго двора; почти все, что Богъ послалъ, у насъ не покупное, и вы меня очень одолжите, когда не будете говорить о плащѣ. Мы и безъ того довольны Божеской милостію, и намъ грѣшно-бъ было брать съ проѣзжихъ за нашу хлѣб-соль. —

Я увидѣлъ, что здѣсь должно было опидѣльваться фразами, и благодарилъ моего хлѣбосола-хозяина въ задапокъ за его гостепрїимство. Въ это время вошли въ комнату пожилая женщина и миловидная дѣвушка лѣтъ пятнадцати, обѣ опрятно одѣтыя. «Это жена и дочь моя,» сказалъ земскій. За ними появилась работница-кресстьянка, и всѣ при женщины начали накрывать столъ для ужина. Я замѣпилъ, что онѣ поставили одинъ только приборъ, и сказалъ хозяину, что не соглашусь иначе ужинаю, какъ со всѣмъ его семействомъ. Сколько онъ ни опговаривался, но долженъ былъ наконецъ уступить моей настойчивости. Я вынулъ изъ дорожнаго моего запаса двѣ бутылки спараго вина, которыми напустивалъ меня добрые мои Т...скіе знакомцы, и за ужиномъ, спараясь разшевеливъ хозяина, подливалъ ему въ рюмку, а между тѣмъ заговаривалъ о томъ и другомъ, наводилъ рѣчь на книги, видѣнные

мною у него, и наконецъ успѣлъ его привести въ то расположеніе духа, какого я желалъ: хозяинъ мой спалъ говорливѣе, и уже началъ прикрашивать рѣчи свои поговорками, занятыми изъ книгъ. Послѣ ужина я сказалъ, что не привыкъ ложиться спать такъ рано, и онъ охотно вызвался бесѣдовать со мною. Оспавалось еще полбутылки вина; я поставилъ его на столъ, приопвѣдывалъ самъ и по прежнему подливалъ хозяину. Не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ онъ не примѣпилъ, или не хотѣлъ примѣпить моей хитрости, но только онъ пилъ весьма исправно, и чрезъ полчаса времени спалъ, какъ говорился, на-веселѣ.

—Правду, сударь, говоритъ мудрецъ, что *вино веселитъ сердце человека*; — сказалъ земскій, медленно попирая себѣ руки и умильно поглядывая на недопитую свою рюмку.—Вопь я, напрімѣръ, по милости вашей опогрѣлъ себѣ душу и все горе забылъ.—

«А развѣ у тебя, другъ мой, есть какое горе?»

—Нельзя сказать, чтобъ оно было собственное мое: это горе лежало на цѣлой нашей волчинѣ. Восемь сотъ душъ опъ него перпяты, и не знаютъ, дождутся ли лучшихъ временъ; можетъ быть, съ нами будетъ и еще хуже.—

«Опъ чего же вы терпите, и чего вамъ ждате худшаго?» спросилъ я, какъ будто бы ничего не зная; но внутренне обрадовавшись, что хозяинъ самъ подавалъ мнѣ поводъ разспросить его о приключеніяхъ спрашнаго опустѣлаго дома.

—Какъ же, сударь, и не гораюте намъ, — отвѣчалъ земскій. — Восемь лѣтъ находимся мы подъ опекой; каждый злые годъ опекуны наши дѣлаюте разные надбавки на оброкъ, а несостоятельныхъ, по есть тѣхъ кресстьянъ, которые не могуте всего выплатить, посылаюте на работу въ свои помѣстья, иногда верспъ за пятьдесятъ и дальше, и памъ моряте ихъ недѣли по двѣ; даже и не кормяте ихъ, а веляте нашему же міру содержать ихъ на своемъ хлѣбѣ.—

«Для чего же вы не жалуетесь суду?»

Земскій горько улыбулся, и покачавъ головою, сказалъ: Бы знаете, сударь приказныхъ людей. Заѣдетъ ли копорый изъ нихъ въ наше село: попчуй всѣмъ, что имъ вздумается, угождай всякимъ ихъ прихотямъ, да сверхъ того еще принеси на поклонъ и давай двѣ-три тройки лошадей, на копорыхъ они изволятъ разъѣзжать Богъ вѣспъ куда. Все это, говорятъ они, для того, чтобы спасти нашу вотчину отъ конечнаго разоренія, и чтобы сосѣдніе помѣщики не завладѣли нашими землями и угодами.—

«Гдѣ же нынѣшній вашъ господинъ, и кто онъ таковъ?»

— Господинъ его знаетъ. Это внучатный племянникъ нашего спараго барина; ближе родства покойника, по смерти роднаго племянника (прости Богъ его душу!), не было. Нынѣшній наслѣдникъ здѣшняго помѣстья служилъ на морѣ, и говорятъ, будто бы находится въ какой-то кругосвѣтной экспедиціи. Опекуны и судьи увѣряютъ насъ, что къ нему нѣсколько разъ посланы были бумаги съ вызовомъ явиться для получения наслѣдства; только вопъ уже девятый годъ, а объ немъ ни слуху, ни духу. Правду сказать, мнѣ что-то не очень вѣрится эшимъ господамъ: можетъ быть бумаги у нихъ и до сей поры лежатъ подъ краснымъ сукномъ; да какъ навеспи справку? у нихъ *рука руку лжетъ!* Они же твердо знаютъ, что когда вопчина поступишь къ законному владѣльцу, тогда они прощайся съ незаконными своими поживками, а можетъ быть еще и опчепъ давай.—

Я спросилъ земскаго, какъ зовутъ нынѣшняго владѣльца, записалъ его имя у себя въ памятной книжкѣ, съ пѣмъ, чтобы по пріѣздѣ въ Петербургъ, узнать о немъ и сообщить ему вѣспъ о неожиданномъ, можетъ быть, наслѣдствѣ. Земскій, по видимому, весьма обрадовался моему вызову, и увѣрялъ меня, что не знаетъ, чѣмъ отблагодарить за такое милосптивное спараніе объ ихъ вотчинѣ.

«Однимъ, другъ мой,» опвѣчалъ я ему: «и такимъ дѣломъ, которое мнѣ нужно будетъ при объясненіи съ нынѣшнимъ вашимъ помѣщикомъ, если мнѣ удастся опъискать его. Расскажи мнѣ, какимъ образомъ прекратилась прямая линія вашихъ господъ,—словомъ, все, что касается до запущеннаго помѣщичьяго дома....»

Земскій на минупу призадумался.—Конечно, сударь,—молвилъ онъ: вамъ непременно нужно знать все дѣло по порядку. Да я же, по совѣспи сказать, и самъ давно хотѣлъ найти какого нибудь добраго и честнаго господина, чтобы высказать ему все, что у меня лежитъ на душѣ и пягопипъ еѣ, какъ смертный грѣхъ; хопя, какъ передъ Богомъ, здѣсь нѣтъ ни вины, ни участія моего ни на волосъ. Только нельзя ли этого опложипъ до завпрашняго упра?—

«Для чего же, другъ мой?»

—Не всякому, изволите видѣтъ, по сердцу и слушапъ и рассказывать *на сонъ грядущимъ* такіе случаи, о копорыхъ мнѣ прійдется вамъ донести.—

Любопытство и неперпѣливостъ моя возрасли еще болѣе; но я спарался скрытъ ихъ, сколько могъ. «И, полно любезный,» сказалъ я земскому съ улыбкой припворнаго хладнокровія: «ты самъ много читалъ, и знаешь, что умный человекъ не долженъ поддаваться суевѣрью и бабьимъ бреднямъ....»

—Тутъ не совсѣмъ то, о чемъ вы изволите говорить, сударь,—подхватилъ хозяинъ.—Я и самъ много разъ спарался переувѣрипъ себя въ томъ, что видѣлъ; да на бѣду мою общій голосъ и собственные мои глаза убѣждають меня, что то былъ не сонъ, не бредъ, а сущая правда на яву.—

«Но какъ бы то ни было, другъ мой, а вспомни, что мы теперь одни, насъ никто не подслушиваетъ, даже всѣ домашніе пвои спятъ. Завпра могутъ намъ помѣшать, и постороннія уши, копорымъ, можетъ быть, ты не хотѣлъ бы повѣрипъ своей пайны, могутъ удовипъ еѣ не завѣдомо тебѣ самому.»

—Правда, сударь, правда;—сказалъ земскій, подумавъ. Онъ допилъ остальное изъ своей рюмки, спукнулъ ею объ споль, крякнулъ, и пвердымъ голосомъ, какъ будто въ другъ ободрившись, сказалъ мнѣ: Извольте же слушать! —

Разсказъ его я передаю вамъ почти слово въ слово. Исключаю только нѣкоторыя краснорѣчивыя отступленія, ссылки на печатное и всѣмъ извѣстное, и нѣкоторыя частныя подробности, не вовсе относящіяся къ самымъ происшествіямъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ЩЕТЪ ДИЧИ, ПОТРЕБЛЯЕМОЙ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ.

Въ Парижѣ расходуется въ годъ: до 550,000 утокъ, 1,300,000 цыплятъ, 630,000 голубей, 150,000 куропапокъ, 200,000 кроликовъ, 600,000 жаворонковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Сказать-ли правду?—приближенъ,
И въ новый годъ мое вступленъ —
Мнѣ было очень тяжело!
Мнѣ вспомнилось, какъ все цвѣло
Въ душѣ моей, въ года щастливы,
Когда желанья прихотливы
Сбывались, шѣшили меня.
И что-жъ теперь, какого дня
Мнѣ ждаль, чтобъ быть опять душою,
Какъ въ двадцать лѣтъ, и сиротою
Оставшия, вотъ претій годъ,
Одинъ, безъ друга, средь заботъ?
Любя небесное созданъ—
Мнѣ жизнь была очарованъ!
И помню потъ блаженный день,
Когда, шамъ въ садъ, въ роскошну сѣнь
Богиня Флора призывала
Ее—и миршомъ обвивала.
Ахъ, помню! помню я цвѣшны,
Прозрачность водъ, лѣса, кусны.

Съ подругой жизни неразлученъ,
Тамъ, шамъ я былъ благополученъ.
Я помню—розы на щекахъ!
И огнь свяшой въ ея очахъ!
И роза въ золотыхъ кудряхъ!
И грудь пѣжнѣй, бѣлье снѣга!
Во всемъ шворенъ—роскошь, нѣга!
А умъ, любезность!—Какъ мила
И какъ душа ея свѣпла
Была! . . . И нѣтъ еѣ со мною.
Неопразимою косою
Смерть подкосила дни ея —
И сиротой остался я.
Роднаго сердца нѣшу въ мѣрѣ!
Я одинокъ—и только лиръ
Могу лишь скорбь передавать —
И съ ней—о ней одной мечпашъ! —
Авось, небесная, услышишь,
Что сердце ея только дышетъ,
Что я живу лишь для неѣ!
Что щастье лишь одно мое
Смопрѣшь здѣсь на залогъ священный,
На даръ, мнѣ сердцемъ посвященный,
Любовью, дружбою святой!
Нѣтъ, я щастливъ!—мнѣ мѣръ земной
Еще цвѣшетъ ея красою:
Я не остался сиротою!
Она здѣсь вся—въ моихъ дѣпяхъ,
И потъ же умъ и по-жъ въ сердцахъ
У нихъ—сиротъ!—О Провидѣнье!
Щади, лелѣй сіи шворенъ!
Храни ихъ мнѣ въ опраду дней,
Еѣ залогъ—моихъ дѣпей! —
Но полно! полно! слезы льютъся,
И думы черныя несущя
Какъ облака: конца имъ нѣтъ!
Неизгладимъ нещасья слѣдъ! —
Вотъ, добрый другъ, тебѣ посланъ,
Мое сердечное признанъ,
Какъ я вспрѣчаю новый годъ.
И грустный сей—душевный плодъ,
Тебѣ я, другу, посвящаю,
И искренно тебѣ желаю,
За милый, ласковый привѣтъ,
Здоровья, щастья, многихъ лѣтъ.

Въ семьѣ своей не знай печали:
Тебѣ судьбы все ниспослали.
Приди ко мнѣ, меня разсѣй,
И погруспи и пожалѣй.

Павелъ Хотлинцовъ.

19 Января 1855.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* важный чинъ Турецкой означаешъ;
Второй поющихъ хоръ, иль пѣвчихъ выражаешъ,
Все Опшоманской Порты часпъ,
То естъ, губернію иль обласпъ заключаешъ,
Гдѣ *первый* мой имѣешъ полну власпъ,
И какъ намѣспникъ управляешъ.

Въ № 10-мъ, помѣщенная шарада значипъ: *Bois-seau*.

М О Д Е С.

La mode des hommes, une fois établie au commencement d'une saison, subit peu de changemens. Que dirons-nous maintenant des costumes de bal? les toilettes restent ce que nous les avons vues. L'habit noir proscrit, le bleu et le vert adoptés, décident tout ce qui paraît le plus saillant aux réunions du soir.

Les gilets étant de fantaisie, ont plus de variations; outre les *brocarts* et les *damas*, outre les *satins brochés* et *veloutés*, il y a les *satins* et les *velours écossais*, que l'on porte en tenue de bal ou de soirée: ces gilets, quoique bien portés, ne sont pas généralement acceptés; ils sont très-élégans, mais trop peut-être pour ne pas être remarqués. Les satins et les velours écossais ont le même inconvénient pour les gilets que pour les robes, celui de dater.

A quelques bals parés, nous avons remarqué aux jeunes gens qui donnent la mode, des gilets en *satins royal*, et en *satins à broderies de velours*. Ces étoffes, que nous n'avions encore vues aux magasins Sainte-Anne que pour les robes habillées, ont paru là avec grand succès sous un habit sévère: des rosaces en velours vert émeraude, mouchetées au cœur d'un point cerise, se dessinant légères sur un fond de satin, ont été trouvées charmantes, ainsi que celles du même genre, violettes, à cœur bleu turquoise. Les devants

fermaient par un seul rang de boutons, petis, plats et guillochés.

Les cravates en soie marron ou bleu de roi, n'ont pas tout le succès que l'on avait attendu; elles ne se voient à peu près qu'au spectacle et le matin: cependant elles sont jolies, et changeraient un peu la monotonie des cravates noires, que viennent rompre rarement quelques cravates blanches.

М О Д Ы.

Мужская мода, единожды основанная при началѣ времени года, мало измѣняется. Чшо скажемъ мы шеперь о бальныхъ костюмахъ? одежда все та же. Черные фраки не носяпъ, а въ употребленіи синіе и зеленые: вопъ чшо рѣзкаго въ вечернихъ собраніяхъ.

Въ жилетахъ, какъ приходливой одеждѣ, болѣе разнообразія; кромѣ парчи и камки, апласовъ запканныхъ и съ бархапомъ, естъ Шотландскіе апласы и бархашы, употребляемые для баловъ и вечеровъ: эши жилеты, хопя весьма приличные, не въ общемъ употребленіи; они очень щеголеваты, но слишкомъ, можешъ быть, чшобъ не быть замѣпными. Клыпчатые апласы и бархашы имѣюпъ одну невыгоду, какъ для жилетовъ, такъ и для плашьевъ, оставашься въ памяти.

На нѣкоторыхъ нарядныхъ балахъ замѣпны были на молодыхъ людяхъ, выдающихъ моду, жилеты изъ *королевскаго атласа* и апласа съ бархашнымъ шипьемъ. Маперіи эши, видѣпныя нами въ магазинѣ Sainte-Anne, столько для нарядныхъ плашьевъ, показалишъ шупъ съ большимъ успѣхомъ подъ мрачнымъ плашьемъ: бархашные кружки изумруднаго цвѣта, съ алымъ пшпнушкомъ въ срединѣ, рисующіеся по апласному грунпы, поразили свою прелестью, какъ въ шпакомъ же родѣ фиолетовые, съ бирюзовымъ сердечкомъ. Плшлы заспегивались однимъ рядомъ пуговиць, маленкихъ, плоскихъ и пишсневыхъ.

Шелковые галспухи кашпановаго или голубаго королевскаго цвѣта, не имѣли ожидаемаго успѣха; они видны почти только въ спектаклѣ или упромъ. Они красивы однако, и перемѣнили бы немного однообразіе черныхъ галспуховъ, прерываемое изрѣдка бѣлыми галспухами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 12.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Февраля 9 дня 1835 года.

Какъ Злобинъ каменной болѣзнью захворалъ,
Причины оному никто не понималъ;
Мнѣ-жъ показалось не чудно по ни мало:
Знашь сердце Злобина въ пузырь къ нему упало.

П. Суляроковъ,

СЛОВЕСНОСТЬ.

САМОУВІЙЦА.

(Продолженіе.)

— Старый нашъ баринъ (такъ началъ земскій свой рассказъ) былъ человекъ нрава спраннаго... Вы мнѣ позволите, сударь (присовокупилъ мой рассказикъ), называешь его вездѣ просто *старымъ баринкомъ*: эпимъ именемъ любили мы называть его при жизни, и оно оспалось у цасъ въ селеніи, какъ нѣчто святое; крестьяне наши выговариваютъ его, нанеся руку на шапку, какъ будто бы передъ самимъ добрымъ нашимъ помѣщикомъ. Однако-жъ я немного отбился отъ своего рассказа... Простите меня, сударь! память объ отцѣ нашемъ, старомъ баринѣ, всегда невольно заставляешь насъ высказывать о немъ все, что на умъ... Теперь спану продолжаю по порядку.

— Я сказалъ уже вамъ, что старый нашъ баринъ былъ человекъ нрава спраннаго. Онъ былъ добръ, милосивъ къ крестьянамъ, жалостливъ къ бѣднымъ; но угрюмъ, недо-

вѣрчивъ и, такъ сказать, нелюдимъ. Въ молодости своей, рассказываютъ спарожиды, былъ онъ не шакоть: кто знавалъ его ловкимъ, веселымъ гвардейскимъ офицеромъ при Государынѣ *Екатеринѣ II*, тотъ удивлялся пеперешней его переменѣ. Надобно вамъ знать, сударь, что старый баринъ изъ военной службы перешелъ въ шпартскую, и долго былъ, не помню при какомъ посольствѣ, въ чужихъ краяхъ. Въ это время скончались сперва родители его, а скоро потомъ и мапушка; тогда онъ, вышедъ въ отставку, пріѣхалъ въ наше село и захопѣлъ самъ управлять своимъ имѣніемъ. Здѣсь-то впервые спарики наши увидѣли его пасмурнымъ и задумчивымъ. Онъ каждый день выходилъ на короткое время въ переднюю комнату, выслушивалъ донесенія спаросты и отдавалъ ему свои приказанія; а потомъ запирался почти на цѣлый день у себя въ кабинетѣ, писалъ что-то, либо читалъ книги, которыхъ навезъ съ собою премного, и Русскихъ и иноспранныхъ, да еще каждый годъ выписывалъ новыя. Въ лѣпнюю пору онъ хаживалъ иногда пѣшкомъ по полямъ, съ

большою толстою палкой, осматривалъ по-
сѣвы и полевая работу; иногда бродилъ
одинъ по рощамъ, или проводилъ по нѣсколь-
ку часовъ въ саду, прививалъ плодовые де-
ревья, саживалъ и поливалъ цвѣты, до кото-
рыхъ былъ большой охотникъ. Осенью же
и зимою, особливо въ дурную погоду, его
почти никто не видывалъ, кромѣ спароспы,
и по по упряму, да карлы *Тимоши*, кото-
рый прислуживалъ барину, исправлялъ при
немъ должность и камердинера, и ключника,
и бюфетчика, и слуги на посылахъ: черезъ
него-то старый баринъ передавалъ свои
приказы другимъ служителямъ. Еще крестья-
намъ, приходившимъ съ какими либо сель-
скими просьбами или жалобами, да бѣднѣ-
камъ, просившимъ помощи, былъ къ нему
всегда свободный доступъ. Съ сосѣдними по-
мѣщиками онъ вовсе не знался: самъ къ нимъ
не ѣзжалъ и у себя никого не принималъ,
за что они, просивъ имъ Богъ! прозвали его
медвѣдемъ, и оспрились на его щепъ, гово-
ря, что онъ сосепъ лапу въ своей берлогѣ.
Сколько разъ—видно на зло,—выбирали его
въ разные должности на дворянскихъ выбо-
рахъ: онъ всегда опговаривался или болѣзнию,
или другими какими нибудь причинами.

— Объ его угрюмости и одинокой жизни
пошли разные догадки и толки, какъ между
барской дворней и въ нашемъ селѣ, такъ и
у всѣхъ сосѣдей. Одни говорили, что онъ
за границей сдѣлалъ какой-то тяжкій грѣхъ
и за то несетъ добровольное покаяніе; дру-
гіе—что онъ влюбленъ былъ тамъ въ одну
красавицу, которая ему измѣнила, и за это
будто бы опчуждался онъ опъ свѣта; пре-
твѣи—что онъ тамъ изучилъ тайнымъ
наукамъ, и разлюбилъ жизнь и людей, оп-
давшись совершенно эпою невѣдомой мудро-
сти. Что до меня, я послѣднему готовъ
больше прочаго вѣрить, хотя и не сполна.—
Однако-жь, это были одни догадки и толки:
навѣрное никто ничего не зналъ: и какъ
узнать? Баринъ ни съ кѣмъ о томъ самъ не
говорилъ, а спросить его никто бы не по-
смѣлъ; людей своихъ за границею съ нимъ
не было, а служили ему тамъ наемные, и
то иностранцы, которые и оспались въ
своей землѣ. Чтобы ни было, а старый нашъ

баринъ былъ для всѣхъ мудреною задачей:
всѣ дивились, ломали себѣ голову, а настоя-
щаго дѣла, кажется, никто не умѣлъ разга-
дать и до сего дня, тѣмъ больше, что по
кончинѣ спараго барина, племянникъ его
собралъ и сжегъ всѣ его бумаги.

— Правду сказать, нѣкоторые посторонніе
люди, и даже на первыхъ порахъ иные изъ
нашихъ крестьянъ, рѣшили эту задачу го-
раздо проще и называли спараго барина
колдуномъ. Оно опчасти и проспипельно
глупому ихъ мужицкому разуму. Бывало,
когда онъ прохаживается въ длинномъ и ши-
рокомъ своемъ темносѣромъ плащѣ и въ
шляпѣ съ большими опущенными полями,
съ толстою своею палкою въ рукѣ, по вы-
сокій его ростъ, широкія плеча и грудь,
морщиноватый лобъ, нахмуренныя брови и
спрогой взглядъ, заспаявъ вздрогнуть хопъ
какого смѣльчака, копорому довелось съ нимъ
повспрѣчаться. Но только это и было въ
немъ спрашнаго. Хотя голосъ его былъ
опчасти и угрюмъ, а рѣчь опривиспа, од-
нако же всякой слышалъ опъ него только
доброе слово. «Здоровъ ли ты? не нуждаеш-
ся ли въ чемъ?» были его обычайные вопро-
сы, и каждый могъ ему говорить о своемъ
горѣ, съ пвердою надеждою, что слова да-
ромъ не пропадутъ. Заболѣлъ ли кто? ба-
ринъ самъ бывало даетъ лекарспва изъ до-
машней своей аптечки и навѣщаепъ боль-
наго. Нужда ли въ чемъ кому? топчасъ бы-
вало поможетъ и деньгами, и хлѣбомъ, сло-
вомъ: всѣмъ, у кого въ чемъ недоспапокъ.
Оброку онъ сбавилъ съ волчины еще при
самомъ пріездѣ къ намъ на жипельспво, и
крестьяне, по нашей проспой пословицѣ,
зажили припѣваючи. Одно ихъ сокрушало,
что не такъ часпо видали помѣщика свое-
го, какъ бы имъ хотѣлось: только, бывало,
вспрѣпятся съ нимъ въ полѣ, или въ рощѣ,
да по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ
цѣлымъ міромъ хаживали въ церковь, попо-
му что онъ всегда споялъ тамъ въ уголку
близъ алтара, попуша голову, пихо шеп-
талъ молитвы и порою клалъ большіе по-
клоны. На послѣдокъ и всѣ крестьяне наши
разувѣрились, что господинъ ихъ не колдунъ,
а православный Христіанинъ, добрый чело-

вѣкъ и благодѣтельный помѣщикъ. Всѣ, опѣ мала до велика, его любили и благословляли.

— Дай Богъ ему царство небесное! — Меня, семилѣтняго ребенка, бобыля бездомнаго, встрѣтилъ онъ однажды подлѣ пруда, гдѣ я сперегъ изъ хлѣба насущнаго чужое стадо гусякъ, и наигрывалъ на проспниковой дудочкѣ. Не знаю, видѣ мой, или просподушные дѣтскіе отвѣпы ему понравились; только въ попѣ же самый день велѣлъ онъ меня взять въ барскій дворъ и одѣтъ съ ногъ до головы, поручилъ въ надзоръ и попеченіе одной доброй спарушкѣ, ппичницѣ, и приказалъ меня водить каждый день въ сельскую школу, которую самъ онъ завелъ, и гдѣ бывшій нашъ дьяконъ, человекъ умный и свѣдущій, обучалъ насъ, ребяпишекъ, Русской грамотѣ, письму, закону Божію, грамматикѣ и арифметикѣ. Съ смертію нашего опца спараго барина рушилась и эпа школа: наследникъ бариновъ о ней не заботился, а послѣ него, опекуны и вовсе перестали выдавать жалованье дьякону за ученье и деньги на содержаніе школы. Теперь она спощпѣ тамъ, на площади за церковью, жалкимъ пустыремъ: ужъ и углы почти согнили, а кровля давно обвалилась. У меня сердце всякой разъ обливается кровью, когда я прохожу мимо: въ эпомъ домѣ пролетѣли лучшіе годы моего дѣтства; тамъ, изъ уроковъ и наставленій добраго и умнаго дьякона *Лаврентія Савига*, я узналъ гораздо больше, нежели знаютъ въ обыкновенномъ быпу крестьянскомъ. Тамъ, послѣ ученья, выхлынемъ мы, бывало, ребятъ десяпка два изъ школы, и шупѣ-то пошли разныя игры и попѣхи. И теперь, почти уже на спароспи, когда вспомню о тогдашнемъ времени, такъ духъ радуется. Безъ хвасповства скажу вамъ, сударь, что я во всемъ былъ первымъ ученикомъ и любимцемъ *Лаврентія Савига*, котораго меня, сироту, отличалъ опѣ сыновъ людей зажиточныхъ и почтенныхъ. — Все миновалось, все перемѣнилось; благодѣтель нашъ, старый баринъ, и добрый нашъ учитель *Лаврентій Савигъ*, покоются въ сырой землѣ; благословенный домъ науки опущпѣлъ, и только ласточки да непопыри гнѣздятся тамъ, гдѣ въ прежніе годы нѣ-

сколько чистыхъ и безпечныхъ душъ внимательно слушали поученія разума и добродѣтели! —

(Повѣсповователь мой, увлеченный своимъ предметомъ и распроганый воспоминаніями, вдругъ остановился, какъ бы опѣ сильнаго избытка чувства. Голосъ его передъ концемъ рѣчи примѣпно измѣнился, и крупныя слѣзы выкапнулись изъ глазъ; самыя пѣ-лодвиженія обличали въ немъ волненіе души. Онъ оперѣ глаза, молчалъ нѣсколько минутъ, и потомъ, успокоившись, попросилъ у меня извиненія въ семъ приливѣ чувствительности, и продолжалъ свой рассказъ).

— Когда ученье мое кончилось, баринъ взялъ меня въ хоромы. Меня опрятно одѣли, и вся должность моя состояла въ томъ, что днемъ я переписывалъ дѣловыя бумаги, какія случались по вопчинѣ, вносилъ въ счепныя книги приходъ и расходъ; а вечеромъ, когда глаза у барина упомлялись, призывалъ онъ меня и заставлялъ чипать вслухъ Русскія книги. Сидя за маленькимъ споликомъ, съ книгою въ рукахъ, я часто украдкою взглядывалъ на спараго барина: онъ обыкновенно или сидѣлъ въ эпо время по другую спорону сполика въ большихъ старинныхъ креслахъ съ высокою спинкой и шпофными подушками, надвинувъ зонтикъ на глаза, чтобы свѣтъ ихъ не беспокоилъ, и опустя голову на грудь; или прохаживался пихими шагами по комнапѣ, иногда пріоспанавливался; особливо если въ книгѣ что нибудь ему опмѣнно нравилось, заставлялъ меня перечипывать сынова, и поправлялъ, когда я опибался или не такъ выговаривалъ. Онъ меня опучилъ опѣ школьнаго напѣва въ чтеніи, и пріучилъ голосомъ выражать подлинный смыслъ того, что написалъ сочинитель. Во всякое время былъ онъ добръ и кропокъ. Говорилъ мало, и то по большой части въ коропкихъ, опривистыхъ словахъ. Лицо его неизмѣнно было угрюмо и брови насуплены; впрочемъ никогда онъ не показывалъ ни гнѣва, ни неперпѣливости. Кажется, онъ былъ сложенія здороваго; порою только замѣчалъ я, что онъ переспавалъ слушать книгу, какъ будто впадалъ въ сильную задумчи-

вось, начиналъ ходить по комнатамъ скорѣе обыкновеннаго, и вдругъ, бывало, оспановился, подыметъ глаза къверху съ примѣпною перемѣной въ лицѣ и проспенаетъ глухимъ пропѣжнымъ стономъ, словно опъ нечаянной и нестерпимой боли.

— Я не сказалъ еще вамъ, что у спараго барина былъ братъ. Эпопъ братъ вовсе не похожъ былъ на добраго нашего господина. Онъ былъ спаршій, и, какъ говорится, мапушкинъ сынокъ: онъ умѣлъ вкрасься въ довѣренность своихъ родителей пакъ, что они за долго еще до смерти своей выдѣлили ему лучшую часть имѣнія. Эту часть онъ промоталъ, и для поддержанія себя, женился на богатой купчихѣ. *Глупому сыну не въ помощъ богатство*: братъ нашего барина спустил и женино имѣніе; а бѣдная жена перпѣла, терпѣла опъ его моповспва и непостоянства, пакъ что наконецъ изчахла и Богу душу опдала, оспавя послѣ себя одного сына. Мужъ, опустивъ ее въ могилу, вздумалъ размыкивать свое горе за карпочнымъ споломъ. Такъ онъ перебивался еще лѣтъ семь или восемь. Кончилось тѣмъ, что родители опъ него опреклись и чупъ ли его не проклили. Вопъ, когда у него почти ничего не опалось и на бапиюшкины денежки надежды больше не было, тогда онъ, взявъ малолѣтнаго сына, опправился съ нимъ за границу къ своему брапу. Спарый баринъ, не смотря на всѣ братнины недоспапки, любилъ его, часто помогалъ ему прежде и обрадовался его пріѣзду; сдѣлавъ брапу дружеское, кропкое увѣщаніе, онъ назначилъ ему очень доспапочную сумму денегъ для его обихода, и сверхъ того принялъ его съ сыномъ въ свой домъ, гдѣ они ни въ чемъ не нуждались. Однако же нашъ молодецъ не унялся и въ чужихъ краяхъ: мѣсяцъ или два прожилъ онъ, какъ должно порядочному челоуку, а послѣ спознался съ карпѣжниками, проигрывалъ всѣ денги, которыя братъ давалъ ему; выпрашивалъ еще, и тѣ спускалъ по зеленому сукну, и подъ конецъ до того доигрался, что за неуплату проигрыша плуты карпѣжники пакъ его поколопили, что онъ черезъ сунки опправился на попъ свѣпъ. Богъ съ нимъ! Говорятъ,

опъ его безпорядочной жизни и родители его сошли въ гробъ. Сынъ его опстался на рукахъ у спараго барина; и добрый эпопъ дядя забопился о немъ, какъ о родномъ своемъ дѣпищѣ; опдалъ его въ лучшее заграничное училище, и когда онъ пришелъ въ возраспъ, вызвалъ его изъ чужихъ краевъ и опредѣлил на службу въ Пепербургъ. Все, что касается до баринова брапа, рассказывалъ мнѣ карла *Тилоша*, копорый очень былъ друженъ съ камердинеромъ, спарикомъ *Тихономъ*, и не разъ слыхалъ опъ него про всѣ проказы и про все жипье-быпье его господина.

— Я помню, какъ *Илья Степановицъ*, племянникъ бариновъ, пріѣхалъ къ намъ впервые поспиппъ своего дядюшку по возвращеніи своемъ изъ-за границы. Онъ былъ тогда пригожимъ и спапнымъ молодцомъ лѣтъ осьмнадцати; видъ его полюбился всѣмъ дворовымъ людамъ, и всѣ надѣялись, что молодой баричъ со временемъ замѣнитъ намъ спараго нашего барина, будепъ пакже добръ, милоспивъ и попечителенъ. Бойкій и рѣзвый, но вкрадчивый и ласковый, онъ, пакъ сказать, впился въ душу дядюшкѣ своему; и спарый баринъ, казалось намъ, былъ при немъ веселѣе обыкновеннаго, часто разговаривалъ съ нимъ объ наукахъ и былъ доволенъ его воспитаніемъ. Люди подмѣнили полько, что когда спарый баринъ давалъ ему наспавленія, какъ жипъ и какъ веспи себя въ свѣпѣ, тогда *Илья Степановицъ* казался разсѣяннымъ и какъ будто бы пропускалъ мимо ушей слова дядюшкины; но добрый спаричокъ или не замѣчалъ того, или приписывалъ эпо молодоспи лѣпъ своего племянника.

— Скоро *Илья Степановицъ* уѣхалъ въ Пепербургъ, на службу.... Видно уже пакъ Богъ судилъ, чтобы спарому нашему барину полько и видѣпъ упѣшенія опъ своего племянника, пока эпопъ былъ у него на глазахъ; видно и то, что поговорка: *каковъ отецъ, таковы и дѣтки*, почти всегда сбывается. Сперва *Илья Степановицъ* съ каждою почпой писалъ къ своему дядюшкѣ, послѣ рѣже, и наконецъ спалъ писать полько тогда, когда ему надобны были денги. А де-

негъ ему понадобилось много, по на по, по на другое: по вдругъ ему спыдно спало ѣздить въ сподлицѣ иначе, какъ четвёркою въ каретѣ, по нужно было, для поддержанія какихъ-то связей, сорить деньгами и ѣздить на вечера къ знапнымъ людямъ, у которыхъ велась карточная игра. Эпого еще мало: онъ вздумалъ увѣрять дядюшку, что ему необходимо должно было принимать у себя графовъ и князей, и для того имѣть большую кварширу, съ богатыми уборами, держать пышный столъ, — и мало ли еще какихъ запѣй? Старый баринъ и въ половину не вѣрилъ всему тому; однако же, имѣвъ хорошій доходъ, при великой бережливости, и, можетъ быть, надѣявшись, что племянникъ его перебьется и съ лѣпами будетъ человекомъ, ни въ чемъ почти ему не отказывалъ.

— Прошло еще года три-четыре, и въ эпо время старый нашъ баринъ переслалъ *Илью Степановичу* денегъ сполько, что можно-бъ было большое село купить. И чѣмъ больше баринъ посылалъ, тѣмъ неумѣреннѣе были доуки его племянника. Къ эпому еще въ добавокъ, барину нашему прислано было съ полдесятка требованій на важныя суммы, которыми племянникъ его задолжалъ разнымъ ремесленникамъ, поставщикамъ и другимъ людямъ. Наконецъ нашъ спарикъ вышелъ изъ перпѣня и на опрѣзъ написалъ *Илью Степановичу*, что если онъ не уймется опъ своего моповспва, по впередъ бы не надѣялся на дядю. Чпо-жъ бы вы думали онъ сдѣлалъ? Онъ вышелъ въ отспавку, прикапиль къ своему дядюшкѣ, какъ снѣгъ на голову, и навезъ ему многое множество книгъ, разныхъ инструменшовъ, нужныхъ для учёнаго, — словомъ, всего такоого, до чего спарикъ былъ большой охотникъ. Лукавый молодецъ подкрался къ нему лисою, вился около него ужёмъ, и такъ успѣлъ обморочить спарика, что потъ переспалъ на него сердиться и снова радъ ему быть, какъ доброму. Тогда нашъ хипрецъ, видя, что дядюшка снова душу за него гошовъ опдашь, признался, что за нимъ въ Пепербургѣ остались еще кое-какіе долгишки: бездѣлица, тысячь на тридцать, не больше. Спарикъ

похмурился, помигалъ бровями, попрясъ головою, поворчалъ — и заплапиль. Въ по время, какъ деньги эти опправлялись на почпу, я былъ въ бариновомъ кабинетѣ, дѣлалъ пакеты къ письмамъ и надписывалъ ихъ. *Илья Степановичъ* тушъ же находился, цѣловалъ руки у дядюшки и благодариль его слезами, которыми онъ (правое слово!), показалось мнѣ, какъ будпо насильно выжималъ изъ глазъ.

— Слушай, племянникъ! — говорилъ ему старый баринъ, покачивая головою по своей привычкѣ, — слушай и помни: чпобъ эпотъ плапежъ былъ послѣднимъ. Больше я, Богъ свидѣтель! не заплачу за тебѣя ни копѣйки, и пакъ ужъ я кругомъ себя обобралъ. Ты знаешь, что я не перяю словъ понапрасну; тѣмъ больше не призываю имени Божія всуе. —

«Дядюшка! милый, безцѣнный, мой родной!» опвѣчалъ лукавецъ, увиваясь около своего дяди, какъ *Иуда*: «вѣрьте, что я не подамъ вамъ больше никакой причины къ огорченію. Опнынъ вся моя жизнь будетъ вамъ посвящена. Я не оставлю васъ ни на минупу, буду покоипъ, утѣшать ваши преклонныя лѣпа, буду вамъ нѣжнымъ, покорнымъ сыномъ...»

— Поменьше обѣщаній, и побольше дѣла, племянникъ, — перервалъ рѣчь его старый баринъ. Я не пребую, чпобы ты бродиль за мною, какъ тѣнь моя: эпо было бы въ плагоспъ й тебѣ и мнѣ. Ты человекъ молодой и не можешь сдѣлаться произвольнымъ опшельникомъ для спараго и дряхлаго дяди. Довольно и того, если ты будешь иногда облегчать мои заботы по хозяйспву и замѣняять меня тамъ, гдѣ долготпняя привычка моя и опчужденіе опъ свѣта мѣшаютъ мнѣ быть лично. —

«По рукамъ, дядюшка!» молвилъ *Илья Степановичъ*, поднявъ голову и-взглянувъ въ лицо спарика съ умильною, закрадывающеюся въ душу улыбкой. — «Вы найдете во мнѣ вашего прикащика, повѣреннаго по дѣламъ, разсылнаго и все, что вамъ угодно будетъ. Вечеромъ я спану вамъ читать иноспранныя газетпы, книги; мы будемъ вмѣстѣ разбирать писателей, разсуждашь... Такъ! я

чувствую, что слишком много времени убило на суешность: пора образумиться, пора войти въ себя и жить умственной жизнью.... И кого могъ бы я выбрать лучшимъ пушеводилелемъ, какъ не васъ, уединеннаго мудреца, узнавшаго жизнь и свѣтъ долготѣпнею опытносною, и оспивавшаго шумъ и превратности ихъ безъ сожалѣнiя?»

—Спарикъ ничего не отвѣчалъ. Во всю послѣднюю рѣчь своего племянника, онъ сидѣлъ опуспя глаза внизъ, какъ будто бы присмапривался, нѣтъ ли на полу какой пылинки, и на губахъ его замѣпилъ я что-то похожее на улыбку. Такъ молодой хипрецъ понималъ его нравъ и умѣлъ къ нему поддѣлываться. —

(Продолженiе въ слѣд. листѣ.)

О С В А Л Ъ Д Ъ,

Ночь. Все тихо; полный мѣсяцъ освѣщаетъ пространную долину; яркiя, алмазныя звѣзды смотрятъ на землю. На землѣ все спокойно, какъ въ могилѣ.

Чу! конскiй попопъ пробуждаетъ гробовую пышину долины, гулъ проспеналъ по землѣ; при свѣтѣ луны всадникъ быспрѣе вихря мчался на рьяномъ конѣ.

Уже чѣрный конь покрытъ окровавленною пѣной, но всадникъ не думаетъ сдержатъ коня, и глубже вонзаетъ оспрiя шпоры въ крупныя ребра его.

Быспро конь несется, но не можетъ обогнать неперпѣливой мысли своего господина.

Но кто эпопъ чудный всадникъ, и куда пакъ спѣшилъ онъ: на свиданiе ли съ другомъ, на прощанiе ли съ опцемъ? Эпо *Освальдъ*, молодой рыцарь знапнаго рода и мчипся увидѣть любезную *Гертруду*.

Гертруда одна дочь у опца, послѣдняя опрасль древняго дома бароновъ *Альдонъ*. *Гер-*

труда прекрасна, какъ первый день мiра, она любитъ храбраго *Освальда*, — но спаринная вражда опцевъ — преграда любовникамъ.

Плачетъ бѣдная *Гертруда*, на колѣняхъ умоляетъ опца благословить ихъ союзъ; баронъ непреклоненъ: и ея рука уже обшчана графу *Дудо* и день свашьбы назначенъ.

Бѣдный *Освальдъ*, зачѣмъ любовь прокралась въ пвое сердце, закаленное въ бипвахъ? Гдѣ же мечпы пвой? Все исчезло, какъ сонъ прошедшiй.

Не робѣетъ *Освальдъ*; опасность велика, но надежда еще болѣе. Не даромъ онъ гонитъ коня своего, не даромъ глаза его блещутъ какъ звѣзды во мракѣ ночью.

Наспаетъ день свашьбы. Все дышетъ радостiю; давно священникъ у алпаря; полпы поселанъ ожидаютъ съ неперпѣнiемъ появления свадебнаго поѣзда.

Уже солнце скапилось за сосѣднiя горы, вечернiе сумраки одѣваютъ замокъ чѣрнымъ покровомъ; послѣднiе звуки свирѣли замираютъ вдали, — но не ѣдетъ невѣста, не ѣдетъ женихъ.

Не вихрь шумитъ въ сосѣдней дубравѣ, не въперъ вздымаетъ облака пыли — эпо *Освальдъ* и *Гертруда* мчатся изъ замка на борзыхъ коняхъ.

Сзываетъ спарый баронъ своихъ вѣрныхъ слугъ, громовымъ голосомъ приказываетъ догнать дерзкаго похипипеля. Тому, кто приведетъ *Освальда*, обшчаетъ золотой кубокъ.

Разсыпаются вѣрные слуги въ разныя спороны, ищутъ день и ночь — проходипъ два дни: все тщетно — старый баронъ въ опчалнiи.

«Меня обманули,» говоритъ надмѣнный графъ *Дудо*; — и поспѣшно собирается въ путь;—грозишь опомспитъ барону *Альдону*.

*

Чрезъ три дни завидѣли съ башни и шлемы и копыя и бранное знамя дружины графа *Дудо*.
.
и замокъ въ осаду.

*

Графъ *Дудо* силенъ; нѣтъ спасенія; баронъ рветъ свои сѣдые волосы; неизвѣспность судьбы дочери огорчаетъ его болѣе—чѣмъ самая осада.

*

Что это зачернѣлось вдали?—Вотъ ближе и ближе—вотъ отдѣляется отъ лѣса густая толпа—слышенъ трубный звукъ—минута—и отборная дружина въ пернатыхъ шлемахъ бросается съ пылу на осаждающихъ.

*

Но кто это въ всадникъ на чѣрномъ конѣ? Глаза его сверкаютъ, какъ искры, сквозь забрало шлема; что взмахъ меча—то жертва.

*

Кто это пажъ молодой, который слѣдитъ движенія чѣрнаго всадника—рука его спрашна врагамъ.

*

И вотъ непріятель обращается въ бѣгство; оповоряютъ воропа замка; вспрѣчаютъ въ воспоргъ освободителей.

*

Баронъ *Альдонъ* сжимается въ объятіяхъ и чѣрнаго всадника и пажа молодого;—но кто же они?—Вотъ опускаютъ забрала — Ахъ! это *Освальдъ* и *Гертруда*.

*

Забываетъ баронъ свою спаринную вражду—воздѣваетъ руки къ небу—и благословляетъ союзъ *Освальда* и *Гертруды*.

БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЙ УКАЗЪ ОБЪ ОСТОРОЖНОСТИ ОТЪ НАВОДНЕНІЙ.

В. Н. *Берхъ* въ книгѣ своей о наводненіяхъ приводитъ слѣдующій указъ Императрицы *Екатерины I*, изданный 21-го Ноября 1726-го года: «Понеже въ прошломъ 1721 году Ноября 5-го и въ нынѣшнемъ 1726 Ноября 1-го чиселъ, отъ прибылой воды, за низоспью здѣсь въ спроеніяхъ, обываелямъ есть не безъ разоренія; того рода, сожалѣя о нихъ, *Ея Императорское Величество* указала: для опасності отъ шаковой же воды, всякое спроеіе впредъ, кому гдѣ надлежитъ, спроеітъ выше нынѣшней бывшей воды на фушъ, и для того вездѣ на спроеіяхъ поставитъ знаки; о чемъ въ народѣ и архипспекпорамъ объявитъ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ГРАФУ А. А. МАНТЕЙФЕЛЮ.

Въ вашемъ замкѣ всё прекрасно,
Всё роскошно и свѣтло;
Но, однако же, не לנו
Госпя вашего чело.

*

Вы, съ радушьемъ Славянина,
Госпя приняли въ вашъ домъ . . .
Дорогія ваши вина,
Пьѣтъ онъ—съ пасмурнымъ челою.

*

Каламбуромъ, оспрымъ словомъ,
Вамъ его не разсмѣшишь;
Въ вашемъ замкѣ, въ мѣспѣ новомъ,
Ему хочется груспитъ.

*

Въ вашемъ замкѣ еще болѣ
Разлученъ онъ съ дѣвой шой—
Мысль о коей всего болѣ
Власшуетъ его мечшой!

*

Я грущу! Но вы хотите
 Чшюбъ у васъ забылъ всё я? . . .
 Вашъ органъ вы заведише,
 Зайграйте—соловья!

Н. Д.

Муза Серенгофа, подъ Дершпомъ,

1834.

С H A R A D E.

Mon premier, soit qu'on parle, ou bien que l'on écrive,
 Ne sert le plus souvent que pour la négative.
 La vertu, la conduite, avec la probité,
 Donnent de mon second le titre respecté.
 Mon tout est à peu près comme la vie humaine,
 L'on y va, l'on y vient, on y court, on s'y traîne.

Въ No 11-мъ, помѣщенная шарада значить: *Паши-мкъ.*

M O D E S.

Aux bals d'étiquette, les jeunes gens reprennent les bas de soie et les culottes courtes. Ceci n'est ni une mode, ni une obligation; mais dans toutes les remarques sur les toilettes en général, celle-ci se présente comme observation.

Le manteau espagnol, drapant sur l'épaule, ne sera probablement pas remplacé par le petit manteau disgracieux qui manque d'aisance et d'utilité. Cependant, comme la mode ne vit que par les changemens, et surtout par les contrastes, elle essaie de rappeler une forme courte et sans ampleur, que l'on adoptera peut-être pour le cabriolet où les mouvemens puisent quelque liberté.

Les foulards blancs, brochés, sont devenus nécessaires; au bal, on voit peu de mouchoirs en baptiste, et peu de foulards à dessins; les dessins satinés blanc sur blanc, ont plus de distinction que ceux de couleur sur couleur, bien portés néanmoins; plus simples, il y a les foulards unis blancs des Indes, bordés d'une seule ligne à mille raies comme la batiste.

Les nouveaux *gibus* ont acquis une célébrité générale; rien n'est plus coquet que ce petit claque rond, en velours noir, doublé de satin, auquel joue une ganse terminée par de petits glands légers et soyeux: *Gibus* les a perfectionnés avec une recherche gracieuse; les jeunes gens, fatigués du claque ancien, se sont pressés d'adopter le nouveau claque, infiniment plus élégant dans sa forme.

Pl. No 5. 1) Coiffure ornée de fleurs. — 2) Toque en crêpe. — 3) Bonnet en blonde à la belle Anglaise,

M O Д Ы.

На парадные балы молодые люди начинаютъ опять надѣвать шелковые чулки и короткія исподнія платья. Это не мода и не обязанность; но въ замѣчаніяхъ объ нарядахъ вообще, это представляется какъ наблюдение.

Испанскій плащъ, драпирующійся на плечъ, вѣроятно не замѣстится маленькимъ безобразнымъ плащомъ, неловкимъ и бесполезнымъ. Однако, какъ мода существуетъ только перемѣнами, и особенно противоположностями, то и старающіяся ввести опять покрой плащей короткой и не сборной, которые можетъ быть въ употребленіи для ѣзды въ кабриолетъ, потому что движенія въ нихъ свободнѣе.

Бѣлые запканые фулары сдѣлались необходимы; на балахъ мало видно баписловыхъ плашковъ и фуларовъ съ узорами; апласистые бѣлые узоры по бѣлому, отличить разноцвѣтныхъ, довольно впрочемъ употребительныхъ; есть простѣе фулары, Индѣйскіе, гладкіе бѣлые, съ каемкою изъ мелкихъ полосокъ, какъ на баписловыхъ плащкахъ.

Новыя *gibus* достигли общей славы; ничего нѣтъ щеголеватѣе этой небольшой расплющенной круглой шляпы, изъ чернаго бархата, подложенной апласомъ, съ шнуркомъ, оканчивающимся небольшими легкими шелковистыми желудями: *Gibus* усовершенствованъ съ большимъ щцаніемъ; молодые люди, наскучившіе прежними расплющенными шляпами, принялись поспѣшно за новыя, несравненно щеголеватѣе формою.

Карп. No 5. 1) Прическa съ цвѣтами. — 2) Креповый шокъ. — 3) Блондовый чепчикъ à la belle Anglaise.

№ 5 Номер. Угуд. Къ P. H.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 13.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 13 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Едва лишь что сказать удалось мнѣ щасливо,
Какъ древнось заворчипъ съ досадою: «что за диво!
Я по же до тебя сказала, и давно!»
Смѣшна беззубая! вольно
Ей послѣ не припши къ невѣждѣ:
Тогда-бъ сказала я поже прежде!

Жуковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ГАВРИЛА ГАВРИЛЫЧЪ ПРЫНДИКОВЪ.

Жилъ былъ... ужъ конечно не въ Пепербургъ, не въ Москвѣ, даже не въ Кіевѣ, а въ заброшенномъ посадѣ одной губерніи, надупый, но пустой, никого въ грошъ не ставившій и самъ гроша нестоившій, опспавной оберъ шперъ - кригсъ - комисаръ *Гаврила Гаврилычъ Прындиковъ*. Онъ былъ увѣренъ, что оказалъ Россіи безмерныя услуги, и что безъ его содѣйствія не была бы взята Эривань, Русскія войска не перешли бы Балканы и были бы со спыдомъ опбины опъ Варшавскихъ укрѣпленій. Не наше дѣло входипъ въ разсмопрнне причинъ, заспавлявшихъ *Гаврилу Гаврилыча* спавипъ себя по уму наравнъ съ канцлеромъ графомъ *Остерманомъ* и княземъ *Безбородкой*: это вопросъ психологическій. Супруга его *Прасковья Петровна* была еще надмѣннѣе, еще спѣсивѣе, еще высокомѣрнѣе благороднаго своего супруга.

Въ 1814-мъ году побѣдоносный Императоръ *Александръ благоволенный*, на возвратномъ пути въ Свою столицу, изъявилъ желаніе осмопрѣпъ великолѣпную церковь, которая созидалась въ Печорскомъ монастырѣ въ память побѣдъ графа *Витгенштейна*. Молва о семъ съ быспропою элекприческаго удара пронеслась по сосѣдспвеннымъ мызамъ Лифляндской, по селамъ и деревнямъ Псковской и Новгородской губерній. Дворяне, купцы, арендаторы спаями поскакали въ Печору, чпобы насладипся лицезрѣіемъ Того, Кто посадилъ на Французскій престоль *Бурбоновъ* и сослалъ въ започеніе *Наполеона*. По распоряженію мѣспной полиціи, женамъ почетнѣйшихъ купцовъ и помѣщиковъ, во избѣжаніе давки опъ тѣснопы, розданы были билепы на хоры соборной церкви. Между прочими, супруга содержашеля канашной фабрики въ посадѣ Солицы *Василья Григоревича Доброхотова* и невѣспка ея, получили пакже билепы, и очень рано упромъ опсправились на хоры, гдѣ нашли еще нѣскольго порожнихъ спульвѣвъ и лавокъ: онѣ

заняли мѣсто въ переднемъ ряду. Часа черезъ полпора явились туда же двѣ богато разряженныя дамы, въ покахъ съ сприсуемыми перьями, въ Турецкихъ шаляхъ, съ надмѣннымъ видомъ. Та, которая была по старше, оборотилась къ скромной супругѣ купца *Доброхотова* и, безъ дальнихъ церемоній, вырвавъ изъ-подъ неѣ спудъ, закричала на неѣ повелительнымъ голосомъ: «Мъщанка! ты какъ зашла сюда? Убирайся прочь! не уже ли мнѣ, благородной дамѣ, стоять у тебя за спудомъ?» *Доброхотова* смиренно уснула ей мѣсто и, немного погодя, уѣхала съ своею подругою домой, а лихая завоевательница обводила кругомъ дерзкіе взоры, и какъ будто говорила окружающимъ еѣ: *вы пражь и паутина.*

Но вотъ пробѣжалъ по церкви гуль: ѣдетъ! ѣдетъ! Настоятель вышелъ со крестомъ на встрѣчу *Благословеннаго*; въ соборѣ водворилась тишина. Съ громомъ подскакала коляска къ церковному крыльцу; Императоръ перекрестился, приложился къ кресту, поцѣловалъ руку старца-настоятеля и послѣдовалъ за нимъ въ святой храмъ, гдѣ благоговѣнно преклонилъ лавроносную главу свою передъ святыней алтаря, опслушалъ молебенъ; — всѣхъ очаровалъ, всѣхъ восхищилъ; зашедъ въ келью настоятеля, изволилъ кушать чай—и послѣ того оправили въ дальнѣйшій путь.

Долго, долго въ окрестностяхъ Печорскаго монастыря ни о чемъ не говорили, кромѣ посѣщенія Государя. Дивовались на Его красоту, на эту единственную въ мѣрѣ улыбку, которая привлекала къ Нему всѣ сердца, обезоруживала его враговъ, прищипывала жало коварства.

Спусти мѣсяца два послѣ сего достопамятнаго случая, въ посадѣ Сольцы, на концѣ единственной его улицы, передъ рѣшетчатыми воротами широкаго двора купца *Доброхотова* остановилась щегольская коляска, въ шесть лошадей запряженная. Лакей въ сюртукѣ съ басономъ и шляпѣ съ широкимъ галуномъ соскочилъ съ запятокъ, распворилъ ворота—и черезъ минушу коляска вкатилась на дворъ и подкапалась подъ высо-

кій, деревянный балконъ. Изъ неѣ медленно выступилъ человекъ въ синей венгеркѣ съ чѣрными снурками и въ бархатномъ зелѣномъ картузѣ.

Это былъ высокоблагородный *Гаврила Гаврилычъ!* Какъ *Юпитеръ*, оспавляя дома грома и молніи, за проспо нисходилъ къ *Семелль*: такъ и нашъ спѣсивецъ, слагая съ себя на время гордость Индѣйскаго пѣтуха, низшелъ до того, что сдѣлалъ посѣщеніе проспому купцу!!! Къ оправданію его скажемъ, что гордость долго боролась въ немъ съ необходимостью, и что только крайность, вступя въ наступательный союзъ съ послѣднею, одержала побѣду надъ первою.

Ему надобны были деньги. Многіе ли изъ дворянъ въ нихъ не нуждаются? А нашъ герой, ведя жизнь выше своего состоянія, не повѣряя расходовъ съ приходами, удовлетворяя мотовскія прихоти щеголихи жены своей, надѣлалъ столько долговъ, что еслибъ каждый волосъ его оцѣнили во 100 рублей: то и тогда не достало бы денегъ на покрытіе всѣхъ ихъ.

Но это дѣло для насъ постороннее! Добродушный хозяинъ принялъ его съ подобающею честью. Весьма скоро подавъ кофе, и по желанію, изъявленному *Гаврилою Гаврилычемъ* осмотрѣть его заведеніе, они отправились на фабрику. Госпнъ все хвалилъ, обо всемъ спрашивалъ и оспался весьма доволенъ. По возвращеніи въ покои, они нашли на столѣ изобильный завтракъ. Выпивъ водки и закусывая пармезаномъ, *Гаврила Гаврилычъ* открылъ *Василью Григорьевичу* причину своего посѣщенія.

Сей отвѣчалъ, что не имѣетъ денегъ, а есть у жены его; что онъ переговорилъ съ нею и надѣется, что она такому почтенному человеку не откажетъ. Въ самомъ дѣлѣ *Доброхотовъ* возвратился съ отвѣтомъ жены, что она за честь пославляетъ служить *Гавриль Гаврилычу*, который поспѣшилъ въ гостиную лично поблагодарить еѣ. Тутъ же написано заемное письмо, засвидѣтельствовано у маклера; *Доброхотова* опщипала 1,866 рублей за вычетомъ процентовъ. *Грындиковъ* положилъ ихъ въ карманъ, вы-

просилъ позволеніе познакомиться съ нею женою свою, повернулся на одной ножкѣ, вскочилъ въ коляску—и исчезъ.

Не прошло недѣли, какъ онъ опять прикапиль въ Сольцу съ своею *Пласковьею Петровою*; разумѣлся, не для того, чтобъ изъяснить *Доброхотовымъ* свою признательность, а въ надеждѣ выманить со временемъ еще деньженокъ малую-толику.

Медленно и важно вступила надмѣнная должница въ гостиную.... Хозяйка выбѣжала ей на встрѣчу; но когда гостья откинула чѣрный блондовый вуаль своей огромной соломенной шляпы и открыла лицо свое: то *Доброхотова* ахнула и вскричала: «Мы, сударыня, съ вами знакомы.» Гостья смѣшалась и едва собралась съ духомъ спросить: Не знаю, когда и гдѣ имѣла я честь съ вами видѣться. «Въ Печорахъ, въ день проѣзда Государя Императора. Помните ли, какъ вы меня прогнали съ хоръ?» Гостья извинялась, какъ могла. Догадливый хозяинъ заговорилъ съ пріѣзжей барыней о погодѣ, и пѣть вывелъ еѣ изъ безпокойства. Она оправилась, оспалась по просьбѣ хозяевъ объѣдать, была весела, разговорчива, по пословицѣ, гдѣ-то весьма щастливо приведенной *Ө. В. Булгариньимъ*: какъ съ гуся вода.

Должныя *Прындииковымъ* купчихъ *Доброхотовой* деньги и теперь еще не заплачены. *Гаврила Гаврильиъ* божишься, что онъ лучше готовъ вѣкъ быть ей должнымъ, чѣмъ однажды оппереться.

А. Кораблинскій.

1835.

СЛОВЕСНОСТЬ.

САМОУБИЙЦА.

(Продолженіе.)

—На первыхъ порахъ, старый баринъ и всѣ его окружавшіе должны были повѣрить искреннему исправленію *Ильи Степановича*. Онъ безпрестанно ласкался къ своему дядюшкѣ, разсѣивалъ его задумчивость разговорами своими и порою веселилъ его чистосердечными разсказами про свои прежнія молодецкія шалости. Спарикъ нехотя, бы-

вало, подъ часъ и разсмѣется, чего за нимъ прежде не замѣчали. Принимая все за чистые деньги, онъ не только извинялъ своего племянника, но даже находилъ, что шалости и мотовство его были признакомъ добраго сердца, и что молодой человекъ, съ такою опкровенностію сознающійся въ своихъ просупкахъ, подаетъ о себѣ хорошую надежду. *Илья Степановичъ* также присматривалъ за работами, занимался бумагами и повѣркою счетовъ и ѣзжалъ въ городъ по дѣламъ своего дяди. Спарикъ между тѣмъ спалъ меньше показываться, чаще запирался у себя въ кабинетѣ, читалъ или дѣлалъ ученые опыты, съ помощію разныхъ машинъ, которыми и теперь завалена одна комната въ печатанномъ барскомъ домѣ. Это не очень нравилось нашимъ крестьянамъ, привыкшимъ хопъ изрѣдка встрѣчаться съ добрымъ своимъ господиномъ: теперь, кто хопѣлъ его видѣть хопъ мелькомъ, хопѣ нарочно проходилъ мимо садоваго забора, и заглядывалъ сквозь рѣшетку: памъ, бывало, старый баринъ или роется въ своихъ цвѣтникахъ, или прохаживается тихими шагами по длинной липовой алеѣ, опуся голову на грудь и нахлуча поля большой своей шляпы на глаза. Имѣ, сударь, признайся, не слишкомъ нравилось ухаживанье да увиванье *Ильи Степановича* около добраго нашего барина. Теперь меня рѣже спали призывають въ кабинетъ; все, бывало, *Илья Степановичъ* сидитъ памъ глазъ на глазъ съ своимъ дядюшкой, читаетъ съ нимъ да толкуетъ. Въ этомъ была моя двойная потеря; и къ барину я такъ привязался, что не видя его, я какъ будто не сполна былъ сытъ и доволенъ; и новыя хорошія книги мнѣ не такъ уже часто доводилось читать, а къ нимъ уже съ той поры такъ я приспρασился, что хопъ хлѣбомъ меня не корми, только читають заспавъ. Особливо же любилъ я читать при спаромъ баринъ: онъ, хопъ изрѣдка, скажетъ бывало, какъ будто разсуждая вслухъ съ самимъ собою, какое нибудь умное замѣчаніе, либо поясненіе, а это и заляжетъ у меня въ душѣ. Горевалъ я и пайкомъ досадовалъ на *Илью Степановича*, который у меня словно по клочкамъ сердце вырываетъ.

— Не надолго однако были и радость барина, и мое горе. Не прошло и полгода, как наш молодец соскучился бысть все съ дядюшкой. Онъ чаще спалъ оплучахся изъ дома, ѣздилъ въ городъ и проживалъ тамъ супокъ по при и по чепыре, иногда и по цѣлымъ недѣлямъ. Тутъ начали у него проявляхся нужды въ деньгахъ, сперва понемногу, а послѣ и побольше: иногда случались даже и маленькіе недочеты въ барскихъ суммахъ, и нашъ *Илья Степановичъ* какъ будто самъ дивился тому, что здѣсь онъ переплатилъ лишнее, а тамъ не добрасть. Старый баринъ сперва смотрѣлъ на все эпо сквозь пальцы; но подъ конецъ спалъ и посерживахся. Къ эпому еще начали до него доходить жалобы, что креспьянскимъ дѣвучкамъ и пригожимъ молодцамъ не было жипья опъ доукъ молодого барина; а у насъ, сударь, какъ вопчина спонилъ за памятью спарожидовъ, эпакихъ проказъ опъ господъ своихъ не видывали. Старый баринъ призвалъ однажды упромъ въ свой кабинетъ *Илью Степановича*, и, какъ должно думахъ, порядкомъ вымылъ ему голову: молодецъ вышелъ опшуда съ раскрасѣвшимся лицомъ, съ синѣлыми и дрожащими губами, и взглядомъ какъ будто всѣхъ събсхъ хотѣлъ. Онъ потчасъ велѣлъ заперчь лошадей, которыхъ подарилъ ему баринъ, и уѣхалъ со двора. Три дня мы его не видали, и во все эпо время также не видали мы опца нашего, спараго барина: онъ заперся у себя въ кабинетъ и не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ карлы *Тилоши*.

— Съ тѣхъ поръ, какъ говорихся, пошелъ *дыль коромыслоль*, *Илья Степановичъ* переспалъ припворихся и оказался испиннымъ сыномъ своего бапюшки. Онъ почти не жилъ дома, и рѣдко видался съ дядею; но когда видѣлся, то умѣлъ такъ подбитхся, что спарикъ хотѣ и сердился на него, а все снабжалъ его деньгами. Наконецъ спарикъ рѣшилхся опредѣлхть ему годовое содержание, но съ тѣмъ, чтобъ онъ уже больше не вмѣшивался въ вопчинныя дѣла, не ѣздилъ осмапривахъ полевыхъ работы, жилъ, гдѣ и какъ хочехъ: дома ли, въ городъ ли; только бы не пребовалъ опъ дяди сверхъ

назначенной суммы. Такое условіе, казалось, было по сердцу *Ильи Степановичу*: правду сказахъ, и сумма была не мала. Но у мопы всегда карманы прорваны; и эпого, видно, ему было мало. Послѣ оказалось, что онъ нашелъ услужливыхъ и ращепливыхъ росповщиковъ, которые не побоялись давахъ ему займы деньги въ чайніи будущаго наслѣдства его, по естѣ, просто по смерхъ добраго нашего спараго барина... Судихе, сударь, каково должно быхъ сердце у челоуѣка, который хладнокровно по пальцамъ выщипываехъ, сколько дядѣ и благодѣтелю его оспаехся еще прожихъ на свѣтѣ!

— Однажды *Илья Степановичъ* уѣхалъ изъ нашего села, и мѣсяца два прожилъ въ городѣ, даже и не написавъ ни разу къ дядюшкѣ. Въ эпо время спарикъ получилъ изъ города безыменное письмо, въ которомъ какая-то добрая душа извѣщала его, что *Илья Степановичъ*, проживая въ городѣ, спознался тамъ съ одною прѣзжею чужеземкой, ремесломъ комедіанткой, лицомъ красавицей; о поведѣніи-жъ ея и говорихъ нечего. Эпа колдунья, сказано было въ письмѣ, опчила *Илью Степановича* приворопными зельями до того, что онъ безвыходно жилъ у неѣ и даже обѣщалъ па ней женихся. Она же ссужала его деньгами на игру, и научала всему недоброму. Старый баринъ, прочихавъ эпо письмо, долго ходилъ одинъ по комнатамъ; послѣ призвалъ меня, и зная мое къ нему усердіе, вѣрность и распоропность, далъ мнѣ порученіе ѣхатъ въ городъ, опыскахъ тамъ слугу *Ильи Степановича*, распросихъ его оспоропно обо всемъ, и если можно, самому пробратхся въ домъ помянутой красавицы, выспотрѣхъ и вывѣдахъ, что тамъ дѣлалось, и обо всемъ донесихъ барину. Порученіе эпо велѣлъ онъ мнѣ держатъ въ тайнѣ; и ни съ кѣмъ изъ дворовыхъ нашихъ людей не говорихъ ни объ немъ, ни о письмѣ, присланномъ изъ города.

— Рано поупру поскакалъ я на лихой проуѣкъ. Прѣхавъ въ городъ, опыскалъ я *Авдѣя*, служихеля *Ильи Степановича*. Малой эпопъ былъ изъ нашей деревни и мы были дружны между собою. *Авдѣй* со слезами разсказывалъ

мнѣ о проказахъ своего господина и о томъ, какую власпъ взяла надъ нимъ окаянная чужеземка. «Вѣдь баринъ мой, кажется, вовсе не проспѣ», говорилъ *Авдѣй*: «а передъ нею онъ сущій пелѣнокъ. Вотъ исплинно змѣл подколодная! зла, горда, своенравна, какъ будто знавшая барыня: коли что не по ней—куда! разкричится тебѣ, хоть свяпыхъ вонъ неси. Ужъ пусть бы что было пушное, а то, хоть баринъ и называетъ её *Ипальянкой*, да мнѣ все сдается, наше мѣсто свяпо! что она *Жидовка* прокляпая.»

— Послушай, *Авдѣюшка*,—сказалъ я ему: какъ бы мнѣ своими глазами увидѣть эту пщцу?—

«Эпо легко сдѣлать,» отвѣчалъ онъ. «Приходи ко мнѣ нынче вечеромъ; мы засядемъ съ тобою въ кухню, куда она поминупно выбѣгаетъ, то заказываетъ, то либо иное, то бранишься съ кухаркой, то посылашь меня изъ одного конца города въ другой. Не бойся: барина дома не будетъ, онъ въ эпо время уѣзжаетъ къ своимъ припшелямъ карпѣжникамъ; а если она спроситъ, что ты за человекъ? скажи, поршной, либо сапожникъ, пришелъ ко мнѣ за господскимъ дѣломъ,—ну, солги, какъ умѣешь.»

—Такъ я и сдѣлалъ. Вечеромъ, когда мы съ *Авдѣлей* сидѣли и разговаривали вполголоса, а кухарка спряпала что-то у очага и ворчала себѣ подъ носъ,—вдругъ вбѣжала высокая и спанная женщина лѣтъ двадцати-пщпи. *Авдѣй* пихонько меня толкнулъ; мы вспали, и я поклонился эпой самозванкѣ-баринѣ, на вопросъ ея отвѣчалъ, что я ппкой-по ремесленникъ, и она оставила меня въ покоѣ. За то напустилась на кухарку, залепепала, какъ сорока, дурнымъ Русскимъ языкомъ: и то худо, и другое не доварилось, и прещѣ пригорѣло; а только кухарка разинула ротъ, глядь—и пощечина! Во все эпо время смолпрѣлъ я изкоса на бѣшеную красавицу. Подлинно, сударь, она была красавица: большіе черные глаза, которые словно жгли пого, на кого смолпрѣли; волосы, какъ смоль, запѣшливо распущены были по плечамъ и видѣлись самородными кудрями; лицо полное, немного смуглое, но за то съ самымъ

живымъ румянцомъ; алыя губки, пухленькія щечки, прекрасный носикъ.... короче вамъ сказать, сударь, и въ карпинахъ рѣдко увидишь пакую красавицу. И лицомъ и нравомъ была она сущая царь-дѣвица, о которой разсказывается въ нашихъ Русскихъ сказкахъ: ппакже упряма, причудлива и ппакая-жъ охощница власпвовать.

—Возвращаясь изъ города, я пересказалъ спарому барину все, что видѣлъ и слышалъ. Онъ слушалъ молча, поппряживалъ головою, пожималъ плечами и кусалъ себѣ губы; кажется, донесеніе мое очень его огорчило. Однаккожъ онъ ничего еще не начиналъ, и оставилъ все дѣло до поры, до времени.

—Черезъ недѣлю послѣ того, прѣхалъ *Илья Степановицъ* и пошелъ прямо въ кабинетъ своего дядюшки. Что они тамъ говорили, ппкто не знаетъ; только черезъ полчаса *Илья Степановицъ* выбѣжалъ оппшуда звѣрь звѣремъ: всѣ его составы дрожали, и лицо было у него, словно у Каина; спрашно было на него взглянуть, особливо вспрѣпшился съ его взглядомъ: ппакъ глаза его налились кровью опъ бѣшенства и судорога подергивала всѣ жилы въ лицѣ. Онъ оспался однако же въ домѣ, но обѣдалъ особнякомъ; а спарый баринъ никого къ себѣ не пускалъ и никому не показывался, кромѣ своего карлы, который одинъ всегда имѣлъ къ нему доступъ. На другой и на третій день было тоже. *Илья Степановицъ*, не смолпрѣ на осеннюю пору и на то, что уже листва не оставалось на деревьяхъ, бродилъ всѣ эпо дни по полямъ одинъ, какъ перспѣ, и возвращался только тогда, когда все въ домѣ спало.

—Карла *Гилоша* говорилъ, что во всѣ эпо дни спарый баринъ безпрестанно ходилъ по комнатамъ, споналъ чаще обыкновеннаго, жаловался на нестерпимый жаръ и какъ будто заговаривался.

—Въ четвѣрпый день *Илья Степановицъ*, увидѣвъ карлу, подозвалъ его, спросилъ о здоровьѣ своего дяди, и узнавъ поже самое, прибавилъ: «Пойди; доложи дядюшкѣ, что я хочу съ нимъ еще однажды переговорить; больше я его беспокоить не стану.» Минуты черезъ двѣ, карла вышелъ сказать, что

старый баринъ согласенъ былъ принять своего племянника. *Илья Степановичъ* пошелъ въ кабинетъ съ какимъ-то сильнымъ раздумьемъ; а лукавый карла, любопытный отъ природы и отъ нечего дѣлать, приставилъ ухо къ двери и началъ подслушивать разговоръ спараго барина съ его племянникомъ. Сначала (какъ *Тимоша* послѣ намъ рассказывалъ) говорили они тихо, такъ что нельзя было порядочно разслушать. У *Ильи Степановича* вырывались только кое-какіе слова о женитбѣ, о согласіи, о благословіи, на которыя старый баринъ отвѣчалъ только: нѣтъ, — не хочу, — не даю согласія. Погодя немного, *Илья Степановичъ*, разгорячась, сказалъ громко: «Такъ вы не соглашаетесь на мое щастіе?»

— Я не соглашаюсь на твою погибель, жалкій молодой человекъ, — отвѣчалъ старый баринъ. — Какого щастія надѣнешся ты съ этою женщиной? —

«Дядюшка! безцѣнный дядюшка! не губите меня, ощастливьте вашимъ благословіемъ!» выкрикивалъ племянникъ, спавъ передъ дядей на колѣни и рыдая, какъ ребенокъ: «Что же дѣлать! если это заблужденіе, то оно мое: никто отъ него не пострадаетъ.»

— Неправда, другъ мой! цѣлая вопчина можетъ отъ него потерпѣть. Ты знаешь, я люблю крестьянъ моихъ, какъ дѣтей, весь оспапокъ моей жизни посвящаю на то, чтобы упрочить ихъ благосостояніе, а шупъ... —

«Кто же вамъ сказалъ, что они будутъ несчастны?»

— Мое сердце и долговременная опытность... Впрочемъ, другъ мой, ты слышалъ послѣднее мое слово, и знаешь, что я опмѣнялъ его не люблю. —

— Карлъ послышалось, что въ эту минуту *Илья Степановичъ* глухо проревѣлъ, какъ будто бы стараясь утаить въ груди своей или проклятіе, или грубое слово. Онъ вспалъ на ноги и спустя нѣсколько минутъ сказалъ: «Такъ мнѣ оспаеися воспользоваться правомъ, по которому каждый въ мои льта

властенъ располагать собою, своими дѣлами и поступками.»

— Можешь, другъ мой, — отвѣчалъ ему старый баринъ. — Но знай, что и я воспользуюсь своимъ правомъ: усраишь тебя отъ наслѣдства по законнымъ причинамъ, оппущишь крестьянъ моихъ на волю и опдашь имъ всѣ мои земли... —

— Снова послышался такой же глухой ревъ. Погодя немного, *Илья Степановичъ* вышелъ. Карла, припаясь за дверью полупѣмнаго коридора, изъ котораго былъ ходъ въ бариновъ кабинетъ, не могъ разсмотрѣть, что дѣлалось на лицѣ баринова племянника; но видѣлъ, что онъ судорожно сжималъ кулаки и слышалъ какой-то невнятный шепотъ его. Карла замѣшилъ также, что старый баринъ былъ грустинѣе и молчаливѣе обыкновеннаго, все ходилъ по комнатамъ, часто поднималъ глаза къ небу и шепталъ что-то, какъ будто молился или испрашивалъ у Бога въ чемъ нибудь оппущенія. Передъ вечеромъ вышелъ онъ въ садъ и прохаживался по липовой алеѣ до самыхъ сумерекъ. Мы всѣ подошли къ окнамъ и смотрѣли вслѣдъ за нимъ. Три дни уже передъ тѣмъ мы его не видали. Казалось, каждый изъ насъ хопѣлъ на него теперь наглядѣться. На немъ былъ широкой и длинный его сѣрый плащъ, большая шляпа съ опущенными полями, а на ногахъ плисовые сапоги.

— *Илья Степановичъ* и въ эту ночь поздно возвратился домой; баринъ уже тогда легъ спать. Карла *Тимоша*, котораго комната была въ коридорѣ, подлѣ бариновой спальни, сказывалъ, что раздѣвъ барина, онъ долго слушалъ у дверей, и ему слышалось, что добрый нашъ господинъ часто и тяжело вздыхалъ, иногда изъ глубины души говорилъ: «О, Господи, помилуй!» и поворачивался съ боку на бокъ, какъ будто бы чувствовалъ себя нездоровымъ. Наконецъ онъ, по видимому, заснулъ: все утихло и карла опправился въ свою комнату.

— На другой день, около семи часовъ утра, время, въ которое старый баринъ обыкновенно просыпался, карла споялъ у его дверей и дожидался, когда онъ позвонитъ. Про-

было семь часовъ: нѣтъ звонка. Долго сподля еще карла, дивясь, что баринъ такъ заспался, и думая, что поному, можетъ быть, причиною была вчерашняя долговременная бессонница. Но вопъ и восемь часовъ пробилло, а звонка все еще не слышно. Въ большихъ спѣнныхъ часахъ, споявшихъ въ гостинной, застучалъ будильникъ, отъ котораго все въ домъ просыпалось; а баринъ все еще спадъ. Карла *Тимоша* былъ отъ природы неперѣливъ; онъ началъ спучаться въ дверь и кричать: «Баринъ, баринъ!» Отвѣта не было. Тогда онъ выбѣжалъ къ намъ въ переднюю, сказалъ намъ свои опасенія о здоровьи спараго барина и позвалъ насъ съ собою, чтобы, въ случаѣ нужды, податъ общими силами помощь или послать поскорѣе за декаремъ. Мы останоились въ коридорѣ, а карла отперъ дверь и вошелъ въ спальню. Но едва вошелъ, какъ мы услышали его дикій, пронзительный крикъ. Мы всѣ бросились пуда.... Господи, Боже мой! на полу валялась кровавая подушка, кровь запеклась на проспынѣ, и баринъ, нашъ добрый спарый баринъ лежалъ въ поспелъ съ перерѣзанымъ горломъ!—Крикъ, плачь и рыданія наши раздались по цѣлому дому. Вся дворня сбѣжалась, и всякой, кто лишь взглянулъ, начиналъ выть, какъ по опцѣ родномъ. Долго мы не могли опомниться; наконецъ, когда пришли немного въ себя, начали осматривать.... Руки спараго барина были сжаты кулаками и приписнуты къ груди; подлѣ правой руки, на груди, увидѣли мы роковую бриву.... Тутъ только догадались мы, что не было съ ними *Ильи Степановича*. Побѣжали сказаъ ему спрашную вѣспъ. Онъ вошелъ полу-одѣтый, запряся, зарыдалъ и упалъ на пѣло своего дяди.... Всѣ, шупъ бывшіе, отвѣчали на его плачь единодушнымъ, громкимъ воемъ, какъ будто бы впервые узнали всю горестъ невозвратной своей поперя. Должно сказаъ, однако, что *Илья Степановичъ* не вовсе поперялъ голову. Когда мы оптащди его отъ пѣла баринова и привели въ его комнату, онъ потребовалъ чернилъ и бумаги, сълъ и самъ написалъ объявленіе въ судъ, которое потчасъ и поладъ съ коннымъ гонцемъ въ городъ. Между

пѣмъ не велѣвъ намъ прогапъ шѣла его дяди, спрого подтвердилъ, чтобы все оспалось въ помъ видѣ и на помъ мѣспѣ, какъ было, когда мы въ первый разъ вошли въ спальню, и выславъ изъ неѣ всѣхъ насъ, замкнулъ и запечаталъ дверь и поставилъ спорожей у дверей и оконъ спальни. Конча всѣ сип распоряденія, онъ ушелъ въ свою комнату и заперся въ ней до прѣзда судовыхъ и лекаря.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Ты помнишь ли, о родина свяпала,
Когда въ нашъ край вступилъ *Наполеонъ*?
И Русскій духъ поработилъ мечтая,
Въ громахъ дышалъ огнемъ со всѣхъ споронъ?...
Хотя въ чужихъ земляхъ промчалась слава,
Что *Бонапартъ* легко насъ побѣдилъ; —
Но, не сдалась великая держава!
И, плѣнъ Москвы—давнымъ давно забытъ!....

Ты помнишь ли, какъ съ прескомъ дымъ
багровый,
Взлетѣлъ отъ спѣнъ священпаго Кремля?
Какъ пламенѣлъ въ Москвѣ пожаръ суровый,
И какъ шряслась отъ выспрѣловъ земля?...
Хотя въ чужихъ земляхъ промчалась слава,
Что *Бонапартъ* легко насъ побѣдилъ; —
Но, не сдалась великая держава!
И, плѣнъ Москвы—давнымъ давно забытъ!...

Тогда самъ Богъ, подъ заревомъ кровавымъ,
Въ грозѣ, пвоимъ сошупспвовалъ сынамъ;
Во тѣмъ свѣпилъ орламъ пвоимъ двуглавымъ,
И сыпалъ смертъ бѣгущимъ племенамъ!
Хотя въ чужихъ земляхъ промчалась слава,
Что *Бонапартъ* легко насъ побѣдилъ; —
Но, не сдалась великая держава!
И, плѣнъ Москвы—давнымъ давно забытъ!...

П. А.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* вымести спаракуются скорый,
 Второй слогъ Серпуховъ, Коломну орошаетъ,
 Калугу и Рязань спруей,
 А *цѣлое* песнро, болшливо и лепаетъ.

Въ No 12-мъ, помѣщенная шарада значить: *Passage*.

M O D E S.

A peine remise des fatigues de mon voyage, ma bonne Nancy, je m'empresse de vous en donner des nouvelles. Nos amis de France m'ont reçue avec une vraie *hospitalité anglaise*, et si je vous avais avec moi, je ne croirais pas être sortie de ma famille. Vous savez que vous m'avez fait promettre de vous donner les détails les plus minutieux; aussi mes lettres pourront-elles servir de *mémoires de temps* à nos arrières petits-enfants.

Le trajet de Douvres à Calais est un véritable enchantement; on ne conçoit pas qu'une distance que l'on peut franchir en trois heures, établisse une si grande différence d'un pays à un autre. On est tout étonné, en arrivant à Calais, de n'y plus entendre parler anglais, habitude dont on ne s'est point défait en route, car, par je ne sais quelle raison, tous les paquebots sont anglais ainsi l'équipage.

J'ai passé à Boulogne, qui dans cette saison, n'offre plus rien des plaisirs qui nous avaient donné tant envie d'y venir à l'époque des bains de mer.

La route de Boulogne à Paris est triste et uniforme, et n'offre rien de remarquable, sauf *Saint-Denis*, où, malgré la légèreté que vous me reprochez, je n'ai pas pu passer sans faire quelques réflexions sur l'instabilité des choses humaines. Cette petite ville, à deux lieues de Paris, contient les tombeaux des rois de France. On entre à Paris par le *faubourg Saint-Denis*. C'est une arriyée noire et sale, et qui donne peu l'idée de la beauté de la capitale de la France.

Nous autres Anglais, si dénigrans dit-on, il est malheureux que nous n'arrivions pas à Paris par la barrière de l'Étoile: il y a de là un point de vue digne des descriptions que nous donnent les contes des *Mille et une Nuits*.

Je suis descendue dans un joli hôtel du faubourg Saint-Honoré; je vous avoue que je suis tout-à-fait partisan des portes cochères et des grandes cours; et qu'à mon avis, les fleurs et les jardins que nous pla-

çons devant nos maisons, ne compensent pas les petites portes et les allées.

M O Д Ы.

Едва отдохнувь опъ своего пупешествія, милая Nancy, спѣшу описатьъ тебѣ его. Наши друзья во Франціи приняли меня съ настоящимъ Англійскимъ гостепріимствомъ, и если-бъ ты была со мною, то мнѣ казалось бы, что я не оставляла своего семейства. Ты знаешь, что ты взяла съ меня обѣщаніе описыватьъ тебѣ самыя мелочныя подробности; а потому письма мои могутъ служить современными записками нашимъ правнучкамъ.

Переездъ изъ Дувра въ Кале есть настоящее очарованіе; нельзя постигнуть, чтобы разстояние прехъ часовъ ѣзды, дѣлало споль великую разницу между двумя государствами. Приѣхавъ въ Кале, удивившись, не слыша Англійскаго языка, опъ котораго не отвыкнешь и въ дорогѣ, потому что, не знаю по какой причинѣ, всѣ пакетботы Англійскіе.

Проезжая чрезъ Булонь, я не нашла въ немъ удовольствій, возбуждвшихъ въ насъ желаніе ѣхать туда, въ то время, когда берутъ морскія ванны.

Дорога изъ Булони въ Парижъ скучна, однообразна, и не представляетъ ничего особенно-замѣчательнаго, исключая *Saint-Denis*. При взглядѣ на него, не зирая на вътренность, въ которой ты меня укоряешь, я предаюсь размышленіямъ о неппрочности всего человѣческаго. Въ этомъ небольшомъ городѣ, въ двухъ миляхъ опъ Парижа, находятся гробницы Французскихъ королей. Въ Парижъ въезжаютъ чрезъ предместье *Saint-Denis*. Въездъ мрачный и нечистый, подающій не высокое понятіе о красотѣ столицы Франціи.

Жаль, что мы Англичане, такъ надъ всѣмъ насмѣхающіеся, какъ говорятъ, не приѣжаемъ въ Парижъ чрезъ заставу *de l'Étoile*: оптуда есть видъ, достойный описаній сказокъ тысяча одной ночи.

Я остановилась въ красивомъ домѣ предместья *Saint-Honoré*. Признаюсь тебѣ, что я весьма люблю ворошты и большіе дворы; и по моему мнѣнію, цвѣтники, дѣлаемые у насъ передъ домами, не замѣняютъ калипокъ и алей.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 14.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 16 ДНЯ 1835 ГОДА.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни смѣхъ:
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ вспрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. САМОУБИЙЦА.

(Продолженіе.)

—На другой день поупру прискакали къ намъ на прѣхъ проймакъ господа судовые. Тупъ были: капитанъ-исправникъ съ двумя засѣдаателями и секретаремъ, спрянчій, лекаръ и два писца. Мнѣ надобно описать вамъ эпитихъ господъ, чшобъ вы яснѣе могли видѣшь, какъ производилось у насъ слѣдспвіе надъ пѣломъ покойника. Тогдашній капитанъ-исправникъ нашъ былъ человекъ лѣтъ приццати двухъ, и слылъ первымъ увъзнымъ щеголемъ и панцовщикомъ. Батюшка его—не пѣмъ будь помянутъ—проходилъ въ губерніи разныя должнспси опъ самыхъ нижнихъ чиновъ до предсѣдателя, не помню какой палаты, и нажилъ посильными пѣрудами деревушку душъ въ приспа, большой домъ въ городѣ, да денегъ сполько, чшп и внукамъ его, думаю, оспалось на безбѣдное прожипѣ. Сына своего вздумалъ онъ вывесипи въ люди, воспитывалъ его, какъ ему казалось приличнымъ для свѣпскаго человека, и

успѣлъ въ помѣ совершенно: сынокъ его лепепалъ по-Французски, танцовалъ безъ успали, наряжался какъ куколка, увивался около всѣхъ богатыхъ невѣспъ, погуливалъ съ молодѣжью и перемѣпывалъ въ карпы. Служилъ онъ *безъ году недѣлю* въ военной службѣ, вышелъ въ опспавку подпоручикомъ, и тупъ-по батюшка его хлопопалъ, чшобы дворянспво выбрало сына его въ приличную должнспъ, уважая заслуги его и пролиспую за опечеспво кровь, которой, между нами сказатъ, онъ не слишкомъ много испрашилъ, попому чшп и на войнѣ не бывалъ. Его и выбрали въ капитанъ-исправники. Батюшка далъ ему наспавленіе, какъ веспи себя, и сынокъ пшчно велъ себя по наспавленіямъ батюшки: набивалъ карманъ, гдѣ сполько находилъ къ пому случай, угождалъ знапнымъ и богатымъ, и подъ часъ прижималъ пого, съ кого надѣялся побольше сорвать. Однако-же я всеі скажу, чшп онъ былъ не сполько злой человекъ, сколько въспренный, и не будь у него пакого родителея, онъ вѣрно былъ бы въдесятеро лучше. Попипъ, погуляпъ, попрыгавъ на вечеринкѣ — его

было дѣло, и какъ будто главная его должность: по службѣ же должность свою исправлялъ онъ на досугъ, по еспѣ, когда не гдѣ было повеселиться.

— Оба застѣателя выбраны были изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, служившихъ когда-то въ губернскихъ присупспивенныхъ мѣстахъ. Оба они щипали, что въ должность люди выбираются для того, чтобы *не сидѣть сложа руки и не щелкать зубами съ голоду*. Такъ можетъ быть, сударь, и теперь еще многіе думаютъ по уздамъ и въ сельскихъ захолустьяхъ. *Сидѣть сложа руки*, не значить у нихъ: не дѣлать ничего по обязанностямъ службы; нѣтъ! здѣсь подразумѣвается: не протягивать рукъ за взяпками. — Я въ старые годы читывалъ презабавную комедію: *Странный Щегило*; безъ дальнихъ объясненій, скажу вамъ, что это было бы самое приличное имя для погдашняго нашего спряпчато. — Лекаръ былъ человѣкъ молодой, напипался за границею погдашнею модною мудростью, и для него, кажется, все было равно: вылечить ли человѣка, опсправить ли его на помпъ свѣтъ, лишь бы въ помпъ или другомъ случаѣ предвидѣлись выгоды для него самого.

— Носамое злое зелье былъ секретаръ, Типъ Панфиловичъ *Кошечевъ*. О прозвищѣ его всѣ говорили: *по шерсти собакъ кличка дана*. Ужъ подлинно былъ онъ при рожденіи въ чернилахъ выкупанъ и шпаргалой повиптъ; эпоакого крючка свѣтъ не производилъ. Въ присупспивенномъ мѣстѣ, гдѣ онъ служилъ, прослылъ онъ *мхиимъ дългоимъ*, и лихой дѣлецъ поддерживалъ свою славу, какъ нельзя лучше: гдѣ покривить душою, гдѣ криво переполковать законы — его подавай. Онъ былъ сухъ, въ чемъ душа держалась, словно весь былъ скомканъ изъ архивной пыли. Ростомъ былъ онъ не великъ, и опъ природы, или по привычкѣ, супуловать, такъ, что когда онъ споялъ и держалъ голову, нагнувшую внизъ, по лопатки у него были почти въ уровень съ ушами. Лицо у него было, какъ сушеный грибокъ, смугло-желтаго цвѣта; подъ сѣдыми, навислыми бровями бѣгали и свѣтились, какъ у ехидны, два маленькіе

глаза. Голосъ у него былъ чахлый и перемѣжался удушливимъ кашлемъ; а длинныя, сухопарые пальцы на рукахъ его были истиннымъ подобіемъ перьевъ, выкинутыхъ изъ ченильницы подъ споль, гдѣ они пересохла и съѣжились.

— Два мелкіе чиновника, пріѣхавшіе съ ними, были поже, какъ говорится, *крапивное селл*. Вездѣ, гдѣ только видѣли они случай къ поживкѣ, пальцы ихъ сгибались сами собою, какъ будто бы гоповились ловить взяпки на лешу.

— Когда они пріѣхали, *Илья Степановицъ* вышелъ къ нимъ съ спокойнымъ видомъ и красными, какъ опъ слѣзь, глазами. Люди замѣпили, что онъ долго о чемъ-то разговаривалъ по-Французски съ капитанъ-исправникомъ и лекаремъ; спряпчій и секретаръ, стоя по-одалъ, попирали себѣ руки, какъ будто опъ холода. Замѣпили также, что когда спальня покойнаго барина была опперпа и когда *Илья Степановицъ* подошелъ къ пѣлу, по свѣжая кровь пробилась изъ запекшейся раны и потекла алою спруею. *Илья Степановицъ* почувствовалъ круженіе въ головѣ, и сказавъ, что не можетъ видѣть своего дядю и благодѣтеля въ эпомъ спрашномъ видѣ, вышелъ изъ спальни. Лекаръ принялся свидѣтельспвовать пѣло и объявилъ, что рана не могла быть нанесена поспороннею рукою; что разрѣзь показываетъ свободное дѣйствіе руки, сдѣлавшей оный; что насильспвеннымъ образомъ, по еспѣ чужими руками, нельзя было бы начать его съ эпой спороны, выбрать такъ удачно промежутокъ между позвонками горла, и съ одного раза кончить, какъ онъ называлъ, *всю операцію*. «Изъ наблюдений моихъ надъ раной, я вижу, господа,» прибавилъ онъ, обращая къ капитанъ-исправнику, спряпчему и секретарю: «что человѣкъ, принимавшійся за эпоу *операцію*, долженъ былъ имѣть основательныя познанія въ анатоміи. Намъ извѣстно, что покойникъ былъ человѣкъ учѣный, и вѣроятно зналъ анатомію. Изъ эпого я заключаю, и прошу васъ мнѣніе мое внести въ дѣло о слѣдспвіи, что никто иной, кромѣ его самого, не могъ

совершить операціи сей такъ ловко и удачно, и что слѣдовательно онъ самъ на себя наложилъ руки.»

— Мнѣніе ваше будетъ принято къ дѣлу въ подлежащемъ видѣ, почтеннѣйшій, — сказалъ сухощавый секретарь, закашлявшись: изъ наводимаго же слѣдствія, обысковъ и показаній увидимъ мы, кто былъ истинною виною реченнаго преступленія.—

«А въ слѣдствіе того и подлежащихъ учинить спрожайшее розысканіе, и привести къ допросу всѣхъ дворовыхъ людей,» прибавилъ спряччій.

Капитанъ-исправникъ подзвалъ одного изъ нижнихъ чиновниковъ, пошепталъ ему что-то на ухо, и вслѣдъ за тѣмъ всю нашу дворню собрали въ споловую комнапу. Насъ поставили рядомъ у стѣны, а гг. судовые сѣли по чинамъ за большимъ столомъ. Передъ каждымъ писцомъ положено было по цѣлой дести бумаги, по нѣскольку перьевъ и поставлено по чернильницѣ. Позвали *Илью Степановича* и пригласили его сѣсть за столомъ противъ судей. Капитанъ-исправникъ, учтиво извинясь передъ нимъ, сказалъ, что по судебному обряду должно было опъ него перваго опобращъ показанія. *Илья Степановичъ* смутился и на лицѣ его показалось какое-то безпокойство; но ловкій капитанъ-исправникъ и уклончивый спряччій спарались его успокоить, говоря, что это дѣлалось для одной только формы.

«Скажите намъ, въ какомъ положеніи видѣли вы въ послѣдній разъ вашего дядюшку?» спросилъ у него капитанъ-исправникъ съ ободрительною улыбкой.

Лицо *Ильи Степановича* вспыхнуло. Онъ молчалъ минулы двѣ, и потомъ отвѣчалъ: Я нашель его не очень здоровымъ.

«Не говорилъ ли онъ о близкой своей смерти, или чего нибудь на это похожаго?»

— Нѣтъ! — отвѣчалъ *Илья Степановичъ* съ какимъ-то усиліемъ и какъ будто вздрогнувъ: онъ говорилъ только мнѣ, что по смерти его.... я буду его наслѣдникомъ.... — Оспальныя слова пролепеталъ онъ поропливо, какъ будто боясь проговориться.

«Довольно!» сказалъ капитанъ-исправникъ. «Мы видимъ, что вамъ тягоспно говоримъ о недавней вашей потерѣ, о потерѣ родственника, который заступалъ вамъ мѣсто отца. Припомъ же, зная вашъ умъ и горячую любовь къ нему, онъ и не могъ бы вамъ опкрыться, потому что вы приняли бы тотчасъ должныя мѣры.»

— Нѣтъ ли у васъ на кого подозрѣнія? — прибавилъ спряччій съ предапельскою ужимкой. — Я вижу здѣсь у иныхъ изъ дворовыхъ людей такія лица, что, признаюсь, не вове бы имъ довѣрился. —

— Я никого не подозрѣваю, — тихо проговорилъ *Илья Степановичъ*, опуская глаза къ помосту,

«Позвольте намъ, однако-жь, пораспросить ихъ,» молвилъ капитанъ-исправникъ: «и если вамъ тягоспно бытъ при этомъ непріятномъ слѣдствіи, то вы можете уйши опсюда.»

Илья Степановичъ вспалъ, поклонился судовымъ и вышелъ изъ комнапы непердымъ шагомъ. Лицо его было блѣдно и глаза мупны. Этого, можете бытъ, никто не замѣпилъ; но, или мнѣ показалось, или оно почно такъ было. Совѣсть моя была чиста: и потому я спокойно смопрѣлъ на всѣхъ и замѣчалъ все, что дѣлалось во время нашего допроса.

По уходѣ молодаго нашего господина, капитанъ-исправникъ молвилъ, обращаясь къ спряччему и лекарю: Какъ замѣтно, что смерть дяди сильно его поразила! Бѣдный молодой человекъ! Съ такою душою, съ такими благородными чувствами, бытъ свидѣтелемъ спрашной гибели родственника, котораго онъ столько любилъ! Я, право, искренне о немъ жалю. Спряччій и лекаръ подали головою знакъ, что и они тоже думаютъ; при чемъ первый изъ нихъ сдѣлалъ губами спранную ужимку, которую мнѣ прудно-бъ было располковать.

Послѣ того капитанъ-исправникъ, по приглашенію съ спряччимъ, обращаясь къ секретарю, сказалъ ему: «*Титъ Панфиловичъ!* мы знаемъ, что лучше васъ никто не произво-

дипъ дѣлъ, особливо слѣдственныхъ, и потому мы просимъ васъ попрудиться снятъ допросъ съ этихъ людей. Кому неизвестно, что даже самая пѣнь уголовного пресупника не укроется отъ пронизательныхъ глазъ вашихъ?»

— Готовъ служить по чистой совѣсти, милоспивецъ!—опвѣчалъ секретарь.—Ну-ка, благопріятели, подспуните сюда, — продолжалъ онъ, оборотясь къ намъ. Мы всѣ подошли, и секретарь, указавъ на карлу *Тимошу*, молвилъ: Подойди-ка ты поближе, мой красавецъ! —

Карла *Тимоша* былъ нрава грубаго, упрямаго и дикаго. Родившись, такъ сказать, уродцемъ, онъ крайне сердился, когда ему напоминали объ его безобразіи. Никогда онъ не оспавался въ долгу за какое-либо непривѣпливое слово, и подъ часъ умѣлъ дать пачкой опвѣтъ, отъ котораго уши горѣли у того, кто его запрогивалъ. И въ этотъ разъ онъ нахмурилъ брови, злобно взглянулъ на *Тита Панфиловича* и сказалъ: красавецъ! мы съ побоею, кажемся, въ этотъ не выдадимъ другъ другу, и добрые люди не скоро, думаю, рѣшатъ, которая изъ двухъ нашихъ образинъ пригожѣе: пвоя ли, чахлая, или моя, пухлая? —

Всѣ судовые не могли удержаться отъ смѣха; секретарь же въ это время такъ сильно закашлялся, что чуть было не капнулся со стула. Оправясь, онъ сердито поспомрълъ маленькими, бѣглыми своими глазами на карлу, который съ своей стороны успавилъ на *Тита Панфиловича* большіе свои, оловяннаго цвѣта глаза на выкапѣ.

— Красавецъ ли, уродъ ли ты, по мнѣ все равно,—сказалъ секретарь съ досадою: дѣло не въ томъ; а изволь-ка сказывать, пріятель, кто и какимъ образомъ лишилъ живопа пвоего господина? —

«Какимъ образомъ! Онъ зарѣзанъ брипвой;» угрюмо опвѣчалъ карла. «А кто его зарѣзалъ,—почему я знаю? Я при томъ не былъ.»

— Да и мы не знаемъ, былъ ты или нѣтъ, — сказалъ секретарь спрогимъ голосомъ: объ этомъ-то тебя и спрашиваютъ.—

«Я сказалъ уже, что не знаю,» опвѣчалъ карла по прежнему, и повернулся, чтобъ ийти прочь.

— Стой, стой, дружокъ!—закричалъ *Титъ Панфиловичъ*: этакъ ты у меня не опвернешься. Сказывай, что ты знаешь о смерти барина? —

«Я знаю, что онъ умеръ, и не свою смертью,» опвѣчалъ карла, оборотясь къ секретарю и не сходя съ мѣста: «знаю, что пѣло его до сихъ поръ не погребено, по вашей судейской милоспи. . . Больше я ничего не знаю.»

— Такъ ты ничего не хочешь показатъ? —

«Мнѣ показывать нечего: все пунъ.»

— А если тебя, дружокъ, посадятъ въ пюрму? —

«Тогда я спану молить, чтобъ еще пуще скорчило горбатую пвою спину и припнуло тебя колыями къ носу,» опвѣчалъ карла пвердымъ голосомъ, и снова спалъ, какъ вкопанный. Всѣ судовые, кромѣ секретаря, опять засмѣялись.

— Не прикажете ли продолжатъ допросъ? — сказалъ секретарь, оборотясь къ капитанъ-исправнику, спряпчему и засѣдателямъ.

«Нѣтъ, это не нужно,» опвѣчалъ капитанъ-исправникъ, мигнувъ бровями догадливому секретарю. «По всему видно, что этотъ малой спалъ мертвымъ сномъ во время извѣснаго уголовного происшествія и ничего не слыхалъ. Распрашивайте другихъ людей.»

Секретарь принялся каждаго изъ насъ допрашивать по одинакѣ: какъ жидъ, какъ велъ себя старый нашъ баринъ въ послѣднее время; и изъ нашихъ показаній, всѣ судовые, опираясь на свидѣтельство и заключеніи лекаря, согласнорѣшили, что старый баринъ передъ концемъ своей жизни помѣшался въ умѣ, и что онъ самопроизвольно прекрапилъ дни свои. Приказано намъ было положить его въ простой досчатый гробъ, и, какъ самоубійцу, похоронить безъ свя-

щенника и церковныхъ обрядовъ, не на кладбищѣ, а въ глухомъ мѣстѣ, на выѣздѣ изъ селенія. Конча свое дѣло, господа судовые пошли проспипься съ *Ильею Степановичемъ* и объявить ему, что скоро снова прѣдушь ввести его во владѣніе оставшимся послѣ дяди наслѣдствомъ. Лукавый карла подкрался слѣдомъ за ними, припаялся у неплотно припворенной двери, и послѣ намъ сказывалъ, что видѣлъ своими глазами, какъ *Илья Степановичъ*, прощаясь съ судовыми, дарилъ каждому изъ нихъ какую нибудь дорожную вещь на память объ его дядѣ и благодѣшелъ; а секретаря опведя въ спорону, далъ ему преольшую кипу ассигнацій.

— Грустно намъ было слышать, какой разговоръ сдѣлали судьи надъ пѣломъ отца нашего барина; грустно было и подумать, что его, какъ самоубійцу, должно было предать землѣ съ поруганіемъ, безъ священника, и даже не на кладбищѣ съ православными, а вдали отъ Христіанскаго мѣста вѣчнаго покоя, какъ незаконнаго еретика или чародѣя богоопсупнаго. Долго мы не рѣшались, что начать. Наконецъ мы всѣ, дворовые, пошли на совѣтъ къ нашему священнику, опцу *Дмитрію*, спаричку умному, доброму и кропкому. Опець *Дмитрій* со слезами сказалъ намъ, чтобъ мы исполнили приказаніе господъ судовыхъ, иначе де навлечемъ на себя наказаніе за ослушность; и прибавилъ, что самъ онъ будетъ поминать въ молитвахъ своихъ опца нашего спараго барина, но хоронить его по обряду церковному не смѣетъ. Нечего было дѣлать! Мы обмыли пѣло, очистили всю запекшуюся на немъ кровь, повязали на шею толстый галсдукъ, чтобъ не было видно спрашной раны, нарядили опца нашего въ лучшій мундиръ его и положили въ гробъ, который сдѣлали для него свои же спюляры. Чудное дѣло, сударь! Лицо покойника, дошолъ посиное и являвшее ужасные слѣды мученія, вдругъ просвѣтлѣло бѣлизною и какимъ-то дивнымъ спокойствіемъ! Казалось, успа его хопѣли кропкою улыбкой опблагодарить насъ за усердіе къ нему, сопровождавшее опца нашего даже за предѣлы могильные!

— Оконча всѣ пригопвленія, мы пошли доложивъ *Илью Степановичу*, что пѣло гопово къ выносу. Новый нашъ господинъ, по опѣздѣ суда, не выходилъ изъ своей комнапы. Мы нашли его въ великомъ смятеніи: опъ горести ли, опъ другой ли какой причины, не можно было дознаться. Онъ сказалъ намъ, что пляккая его поперя и скорбь совсѣмъ его разспроили, что онъ чувспвовалъ себя не въ силахъ провожать пѣло своего дяде, и поручилъ намъ самимъ исполнить долгъ погребенія. Вышедъ опъ него, мы собрались въ комнапѣ покойника. Я взялъ молитвенникъ и прочелъ молитвы на опходѣ души. Слѣзы мѣшали мнѣ чипать, и рыданія всѣхъ дворовыхъ людей и многихъ креспьянъ, сполпившихся въ комнапѣ и въ коридорѣ, заглушали ослабшій и дрожавшій мой голосъ. По окончаніи молитвы, мы опдали послѣднее цѣлованіе опцу нашему спарому барину: опдали пѣлу его по три поклона и цѣловали въ чело и въ руки. Сердца наши разрывались, словно у каждаго изъ насъ душа разлучалась съ пѣломъ. Добрый, неопѣненный нашъ баринъ! Никто изъ родныхъ не опдавалъ ему послѣдняго долга, даже наслѣдникъ, воспитанникъ, усыновленный имъ, опказался провожать его пѣло въ могилу! Одни вѣрныя сердца его служипелей, одни опблагодѣтельспвованные имъ креспьяне и бѣдные проливали горькія слѣзы надъ холоднымъ его прахомъ!...

— Проспясь съ пѣломъ, мы подняли гробъ на одрець и понесли его на своихъ плечахъ. Всѣ дворовые люди и креспьяне условились нести его посмѣнно до мѣста погребенія, назначеннаго подъ лѣсомъ, въ которомъ спарый нашъ баринъ любилъ прохаживаться. Тамъ, въ споронѣ отъ большой дороги, вырыта была для него одинокая могила между прехъ деревьевъ, роспущихъ вмѣстѣ. Я былъ изъ первыхъ, поднявшихъ пѣло, и съ поварищами донесъ его до церкви; послѣ пошелъ за гробомъ. Рядомъ со мною шелъ карла *Тилоша*. На препьей смѣнѣ, начавшейся уже за селеніемъ, я призадумался и печально опустя голову, шелъ тише и опспсалъ опъ гроба. Вдругъ карла пронулъ меня рукою и указалъ впередъ... Волосы спали у меня

дыбомъ и всѣ сосавы задрожали... Тамъ, сударь... вѣрьте, или нѣтъ: только я видѣлъ своими глазами, видѣлъ, какъ васъ теперь вижу... Тамъ шелъ самъ спарый баринъ, почно въ томъ образѣ, какъ мы наканунѣ видѣли его въ саду: въ широкомъ и длинномъ темносѣромъ плащѣ, въ большой шляпѣ съ опущенными полями и въ плисовыхъ сапогахъ... То былъ его роспъ, его походка; также голова его нагнута была внизъ, также лицо закрыто полями шляпы... И теперь еще судорожный прелепъ бьетъ меня, когда объ этомъ вспомню. Робко оглянулся я назадъ: памъ уже почти никого не было: другіе тоже видѣли, и спрахъ разогналъ всѣхъ, кромѣ трехъ или четырехъ самыхъ усердныхъ къ спарому барину, да двухъ слѣпыхъ нищихъ, которые ничего не могли видѣть. Несше гробъ, не оглядываясь назадъ, также ничего не видали и потому шли спокойно впередъ. Я и карла *Тилоша* однако-жъ оспались: намъ казалось, что покойникъ на насъ прогнѣвался бы, когда-бъ мы поддались овладѣвшему нами спраху. Мы шли, попуя глаза въ землю, и только изрѣдка осмѣливался я взглянуть изъ подлбья впередъ... Онъ все шелъ пихимъ, мѣрнымъ шагомъ вслѣдъ за гробомъ, и казалось, кромѣ хода ногъ, не было въ немъ никакого другаго движенія: тѣло его какъ будто несло по воздуху, нисколько не пошатываясь и не склоняясь въ какую нибудь сторону, какъ живые люди; даже ни правинка не пригнулась, ни слѣда не описнулось памъ, гдѣ онъ проходилъ.

—Трепья смѣна донесла гробъ до самой могилы. Люди, бывшіе въ этой смѣнѣ, сказывали послѣ, что гробъ показался имъ чрезвычайно тяжель, какъ будто наполненъ былъ свинцомъ. Когда пришло время опустить гробъ, я взглянулъ впередъ—но привидѣнія уже не было. Никто не видѣлъ, куда оно скрылось. Дрожащимъ голосомъ прочелъ я опять нѣсколько молитвъ. Каждый спѣшилъ зарывать могилу, и мы въ молчаніи, съ поскою и спрахомъ, разошлись по домамъ.—

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

НЕЗАБУДКА.

Кпо изъ васъ, прекрасныя чипапельницы, не знаепъ того цвѣпка съ лепесками блѣдно-голубаго небснаго цвѣта и темно-зелеными листьями, который распепъ на берегу прудовъ и рѣкъ, и омываемый у корня ихъ водами, слѣдитъ за движеніемъ волнъ, прибываемыхъ вѣтромъ къ берегу. Это цвѣтокъ любви, который извѣстенъ вамъ подъ названіемъ *незабудки*, и который ботаники называютъ *myosotio scorpioides*, Француженки *ne m'oubliez pas*, Англичанки *forget me not*, Нѣмкѣ *vergiss mein nicht*, назанія, на всѣхъ языкахъ означающія: *не забудь меня*. Повсюду онъ служипъ символомъ нѣжнаго ощущенія, задогомъ воспоминанія любви, и между пѣмъ, какъ много любовниковъ, которые и не подозрѣваютъ плачевнаго происхожденія того назанія, какое носипъ цвѣтокъ, выражающій собою спрасъ ихъ; какъ много такихъ даже изъ васъ, милоспивыя государыни, споль опытныхъ въ искусствѣ нравиться и въ наукѣ выражаться языкомъ цвѣтовъ. Вотъ какъ объясняетъ это назаніе спарая хроника, заимспвованная у одного изъ Германскихъ поэтовъ.

«На Мемнусскомъ кладбищѣ есть могильный памятникъ, поверхность котораго изглажена временемъ, и на которомъ не сохранилось никакой надписи. Такъ какъ онъ довольно проспъ и не пышенъ для того, чтобы какое нибудь семейство съ гордоспію могло усвоивать его одному изъ усопшихъ своихъ членовъ: то общее мнѣніе приписываетъ его молодому менеспредю, музыканту и поэту, котораго даже фамильное прозваніе не сохранилось для потомства.

«Онъ назывался *Генрихомъ*, и какъ большая часть спиховъ его заключала въ себѣ похвалу женщинамъ, а особливо *Маріи*, по его прозвали *Henreich Kranenlob*, по еспъ поэтомъ женщинъ. Осправляясь спранствовать по Германіи, и искать щаспія въ своихъ романсахъ и своемъ паланпѣ, *Генрихъ* оспавилъ въ Майнцѣ дѣвушку, которая въ ожиданія его возвращенія, со спрахомъ пробуждалась въ ненаспныя ночи и молилась за своего *Генриха*.

«Черезъ три года, онъ возвратился богатымъ, извѣстнымъ и щасливымъ. Еще за долго до его возвращенія, имя его долетало до слуха *Маріи* не иначе, какъ въ шумъ общей похвалы и удивленія; но по благородной увѣренности, она не сомнѣвалась, что никакая похвала не ошасливитъ столько ея милого, какъ первый взглядъ ея, послѣ продолжительной ихъ разлуки.

«Завидѣвъ издали дымъ, клубившійся надъ домами Маинца, *Генрихъ* оспановился съ спѣшеннымъ сердцемъ, съѣлъ на зелѣный холмъ и привѣтствовалъ родимый городъ проспою, но сладостною пѣсною.

«На другой день, при захожденіи солнца, звонъ городскихъ колоколовъ возвѣспилъ о бракъ *Генриха* и *Маріи*, который долженъ былъ совершиться въ слѣдующее утро.

«Въ ту минушу они прогуливались вдвоемъ по алеѣ, идущей вдоль по берегу Рейна. Они сѣли на мшистомъ пригоркѣ, и долго смотрѣли въ глаза и пожимали руки другъ другу, не говоря ни слова; такъ прудно было выразить словами ощущенія, которыми наполняли ихъ души.

«Багряное сіяніе, проливаемое на горизонтъ послѣдними лучами заходящаго солнца, блѣднѣло болѣе и болѣе, и сумракъ начиналъ облегать небосклонъ отъ востока къ западу. Оба почувствовали, что имъ должно было разстаться; но *Марія* хотѣла сохранить что нибудь на память объ этомъ прекрасномъ вечерѣ и указала *Генриху* на голубые цвѣтш, которые росли по берегу. *Генрихъ* понялъ ея желаніе и сорвалъ нѣсколько цвѣтш, но въ то же время поскользнулся и скрылся подъ водою: два раза выплывалъ онъ на поверхность волнъ и два раза они поглощали свою добычу.

«Онъ хотѣлъ кричать, но вода захватывала у него дыханіе. При второмъ его появленіи, онъ обратилъ прощальный взоръ къ берегу, на которомъ оспалась *Марія*, и выставивъ изъ воды одну руку, бросилъ ей голубые цвѣтш; но это движеніе погрузило его на дно. Онъ исчезъ, вода пошекла обыч-

нымъ путемъ своимъ и поверхность рѣки сдѣлалась по прежнему гладкою, какъ зеркало. Такъ погибъ менеспрель *Генрихъ*.

Въ послѣдствіи исполковали его краснорѣчивое прощаніе и назвали голубой цвѣтш: *vergiss mein nicht*, т. е. не забудь меня.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Въ какомъ недугѣ я поскою,
Неизяснимо для меня:
Въ раздумьи грустномъ пѣму ночную
Я предпочелъ свѣшлуду дня.
Какъ все окреситъ меня упихнешь,
Глубокой ночи посреди,
Порой мгновенный пламень вспыхнешь
Въ моей вепревоженной груди;
И то, что тѣмной пеленою
Еще завѣшено отъ глазъ,
Такъ ярко свѣшитъ предо мною,
Пока сей пламень не погасъ.
И мнился мнѣ: предъ книгой рока
Въ священномъ спрахѣ я спою,
Или внемлю въ устахъ пророка
Судьбу грядущую мою.

А. Подолпнскій.

РОМАНСЪ.

Желпѣешъ листъ, валитса листъ,
Въ поляхъ бушуетъ непогода,
Какъ вопль надгробный—бури свиситъ
Надъ хладной носилса природой.

*

Проходятъ дни, уносятъ дни
Съ собою все, чѣмъ сердце жило:
Давно всѣ радости мои
Взяты безвременной могилдой.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 15.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургъ 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Въ возрастъ поздній и безплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ ;
Печаленъ отъспати мершвой охѣдъ :
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращающъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

САМОУБИЙЦА.

(Окончаніе.)

—Во весь попъ день *Илья Степановицъ* никому не показывался. На другой день поупіру позвалъ онъ къ себѣ карлу *Тимошу*, къ которому оказывалъ больше милоспи и довѣрія, нежели ко всѣмъ другимъ служилецамъ покойника, и спрашивалъ у него о погребеніи своего дяди. Карла разсказалъ ему все, и когда дошелъ до спрашнаго видѣнія, которое намъ явилось, то замѣнилъ, что лицо новаго нашего господина вмигъ искривилось, какъ будто опъ сильной судороги, рѣсницы и даже глаза его начало подергивать, и карла слышалъ даже, какъ зубы его заспучали одни о другіе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ захохоталъ, но такъ, что у карлы въ душѣ похолодѣло: «это былъ смѣхъ отчаянія, смѣхъ, который горѣче плача.

«Ты пошупилъ, маленькой человекъ: при- знайся, эшаго не было...» сказалъ *Илья Сте-*

пановицъ съ прежнимъ смѣхомъ, облокотясь на ручку кресель и подперши голову кулакомъ, который дрожалъ у него, какъ въ лихорадкѣ.

—Богъ свидѣтель! я видѣлъ это, и другіе видѣли!—опвѣчалъ карла, перекрестясь.

«Ты и другіе, всѣ вы люди суевѣрные.... вздорные выдумщики небылицъ!...» подхватилъ съ сердцемъ *Илья Степановицъ*. «Но, слушай: помни самъ и скажи другимъ, чпобъ никто не смѣлъ разглашать эшихъ глупостей.... Не по—вы меня еще не знаете!» Онъ списнулъ зубы и засверкалъ глазами.

—Погода немного, онъ началъ говорить съ карлой гораздо привѣпливѣе, даже былъ къ нему ласковъ, обѣщался заспучить намъ и всей вопчинѣ опца нашего спараго барина, и кончилъ тѣмъ, что ему надобно было ѣхать въ городъ по дѣламъ; неперпячимъ опсрочки. Онъ приказалъ попъ же часъ заложить себѣ коляску, замкнулъ и опечатавъ кабинетъ и спальню спараго барина, и по-

руча управителю смопрѣнь за домою, ускалъ въ городъ.

— Въ первую ночь по отъѣздѣ *Ильи Степановича*, я, карла и другіе комнатные служители остались ночевать въ барскихъ покояхъ. Около полуночи, на насъ напалъ такой страхъ, что у каждаго зубъ на зубъ не падалъ отъ дрожи. Никто не могъ выдержать: всѣ мы опрометью бросились изъ комнаты и упростили управителя запереть ихъ до пріѣзда барина.

— *Илья Степановичъ* прожилъ въ городѣ больше двухъ недѣль. Когда онъ пріѣхалъ, управитель и всѣ мы дожидались въ передней. Онъ позвалъ управителя, меня и карлу *Тиллошу*, отперъ кабинетъ стараго барина, собралъ и пересмотрѣлъ всѣ бумаги покойника и сжегъ всѣ до одной его рукописи, за исключеніемъ необходимыхъ вопчинныхъ бумагъ. Послѣ того ушелъ въ свою комнату и заперся въ ней. Мы замѣтили, что онъ очень похудѣлъ и былъ блѣденъ, какъ полотно. Слуга его *Авдѣй* сказывалъ намъ, что въ городѣ *Илья Степановичъ* какъ будто насильно спарался разсѣять себя отъ какой-то пляжкой кручины. Онъ всѣ ночи напролѣтъ просиживалъ съ своими пріятелями, въ разговорахъ или за картами, и спалъ только днемъ по нѣсколькучасовъ. «Каждую ночь,» прибавилъ *Авдѣй*: «замѣчалъ я, что около полуночи баринъ вдругъ спановился безпокойнѣе, оглядывался, посмапривалъ на дверь; а какъ скоро на часахъ пробьетъ половину перваго, онъ вздрагивалъ и вскакивалъ съ мѣста.»

— Скоро по пріѣздѣ *Ильи Степановича* прискакали снова и гг. судовые для введенія его, какъ ближайшаго и единственнаго наследника своего дяди, во владѣніе помѣстьемъ и всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ покойнаго. На этошъ разъ, повый нашъ баринъ пышно угостилъ ихъ, и за ужиномъ, или лучше сказать, за попойкой просидѣли они почти всю ночь. Наслышавшись отъ *Авдѣя*, мы спали посмапривать на *Илью Степановича* около полуночнаго времени; въ самомъ дѣлѣ, онъ началъ какъ будто превозмущаться, вздрагивать, поглядывать на дверь и блѣднѣть

пуще прежняго. Едва ударило половину перваго—вдругъ что-то хряснуло на кровлѣ съ необыкновенною силой, словно весь домъ переломился пополамъ; въ топъ же мигъ, боковая дверь изъ споловой во внупренній комнаты сама собою отперлась и тихо распахнулась на петляхъ. *Илья Степановичъ*, ни живъ, ни мерщвъ, мушными, оцѣпенѣлыми глазами взглянулъ въ ту сторону; всѣ гости и служители тоже взглянули туда: въ комнату, куда вела эта дверь, было темно, и никому изъ насъ ничего отпуда не казалось; однако же никто не смѣлъ пропнуться съ мѣста, чтобы притворить её. Между тѣмъ *Илья Степановичъ* все смотрѣлъ туда, съ полу-открытымъ ртомъ и посинѣлыми губами, безъ всякаго движенія и какъ будто безъ жизни. Спустия нѣсколько минушъ, капитанъ-исправникъ первый вышелъ изъ отѣмѣнія, велѣлъ слугѣ притворить дверь, и наливъ по бокалу Шампанскаго себѣ, другимъ чиновникамъ и *Ильи Степановичу*, громко вскрикнулъ: «Здоровье новаго помѣщика!» *Илья Степановичъ* вздрогнулъ при этомъ словѣ, и оборотясь къ столу, взялъ бокалъ; капитанъ-исправникъ чокнулся съ нимъ и всѣ они разомъ выпили. Сколько однако же ни спарались капитанъ-исправникъ и всѣ гости развеселили *Илью Степановича*, сколько ни рассказывали забавныхъ и смѣшныхъ побасѣнокъ, сколько ни пили, ни шумѣли,—баринъ нашъ все былъ по прежнему мраченъ, задумчивъ и молчаливъ: какакто смертная тоска, словно черная туча, тяготѣла у него на душѣ.

— На другой день судовые разсѣхались, получа отъ *Ильи Степановича* новую благодарность, по естѣ новые и очень богатые подарки за пруды свои. Господинъ нашъ тоже хотѣлъ уѣхать въ городъ; но почувствовавъ необычайную слабость во всемъ тѣлѣ, принужденъ былъ остаться. На претій, на четвертый и во всѣ прочіе дни, всегда встрѣчалось ему какое-либо непредвидимое препяиснвіе къ отъѣзду. Онъ спалъ робокъ, молчаливъ и подозрительнъ; боллся всякаго шороху, прислушивался къ каждому слову, поминутно спрашивалъ поропливо: «что, что, такое?» словомъ, былъ какъ самъ

не своей. По ночамъ, — чего прежде за нимъ не бывало, — велѣлъ онъ карлъ *Тимошъ* ложиться въ своей комнатѣ, зажигать въ ней по двѣ лампы: одну на сполникъ, а другую передъ образомъ, и самъ ложился въ постелью почти совсѣмъ одѣтый.

— Карла *Тимоша* рассказывалъ, что каждую ночь *Ильъ Степановику* видѣлось что-то страшное. Онъ вскакивалъ, садился на постель, и разбудя *Тимошу*, указывалъ пальцомъ прямо противъ себя и твердилъ: «Спарикъ, спарикъ!» Волосы у него подымались дыбомъ, глаза выкапывались и всѣ черпы лица подѣргивались, какъ опъ корчи. То вдругъ поропко взглядывалъ опъ себѣ на руки, начиналъ по ту, по другую прилежно и крѣпко тереть одѣломъ, какъ будто бы хопѣлъ съ нихъ что-то счиспипъ, или ломалъ руку объ руку такъ, что всѣ суставы хруспѣли. То вдругъ онъ хопѣлъ бѣжать вонъ и останавливался, какъ окаменѣлый, съ выпянувшими впередъ руками и спрашнымъ, мерпвеннымъ видомъ. Порою онъ упалъ лицомъ на кровать, зарывалъ голову въ подушки или спискивалъ глаза руками, и поминушно споналъ и охалъ. — Карла *Тимоша* думалъ, что у молодого нашего барина падучая болѣзнь; другіе смекали, что по ночамъ на него находипъ, и можетъ быть, съ поски по его дидъ и благодѣтель. Что до меня, сударь, во мнѣ тогда же родилась одна догадка, которой никому не смѣлъ я отккрыть, даже женѣ своей.

— Надобно вамъ сказать, что и служилели не совсѣмъ оставались въ покоѣ. Ночью, и именно часу въ первомъ, всегда начинался какой-то глухой спукъ въ спѣнѣ дома, съ той стороны, гдѣ была спальня покойника спараго барина. Спукъ этотъ не похожъ былъ на удары обухомъ или другой обыкновенный звукъ: онъ покалъ разпоновчато, какъ часовой маятникъ по секундамъ, и отдавался печальнымъ спономъ по всему дому. Въ половинѣ первого кончался онъ шѣмъ же прескомъ, о которомъ я прежде вамъ рассказывалъ, — вдругъ всѣ двери въ покояхъ оппирались сами собою, и что-то какъ-бы проходило мимо людей, спавшихъ повалкой по

комнатамъ: не разъ они чувспвовали, что на нихъ навѣвало холодомъ, словно опъ длинной и широкой одежды чловѣка, быспро промелькнувшего; впрочемъ, ни спупѣ, ни шороха шаговъ не было слышно.

— Такъ мучились мы почти полгода. Баринъ каждый день собирался въ городъ, и никакъ не могъ выѣхать: словно какая-то невидимая сила удерживала его въ домѣ. Мы его почти не видали. Не смыкалъ глазъ во всю ночь, онъ обыкновенно спалъ, или по крайней мѣрѣ опдыхалъ днемъ. Никто къ нему не ѣздилъ, потому что гг. судовые, перепрусившись сами, разнесли по всѣмъ окологкамъ молву, будто бы въ домѣ у насъ является что-то страшное. Можетъ спаться и самихъ ихъ совсѣмъ въ чемъ нибудь укоряла. Весною, *Ильъ Степановику* иногда ввечеру садился подъ окномъ, и безмолвно, съ груспнымъ видомъ, смопрѣлъ вдоль по алеѣ, по которой дидя его любилъ прохаживаться: казалось, глаза молодого нашего барина были прикованы къ пещаной дорожкѣ эпой ален. — Такъ медленно, однообразно и спрашно текло наше время. Голова у каждого изъ насъ кружилась опъ спраховъ наснопящихъ и опъ тайнаго ожиданія впередъ чего-то еще ужаснѣйшаго. Если бы кто со спороны взглянулъ на нашу дворню, то подумалъ бы, что это или скипъ кающихся грѣшниковъ, или скопище преспуниковъ, ждущихъ съ часа на часъ грознаго себѣ приговора,

— Въ одинъ день *Ильъ Степановику* неожиданно опшеръ спальню спараго барина, которая оставалась опечатапною съ самага возвращения его изъ дома. Онъ заперся въ ней и долго тамъ оставался, такъ что мы уже начинали безпокоиться. Мы поминушно поглядывали въ коридоръ; но дверь все не оппиралась. Наконецъ карла прокрался въ коридоръ, приспавилъ ухо къ дверямъ спальни и услышалъ, что *Ильъ Степановику* опмыкалъ всѣ шкафы, бюро, споловые ящики, и, какъ замѣтно было, чего-то искалъ въ нихъ. Это насъ порадовало и заспавило думать, что молодой нашъ спопдинъ начиналъ заболѣваться о своихъ дѣлахъ и что умъ его опвлекался опъ ночныхъ спраховъ и мрач-

ныхъ думъ. Погодя немного, онъ вышелъ изъ спальни, съ лицомъ, на которомъ, какъ намъ показалось, было больше спокойства и какой-то твердости или рѣшимости. Онъ снова замкнулъ спальню покойника, вынулъ ключъ и положилъ его къ себѣ въ карманъ вмѣстѣ съ какою-то другою вещью, почти одной величины, но завернутою въ бумагу. Вечеромъ карла сказывалъ, что *Илья Степановичъ* принимался писать; но всякой разъ написанную имъ бумагу раздиралъ въ клочки и сжигалъ ихъ на свѣчѣ. Легъ онъ въ постель раньше обыкновеннаго, и не показывалъ въ себѣ ни прежняго страха, ни тоски, которыми онъ доселѣ чувствовалъ съ каждымъ приближеніемъ ночи. Карла, упомненный, измученный бессонницею прежнихъ ночей, скоро и крѣпко уснулъ; мы позже, въ надеждѣ, что наспанутъ лучшія времена, заснули покойнѣе. Вдругъ, за полночь, насъ разбудилъ необыкновенный крикъ; двери хлопнулись и карла вбѣжалъ къ намъ со свѣчею въ спрашномъ испугѣ. Уродливое лицо его показалось намъ еще воштеро отвратительнѣе, обезображенное страхомъ. Языкъ его что-то лепеталъ, но понявъ никакъ нельзя было, потому что губы и колѣни его тряслись и весь онъ былъ словно въ мукахъ ужаснѣйшей пытки. Не въ силахъ бывъ проговорить явственно, указывалъ онъ намъ на дверь, изъ которой ворвался къ намъ, и вслѣдъ за тѣмъ упалъ безъ чувствъ на землю. Мы догадались, что должно было что-то случиться съ бариномъ, и всѣ опроремъ пустились въ комнату *Ильи Степановича*... Представьте нашъ ужасъ! *Илья Степановичъ* мепался на полу съ перерѣзаннымъ горломъ... Еще спрашное хрипѣнѣе въ груди его было слышно, и кровь черными клубами била изъ раны... Въ окостенѣлой рукѣ его списнута была брилва, почъ въ почъ такая же, или лучше сказать, пара къ той, которою зарѣзанъ былъ старый нашъ баринъ... Тупъ мы догадались, что эту самую вещь пряпалъ онъ въ карманъ, выходя изъ спальни своего дяди.

— Поздно было подавать помощь. Встрепенувшись еще два или три раза, онъ пересталъ жить и спрдасть. Мы заперли дверь

этой спрашной комнаты и попчасть послали въ городъ съ симъ роковымъ извѣстіемъ. Судъ прѣхалъ снова, свидѣльствовали тѣло, забралъ насъ въ городъ, допрашивалъ насъ, и узналъ изъ показаній карлы *Тилоши*, что онъ вдругъ былъ разбуженъ спухомъ, какъ будто бы что крайне тяжелое упало на полъ. Карла поднялъ голову, взглянулъ— и увидѣлъ то спрашное зрѣлище, которое не избавилъ насъ Богъ видѣть послѣ него. На столѣ найденъ лоскутокъ бумаги: въ немъ было написано рукою *Ильи Степановича*: «Въ смерти моей никого не обвиняйте; я самъ произвольно прекращаю дни свои...» Оспальное было оторвано, и, какъ видно, сожжено, потому что подлѣ лампы найденъ свернувшійся клочекъ горьлой бумаги, до половины разсыпавшейся пепломъ.

— Насъ оппустили и велѣли намъ также безъ священника и безъ церковныхъ обрядовъ похоронить молодого нашего барина, какъ и спараго. Мы приготовили для него могилу почти въ томъ же мѣстѣ, не далеко отъ могилы его дяди. Но, сказать ли вамъ, сударь? Никто изъ дворовыхъ людей и креплянъ вопчины не хотѣлъ нести на своихъ плечахъ его тѣла до могилы: всѣ въ одинъ голосъ отказались. Мы укрѣпили доски на каретномъ ходу, покрыли ихъ чернымъ сукномъ, поставили на нихъ гробъ, и запряжи въ дышло четверку вороныхъ господскихъ лошадей, повезли гробъ къ назначенному для погребенія мѣсту. За гробомъ шло очень немного: управитель, я, карла *Тилоша* и еще нѣсколько дворовыхъ людей. Лошади, какъ будто чуя свою ношу, опустили головы внизъ и шли тихимъ шагомъ. Когда мы выбрались за деревню, я и карла *Тилоша*, какъ будто по невольному движенію, взглянули впередъ... И что же?... вслѣдъ за гробомъ опять шелъ тотъ же призракъ въ широкомъ и длинномъ темносѣромъ плащѣ, въ шляпѣ съ большими опущенными полями и въ плисовыхъ сапогахъ... Словомъ, самъ покойникъ нашъ старый баринъ провожалъ въ могилу своего племянника, въ раннихъ лѣпахъ прекрапившаго жизнь свою... Не умѣю вамъ пересказать, что мы чувствовали. Мы обомляли; смерпный холодъ, казалось, сжи-

маль у насъ грудь и опниамаль дыханіе. Но, какъ привязанные къ гробу какою-то непонятною силой, мы не могли податься назадъ и шли по слѣдамъ спрашнаго призрака. Также, какъ и прежде, онъ не показываль движенія и жизни, и какъ будто бы не шагаль, а скользилъ передъ нами. Когда гробъ довезенъ былъ до могилы, тогда призракъ понесся въ право, къ пому мѣсту, гдѣ былъ погребенъ спарый баринъ, и исчезъ между прями деревьями.

— Не я одинъ, сударь, — всѣ видѣли его; но никто не смѣль уйпнн, какъ въ первый разъ. Всякому казалось, что онъ заспушилъ бы ему дорогу; и когда мы, засыпавъ землею гробъ *Ильи Степановича*, возвратились домой, то каждому мерещился спрашный мерпвецъ, вышедшій изъ могилы и бродящій по землѣ въ образѣ нашего спараго барина. Долго еще предспавлялся онъ намъ ночью въ сновидѣніяхъ, такъ живо, какъ мы его видѣли на яву, и пляжко прерываль глубокой нашъ сонъ.

О. Соловъ.

ЛОЖНЫЕ СЛУХИ.

(Повѣсть въ трехъ картинахъ.)

I.

Благословенный край, прелеспная Малороссія, тебя ли я опять вижу! Такъ, эпо швои зеленые луга; эпо швои плодоносныя нивы; эпо швои сосновые лѣса, швои дубровыя рощи; эпо швои величественный Дѣпръ. Родимый край! свидѣшель моихъ забавъ, радостей и печалей, сколько воспоминаній приносишь ты мнѣ!

Здѣсь провелъ я лучшіе годы моей жизни. Здѣсь лишился я преспаръмага отца и доброй матери. Здѣсь живетъ *Софія*, моя несравненная *Софія*; можетъ быть она позабыла меня, можетъ быть она..... О, нѣтъ, нѣтъ! Прочъ ужасная мысль: благовоспитанная, чувствительная дѣвица не унизишь себя до эшаго.

Такъ размышляль *Александръ Владовъ*, сидя въ своей дорожной бричкѣ; копорую изму-

ченныя почповыя лошади едва пащили по неровой, пещаной дорогѣ. Онъ былъ сынъ богатаго Малороссійскаго помѣщика *Владова*. Дѣпспиво свое провелъ онъ вмѣспѣ съ *Софіею*, дочерью бѣдныхъ родипелей, копорую *Владовъ* взялъ къ себѣ изъ милоспнн и воспитываль съ своимъ сыномъ.

Александръ и *Софія* выросли, полюбили другъ друга и поклялись любить вѣчно.

На девятнадцатомъ году своего возраста, *Александръ* оставшись, по смерти родипелей, обладателемъ 800 душъ, поѣхаль на службу въ Пепербургъ. Прослуживъ пять лѣтъ, онъ возвращался на родину, мысленно лепшль къ своей любезной.

Солнце, скрывался на западъ, освѣщало всѣ предметы прелеспнымъ багровымъ цвѣпомъ. Бричка подѣзжала къ городу.

II.

Уже давно погасъ послѣдній лучъ солнца, ни одна звѣздочка не блиспала на тѣмноголубомъ небѣ; лишь только помная, печальная луна выплывала изъ-за облаковъ, отбрасывала опъ всѣхъ предметовъ черныя тѣни и наводила на городъ какое-то уныніе.

У полковника *Рубинина* собралось человекъ шесть пріятелей. Пузатый самоваръ клокопаль на кругломъ столѣ свою унылую пѣсенку; хозяйка умная, прекрасная, хотя уже довольно пожилая дама, разливала чай. Гости обсъли вокругъ стола; а самъ спаричокъ *Рубининъ* въ сопый разъ рассказываль свои военныя подвиги. Вскорѣ завязался общій разговоръ; всѣ были веселы, шутили, смѣялись; одинъ только *Балровъ*, молодой, хорошо образованный человекъ, не принималь учаспія въ общемъ весельѣ: онъ былъ задумчивъ и, казалось, объ чемъ-то груспилъ.

— Чпо вы сегодня такъ скучны? — спросила его привѣпливая хозяйка: опъ чего не поговорите, не повеселитесь съ нами? —

«Мнѣ веселиться!» сказалъ *Балровъ*: «развѣ вы не знаете, что я лишился своего единспвеннаго друга *Владова*, моего добраго *Александра*.....»

— Какъ! — прерваль его *Рубининъ*: *Александръ Петровичъ Владовъ*, сынъ *Петра Ан-*

древника, всего поварища и сослуживца, померь? —

«Да,» отвѣчалъ *Балровъ*: «си самою ужасною смертію: онъ упоился; любовь погубила *Александра*.»

— Разскажите намъ подробнѣе, если только можете, происшествіе съ бѣднымъ *Владовымъ*, — сказала хозяйка.

«Извольте, съ охотою.» Всѣ госпи изъявили желаніе слушать, и *Балровъ* началъ:

«Вамъ извѣстно, какъ *Александръ* любилъ *Софію*, и какъ она любила *Александра*. Но будучи слишкомъ молодъ, онъ не могъ жениться на *Софьѣ*, и, по желанію своего опекуна, поѣхалъ въ Петербургъ на службу.

«Не далѣе, какъ четвертаго дня, онъ возвратился къ своей возлюбленной. Миновавъ шлахтаумъ, онъ велѣлъ ѣхать прямо къ дому, въ которомъ жила *Софія*. Прѣзжая мимо церкви, и увидя её распворенною, набожный молодой человекъ захопѣлъ опслужить благодарный молебень. Онъ выпрыгнулъ изъ брички. Но при входѣ во храмъ онъ былъ пораженъ ужасомъ: у святаго наоя спояла его *Софія* съ какимъ-то дряхлымъ старичкомъ и произносила роковое: да. Пылкій, опчаянный любовникъ испустилъ пронзительный вопль, окинулъ вопрошающимъ взоромъ все собраніе и оспановилъ его на *Софьѣ*; она же, увидѣвъ *Александра*, упала безъ чувствъ. Женихъ перепугался и задрожалъ всѣмъ тѣломъ; родспвенники и всѣ знашіе *Владова* смопрѣли на него съ удивленіемъ, любопытствомъ и испугомъ. «Худое предзнаменованіе, не быть добру!» перешепывались между собою спарушки.

«Что все это значитъ?» спросилъ прееца *Александръ*. Долго не получалъ онъ отвѣпа; наконецъ одинъ изъ спарыхъ его пріятелей сказалъ: тебѣ *Александръ Петровичъ* всѣ почипади за мерпвеца. Около года назадъ опекунъ пвой извѣспилъ родспелей *Софіи* о пвой смерпи: добрая *Софія* такъ была эщимъ поражена, что захопѣла непременно заключиться въ монастырь, и только по неотступнымъ просьбамъ и увѣщаніямъ родспвенниковъ и знакомыхъ, рѣшилась вып-

сти за эпгао богатаго спарика, единспвенно для поправленія соспопнія своихъ родспелей.

— Если-бъ ты зналъ, какъ *Софія* тебѣ любитъ, если бы —

«*Софія* меня любитъ!» вскричалъ *Александръ*: а ею владѣетъ другой; а я еще живу! Проклиная свою судьбу и своего злаго опекуна, онъ побѣжалъ прямо на мостъ и съ самой середины бросился въ волны *Днѣпра*; его выпацили, но уже мерпваго. Бѣдный *Александръ*!»

— Но на какомъ же основаніи опекунъ заживо похоронилъ *Владова*? — спросилъ кто-то изъ госпей.

«На самомъ доспапачномъ,» отвѣчалъ *Балровъ*: «опекунъ хопѣлъ женить его на своей дочери. Онъ уже спороною намѣкалъ ему о своемъ благомъ намѣреніи ощасплавить его; но *Александръ* опцѣквивался, и говорилъ, что онъ уже далъ кляпву *Софьѣ*, быть ея мужемъ, Наскучивъ его упрямствомъ, опекунъ написалъ къ родспелямъ *Софіи* письмо, въ которомъ съ прискорбіемъ и съ такимъ правдоподобіемъ, съ шакими подробностями извѣщаль ихъ о смерпи *Владова*, что нельзя было не дать ему вѣры. Онъ основывалъ свои планы на распроенномъ соспопніи родспелей *Софіи*. Его ожиданія увѣчались успѣхомъ, и свободному *Владову* не оставалось никакихъ опговорокъ для того, чтообъ не оскорбля и не огорча своего опекуна-благодѣтеля, опказаться опъ руки его дочери. Но Провидѣніе не дозволило поржествовать коварному опекуну. Точно *Софія* вышла за другаго, но *Александръ* уже ни на комъ не женился.»

Всѣ опъ чистаго сердца жалѣли о молодомъ *Владовѣ*; но чрезъ минушу оцщп развеселились; лишь только *Балровъ* весь вечеръ прогруспилъ о своемъ другѣ-упошленникѣ.

III.

Солнце во всемъ своемъ величии сіяло на яхонтовомъ небѣ Малороссіи, позлащала свѣпдую поверхность озера, опражавшаго въ себѣ живописные холмы, одѣтые роскощ

ною зеленью, тёмный сосновый боръ, дубовую рощу, бѣлыя крестьянскія хаты, разбросанныя по оплогой покатописи къ озеру; хаты сіи, казалось, потонули въ яблонныхъ, вишневыхъ и грушевыхъ густыхъ садахъ, окруженныхъ цвѣтущими лугами и нивами. Господскій домъ расположенъ былъ на поверхности небольшой горки, у подошвы которой былъ разбитъ садъ; но это не обрванна и обсприженная природа, а природа во всемъ своемъ величїи.

Огромные яворы, кудрявыя липы, величественные дубы, свободно распростирали свои вѣтви и поднимали къ небесамъ вершины. Около нихъ плющъ, переплетаясь, составлялъ чудно-прекрасныя бесѣдки. Красивыя яблони, сороколѣпныя орѣшины, обремененныя плодами, полоскали нижнія свои вѣтви въ тихихъ водахъ озера, пугая чупкихъ рыбъ. Соловей насвистывалъ пѣсенку; перепелы тамъ и сямъ порхали въ правѣ, или, распуская крылья и тяжело разсыкая воздухъ, плавно лепали надъ поверхностью ржи. Это было село Радно, славящееся во всемъ уездѣ, какъ богатствомъ и предельною мѣстоположеніемъ, такъ и радушіемъ хозяевъ. Крестьяне вышли на сѣнокосъ. Помыщикъ съ женою и прѣмь малюпками въ коляскѣ спускался съ холма повеселился сельскою природою и посмотрилъ работы добрыхъ поселянъ своихъ.

«Жена!» сказалъ *Владовъ*, (ибо это былъ онъ): «завтра у насъ праздникъ, день нашей свадьбы и день моего избавленія отъ смерти.»

— Да, — отвѣчала *Софія* (ибо это была она): «завтра потъ самый день, въ который Богъ спасъ тебя для моего блаженства, для радости семейной жизни.»

Какъ! восклицаетъ чинамель, да это, что-то сверхъ-естественное!!! Мертвецы воскресаютъ и женятся на живыхъ! Ужъ не о новомъ ли фантастическомъ путешествіи вы намъ рассказываете? Съ насъ довольно и стараго.

Совсемъ нѣтъ; все сдѣлалось самымъ естественнымъ образомъ. *Владовъ* точно бросился въ дѣбрь; но когда его вышачили, онъ

былъ еще живъ. Пришедъ въ себя, онъ раскался въ своемъ поступкѣ, и уѣхалъ въ Пепербургъ. Между тѣмъ мужъ *Софіи* умеръ чрезъ полгода послѣ свадьбы. Она для разсыянія поѣхала въ Пепербургъ, встрѣпилась тамъ съ *Александромъ* и, чрезъ недѣлю, сдѣдалась его женою.

Владовъ, два раза заживо похороненный, дожилъ до глубокой старости, празднуя каждый годъ — день, въ который Богъ возвратилъ ему жизнь для семейственнаго щастія.

К. Д...и.....ъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОТЫЛЁКЪ.

(Изъ Ламартина).

Родясь весной, окончивъ жизнь съ цвѣтами,
 Съ Зефиромъ радостнымъ лепашъ подъ небесами,
 Играя съ нимъ, глядѣшься въ ручейкъ,
 На розѣ сладостной качашься,
 Благоуханьемъ упивашься,
 Качая молодой листокъ,
 И снова въ небо голубое
 Несшись игривою мечшою
 Съ новорожденнаго цвѣтика —
 Вотъ рокъ завидный мотылька! —
 Не почто-ль такъ, помимые желаньемъ,
 Котораго мы здѣсь не можемъ упоминъ,
 Лепшимъ на небеса съ высокимъ упованьемъ
 Блаженство межъ Духовъ божественныхъ вкуспить?

Ив. Галашигъ.

Ш А Р А Д А.

Мое начальное жужжитъ; летаетъ,

Надождаетъ

И часто въ квасъ и во щи попадаетъ.

Второе каждый годъ Царь-градъ опустошаетъ.

Все цѣлое мое въ лѣсахъ распѣтъ.

И если *црлаго* отвѣдаетъ *пачало* :
То и пиши пропало ;
Оно умрѣтъ.

Въ № 14-мъ, помѣщенная загадка значить : *Mine*.

M O D E S.

Mme G... était vêtue d'une longue douillette de mérinos ponceau imprimé à grandes raies noires fort éloignées les unes des autres: et ces raies, par une bizarrerie toute nouvelle de la mode, rayaient la robe en large, au lieu de la rayer en long; cette douillette était fermée devant par des pattes ovales de la largeur de trois doigts: la pélerine, fort grande et ronde, était pareille à la robe avec un fichu de batiste brodé, garni en valencienne; une jolie capote de satin vert, complétait cette toilette de si bon goût pour le matin. Après avoir, pendant une heure, causé avec cette gaîté coquette que l'on ne trouve que chez les Françaises, Mme G... nous quitta, en nous faisant promettre de l'accompagner à un bal qui se donnait, au profit des pauvres, dans les salons de l'hôtel *Laffite*: le but de bienfaisance dans lequel il était donné avait fait disparaître le préjugé qui sépare ordinairement les différentes classes de la société, et en éloigne une des bals de souscription.

Je ne vous parlerai pas de la décoration, ni de l'ordre dans lequel cette fête fut donnée; je m'en tiendrai aux toilettes. La majorité des robes étaient blanches, soit qu'elles fussent claires ou épaisses; celles de couleur étaient presque toutes couleur rose ou bleu; quelques-unes, fort rares, jaune citron, vertes et ponceau, point du tout de couleur cerise: on les porte fort décolletées, du dos et des épaules surtout; la plupart sont drapées, ou ont de grandes mantilles de blonde, formant une pélerine aussi décolletée que la robe, et retombant fort bas sur les manches, lesquelles, au bal, sont toutes courtes, fort larges et moins descendantes sur les coudes qu'il y a un mois; elles sont ordinairement formées de trois bouillons, dont celui d'en haut est le plus fort. Aux robes unies par le bas succèdent en grand nombre celles garnies en volans: c'est une mode que les femmes doivent voir revenir avec plaisir; elle diminue le haut de la taille et fait paraître le pied plus petit: on met ordinairement au-dessus du volant des nœuds de rubans, des bouquets ou un cordon de fleurs.

Pl. No 6. Coiffure. — Robe de satin scaron garnie de blondes. — Echarpe Memphis.

М О Д Ы.

На г-жѣ G... была длинный, пунцовый, мерцосовый дульетъ, печашный широкими черными полосами, довольно далеко одна отъ другой: эти полосы, по новой спрранности моды, были поперегъ плашья, а не вдоль; дульетъ схваченъ былъ продолговатыми клапонами въ три пальца ширины; пелеринка, большая, круглая, изъ той же матеріи, какъ плашье, съ вышитой бапистовой косыночкой, обшитою кружевами; красивый зелѣный апласный капотъ, довершалъ этотъ прекрасный упреній нарядъ. Поговоря около часа, съ веселоспью, исполненною кокепства, свойственною однимъ только Француженкамъ, г-жа G... оспавила насъ, взявъ обѣщаніе ѣхать съ нею на балъ, даваемый въ пользу бѣдныхъ въ домѣ *Лабута*: благотворительная цѣль заспавила исчезнуть предразсудокъ, обыкновенно разъѣлющій разныя сословія общесства, и удаляющій одно отъ подписныхъ баловъ.

Я не буду шибъ говорить объ украшеніяхъ, ни о порядкѣ всего праздника, а удовольствуюсь описаніемъ нарядовъ. Большая часть плашьевъ были бѣлыя, изъ прозрачныхъ или плотныхъ матерій; цвѣтныя, почти розовыя или голубыя; нѣкоторыя, изрѣдка, лимоннаго цвѣта, зелѣныя и пунцовыя, алыхъ совсемъ не было; плашья дѣлаютъ очень опкрыты, особливо съ плечь и въ спитъ; большая часть драпированы, или съ большими манпильями, составляющими пелеринку, такую же опкрытую, какъ плашье, и спускающуюся весьма низко на рукава, которые на балѣ, въ коропкіе, весьма широкіе и не шакъ спускаются на локти, какъ мѣсяцъ шому назадъ; они обыкновенно состоятъ изъ прехъ буфъ, изъ которыхъ верхняя всѣхъ больше. Въспо гладкихъ плашьевъ видно много съ оборками: женщины должны видѣть съ удовольствіемъ, что эта мода возвращается, потому, что шалія кажетод шонье и нога меньше: обыкновенно сверкъ оборки кладутъ банты изъ денпъ, букеты или шнурокъ изъ цвѣтновъ.

(Опонтаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 6. Головной уборъ. — Апласное плашье, убранныя блондами. — Шарфъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 16.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ 1855 ГОДА.

Ревнивыя мужья!
Совѣшую вамъ я
Не слишкомъ строгости къ супругамъ предаваться,
Когда не любите бодахъ.
Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей,
Не запирайте женъ, какъ спарицъ иль звѣрей;
А по, когда на часъ явится имъ свобода,
Тогда-то госпожа Природа
Свое возьмешь.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ ДОХОДУ!

*(Посвящается благодѣтелю бѣдныхъ и безпріют-
ныхъ Василью Григорьевичу Жукову.)*

Обучаясь въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, я по субботамъ въ лѣтнюю пору ѣзжалъ по Коломенкѣ въ Подмосковную къ бапюшкѣ; всегда у Боровскаго перевоза переходилъ я пѣшкомъ по живому мосту чрезъ Москву-рѣку, взбирался на крупной берегъ и на Мячковскій курганъ восхищались обширными, очаровательными видами. На эпомъ мосту нѣсколько лѣтъ сряду видалъ я молодаго нищаго; у него не было лѣвой руки по локопъ. Въ кошелькѣ у меня всегда оплывался для него серебряный пяточокъ, копорого не называли еще пышнымъ именемъ двадцатикопѣечника.

Однажды вмѣстѣ со мною остановилась у моста коляска: изъ неѣ вышелъ высокій, съ важною осанкою человекъ, лѣтъ сорока пяти. Нищій протянулъ къ нему руку за милостыней. Высокій человекъ остановился и спросилъ у него: «сколько тебѣ лѣтъ?» Нищій отвѣчалъ: 26.—«Знаешь ли грамоту?»—Умѣю чипашъ по церковной печати и писать, полько дурнымъ почеркомъ.—«Не спыдно ли, не грѣшно ли же тебѣ паскаться по міру? Хочешь ли, я доставлю тебѣ 10,000 рублей годоваго дохода?»—Нищій усмѣхнулся; я поже. «Смѣйся, сколько тебѣ угодно;» холоднокровно замѣшилъ проѣзжій: «но я говорю тебѣ дѣло: я самъ живой примѣръ; я самъ былъ не богатѣе тебѣ; однако-жь, вмѣсто того, чпобъ шатахъ по подоконью и вымаливать денегъ, я выпросилъ Христа ради у извощика посконную торбу и, обходя селенія, выпрашивалъ у бабъ прѣпя, копорое охотно давали мнѣ; а я опносилъ

въ уѣздный городъ и продавалъ на ближнюю бумажную фабрику.

«Черезъ два года я былъ въ состояніи купить лошадку, завелъ шельгу, и уже не выпрашивалъ, а вымѣнивалъ прещё на иголки, на запонки, на серги, на нипки, и на разныя другія бездѣлушки, въ крестьянскомъ быту необходимыя.

«Черезъ семь лѣтъ, у меня лежало въ карманѣ на 25,000 билетовъ Воспитательнаго дома; я женился на дочери хозяина шой бумажной фабрики, куда поспавлялъ я свои грязныя шряпки; вступилъ въ пай съ своимъ шеспемъ, началъ помогать ему день и ночь. Тогда я былъ молодъ, здоровъ, горячь къ работѣ, смѣшливъ, переимчивъ. Посовѣтовавшись съ домашними, я объѣздилъ лучшія на Руси бумажныя заведенія, и воропился съ богатымъ запасомъ свѣдѣній по фабричной часпи, перестроилъ мѣльницу, передѣлалъ плотину, завелъ машины.

«Теперь у меня два дома въ Москвѣ, фабрика подъ Бронницами; другую въ —ской губерніи опдалъ я во владѣніе сыну, копорый наследовалъ опъ меня спраспъ къ шпуду, першѣніе и духъ порядка. На послѣдней выспавкѣ издѣлій Русской промышленности онъ получилъ золотую медаль.—Любезный другъ!» примолвилъ онъ, пошрепавъ по плечу нищаго: «спунай, благословясь, по моимъ слѣдамъ—и ты наживѣшь деньги, будешь получать по 10,000 годоваго дохода!».

Проѣзжій, произнесши сіи слова, зашагалъ вдоль по мосту, опираясь на толстую бамбуковую прость съ золотымъ набалдашникомъ, и оставя безрукаго нищаго въ пакой глубокой думѣ, что цѣлая полпа бурлаковъ прошла мимо его, не слыхавъ его вѣчнаго возгласа: подайте Христа ради!

Эпо происходило въ 1795 году. Въ началѣ Января 18... года, проѣзжая чрезъ —вь, я остановился у Госпинаго двора и вошелъ въ лавку, купить почтовой бумаги. Наружность безрукаго купца, хозяина лавки, поразила меня. Мы оба смотрѣли одинъ на другаго, какъ люди, копорые, не умѣя припомнить, гдѣ они видались, помнили очень

пвѣрдо, что гдѣ-то и когда-то они были знакомы.—«Позвольте спросить васъ, милоспивый государь,» началъ купецъ: «не ѣзжали ли вы лѣтъ сорокъ передъ эшимъ по Коломенской дорогѣ?»—Каждое Воскресенье!—опвѣчалъ я. «Въ дрожкахъ на шройкѣ рыжихъ?»—Лихихъ Донцовъ!—опвѣчала я.—«И всегда переходили пшшкомъ черезъ Боровскій живой мостъ?»—И взошедъ на высокій берегъ, опдыхалъ на Млчковскомъ курганѣ, плѣняясь безконечными лугами, передо мною разоспланными.—«Не ужели же позабыли вы безрукаго нищаго, копорому всякой разъ жаловали по мелкой серебряной монеткѣ?»—Какъ? *Харлампій!* Ты ли, вы ли эпо, государь мой?—«Точно я. Помните ли пророческія слова высокаго, пожилаго фабриканта? Эпопъ почпennyй человекъ сдержалъ свое слово: онъ подарилъ мнѣ 10,000 рублей годоваго дохода.

А. Кораблинскій.

ШАЛОСТЬ ШЕРИДАНА.

Опецъ ничего не оставилъ славному сочинителю *Школы злословія*.

У него не было ни гроша, когда необходимоспъ пошребовала, чтообы онъ далъ объдъ своимъ друзьямъ и членамъ оппозиціи. Ему надобно было пуще всего купить винъ. А винопродавецъ его *Шалье* переспалъ опускапъ ему ихъ безъ денегъ, пошому что *Шериданъ* и шакъ много задолжалъ ему. Придумывая, какъ бы выпушпаться изъ пакой нешряпности, онъ видѣлъ, что кромѣ прежняго его поспавщика не за кого ему было взяться. Онъ послалъ за нимъ, и когда топъ явился, онъ сказалъ ему, что шакъ какъ у него шеперь случились деньги, по онъ хочеть уплатить ему по шѣпу. Погребщикъ весьма обрадовался, но не принесъ съ собою шѣпа, онъ опшправился за нимъ домой. *Шериданъ* воропилъ его: «Кспапи, *Шалье*, приходите сегодня ко мнѣ объдапъ; я васъ пошзнакомлю съ своими пріштелями; всѣ они имѣютъ большую силу въ верхнемъ и нижнемъ парламентахъ.» *Шалье*, жившій въ большомъ свѣшѣ и надѣявшійся, что эпопъ слу-

чай доставить ему новыхъ покупателей, согласился съ радостью на приглашеніе. У себя дома онъ сказалъ, что объѣдетъ у господина *Шеридана*, и долго тамъ оспанелся. *Шериданъ* объявилъ ему, что садутъ за столъ въ 6 часовъ, а чтобъ онъ приходилъ въ 5, потому, что ему нужно переговорить съ нимъ.

Лишь только погребщикъ въ дверь, какъ слуга *Шеридановъ* опсправился къ его прикащику, у котораго забралъ, будто бы по приказанію его хозяина, при дюжины бутылокъ Бургонскаго, двѣ дюжины Бордо, двѣ дюжины Портвейна и дюжину спараго Рейнвейна. Прикащикъ не усомнился опспустить пребуемая вина, зная, что его хозяинъ у г. *Шеридана* объѣдетъ.

Госпи чрезвычайно хвалили вкусное вино и спрашивали изъ какого погреба онъ береть его. *Шериданъ* рекомендовалъ имъ *Шалье*: «Вотъ пріятель, который меня снабжаетъ славными винами; очень радъ, что могу его съ вами познакомить!» На другой день погребщикъ узналъ о хитрости *Шеридана* и очень досадовалъ, что дозволилъ ему обмануть себя.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЛАВАНІЕ ПО РЕЙНУ.

Я ѣхалъ изъ Майнца въ Сень-Гоаръ. На пути я посѣпилъ Рейнгау съ его прекрасными синими горами, богатою одеждою изъ виноградныхъ лозъ и волнами серебра, лющимися у его подошвы. Я видѣлъ Шерстейнъ, который можетъ назваться садомъ герцогства Нассаускаго, Валлуфъ, въ которомъ Франки выкопали рвы, насыпали валы, нынѣ изглаженные временемъ, и коихъ самый слѣдъ исчезъ подъ извилистыми пропінками увеселительныхъ садовъ. Побывавъ въ Эльфельдѣ, котораго готическія башни гордо высяпса въ небо, бросая по вечерамъ длинныя тѣни свои на кровли бѣдныхъ рыбацкихъ хижинъ, поспроенныхъ на берегу, — я посѣпилъ Кидрихъ, разрушенный болѣе шести столѣтій пому назадъ, Рауенпаль,

извѣстный лучшими виноградниками во всемъ Рейнгау; Рауенпаль, убѣжище драгоценное для монаховъ спараго времени, которые сначала устроили въ немъ небольшой пріютъ, потомъ основали монастырь, потомъ цѣлое селеніе; когда же толпы людей, привлеченныя набожностію, прибѣгли подъ покровительство благочестивыхъ опшельниковъ, то они распоргли узы, коими долго связывало ихъ смиреніе, и рукою, которою должны бы были только благоповорить и благословлять, наложили на пришельцовъ тяжкое ярмо неволи.

Если бы послѣдній бургграфъ Гаппенгейма, думалъ я, посѣпивъ прекрасное селеніе эпаго имени, могъ опряхнуть прахъ, покрывающій его кости, и снова лившись въ земной своей оболочкѣ, то напрасно спалъ бы онъ искать спараго опеческаго своего крова: видъ селенія измѣнился и богатые дома возвышаются тамъ, гдѣ чернѣли мрачныя башни феодальнаго замка. Но и по прошествіи пяти вѣковъ, спарый бургграфъ скоро могъ бы узнать Гаппенгеймъ, потому что и нынѣ онъ нашеть бы въ немъ безкорыстное госпепрѣимство своего времени и славное Маркебрунское вино, котораго грозды произрастаютъ на аспидной горѣ; то вино, которое онъ разливалъ госпамъ своимъ въ большіе серебряные кубки.

Я проѣхалъ черезъ Вейнцель, запасный погребъ Римлянъ, черезъ Иоганнисбергъ, который можно назвать погребомъ князя *Меттерниха*. Въ Гейссенгеймѣ я оспановился предъ гробницею курфирста *Иоанна Филиппа* Шенборнскаго, который былъ покровителемъ, воспитанникомъ и другомъ *Лейбница*. Во Франціи, путешественнику, предположившему оспанавливаться въ пути лишь у могилъ тѣхъ государей, которые любили науки, пришлось бы совершить далекій и продолжительный переѣздъ; въ Германіи, онъ долженъ былъ бы дѣлать роздыхъ почти у каждой королевской гробницы.

Я только мимоѣдомъ посѣпилъ Рудсгеймъ и успѣлъ однако-же слышать имя спараго архіепископа *Зигфрида*, жившаго не менѣе осми столѣтій пому назадъ. Еще донныя

сохраняюшь въ той споронѣ большое уваженіе къ его памяти: онъ первый позволилъ своимъ вассаламъ заниматься воздѣлываніемъ винограда, и за то каждый съ любовію говорилъ объ архіепископѣ одинадцатаго столѣтія. Имя его звучитъ въ каждой пѣснѣ виноградарей, и это служило какъ бы эхомъ перваго голоса благодарности, переходившимъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ Рудсгеймѣ я спустился къ берегу и выбралъ одинъ изъ тѣхъ легкихъ челноковъ, которые цѣлыми спаями носятся по волнамъ Рейна, вмѣстѣ съ длинными Амстердамскими двухъ-мачповиками, тяжелыми судами Неккера и Сарры, и спройными яхтами, которыми перевозятъ изъ одного города въ другой знапныхъ прибрежныхъ владѣльцовъ и богатую свиту ихъ.

Въ лодкѣ, которую я занялъ, сидѣли уже двое полицейскихъ чиновниковъ, жена одного рыбака съ своимъ ребенкомъ и какой-то иностранннй путешественникъ. Я былъ радъ этой встрѣчѣ; въ окрестности поговаривали о грабежахъ и разбояхъ, и для одинокаго пѣшехода было не совсѣмъ безопасно пускаться въ путь. Двое чиновниковъ играли въ tarot у себя на колѣнахъ; ребенокъ, котораго мать удерживала за плащъ, наклонялся изъ лодки и ловилъ рукою морскую праву, плывшую по печенію къ Сѣверному морю; а иностранннй путешественникъ, закутавшись въ широкій тѣмный плащъ, и развалившись на скамьѣ, курилъ Испанскую цигару и, по видимому, любовался разнообразною и прелестною карпиною, которая расплалась у насъ передъ глазами по мѣрѣ того, какъ лодка разсѣкала волны.

— Развѣ ты ужъ не поешь больше, дядя *Сельтерсъ*, съ тѣхъ поръ, какъ спалъ хозяиномъ этой лодки?—спросила жена рыбака у перевощика.—Бывало, когда ты работалъ на владѣльца, — прибавила она: тебя издалека слышно, а нынче, ты нѣмъ, какъ рыба, которую мы ловимъ въ Энгегѣль.—Вмѣсто отвѣта, дядя *Сельтерсъ* замянулъ дрожащимъ голосомъ спаринные спансы, пѣвучій дорожникъ всѣхъ Рейнгаусскихъ лодочниковъ.

I.

«Проспи, Бингенъ, съ румянымъ виномъ своимъ; проспи, замокъ Друзскій; я отправлюсь за *Бертою*, моею невѣстою, которая ждетъ меня въ Бендорфѣ. Прекрасная береговая страна, дай мнѣ налюбоваться побою, попому что, возвратившись, я спану любоваться одною *Бертою*. И пакъ вопъ онъ, топъ печальный замокъ, въ которомъ Императоръ *Генрихъ* былъ обремененъ оковами! Вопъ па имениная обитель, въ которой скончалась святая *Ильдегерда*! Императоръ узникъ, святая, взятая на небо, молилась за меня, ибо я готовлюсь опягчить себя легкими цѣпями; молилась за *Берту*, ибо она заслуживаетъ спать между Ангелами.»

II.

«Привѣтствую тебя, Асмансгаузенъ! привѣтствую тебя бѣдное селеніе! земля пвоа обильна для обитателей черпоговъ и монастырей, но ты ничѣмъ не надѣляешь тѣхъ, которые населяютъ пвои ветхія хижины! Императоръ *Транъ* избралъ тебя мѣстомъ для постройки дворца; нынѣ, путешественникъ не находить въ тебѣ и простой гостиницы. Трудись для владѣльцовъ и монаховъ, бѣдные сыны Асмансгаузена: я спану прудиться для одной *Берты*. Опъ чего ваша обязанность пакъ тяжка, когда мол пакъ сладостна?»

III.

«Гребцы, сильнѣе разсѣкайте волны, дружныѣ ударяйте веслами! спѣшите миновать Ваупсбергъ, Занехъ и Рейншпейнъ, ибо нѣкогда Рейнскіе разбойники здѣсь спорожили пупниковъ. Я скажу это *Бертъ*; я извѣщу её объ опасности, чтобы спрахъ заспавилъ её ко мнѣ приблизиться, и нихонько спану смѣяться надъ ея боязнію, потому что прошло уже шесть сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ тяжелый мечъ *Рудольфа I* срылъ до основанія припонъ разбойниковъ, и какъ вѣповисныя деревья Саувальдскаго лѣса скрываютъ въ тѣни своей одни полько любовныя таинства.»

IV.

«Теперь, не удерживайте болѣе свободно бѣга лады нашей; пусть рѣка качаетъ её на замирающихъ волнахъ своихъ. Смотри-те, мы приблизились къ Лорхгаузену; взгляните на утесистую скалу; это та, на которую, во времена отдаленныя, *Гильгюсъ* осмѣлился взобраться на конѣ, чтобы получить руку *Елены*. Толпа покрывала противоположный берегъ, продолжительный крикъ ужаса раздавался въ ухахъ *Гильгюса*, но онъ, не оглядываясь, продолжалъ опасный путь: на вершинѣ ожидала его *Елена*.»

V.

«Здравствуй, Бахаракъ— старый! вино пвое превосходитъ всякаго другаго, потому что оно доставляетъ свободу. Въ одинъ веселый день, Императоръ *Венцеславъ* продалъ её Ниренбергскимъ гражданамъ за четыре фудра (*) пвоего нектара, а папа *Пий II* даровалъ тебѣ полную индульгенцію за одну бочку. Но если ты допустишь приписти въ упадокъ свою спарую церковь св. *Вернера*, то береги двѣнадцать башенъ, которыя составляютъ пвою оборону. Свобода Ниренберга зависить отъ сбора пвоихъ виноградниковъ, а онъ можетъ испощиться.»

VI.

«Мы приближаемся къ подводнымъ камнямъ, лодочникъ! Слышишь ли, какъ бушуетъ Рейнъ, съ влокопомъ разбиваясь объ утесы? Правъ искуснѣ челнокомъ пвоимъ; вода разсыпается прахомъ вокругъ и покрываетъ тебя пвною; бысприна грозитъ поглотить тебя; смѣлый ударъ весла, усердная молитва къ Богу, воспоминаніе о любезной, и ты спасенъ. Хорошо! ты миновалъ подводный камень, и рѣка по прежнему спокойно льетъ волны свои.»

VII.

«Пожалѣй мимоходомъ объ узникахъ, которые, можетъ быть, и теперь еще томятся подъ мрачными сводами замка Пфальцъ-

Эдрессе; брось послѣдній взглядъ на Каубъ, прежде чѣмъ онъ исчезнетъ въ туманѣ горизонта, вмѣстѣ съ другими городами. Здѣсь оканчивается пвол веселая опчизна; ты перешелъ за предѣлы Рейнгау; завтра, ты спанешь привѣспивовавъ ихъ съ болѣею радостію; завтра, ты будешь вмѣстѣ съ нею!»

VIII.

«Видишь ли ты отсюда гору Шомбергъ, пронзающую облака своими семью вершинами? Тамъ споялъ нѣкогда спарый замокъ, въ который семь юныхъ сеспръ привлекали всѣхъ рыцарей Германіи своею красотою. Юноши изнывали отъ любви къ прекраснымъ дѣвамъ, но онъ, не прогаясь ихъ сердечными муками, съ холодностію отвергали всѣхъ искапелей. Въ одинъ день, гнѣвъ Небесный разразился надъ благороднымъ обиталищемъ: замокъ былъ поглощенъ землею; вмѣстѣ съ нимъ исчезли и сеспры-красавицы; въ послѣдствіи, семь гранипныхъ сосенъ выросли на вершинѣ горы, которая и донынѣ еще носитъ названіе *утеса семи дѣвъ*.»

IX.

«Веселыя пѣсни впоряпъ звону колоколовъ, часные удары молота работниковъ заглушаютъ пабожное пніе монахинъ: это Обервезель, издали возвѣщающій о себѣ разнообразнымъ шумомъ. Болѣе помпъ промышленный городъ, въ которомъ покояпся останки древнихъ Римлянъ; кровь воиновъ *Александра Севера* еще безъ примѣси печетъ въ жилахъ ремесленнаго народа, его населяющаго. О! если бы я не имѣлъ нужды спѣшить, съ какою охотою остановилъ бы я челнокъ мой въ пвоей гостепрійной приспани, Обервезель! Съ какою охотою обошелъ бы я пвои оживленныя улицы, поспилъ бы пвою величественную церковь и скромную часовню св. *Вернера*, сооруженную на помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сей благочестивый двѣнадцатиплпнный отрокъ предпочелъ ужасныя муки опреченію отъ Господа!»

Старый перевозчикъ собирался начать деспый куплетъ своей нескончаемой пѣсни,

(*) Германская мѣра.

но въ эту минушу имъ овладѣлъ сильный припадокъ кашля. «Довольно, довольно!» сказали ему всѣ пассажиры; онъ умолкъ и продолжалъ грести молча. Полицейскіе чиновники не играли болѣе, а разговаривали между собою. Человѣкъ въ тёмномъ плащѣ съ улыбкою прислушивался къ ихъ разговору.

«Позвольте,» сказалъ я одному изъ чиновниковъ, услышавъ, что онъ произнесъ имя *Вольфрага*. «Не о знаменипомъ ли разбойникѣ вы говорите?»

— Да, — отвѣчалъ онъ: мы посланы изъ Майнца нарочно за тѣмъ, чтобы схватить его; слухъ носился, что онъ скитается здѣсь въ окрестностяхъ, и мы почти увѣрены въ это, потому что слышали вчера звуки его рога, очень намъ знакомые. Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, что онъ, прубя въ эпошъ-рогъ, сзываетъ свою шайку и вмѣстѣ даетъ ей знакъ, когда поидки мѣстнаго начальства бывають безуспѣшны. При всей нашей дѣятельности, намъ еще не удалось поймать его; но какъ онъ ни будь хитёръ и ловокъ, а насъ не проведетъ, и только бы намъ съ нимъ встрѣпиться, а по ужъ у насъ не вывернется. —

«У меня погасла сигара,» сказалъ человѣкъ въ плащѣ, который до того не говорилъ ни слова: «позвольте мнѣ закурить её изъ вашей прубки. — Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ сыщикъ разбойниковъ, къ которому онъ обращался. Незнакомецъ съѣлъ прошивъ чиновника, который такъ учтиво отвѣчалъ ему, и оба, запынувшись табачнымъ дымомъ, потомъ спруею пустили его въ глаза другу.

«Покорно васъ благодарю,» сказалъ незнакомецъ. — Не стоить благодарности, — возразилъ полицейскій.

Между тѣмъ мы приблизились къ Лурдейской аспидной скалѣ, которая повисла надъ рѣкою въ видѣ огромной, исполинской руки.

— Причаливай здѣсь, — сказала перевозчику жена рыбака, указывая на прошивный берегъ; мнѣ шуда лежитъ дорога. — «И мнѣ тоже,» прибавилъ незнакомецъ.

Женщина, дупя и человѣкъ въ плащѣ скоро скрылись у насъ изъ вида.

— Жаль, — сказалъ мнѣ перевозчикъ, когда мы опсправились далѣе: что вблизи нѣтъ какого нибудь охотника; вы бы услышали эхо Лурлейскаго утеса, которое до пятнадцати разъ повпоряетъ ружейный выспрѣлъ, сдѣланный съ прошивоположнаго берега. —

Едва онъ это выговорилъ, какъ на лѣвомъ берегу рѣки раздался звукъ рога, и горное эхо въ самомъ дѣлѣ пятнадцать разъ повпорило его. Полицейскіе чиновники измѣнились въ лицѣ. «Ну! дали-жъ мы промаха,» сказалъ одинъ изъ нихъ: «онъ былъ у насъ въ рукахъ, и мы допустили его уйти!»

— Кого это? — спросилъ я со спрахомъ. «Чорпъ возьми! пого, кто закуривалъ у меня въ прубкѣ свою сигару, и смопрѣлъ мнѣ въ глаза, ни сколько не поморщась; это былъ *Вольфрагъ* разбойникъ!» Последнее слово полицейскій чиновникъ выговорилъ съ такою досадою и такъ громко, что эхо пятнадцати разъ повпорило: *разбойникъ*.

Съ Фр. Бр.

МЫСЛИ ЖАНЪ-ПОЛЯ.

Жизнь, какъ морская вода, улаждаепся, подымаясь къ небу.

Великіе люди подобны горамъ, вершина коихъ всегда окружена парами; но пары происходятъ опъ долинъ, а не опъ горы.

Жизнь наша подобна *тёмной комнатѣ* (камеръ-обскуртъ); образы другаго свѣта тѣмъ живѣе въ ней опражаются, чѣмъ она темнѣе.

Если война естъ щочно великая прагедія, какую земля предспавляетъ предъ небомъ и адомъ; по ни одинъ поэтъ не слѣдовалъ лучше ея правиламъ, какъ *Наполеонъ*, особливо опносительно правилъ времени: онъ препворилъ годы въ мѣсяцы, только нарушилъ единство мѣсяца.

Различіе между щасливимъ и нещаснымъ такое же, какъ между человѣкомъ, одержимымъ лихорадкою черезъ день, или

черезъ двое супокъ. Первый имѣеть одинъ здоровый день, другой два.

Всего лучше научись молчать съ болш-ливными, а болшани съ скрыпными.

Если познаніе самаго себя естъ путь къ добродѣтели: то съ болшею справедливо-стію добродѣтель естъ путь къ познанію самаго себя.

Весь вѣкъ естъ спремленіе къ великимъ цѣлямъ съ маленькими людьми.

На одръ смерти и послѣ добраго дѣла че-ловѣку легко, и даже спановишься ему нуж-нымъ всё прощаешь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С И Р О Т А.

Я, какъ пришлецъ страны забышой,
Здѣсь на землѣ для всѣхъ чужой,
Брожу въ толпѣ съ душой несышой,
Не повстрѣчавъ души родной;
За чѣмъ вложенъ мнѣ въ сердце пламень
И въ умъ горячая мечта?
Все вокругъ меня, какъ хладный камень!
Я одинокъ! Я сирота!
Въ дни юности, я безъ изъясня,
Всѣмъ людямъ дани проспираль.
И что же?.. въ жаркія объясня
Одинъ лишь холодъ собираль.
И ближніе не разгадали
Мечты моихъ весеннихъ дней,
Моей задумчивой печали,
И шихой радости моей.
Взираль я иногда украдкой
На прелеснь томной красоны;
Но въ ней мнѣ было все загадкой
И незнакомыя черны;
Когда же сходства признакъ лживый
Въ чертахъ невинности мелькалъ,
Я не удерживалъ порывы,
Я загорался, шрепешалъ..
Но дѣвы чуждой взоръ холодный
Разочаровывалъ меня,
И съ нею пламень мой несродный
Не соспавлялъ любви огня.

Когда съ очей моихъ повязку
Рукою пляжкой опышь снялъ,
И жизни суетную сказку
Безъ аллегорій разсказалъ,
Я заглянулъ въ сердца людскія,
И ужасъ въ душу мнѣ проникъ,
И чувства замерли живыя
И оковался мой языкъ.
Съ пѣхъ поръ, пришлецъ страны забышой,
Я на землѣ какъ бы чужой;
Брожу въ толпѣ съ душой несышой;
Вездѣ ищу души родной.
Какой-то голосъ непонятной
Меня заманиваетъ вдаль;
Я жду чего-то; мнѣ пріятно
Таить сердечную печаль.
Взойдетъ ли солнце золотое
На ненаглядныхъ небесахъ—
И кто-то шепчетъ: вопъ родное
Слетишь на радужныхъ лучахъ!
Покроется ли темношою
Лазури необъясный сводъ,
И звѣзды съ блѣдною луною
Заглянушь въ глубь прозрачныхъ водъ—
Я брошу къ небу взоръ печальный;
Чего-то жду, едва дыша,
И слышу: тамъ, въ опчизнѣ дальной
Родная ждетъ тебя душа!

LOGOGRIPHE.

D'un peuple exaspéré j'annonce la fureur;
Mais je deviens, sans chef, du gibier la terreur.

Въ No 15-мъ помѣщенная шарада значить: *Муха-поръ.*

MODES.

La toilette de la duchesse de Saint-S..., ainsi que celle de sa fille, attirèrent particulièrement mon attention, par le contraste de luxe et de simplicité qu'elles offraient. La mère, qui peut avoir quarante ans, est encore belle; elle a conservé surtout une superbe tournure: sa robe était de satin blanc broché en bouquets de roses; elle était ouverte devant et laissait voir une jupe de blonde garnie d'un haut volant pareil; la robe

de dessus était fixée sur celle de dessous par des nœuds de rubans de satin blanc au milieu, desquels était un diamant: la mantille de blonde était fixée sur les épaules, au milieu du dos et de la poitrine, par des nœuds contenant de même un diamant.

La coiffure, très-élevée derrière, était formée de deux coques, entre lesquelles était placé *un noeud de marabouts*, ce qui était très-remarquable; car il y avait en général beaucoup de fleurs et peu de plumes: au milieu de ce nœud de marabouts blancs était fixée une flèche en diamans, les pendans d'oreilles et le collier de même en diamans. Sa fille, jolie et pâle personne de seize ans, paraît sa toilette, et n'était point parée par elle. Sa robe était en crêpe blanc tout uni, sur un dessous de satin pareil; le corsage, drapé assez montant, était pincé au milieu et sur les épaules par une grappe d'accacia blanc; sa coiffure était ornée de fleurs pareilles, dont deux branches descendaient derrière les bandeaux; elle n'avait ni blondes ni bijoux: je remarquai en cela la différence qui existe entre les jeunes personnes françaises et les anglaises.

Combien ces dernières nuisent à la beauté et aux charmes que leur prête la jeunesse, en se couvrant d'habits si peu faits pour leur âge; *en entassant* sur leur personne l'or, les bijoux, les fleurs, les rubans de toutes couleurs, toutes choses qui vieillissent et enlaidissent un jeune visage! Ici, plus le rang des parens est élevé, plus la parure des jeunes personnes est simple.

Tous les gants étaient garnis de rubans de satin plissés à plis ronds; il y en avait quelques paires garnies de rubans de la couleur de la robe.

Il n'y a de bon goût que les souliers de satin blanc; ceux de satin de couleur sont laids, communs, et grossissent le pied.

Adieu, ma chère sœur, vous voyez que je remplis, et peut-être au-delà, vos intentions, ne vous faisant grace d'aucun détail.

М О Д Ы.

Нарядъ герцогини *de Saint-S...* и дочери ея особенно привлекли мое вниманіе противоположносцію роскоши и простоты. Мать, лѣтъ

сорока, еще очень хороша; она сохранила важную осанку; платье ея было изъ бѣлаго апласа, зашканныя розовыми букетами; оно спереди было открыто и внизу блондовая юбка, опдѣланная широкою блондою; верхнее платье прихвачено было къ нижнему бантами изъ бѣлыхъ апласныхъ лентъ, въ срединѣ которыхъ было по бриліанту; блондовая манжилья прихвачена была на плечахъ, и въ срединѣ спины и груди, также бантами съ бриліантами.

Прическа, весьма высокая сзади, составлена была изъ двухъ пещель, между которыми находился букетъ марабу, что было весьма замѣтно, потому что вообще было много цвѣтовъ и мало перьевъ; въ срединѣ этаго букета бѣлыхъ марабу пропущена была бриліантовая спирѣла; серги и ожерелье также бриліантовые. Дочь ея недурна, блѣдна, шестнадцати лѣтъ, украшала свой нарядъ, и не была имъ украшена. Платье на ней было гладкое, бѣлое креповое, на бѣломъ апласѣ; лифъ, драпированный довольно высокою, перехваченъ былъ въ срединѣ и на плечахъ кистями бѣлой акации; въ волосахъ были тѣ же цвѣты, изъ которыхъ двѣ вѣпки спускались позади переднихъ волосъ; на ней не было ни блондъ, ни вещей: я замѣтила въ этомъ разницу между молодыми Француженками и Англичанками.

Сколько сіи послѣднія вредятъ красотѣ и прелестямъ молодости, надѣвая платья, совсѣмъ не приличные ихъ лѣтамъ, и напугывая на себя золото, вещи, цвѣты, ленты всѣхъ цвѣтовъ, все что состариваетъ и обезображиваетъ молодое лицо! Здѣсь, чѣмъ родители знаютъ, тѣмъ простѣе одежда молодыхъ дѣвицъ.

Всѣ перчатки опдѣланы были апласными лентами, сложенными круглыми складочками; было нѣсколько паръ, опдѣланныхъ лентами подъ цвѣтъ платья.

Въ опличномъ употребленіи одни бѣлые апласные башмаки; цвѣтные же некрасивы, обыкновенны, и нога въ нихъ кажется больше.

Прощай, любезная сестра; ты видишь, что я выполнила, можешь быть и превзошла, твои ожиданія, не избавя себя отъ малѣйшихъ подробностей.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 17.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 27 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Я знаю, для чего Крадонъ твердишь всегда,
Что свѣтъ наукъ есть зло: для вора свѣтъ бѣда!

Карамзинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОРА СЕНЬ-БЕРНАРДЪ.

Если-бъ я не боялся пакъ мороза, по весь-
ма бы часпо посѣщаль монастырь Августин-
цевъ на горѣ Сень-Бернардъ. Но къ неща-
спію, льпо бываешь только мимолепнымъ
госпемъ на эпой вершинѣ Альповъ; лучи
солнца, согрѣвающіе долины, лежащія при
подошвѣ горы, рѣдко, и только на коропкій
срокъ, изливають теплопу свою на возвы-
шенную часть, занятую знаменитымъ спран-
нопримнымъ домомъ.

Однажды въ лучшее время года, когда
природа являлась во всей роскоши и во всей
красѣ своей, зашелъ я въ монастырскую
ограду. На утесахъ, покрытыхъ снѣгомъ,
видѣлась мѣстами зелень, которую, бышь
жожепъ, въ первый разъ встрѣчали здѣсь
взоры человѣческіе; пчела, которая для слу-
ха моего служилъ самымъ лучшимъ въспни-
комъ льпа, жужжала и кружилась около
волццевъ и мха, пощаженныхъ Альпійскимъ
морозомъ. Мнѣ казалось, что воздухъ, пакъ
пріятно касавшійся моихъ щѣкъ, распворенъ
былъ благоуханіемъ цвѣтвъ, распущихъ на
долинахъ Ипаліи, которыя видѣлись внизу.

Я долго споялъ у монастырскаго входа,
съ удовольствіемъ вдыхая въ себя свѣжій
воздухъ, и смопря на чистое небо и на вы-
сокую гору; я не рѣшался промѣнять сего
великолѣпнаго зрѣлища на узкій коридоръ,
загроможденный полною прислужниковъ, и
на комнатку, съ пакими полспыми спѣнами,
какъ будто предназначено было имъ выдер-
жать осаду. Я не рѣшался покинуть моего
мѣста даже для того, чтобъ иппи за сып-
ную монастырскую прапезу.

Не прошло еще двухъ часовъ со времени
моего сюда прихода, какъ вдругъ сильный
порывъ вѣпра, напомнившій мнѣ шумомъ
своимъ паденіе Ніагары, сорвавъ съ горы Ве-
ланъ глыбы вѣковаго снѣга, съ ярспью бро-
силъ ихъ къ монастырскимъ воропамъ.

Эпошь несчастный случай произвелъ здѣсь
ужасную преволгу. Большая часть иноковъ
бросились изъ-за стола осмопрѣль, хорошо
ли припворены окна и двери. Въ нижней
части спроенія, занятой монастырскими
конюшнями, дровяными и другаго рода са-
раями, господствовало повсюду смяпеніе;
служки и поселяне сбѣжались сюда, и паса-
ли, что только можно было, со двора. Эпо
произвело шумъ и безпорядокъ.

Я опважился взглянуть въ окно; лѣпо мгновенно исчезло, мѣсто его заспушила зима. Солнце скрылось, снѣгъ надалѣ большими хлопьями; подѣ вечерѣ его нанесло къ дверямъ монастырскимъ на 14 фузовъ. Чпобы отогрѣть замерзшіе пальцы наши, мы должны были класъ ихъ почти къ самому пламя. Спѣны пряслись опъ вѣпра, какъ бы опъ пушечныхъ выпрѣловъ.

Къ ночи буря мало по малу утихла; я слышалъ опчаянные вопли пупешеспвенниковъ, заспигнувшихъ бурю. Многие, полагаясь на хорошую погоду, опправились въ путь, не принявъ никакихъ предоспорожностей. Звуки охотничьихъ роговъ, гулъ колоколовъ и вой собакъ, опыскивавшихъ заблудившихся пупниковъ, не давали мнѣ заснуть; поупру монастырь наполнился спранниками. Весь мѣръ казался мнѣ преврапившимся въ снѣжную глыбу; монахи въ пеплой одеждѣ опправлялись на свои зимние поиски, прислужники спускали собакъ; разложены были огни; коплы кипѣли, пуская изъ себя высоко паръ. Пупешеспвенники закутаны были въ пеплую одежду и прикрыли себѣ головы воропниками до самыхъ глазъ; можно было подумать, что мы въ Лапландіи.

Спраннопримный монастырскій домъ снабженъ всеми нужными для подобныхъ случаевъ предметами; спустя нѣсколько минутъ, когда все утихло, новые гости пришли въ немъ пріемъ, болѣе радушный, и больше удобствъ и прихотей, нежели въ лучшей Европейской гостинницѣ. Муцины удалились въ кабинетъ для чтенія, гдѣ лежали книги и журналы, рѣдко переходившіе черезъ Ипаліанскую границу. Дамы перелистывали собранія эспамповъ, коихъ большая часть подарена пупешеспвенниками, нашедшими въ семъ монастырѣ пріюсть. Однѣ сѣли за фортепiano, другія осматривали полки библіотеки, опыскивая себѣ романовъ. Ученые любовались богатымъ собраніемъ мѣспныхъ минераловъ, составленнымъ сими монахами. Болтаники разсматривали гербаріумы, содержащіе въ себѣ распенія окреспныхъ мѣспъ. Всякой могъ вписывать свои замѣтки и воспоминаія въ богато-переплетенный альбомъ, въ которомъ соединены были пре-

изведенія всѣхъ изящныхъ искусствъ, кромѣ поэзіи; для пѣхъ же посѣпителей, кои всему на свѣспъ предпочитаютъ сонъ, изготовлено было восемдесять постелей.

Съ Франц. К. К.

МОГИЛА АТТИЛЫ.

Мрачныя крылія угрюмой ночи носились надъспящею окреспностью. Римлянинъ *Азій*, проложивъ мечемъ путь сквозь чащу кустарника, скрывавшаго припонтъ *Сивиллы*, опсповился предѣ упесомъ. Звонкій ударъ булапы о скалу, дробясь между спремниками, спспешенно запыхъ въ опдаленіи. «*Сивилла!*» вскричалъ онъ, повторивъ ударъ булапомъ,— «опспори, *Сивилла!*»

Внезапно зашатались вѣковые границы; мерцающій свѣсп лампады проникъ сквозь разсплину раздавашагося упеса; изъ скалы слышался призывъ прорицательницы: Войди, *Азій!*—

«Ты меня знаешь?» спросилъ удивленный прішелець.

—Тебя и пайныя пвои желанія!—возразила прорицательница.—Ты хочешь узнать жребій Рима, *Аттилы* и свой собспвенный.—

Азій. Поспигнувъ мои сокровеннѣйшія мысли, ты утверждаешь во мнѣ вѣру въ пвою премудрость. И такъ распоргни предѣ мною завѣсу будущности!

Сивилла. Повѣдай причину пвоего желанія узнать будущее.

Азій. Не вопрошай меня о томъ, прорицательница! — Человѣку врождено желаніе— разгадывать пайнспвенное, проникапъ любопытнымъ взоромъ непроницаемый покровъ будущаго. Неопытною рукою хватаелся ребенокъ за пайнспвенное пламя свѣспильника, въ ночь безмятежную восходящъ звѣздочепъ на обсерваторію, старая желаніемъ познать ходъ и знаніе свѣспиль небесныхъ.— *Сивилла!* если наука пвоя основана на истинѣ, то удовлетвори моему любопытспву.

Сивилла. Чего ты хочешь, безумный? — Уязвивъ себя, какъ безмысленный ребенокъ, хватающійся за пламя?—Ослабитъ зрѣніе, подобно звѣздочепу, ослѣпленному внимательнымъ разсматриваніемъ свѣспиль небесныхъ?

Аэций. Я не спрашусь опасности! Не медли, *Сивилла!* или я почну себя не умнее обыкновенной женщины.

Сивилла. Уклонись отъ своего безразсуднаго испытанія пробудить во мнѣ щещеславие. Ни принужденіе, ни возженное щещеславие не въ силахъ возбудить во мнѣ желаніе раскрыть предъ тобою завѣсу будущаго.—Внимай же, *Аэций!*—Подобно юношѣ, преисполненному жизни и силы, раздвѣль опечеславенный градъ пвой, подавая полную надежду на продолжительное и непоколебимое мужество, но чрезъ свое легкомысліе и роскошь содѣлался онъ преждевременно дряхлымъ спарцемъ; голова слаба, соспавы немощны, смертъ пробирается по вѣнамъ пѣла государства; разрушеніе его близко. Могучей рукъ спойптъ только коснуться дряхлаго пворенія—и оно распадется.

Аэций. Повѣдай, не дань ли *Аттилы* нанесетъ ударъ сей дряхлющему Риму?

Сивилла. *Аттилы?* Нѣтъ! эта ночь послѣдняя его жизни.

«Послѣдняя?» воскликнулъ *Аэций*, и глубокая дума облегла чело прищельца. «Послѣдняя!» повпорилъ онъ, и глаза его засверкали дикою радостью. «Торжествуй же, *Аэций!* Надъ могильнымъ холмомъ *Аттилы* взойдетъ живое солнце. Озаритесь же свѣпомъ предначертанія, павившіяся споль долго въ груди моей!— Судьба изрекла паденіе Рима. Быть такъ, я буду судіею предопредѣленія; и низвергну это спарое, вѣхое зданіе, но изъ развалинъ онаго сооружу новый, юный Римъ, и испорія на скрижальхъ своихъ впишетъ подлѣ *Ромула* имя *Аэция.*»

—Дерзкій мечтатель,—возразила *Сивилла*: душа коего наполнена гибельными предначертаніями! знай: еще прошедшею ночью мечпаль *Аттила* о побѣдахъ и низверженіи престоловъ, а въ пекущую ночь сильнѣйшая десница смертци низвергаетъ сильнаго, и всѣ дѣянія, исполненія коихъ уже рисовались въ мечпахъ его, рушатся вмѣстѣ съ быпиемъ грознаго завоевателя!—

«Къ чему ведешь это увѣщаніе?» воскликнулъ въ гнѣвъ *Аэций*. «Повѣдай мнѣ будущность! Повѣдай, совершу ли предпринятое од-

нажды мною, или судьба воспрепятствуетъ приведенію въ дѣйство моихъ намѣреній?»

—Ожидай отвѣта на могилѣ царя Гуйновъ!— сказала прорицательница, закрывъ свою книгу.

«Чудовище! отъ себя пребую отвѣта!» вскричалъ въ бѣшенствѣ *Аэций*, и обнаженный мечъ его сверкнулъ надъ головою *Сивиллы*. Но въ это мгновеніе рука его, оспановленная невидимою силою, безчувственно опустилась, не поразивъ пайнспвенной прорицательницы; быстро пробѣжалъ по членамъ его ледяной холодъ; онъ опшатнулся, и имъ овладѣло совершенное безчувствіе.

По минованіи безпамятства, увидѣлъ себя *Аэций* на открытомъ мѣстѣ прислоненнымъ къ вѣпвистому пополю. Подлѣ него лежалъ мечъ, и при мерцаніи звѣздъ сіяли въ отдаленіи дворцы величаваго Рима и пѣнспсыя волны быспропекущаго Тибра.

II.

Слѣдующимъ упромъ въ спанѣ *Аттилы*, разбиномъ при городѣ Манпуъ, собрались предъ шапромъ его полководцы: *Орестъ*, *Валамиръ*, *Эдеконъ* и *Одоакръ*, ожидая пробужденія царя для полученія повелѣній. Солнце совершило уже половину пупи своего по небосклону, но *Аттила* не показывался. Въ неперпѣливомъ ожиданіи прохаживались предъ спавкою его сподвижники, временно прислушиваясь, не пробудился ли ихъ грозный повелитель; но въ шапрѣ царствовало глубокое безмолвіе.

«Спраненъ необыкновенно продолжительный сонъ *Аттилы*;» сказалъ наконецъ *Эдеконъ*, обращаясь къ своимъ поварищамъ: «Не въ его обыкновеніи забывать въ объяпихъ любви дѣла государспвенныя.»

—Пусть его наслаждается воспоргами первой брачной ночи!—возразилъ *Орестъ*, улыбаясь,—и цари пакіе же смерпные, какъ и прочіе люди.—

«Я предчувствую нещастіе!» сказалъ *Одоакръ* съ скороспью. «Сонъ *Аттилы* слишкомъ продолжителенъ; что, ежели?—Я спрашусь повѣдать предчувствіе, овладѣвшее мною, и однакожь не могу умолчать о немъ;—что, ежели вѣчный сонъ оковалъ его вѣжды?...

Вчера уже, какъ *Аттила* вышелъ изъ залы съ *Ильдегундою*, — напалъ на меня непоспимый ужасъ. Эта женщина, подумалъ я...

Слова замерли на устахъ *Одоакра*, ибо въ это мгновеніе *Ильдегунда*, лицо коей закрыто было непроницаемымъ покрываломъ, вышедъ изъ шатра, сказала: Гунны, если вы желаете видѣть царя своего, то идите за мною!

Съ пайнымъ смущеніемъ сердца послѣдовали за нею полководцы; но едва вошли въ шатеръ царскій, какъ въ ужасъ опспушили ко входу. Обагранный собственною кровью, лежалъ прупъ *Аттилы*; булатнымъ мечемъ *Одена*, прещепомъ враговъ, была пронзена грудь *биза вселенной*.

— Ужасное, неслыханное злодѣяніе! — воскликнули полководцы Гунновъ, и глаза ихъ, сверкающіе кровавымъ мщеніемъ, устремились на *Ильдегунду*.

«Злодѣяніе (*), какъ вы называете месья сію?» сказала царица съ величіемъ: «совершенно мною, и никто да не осмѣлился себѣ его присвоить; я горжусь бытъ орудіемъ смерти *Аттилы*. Выслушайте мое признаніе, Гунны, прежде чѣмъ изречете приговоръ свой!

«Безмятежно и тихо протекали дни мои при дворѣ *Кабилонскомъ*, куда явились послы *Аттилы* съ прѣбываніемъ, чптобы опецъ мой заключилъ съ нимъ союзъ прошиву Римлянъ и царя *Готтеовъ Теодорика*. Угрожая въ случаѣ отказа мщеніемъ *Аттилы*, они наспаввали, чптобы я—для удословѣренія въ дружеспвенномъ расположеніи и преданности моего опца, прибыла въ спанъ ихъ повелителя.— Я послѣдовала заложницею за ними; я должна была слѣдовать. Опвращеніе къ кровопролитію исчезало во мнѣ поспеленно при частомъ возрѣніи на битвы и пораженія непріятелей. Достойныя варваровъ дѣла, ежедневно предспавлявшіяся моимъ глазамъ, измѣнили во мнѣ свойспва нашего пола; и

я, упражнявшаяся доселѣ въ игрѣ на люпнѣ и въ пканнѣ, забывъ мои мирныя занятія, облекла грудь свою, водновавшуюся прежде подѣ флеромъ и шелкомъ, тяжелыми лапами, и нѣжная рука дѣвицы, привыкшая обращаться полько съ иглою, научилась владѣть булапомъ. Я спала въ ряды полчищъ *Аттилы*, и сражалась какъ воинъ. Во время битвы на *Капалаунскихъ равнинахъ* поразилъ меня мечъ свирѣпаго *Торисмунда*, пламенѣвшаго мщеніемъ за смерть опца своего; я пала среди убитыхъ *Готтеовъ*, *Римлянъ* и *Гунновъ*, и бытъ можеть, задохлась бы подѣ грудями пруповъ, если бы *Валтеръ* не поспѣшилъ мнѣ на помощь. — Знаете ли вы *Валтера*, сына *Алфера*, короля *Аквипанскаго*? Вамъ должно знать его, ибо весьма часто пролагалъ онъ Гуннамъ путь въ самые сгущенные ряды непріятелей. — Насъ поспигъ равный жребій; *Валтеръ* находился при царѣ вашемъ пакже залогомъ вѣрности опца своего. Въ первый разъ увидѣла я его, когда онъ полько что возвратился съ наезда, покрытый пылью и кровью; съ восхищеніемъ обнялъ *Аттила* опважнаго юношу и осыпалъ похвалами. Я спояла въ опдаленіи, алкая одного взгляда его; ахъ! онъ, казалось, не замѣчалъ *Ильдегунды*. Тогда же рѣшилась я храбростью и презрѣніемъ всѣхъ опасностей обратитъ на себя его вниманіе, и удача была моею наградою. Сколь часто въ пылу битвы, когда я сражалась подлѣ него, искали меня взоры *Валтера*, и при видѣ носившейся надо мною опасности — рука его не оставалась въ бездѣйствіи для моей защиты. Такимъ образомъ спановились мы необходимѣе другъ другу, не проговоривъ ни одного слова между собою. Первый разговоръ начался между нами, когда *Валтеръ*, по окончаніи того кровопролитнаго сраженія, опыскавъ меня полумертвую среди убитыхъ, принесъ въ спанъ *Аттилы*. Почувствовавъ мгновенное облегченіе отъ сильной лихорадки, увидѣла я *Валтера* подлѣ одра моего. Съ состраданіемъ во взорахъ держалъ онъ меня за руку и спросилъ голосомъ, проникшимъ до глубины души моей: «Каково тебѣ, *Ильдегунда*?» — Хорошо! — опвѣчала я, ибо пожатіе руки его наполняло грудь мою

(*) О смерти *Аттилы* повѣствуютъ иначе: хопя онъ и скончался во время первой ночи послѣ сватъбы, но не отъ руки *Ильдики* (такъ именуютъ испорки невѣсту повелителя Гунновъ), а отъ чрезмѣрнаго наслажденія послѣ дня, проведеннаго въ развратѣ.

напріятнѣйшимъ чувствомъ. «*Ильдегунда!*» продолжалъ онъ: «для чего вмѣшивались пѣбѣ въ кровавыя дѣла воиновъ? Для чего предпочитаешь ты ужасы сраженія безопасности оставаясь позади войска въ кругу другихъ женщинъ?»—Слова сіи уязвили мое сердце;—я отвѣчала съ укоризною: *Валтеръ!* могу ли оставаясь въ бездѣйствіи въ то время, когда тысячи мечей угрожаютъ пвоей жизни? — *Валтеръ* понялъ меня; онъ пожалъ крѣпче мою руку и сказалъ: «*Ильдегунда!* я выдалъ тебя только въ пылу бивъ, наносящую смерть и ужасъ; ахъ, если-бъ любовь пвоя могла равняться пвоей ненависти!»

«При этихъ словахъ усpreмленные на меня пламенные взоры *Валтера* проникли въ мое сердце, и сильное волненіе, возбужденное въ крови моей, повергло снова меня въ безпамятство. Съ этой минутой искренняго доврчивости и непреоборимое другъ къ другу сердечное влеченіе—совокупили насъ неразрывными узами; однако-жъ мы скрывали нашу связь отъ взоровъ *Аттилы*, и памъ, гдѣ опасались быть замѣченными, спарались казаться споль же чуждыми другъ другу, какъ ковыми дѣйствительно были до сего случая. Въ краткихъ словахъ расскажу послѣдовавшее: во время обратнаго перехода чрезъ Рейнъ *Аттилы*, сдѣланнаго для наведенія вновь препенна на слабый Римъ, — *Валтеръ* уговорилъ меня къ побѣгу. «*Ильдегунда!*» сказалъ онъ: «долго ли намъ слѣдовать по кровавому пути *Аттилы*? Къ чему быть намъ учаспниками въ злодѣйствахъ, коими онъ опягощаетъ свою совѣсть? Вѣрь мнѣ, ему не избѣжать судьбы своей, — для чего же намъ учаспвовать въ его гибели? Послѣдуй за мною, *Ильдегунда*; удалимся съ кроваваго поля, покрытаго трупами, ко двору пвоего отца; памъ испрошу я его согласіе на наше соединеніе брачными узами.» — Мы скрылись подъ защипою ночи и щаспливо достигли владѣній моего родителя, короля *Герриха*. Съ умиленіемъ сердца заключилъ меня почтенный спарець въ свои объятія, называлъ радоспнпо преклонныхъ лѣтъ своихъ и благословилъ союзъ нашихъ сердець. Но слишкомъ скоро познали мы, на какомъ шапкомъ основаніи соорудили свое щаспіе.

Едва кончились приговоренія къ нашему бракосочетанію, какъ неожиданно прибыли ко двору отца моего послы *Аттилы*. — Не пребовать обратно въ заложницы бѣжавшую дочь пвою, говорили они, посланы мы отъ царя нашего; но *Аттила*, лишившійся своей супруги *Аспирги*, желаетъ раздѣлить престоль съ *Ильдегундою*. Отдай намъ дочь пвою, дабы мы въ поржествѣ привели еѣ невѣсною къ царю великому. — Въ недоумѣніи и ужасѣ внималъ мой отецъ пребованію *Аттилы*; я препенала; даже *Валтеръ* не могъ скрыть своего смущенія. Если бы мой родитель отказалъ пребованію царя Гунновъ, по сей послѣдній, сдѣлавшись непримиримымъ врагомъ его, не замедлил бы ужаснѣйшимъ мщеніемъ; изъявивъ же согласіе *Аттилы* — значило распоргнуть союзъ нашей любви. Обязанность царя и любовь отеческая боролись между собою; надлежало принестъ въ жертву или дочь или корону. Могъ ли родитель мой рѣшиться, на что либо въ семъ важномъ обстоятельствѣ? Онъ созвалъ совѣтъ изъ вельможъ своихъ. Съ препеномъ ожидали мы, пылающіе неугасимою спраспью, роковаго рѣшенія. Ахъ! возможно-ль было еще надѣяться, когда изреченіе зависло отъ людей, руководимыхъ долгомъ и обязанностью пещись о благодѣспвіи государства, вѣреннаго ихъ управленію? По возвращеніи отца моего изъ совѣта, бросились мы къ ногамъ его, умоляя объявить приговоръ нашей учаспи. Въ сильномъ волненіи прижалъ онъ меня къ своему сердцу.—Собери силы свои, *Ильдегунда!*—сказалъ онъ: ты невѣста *Аттилы!*—Сокрушенная горестпю, при сей роковой вѣспи, упала я безъ чувствъ въ объятія *Валтера*; родитель мой послѣшилъ удалиться; сердце его разрывалось при видѣ моихъ страданій. «Дражайшая *Ильдегунда!*» возразилъ *Валтеръ*, когда я опомнилась: «подобно злему духу вѣспился *Аттила* между нашимъ блаженствомъ, уничтоживъ всѣ сладостныя надежды на щаспливую будущность. Намъ должно разспаться; но не думай, чтобы я когда либо полюбилъ другую! нѣтъ, *Ильдегунда!* это невозможно! Ранняя ли, поздняя ли смерть меня постигнетъ—пвое имя будетъ послѣд-

нимъ словомъ, произнесеннымъ моими ледяными устами. Намъ должно разсѣяться, *Ильдегунда!* но я оставляю тебѣ подарокъ въ воспоминаніе!»—Съ этими словами вынулъ онъ кинжалъ; прорѣзалъ грудь себѣ, и вручая мнѣ оный, продолжалъ: «да напомнишь эта кровь тебѣ, *Ильдегунда*, любовь и вѣрность *Валтера!*» Онъ скрылся; булава оспалась въ рукѣ моей. *Валтеръ!* я поняла тебя! Въ другой разъ пропивъ воли различили меня Гунны съ моею родиною. Мы прибыли въ спянь *Аттилы* въ то самое время, когда сей грозный воитель, смягченный моленіями первосвященника *Льва* и удовольствованный богатыми дарами, принесенными безсильными Римомъ, гоповилъ оспавить *Ипалію* и направивъ бурное, всеокрушающее печеніе свое на Воспокъ. Съ восхищеніемъ была я принята поведицею Гунновъ; великодушно, не оскорбивъ напоминаніемъ о побѣгѣ, заключилъ онъ меня въ свои объятія и сказалъ, что оказанная мною неупрашимость среди опасностей давно воспламенила его любовью. Украсивъ меня ожерельемъ, принадлежавшимъ *Аспирт*, сказалъ онъ: *Ильдегунда*, замѣни мнѣ *Аспирт*! — Я молчала. Мысли мои были заняты единственно злополучнымъ *Валтеромъ*; впаивъ произнесъ вторичный обѣтъ пребыть ему вѣрною, прижала я руку къ мѣсту, скрывавшему кинжалъ — прощальный даръ несчастнаго юноши. — И когда въ прошедшую ночь *Аттила* хотѣлъ раздѣлится со мною ложе, то я обратилась къ нему съ этими словами: Государь! обѣщай мнѣ выполнить одну просьбу!—Съ удовольствіемъ, *Ильдегунда!* возразилъ онъ. — Не касайся меня въ продолженіе этой ночи; да увидишь еще слѣдующее упрямство дѣвственницею, да раздѣлится ложе наше грозный мечъ *Одена*.—Быль по твоему желанію! сказалъ царь, и положилъ обнаженный булава между нами. По совершеніи сего, обратила я лицо свое отъ взоровъ *Аттилы*: ибо ужасалась при одной мысли — привести въ исполненіе принятое мною намѣреніе. Тускло разливалась лампада въ шаптрѣ мерцающей свѣтъ свой, и безмолвіе ночи прерывалось только дыханіемъ спящаго и глубокими вздохами, издававшими по време-

намъ изъ моей спѣсненной груди. Оплеченный оковами сна, думала я: беззащитно лежишь ты подлѣ *Ильдегунды*, грозный испребишель государствъ и народовъ, обвиняемый предъ престоломъ *Миротворителя* кровавыми слезами матерей, женъ и невѣстъ, лишенныхъ побою земнаго щастія. Да будетъ *Провидѣніе*, правящее вселенною, спрогитъ судію прежнимъ твоимъ дѣламъ и пресупленіямъ; но въ сокрушеніи моего благополучія — быль супругою *Валтера*, — я одна пребую отъ тебя опѣта: къ чему же медлишь пиромъ съ невѣстою *Валтера*?—Я схватила мечъ; но дрожащая рука неволью опустила холодное желѣзо; я чувствовала, что свершеніе этаго убійства было свыше силъ женщины. Ободрилась! говорила я сама себѣ: вспомни о *Валтерѣ*, вспомни, что ежели *Аттила* еще въ эту ночь не перейдетъ въ ледяныя объятія смерти, то завтра въ прозрѣнныхъ его объятіяхъ должна ты сама пожертвовать вѣрности, которую клялась сохранить *Валтеру*. — Вторично схватила я мечъ, и рука моя не знала уже препета. Но онъ спитъ! шептала мнѣ совѣсть: если онъ и заслужилъ смерть отъ руки твоей, то по крайней мѣрѣ почти его сонъ, который долженъ быль для тебя священнымъ!—Внимая тяжелому ускоренному дыханію взволнованной груди спящаго, думала я: безъ сомнѣнія рисуешь неперъ сновидѣніе предъ нимъ пріятное глазамъ его зрѣлице быль творцомъ дѣяній, распространяющихъ гибель и разореніе,—и если въ это мгновеніе вонжу булава въ грудь его, то можетъ быль пресѣку исполненіе кровавой мысли души свирѣпой, и человечество будетъ обложено мнѣ симъ дѣяніемъ. Такъ умри же, кровопійца! — Твердою рукою вонзилъ мечъ глубоко въ грудь спящаго. Ударъ былъ вѣренъ: ибо на одно мгновеніе раздался едва слышимый стонъ и за нимъ послѣдовало тихое храпѣніе.

«Гунны! убитый предъ вами. Не осуждайте по одному открытому дѣянію; помните, что вѣрность, въ соблюденіи коей клялась я *Валтеру*, вмѣнила мнѣ въ обязанность свершеніе этаго дѣла; вспомните, что только насильствомъ могла я избѣжать наслія,

Теперь все вамъ извѣстно; я иду на судъ предъ Высшее Судилище!»

При этихъ словахъ *Ильдеунда* упала подлѣ пруда *Аттилы*, тихо споная, и когда полководцы, поспѣшно подошедъ къ ней, отдернули покрывало, то увидѣли кинжалъ *Валтера*, вонзенный по рукоять въ сердце *Ильдеунды*.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

ДВА СЛОВА.

О книгѣ моей: *Сцены на морѣ*.

Нынче у насъ мода — въ липературѣ, собрать подписку на какую либо книгу, и, попомъ, или вовсе не издашь этой книги, или, издашь её.

Но, я еще не принадлежу къ разряду липераторовъ. Мнѣ совѣстно было, мои почтенные, доблестные—*моряки подписчики*, что я, вопъ уже — *два года*, медлил издашь въ свѣтъ мое сочиненіе: *Сцены на морѣ*. У меня камнемъ лежала эта мысль на сердцѣ; хопъ — не я, а обстоятельство были пому виною.— Трудно, во всѣхъ случаяхъ жизни, прокладывать себѣ первую дорогу; особенно человеку — не съ гениемъ, а съ часпицею — таланта; особенно — человеку безденежному.— Ежели-бъ *Н. И. Грегъ* и *Ф. В. Булгаринъ* — не помогли мнѣ, — то, и доселѣ, можетъ быть, печальный дѣла мой — сидѣли-бъ на льги. Наконецъ, сочиненіе мое печатается, и въ непродолжительномъ времени выйдеть въ свѣтъ (*).

Я увѣренъ, что многіе изъ крипиковъ, видяще во всемъ, что у насъ печатается въ Россіи — *подражаніе*, взглянуть и на мое сочиненіе съ этой точки; но я, заранѣе ихъ прошу покорнѣйше, видѣть, если они хопящъ — *подражаніе въ формулѣ* моего сочиненія, а не убиващъ словомъ *подражаніе*, родъ изящныхъ морскихъ сочиненій, начинающій возникать въ нашей липературѣ. Богъ знаетъ когда. Во Франціи, не попому естъ морскіе романы, что подобные же романы существоють въ Америкѣ и въ Англии; а попому, что во Франціи естъ — военный флотъ.— Ежели-бъ

Франція и Америка вовсе не были въ сношеніяхъ между собою, то и тогда во Франціи существовали бы морскіе романы; оянь повпорю: во Франціи естъ — военный флотъ. Въ націи, имѣющей только коммерческія суда — никогда не бытъ морской липературѣ; ибо, *каптейны* сихъ судовъ — люди необразованные, односпоронніе. — Въ Россіи — естъ отличныи военный флотъ, образованные, просвѣщенные моряки: вопъ опъ чего родъ морскихъ изящныхъ сочиненій начинаеть возникать въ нашей липературѣ. Ученая липература флота нашего доказала, что умъ Русскихъ уже сроднился съ моремъ, съ морскими понятіями; изящная морская липература — докажетъ, что сердце, воображеніе Русскихъ — сроднилось съ моремъ; что Россія спановится вполне — мореходною націею!... Сколько бы я могъ нащипать въ нашемъ флотѣ пеперь существующихъ — энпузіастовъ моря, и всего, что принадлежить къ морю!....

Но, я боюсь, чтобы г. *Ротчевъ*, видѣвшій море только во снѣ, и въ сочиненіяхъ *Сю* и *Купера*, — не перещеголялъ насъ моряковъ — въ *Сценахъ на морѣ*?!....

Флота лейтенантъ *Ниль Давидовъ*.

1835,
Января 25.
Дерптъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

Я нилъ блаженство черезъ край,
Къ тебѣ любовью вспламененный;
Моей любви, о другъ безцѣнный,
Не забывай, не забывай!

*

Одинъ швой взглядъ — былъ сердцу рай,
А жизнью мнѣ — швое участие;
Что я шбой поспыгулъ щастье —
Не забывай, не забывай.

*

Равно меня не заставляй
Забывъ, что сердце не забыло —
И хопъ за то меня, другъ милой,
Не забывай, не забывай.

(*) Оно уже напечатано. — В.

О М О Н И М Ъ.

Большая рыба и сперляжьей я породы.
 Малороссійская рѣка,
 И широка, и глубока,
 И рыбой вкусною мои обильны воды.

Въ No 16-мъ, помѣщенный логотипъ значить: *Emeute, meute.*

M O D E S.

Miss *Cock* est arrivée ce matin, chère sœur, et avec elle vos bonnes lettres. Cette figure que je trouvais si laide à Londres, m'a parue charmante à Paris; elle venait de vous voir, et cela embellissait à mes yeux ses traits si durs et si prononcés. Edward prétend que c'est pour lui qu'elle a passé la mer, mais je crois que depuis *trente ans* qu'elle raisonne sur les inconvéniens du mariage, elle ne changera pas son titre de *fileuse* (*) contre celui de *madame*. A propos de cela, je vous dirai que les vieilles filles sont fort rares en France; ici, outre le ridicule qui s'attache à cette position, on en fait presque une injure, et l'on dit: méchante, égoïste comme une vieille fille; chez nous cela est différent: *chaque pays, chaque usage*. Miss *Cock* s'est logée à l'hôtel *Meurice*, le plus *fashionable* hôtel de Paris, où l'on parle également français et anglais; on pourrait presque dire que c'est Londres à Paris, tant on a su y réunir tout ce qui rappelle l'Angleterre et le service anglais. Miss *Cock* a voulu sortir à pied le lendemain de son arrivée: j'hésitais un peu, je vous l'avoue, à cause de son costume *de fraîche débarquée*, mais elle prétend qu'elle *ne voit pas* par la portière des voitures, et vous savez que lorsqu'elle a mis une chose dans sa tête, elle l'y garde. Eh bien! croiriez-vous que sa toilette qui me faisait si peur, a fait l'effet tout contraire de celui que j'attendais? Son manteau, qui est en drap de soie gros bleu, garni en bas d'une bande d'hermine, de la hauteur d'un demi-pied, a un collet fort long, garni de même; le col d'en haut est pareil, de sorte que ce gros bleu, coupé à égale distance par ces trois lignes blanches, est du plus joli effet; plusieurs dames fort élégantes se sont retournées deux ou trois fois en disant: *c'est charmant!* et je ne doute pas que dans quelques jours miss *Cock* ne voie paraître *plusieurs sosies* de son manteau; la pauvre fille sera bien étonnée d'avoir apporté *une mode* à Paris.

(*) Fileuse est le nom que l'on donne en Angleterre aux vieilles filles.

М О Д Ы.

Миссъ *Cock* пріѣхала сегодня утромъ, любезная сестра, и съ нею свои милыя письма. Это лицо, казавшееся мнѣ такъ дурно въ Лондонѣ, въ Парижѣ показалось прелеснымъ; она себя видѣла, и это украшало на мои глаза ея грубыя и рѣзкія черты. *Эдуардъ* утверждаетъ, что она для него перѣехала море; но я полагаю, что размышляя *тридцать лѣтъ* о неудобствахъ замужства, она не промѣняетъ своего шипла *fileuse* (*) на шипло *madame*. Кспати, знаешь ли, что во Франціи рѣдко можно встрѣишь старую дѣвушку; здѣсь, кромѣ посмѣянія, неразлучнаго съ ихъ соспоиеніемъ, оно принято почти за ругательство; говоряшъ: злая, эгоистка, какъ старая дѣвка; у насъ совсѣмъ другое: во всякой землѣ свой обычай. Миссъ *Cock* остановилась въ Опель *Meurice*, самомъ модномъ въ Парижѣ, гдѣ говоряшъ равно хорошо по Французски и по Англійски; можно почти сказать, что это Лондонъ въ Парижѣ; такъ умѣли тамъ соединить все, что напоминаетъ объ Англіи и Англійской прислугѣ. Миссъ *Cock* хопъла на другой день своего пріѣзда иппи пѣшкомъ; я, признаюсь, немного колебалась, по причинѣ ея костюма ново-пріѣзжей; но она утверждаетъ, что ничего не видишь въ дверцы кареты. Ты знаешь, что какъ скоро она возьмѣтъ себя что нибудь въ голову, то это тамъ и останется. Ну, повѣришь ли ты, что нарядъ ея, который такъ меня спрашилъ, произвелъ совсѣмъ противоположное ожидаемому мною дѣйствіе? Платье ея, изъ синяго *drap de soie*, обшитъ внизу горноспаемъ, шириною въ полъша, съ весьма длиннымъ воротникомъ, обшитымъ пѣмъ же мѣхомъ; воротникъ верхній такой же; такъ что эта синяя матерія, перерѣзанная въ ровномъ разстояніи тремя бѣлыми полосами, соспавляла весьма красивый видъ. Многія щеголевато-одѣвныя дамы оберпывались по нѣскольку разъ, говоря: это прелестно! Безъ сомнѣнія чрезъ нѣсколько дней миссъ *Cock* увидишь *нѣсколько двойниковъ* своего плаща. Бѣдная дѣвушка, весьма удивилась, что привезла *моду* въ Париж!

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

(*) Fileuse, названіе, придаваемое въ Англіи старымъ дѣвкамъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 18.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 2 дня 1855 года.

Попавшись въ доведи на шашечной доскѣ,
Зазналась шашка предъ другими,
Забывъ, что изъ одной она и кости съ ними
И на одномъ срабощана спанкѣ.
Игрокъ по прихоти смѣнилъ еѣ другую
И продолжалъ игру, не думая о ней.
При щассть чванство въ прокъ бываетъ у людей;
Но что, скажице! въ немъ, какъ щассть къ намъ спиною?

Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ. ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРПТА. (*Письмо первое.*)

«Уже новое поколѣніе гопово, и ожидаешь пол-
вденія геніевъ-папріоповъ съ Русскимъ серд-
цемъ, съ Русскою смышленостію, съ Русскою
«твердостію и неуспрашимостію — и Русь
«увидитъ свое зодчество, свою живопись, и,
«можетъ бытъ, Русскій хороводъ превратится
«въ оперу, какъ въ Греціи явилась трагедія
«изъ безобразнаго неистоваго праздноства жре-
«цовъ Вакха. Такъ! не путайтесь, юные геніи,
«внимой дикости опечеспвленныхъ идей, не
«оспанавливайтесь на кажущейся грубости
«формъ, очиспните ихъ, не измѣняя въ сущно-
«сти, придайте имъ веледніе, опинимте всё
«лишнее.»

В. Плассинъ.

Проспясь съ побой въ конпоръ дилижан-
совъ, — перекрестясь, я съѣлъ въ дилижансъ
впередѣ съ кондукпоромъ. Восемь пощихъ,
à la Balzac поэпическихъ лошадей, нехотя

пронулись съ мѣспа, и мы—поѣхали. Не смо-
пря на множество поэпическихъ мыслей,
полпившихся въ головѣ моей, и уносящихъ
меня въ сферу — идеальную, я не могъ не
обратитъ на минушу своего вниманія на
экипажъ, въ которомъ ѣхалъ. — Какъ че-
ловѣкъ спалъ прозаически заботиться о са-
момъ себѣ! Какими мелочными, изысканными
удобствами онъ окружилъ жизнь! Онъ при-
велъ, наконецъ, пѣлю свое къ тому, что оно
дѣйствуетъ только въ опношеніи къ желуд-
ку! Физическая жизнь человѣка подобна те-
перь жизни оранжерейнаго распенія, непод-
вижнаго въ горшкѣ своемъ и окруженнаго
всегда одинаковою пемпературою! . . . Не свѣ-
жо, не здорово пѣло наше: не свѣжи, не здра-
вы и мысли наши. Желая знать: новый *Шен-
спиръ*, новый *Монтескѣ*, ознаменуопъ ли бы-
тіе человѣчества? . . .

Случай дороги моей, если можно ихъ на-
звать случаями, были однообразны, какъ од-
нообразна природа, меня окружавшая. Чай,

обѣдъ; чай—на спанціяхъ, куреніе пабаку, и — полько. Кондукпоръ дилижанса, полу-Русскій, полу-Нѣмецъ, сидѣвшій ошуюю меня, хопя и говорилъ хорошо по Русски, — былъ молчаливъ, деревяненъ, какъ.... Чухонецъ de pur sang, какъ Чухонецъ de race.

Мы знакомимся съ вещами, полько чрезъ сравненіе ихъ между собою. Чѣмъ далѣе я подавался на западъ, тѣмъ болѣе Русь исчезала изъ глазъ моихъ; тѣмъ болѣе — не-Русское поражало мои глаза и уши; болѣе—глаза, чѣмъ—уши: Чухны сполько же не-говорливы, сколько говорливы Русскіе. Французскіе классики, видя воцаряющійся романтизмъ, грустили о *пластической красотѣ*, имъ бы стоило полько переѣхать изъ Франціи въ наши Остѣ-Зейскія губерніи, и—любоваться пластическою, неподвижною красою—Чухонь. И, какъ послѣднія классическія произведенія липературы ничто иное, какъ пародія на липературу Грековъ, такъ почно неподвижный пластическій Чухонь есть пародія на пластическія произведенія Грековъ.

Віс: мы знакомимся съ вещами, полько чрезъ сравненіе ихъ между собою. Я не умѣлъ пакъ хорошо цѣнить живость, поэзію, колоссальность характера Руссовъ, пока не увидѣлъ вблизи, въ подробностяхъ—жизнь, хопя одного иноплеменнаго народа.

Наша Русская ѣзда — любо, что за ѣзда! Это поэма!... Ямщикъ вскочилъ на козлы, и всѣ жилки въ немъ заговорили! Онъ въ воспоргъ мыслей и чувствованій! Онъ остеръ—и заспавляетъ хохотать! онъ унылъ—и заспавляетъ плакать!... А эпоть колокольчикъ *ревунъ*, съ надписью: *купи — не скупись, гулль — веселись!* привязанный къ дугъ, по спихающій въ адажію, по громкій, поржеспенный, какъ аллегро!... А эпхи борзые кони, понимающіе малѣйшее движеніе шапки, рукавицы своего хозяина, бѣгушіе однообразною, какъ грусть, рысью, когда онъ поетъ грустную пѣсню,—и, съ *льста маршъ маршъ*, когда онъ вдругъ грянетъ плясовую!... Но, мнѣ кажется, что я пародирую моими словами одну изъ поэтическихъ черпъ жизни Руссовъ.

Ясно, что на святой Руси, по ея обширности, по опдаленности городовъ одного отъ другаго, — болѣе чѣмъ въ какомъ либо государствѣ долженствовала развиться поэзія ѣзды. — Русскій неперцѣливъ; ему бы *тляъ, да ляъ: да и соорился корабль*; вопъ начало скорости ѣзды въ Россіи. Русскій словоохотенъ; онъ любитъ слушать рассказы; вопъ начало колокольчиковъ; дорожный слушаетъ хопя болтовню колокольчика. У Русскаго не спятъ мысли, не спитъ воображеніе; онъ любитъ сосредоточивать ихъ не въ себя, а въ другомъ: онъ любитъ радоваться — чужой радости, горевать о чужомъ горѣ; и вопъ дорожный Русскій сосредоточиваетъ свои мысли и чувствованія въ пемъ пѣсни.

А — Чухонская ѣзда?....

Карлицы-лошадки бѣгутъ, разумѣется — бѣгутъ, попому что и здѣсь ихъ погоняютъ; но, какъ-то бѣгутъ прозаически, мѣшковато. Въ нихъ не переходитъ поэтическая душа—ямщика; онъ не умѣетъ перелить её въ нихъ, попому, что у него самого, если есть душа, то душа самая прозаическая. — Ямщикъ, какъ кукла, порчитъ на козлахъ. Онъ шевелится машинально, чтобъ или дернуть возжу, или ударить лошадь. Онъ не взглянетъ на сторону, попому что для него нѣтъ ничего поэтическаго, ничего поражающаго чувства въ предметахъ. Онъ не вымолвитъ ни слова; ибо слова супъ чада мыслей, чувствованій. — Витъ и Русскій ямщикъ тоже ѣздитъ отъ одной и той же спанціи — къ другой; однако онъ всегда найдетъ что нибудь новое въ предметахъ: ибо съ новой поэтической споры взглянетъ на нихъ.

Сравнимъ теперъ Русскую лошадиную сбрую съ Ливонскою. Чухонцу не наплунуть и *супони* нашего хомуца. — Въ Русской упряжи всё крѣпко, всё надежно, всё пуго; въ Нѣмецкой—всё щепетильно, связано узлами, безобразно. — Не проявляется ли и въ эпоть характеръ народа?

Посмотримъ на худоцаваго Ливонца, завернувшася въ сѣрую нескладную шинель, съ глупымъ плапкомъ на шеѣ, съ деревянной прубкой въ зубахъ, сидящаго преспрада-

пельно въ своей фурѣ, безжизненно погруженнаго въ самаго себя; и взгляни на Русскаго извозчика, съ голой аплепической шей, съ пудовою обувью на ногахъ, шагающаго сонни верспъ за возомъ; вся душа его перешла въ звуки и слова пѣсни, копорую онъ поеспъ...

Да! скажемъ съ воспоргомъ: сильна, могуча Русь! Богатырская кровь печепъ въ жилахъ сынахъ ея; поэзія—грѣпъ ихъ въ морозъ, услаждаетъ въ степяхъ Саратовскихъ. Взгляни на селеніе Чухонское и на селеніе Русское. Какая разница между ними!... Избы Чухонъ спояпъ разбросаны далеко одна опъ другой; избы Русской деревни спояпъ улицею, рядомъ одна съ другой, пѣсно жмупся одна къ другой!... Не проявляепся ли и въ эпомъ характеръ народа? Русскій идепъ рука объ руку съ Русскимъ и въ радостяхъ и въ горь, и въ чувспвѣ любви къ родниъ, и въ чувспвѣ любви къ Царю, благоговѣнія къ Вѣрѣ! Русской любви какъ можно ближе быпъ къ Русскому, соспавляпъ одно пѣло, одну душу, живпъ душа въ душу!... Въ Россіи разошлось чувство *общности*, но не развилось еще, и дай Богъ, чпобъ никогда не развилось,—чувство эгоиспическое — *особилка!*.. Пупсъ эпо будепъ всегдашнимъ пипомъ народа Русскаго. Но врядъ ли эпо возможно. Умъ задушилъ сердце, и тогда Россію уже нельзя будепъ называпъ: *Святого Русью!* Порадуемся: мы съ побою не доживемъ до эпого.

Спавя почку,—я доvezъ тебѣ до послѣдней станціи передъ Дерптомъ. Пупешествіе наше было скорое, мечпательное, воздушное.

Въ слѣдующемъ письмѣ я поспараюсъ изобразить тебѣ карпину Дерпта и его окреспноспей. Эпо описаніе будепъ нѣчто въ родѣ фанпасмагорического видѣнія профессора *Мишо*, копорое, начиная опъ почки, распепъ, распепъ до чудовищности.

Но описаніе тогда только поняпно, когда мы знаемъ сущность духа — автора.

Въ слѣдующемъ письмѣ я покажу тебѣ и самаго себя—сколько эпо возможно. Сердце

человѣческое неопредѣлимо, неописуемо. Ты вполне не знаешь меня, пакже какъ и я самъ вполне себя не знаю.

Авторъ Вегеринки молодыхъ людей.

(Будепъ продолженіе.)

1835 года,
Января 17-го.
Дерптъ.

МОГИЛА АТТИЛЫ.

(*Описание.*)

III.

На живописномъ берегу рѣки Минціо, въ помъ мѣспѣ, гдѣ воды ея сливаются съ рѣкою По, прудились тридцать Римскихъ невольниковъ надъ приговореніемъ могилы для царя Гунновъ.—*Публій!* сказалъ одинъ изъ нихъ,—снилось ли *Аттиль*, чпо руки Римлянъ вырорупъ для него могилу?

«Не гордишься ли ты эпою работою?» спросилъ *Публій*. «Безумный, вспомнилъ ли ты о помъ, чпо эпо самая могила, нами вырываемая, назначена сокрыпъ насъ съ лица земли, чпо бездушныя пѣла наши будупъ служипъ помостомъ гробу *Аттилы*?»

Первый. Развѣ всегда думапъ только о своей участи? Забыпъ ли намъ, чпо мы Римляне, чпо наше опечесство, спонавшее опъ пляжеспи оковъ, наложенныхъ *Аттилою*, избавилось люпѣйшаго врага своего?

Второй. Люпѣйшаго врага—сказалъ ты?—Римъ люпѣйшій врагъ самому себѣ; подобно Сатурну, поглощаетъ онъ собспвенныхъ своихъ дѣпей.

Первый. Если Императоръ извѣспился о смерти *Аттилы*, тогда не замедлипъ увеселяпъ народъ празднествами и зрѣлищами.

Второй. Не сходспвуепъ ли эпо съ радостію сьумасшедшаго, съ коего сняли благодѣпельныя узы, удерживавшія его опъ нанесенія вреда самому себѣ? Развѣ не *Аттила* поддерживалъ пламень жизни успарѣшаго Рима?

Первый. Еще не споль глубоко погрязъ Римъ въ безднѣ разврапа, чпобы не быпъ

въ соспояніи возсіянь со временемъ вновь величіемъ; въ Римлянахъ не исчезъ еще духъ свободы и славы!

«Какъ прекрасно,» прервалъ другой насмѣшливо: «согласуется сказанное побоею съ звукомъ оковъ невольника!»

Въ это мгновение подошли Гунны, сморщившіе за работою и прохаживавшіеся въ опдаленіи. — О чемъ заговорились вы, рабы ничтожные? — вскричали они, держа въ рукахъ подъяльные бичи свои, — проворный за работу!

Безмолвно продолжали Римляне вырывать могилу, выбрасывая комья земли изъ углубленій.

По удаленіи смопришелей—двое другихъ невольниковъ начали тихій разговоръ между собою. «Скажи, *Сервій*,» произнесъ одинъ изъ нихъ: «о комъ скапцилась пеперь слеза изъ пвонхъ глазъ?»

— То была жертва приношенія усопшему! — отвѣчалъ вопрошаемый.

Первый. Какъ? Ты плачешь объ *Аттиль*, врагъ нашего отечества?

Второй. Не осуждай слезу сію. Я писалъ непаиснь полько къ живому; мерпвый имѣеть право на уваженіе. Подобно сокрушающему урагану протекалъ онъ подлунную, очищая зараженную атмосферу. Испровергалъ вспрѣчаемая препятствія — свойспвенно урагану. Тяжкая болѣзнь исцѣляется полько сильными средствами. — *Аттила* былъ человекъ великій; не осуждай слезу, посвященную его праху!

Первый. Ты называешь его великимъ? — *Аттила* былъ никто иной, какъ свирѣпый, ненасыпный завоеватель; онъ находилъ удовольствіе въ опустошеніи цвѣтущихъ странъ, въ наводненіи ихъ несмыпнымъ воинствомъ подвластныхъ ему народовъ. Гибель людей была ему забавой!

Второй. Могли ли наши развращенные, унижившіеся соотечественники приобрьсть его уваженіе? Будемъ справедливы, *Туллій*! Римляне были виною, что онъ пересталъ вѣрвать человечеству. Я могу разсказать

тебѣ о многихъ дѣяніяхъ, сіяющихъ величіемъ души *Аттилы*! — Извѣстенъ ли тебѣ его поспупокъ съ спихопворцемъ *Маруломъ* изъ Калабрій? По вшествіи *Аттилы* въ Падую, пригласилъ сей низкій льстець царя, его полководцовъ и знатнѣйшихъ гражданъ города присутствовать при чтеніи сочиненнаго имъ спихопворенія. *Аттила* былъ героемъ поэмы. Безмѣрными похвалами превозносилъ поэтъ дѣянія завоевателя, приписывалъ ему чеспъ побѣды на Капалаунскихъ равнинахъ, обращеніе въ пепель Аквилей называлъ знаменитымъ дѣяніемъ. Тебя, о *Аттила*, сказалъ онъ въ заключеніе: коего дѣянія преисполнили міръ удивленіемъ, тебя не могла родить смерпная; пы сынъ безсмерпныхъ небожипелей! — Въ сіе мгновение вспалъ съ скоростію съ своего мѣспа *Аттила*, давно уже внимавшій съ гнѣвнымъ челомъ похваламъ спихопворца; глаза его сверкали гибелью. Сынъ лжи! воскликнулъ онъ: такъ-то упопреляешь пы къ безстыдной лести, къ низкому, наглому ласкаельству прекрасный даръ поэзіи, дарованный тебѣ богами? Какъ смѣешь называть меня побѣдипелемъ на Капалаунскихъ равнинахъ, гдѣ тяжкій перспъ судьбы меня преспѣдовалъ? Смѣешь ли пы восхвалять меня за взяпие Аквилей, ужасы коего пребудуть мнѣ вѣчнымъ упрекомъ, ибо я слѣдовалъ погда однимъ внушеніемъ своего непреодолимаго гнѣва? Какъ наконецъ дерзнулъ пы поспавипь меня, ничтожнаго сына перспи, на одну степень съ безсмерпными богами? За таковое хуленіе будешь пы сожженъ на кострѣ и вмѣспъ съ побоею предастся пламени лживое пвое спихопвореніе. Схвапипе его! — Спража спѣшила исполпипь повелѣніе грознаго владыки; но въ это время съдовласый *Эдекоизъ* приближился къ *Аттиль*. Государь! сказалъ онъ: сей несчастный заслуживаетъ по всей справедливости наказаніе, опредѣленное ему побоею; но вспомни, что и правдолюбивые современные писатели, устращенные поспигшимъ его жребіемъ, не осмѣялись описывать пвоп дѣлнія, изъ опасенія подобной участи! — При сихъ словахъ попупилъ взоры *Аттила*, и пребывъ нѣсколько минупъ въ молчаніи, какъ бы взвѣ-

шивая справедливость сказаннаго *Эдеконоль*, попомъ воскликнулъ: Нѣтъ, я не желаю, чтобы истина сомкнула уста писателей-современниковъ, изъ одного опасенія подвергнувшись подобному спрогому наказанію, какое было назначилъ я эпому безспыдному спихопворцу! Я дарую тебѣ жизнь, низкій ласкапель; но спрашишь явись въ моемъ присупспивіи! — Скажи, *Туллій*, не былъ ли сей поступокъ великъ и благороденъ, не служилъ ли онъ доказательспивомъ неколебимаго правдолюбія? Римлянинъ наградилъ бы низкую леспъ сію; *Аттилі* нашелъ её достпойною наказанія.

Первый. Однако-жь царь Гунновъ часпо хопѣлъ прикрыть одеждою любви къ испи-нѣ хваспливое, безпредѣльное самовласпіе. Такъ во время быпности въ Миланѣ увидѣлъ онъ въ Императорскомъ дворцѣ карпину, изображающую повелителей востока и запада, сидящими на престолахъ. У ногъ ихъ лежали въ оковахъ князья Скифскіе. Возрѣніе на предспавленное униженіе сихъ послѣднихъ пробудило негодование *Аттилы*. Если-бъ онъ приказалъ испребилъ эпуг карпину, погда-бъ я не спалъ порицать его. Но что сдѣлалъ повелитель Гунновъ? Онъ велѣлъ переписать эпуг карпину, изобразивъ себя сидящимъ на пресполь, а обоихъ Императоровъ несущими на раменахъ своихъ въ униженномъ положеніи мѣшки съ деньгами, желалъ тѣмъ выразить обязанность данниковъ. Въ семъ поступкѣ видно одно лишь безпредѣльно-гордое своеволіе побѣдителя.

Второй. Не осуждай споль спрого! Смѣшное высокомѣріе, выказывавшееся на пощ карпинѣ, заслуживало позорнаго наказанія. Но пише! Смотри, шамъ несупъ уже гробъ *Аттилы*. Онъ сдѣланъ изъ желѣза, но въ немъ сокрыты еще серебряный и золотой гробы, и въ послѣднемъ покоился спрупъ убиваго. *Туллій*! это эмблема царя! Суровая наружность скрывала прекрасное, благородное его сердце.

Тридцать человекъ другихъ Римскихъ невольниковъ спибались подъ тяжестію несомаго ими бремени. На тяжелыхъ дѣпяхъ

опустили гробъ въ яму; съ лицами, покрытыми смерпельною блѣдностью, спояли невольники на колѣнахъ вокругъ могилы. По мановенію *Ореста*, сверкнули кинжалы Гунновъ, и пронзенные плѣнники, вмѣсто жерпвоприношенія, пали въ опверзпую могилу.

Глубокое безмолвіе, воцарившееся въ окреспности, оспяпало сіе поржеспвенное мгновение, и между тѣмъ, какъ Гунны засыпали могилу и накапывали на онуг спяжелый опломокъ граниппа, много горькихъ слезъ заживо погребенныхъ жерпвъ изсохло надъ гробомъ *Аттилы*.

IV.

Клики радости и веселія раздавались на спогнахъ Рима по полученіи извѣстія о смерпши *Аттилы*. По приказанію Императора *Валентиніана* служили во всѣхъ церквахъ благодарспвенные молебны, и не жалѣли государспвенной казны на превращеніе народа въ толпы неисповыхъ жрецовъ Вакха. Самъ Императоръ забавлялся въ своихъ черпогахъ предспавленіями скомороховъ и нахальными плясками легкомысленныхъ панцорокъ.

Ираклій, любимецъ *Валентиніана*, вывелъ его изъ упоенія радости. Съ видомъ спинспвенности подалъ онъ знакъ Императору слѣдовать за нимъ въ уединенную комнапу.

«Государь! сказалъ хипрый придворный: «не предавайся беззаботно веселію. Могуспвенный врагъ твой умеръ въ *Аттиль*, но споль же могуспвенный угрожаетъ замтнить его.»

Валентиніанъ. *Ираклій*! ты ужасаешь меня. Смотри, я дрожу всѣмъ тѣломъ, не зная еще кого ты подразумѣваешь.

Ираклій. Что скажешь, если я назову *Авцій*!

Валентиніанъ. *Авцій*? мой полководецъ? Нѣтъ, *Ираклій*, ты наспрацалъ меня безъ причины. — *Авцій* мнѣ преданъ. Единспвенно его мужеспству и опыпности обязаны мы остановленіемъ побѣдоноснаго шеспвія *Аттилы*; въ безчисленныхъ битвахъ подвергалъ онъ за меня жизнь свою опасности. Нѣтъ, онъ не можетъ быть врагомъ моимъ!

Ираклій. Не пвою пользу имѣли цѣлю по-
двиги *Азійя*; они клонились единспвенно къ
его собспвенному возвышенію! Всѣ его дѣя-
нія ничто иное, какъ порожденія необуздан-
наго честолюбія. Онъ желалъ гибели *Аттилы*
попому, что ненавидѣлъ въ немъ соперни-
ка своей славы; и теперь—когда смерть ско-
сила сего послѣдняго, *Азійя* не замедлилъ
лишитъ тебя престола.—Развѣ ты забылъ,
съ какою дерзоспью, съ какимъ презрѣніемъ
выражался онъ въ присупспвіи пвоеого ве-
личеспва и всепреспвлѣйшей пвоеой роди-
пельницы? Какъ часто говаривалъ онъ даже
въ государспвенномъ Совѣтѣ, что никому
не позволитъ судитъ о своихъ дѣяніяхъ, и
никому, кромѣ себя, не обязанъ даватъ въ
нихъ опчета?—Таковая надменность, дер-
зоспная самонадѣянность, таковое ненасы-
пимое честолюбіе—обличающъ уже въ немъ
государспвеннаго предапела.—Вчера, оста-
вивъ столицу, отпрапился онъ по дорогѣ,
ведущей къ городу Манпуѣ. Между тѣмъ,
какъ ты наслаждаешься здѣсь увеселеніями,
заключаешъ онъ къ пвоеой гибели союзъ съ
полководцами Гунновъ, и когорты, пoboю
ему вѣренныя, будутъ безъ замедленія упо-
спреблены имъ къ низверженію особы пвоеой
съ престола.

Валентиніанъ. Оспановись, *Ираклій!* Развѣ
ты не замѣчаешъ, что опъ ужасныхъ словъ
пвоихъ покрылись блѣдностью мои ланицы?
Говори, подай совѣтъ: какимъ средспвомъ
опврапиль угрожающую опасность?

Ираклій. Предоспавь мнѣ свободу дѣйспво-
ватъ, и опасность будетъ опвращена безъ
запруденія.

Валентиніанъ. Изволь, любезный *Ираклій*;
дѣйспвуй по пвоему благоусмотрѣнію. Смо-
при, еще пренещу я всемъ тѣломъ опъ
ужаса, поразившаго душу мою при извѣстіи,
повѣданномъ пoboю. Я спѣшу въ залы весе-
лія оправилься опъ спраха въ объпніяхъ
красавиць. Дѣйспвуй за меня, за пвоеого го-
сударя, слышишь ли, *Ираклій!*

«Опврапиль опасность не прудно!» ска-
залъ про себя наперсникъ, смонря вслѣдъ

ушедшему Императору. «Два кинжала изба-
вятъ насъ опъ высокомернаго воппеля, и
погда Императрица *Плацидія* и *Ираклій* раз-
дѣлятъ между собою правленіе Запада.»

V.

Глубокое безмолвіе царспвовало окреспъ
могильнаго памяпника *Аттилы*; по совер-
шеніи погребенія грознаго владыки Гунны
немедленно оставили Италію и обрапильсь
къ Панноніи. *Азійя* прибылъ въ покинутый
спанъ ихъ, и окинувъ быспрымъ окомъ
окружность, узрѣлъ огромный опломокъ
граница, глубоко вдавшійся въ рыхлую зем-
лю. Глухо шумѣли волны прозрачно-теку-
щей рѣки Минчіо; порывиспый вѣперъ ко-
лебалъ вѣпви лавроваго дерева, осѣнявшаго
надгробный памяпникъ, и большой орелъ
величеспвенно парилъ въ воздушномъ про-
спранспвѣ.

«Такъ вопъ мѣспо,» воскликнулъ *Азійя*:
«гдѣ покоишься прахъ пвой, *Аттила!* Мы
ненавидѣли и любили другъ друга; но съ
пвоею смерпью угасла ненавистъ, и во мнѣ
пламенѣетъ только одна любовь къ тебѣ,
великій смерпный. Покойся съ миромъ въ
пихой могиль!—Судьба положила предѣлъ
пвоимъ побѣдамъ; меня же мчитъ еще да-
лѣе бурная волна жизненнаго моря, и не-
спѣнное число несслыханныхъ дѣяній возра-
ждающся, пѣсняпся въ волнующейся груди
моей.—Въ семь мѣспѣ, сказывала прорица-
пельница, получу я опвѣтъ на мои вопро-
сы; здѣсь раскроется предо мною непрои-
цаемая завѣса будущности. Быть пакъ; по-
вѣдай же судьба сокровенное опъ взоровъ
смерпнаго! Я пвердо рѣшилъ внимать
тебѣ. . . .»

Въ эпо мгновение бросились изъ куспар-
ника убійцы, обольщенные золотомъ *Ираклія*,
и пронзенный ихъ кинжалами, палъ *Азійя* на
могильный памяпникъ *Аттилы*.

Съ Нѣмец. перев. *Евгеній Ивогъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ НЕЗНАЕМОЙ ПѢВИЦѢ.

Зачѣмъ, невѣдомая, ты
 Меня такъ грустно воскресила;
 Давно уснувшія мечты,
 Зачѣмъ такъ бурно пробудила?...
 Душа спала; но голосъ твой
 Прогналъ холодное забвенье,
 И позабытое волненье
 Смѣнило шягоспный покой.
 Зачѣмъ нескромною рукою,
 Съ гробницы черный прахъ сметаешь,
 И въ спертыхъ буквахъ оживляешь
 Давно разбитое грозою.
 Ты пѣла—и минувшихъ дней
 Во мнѣ разыграло всё бывшее,
 И тяжелый въ груди мой,
 И сильно щемитъ рептивное.—
 Встолпились думы, свѣтъ и мракъ
 Забороздили жизни поле;
 Безбрежное, разыграло море;
 Минувшихъ чувствъ возспалъ призракъ!—
 Такъ, шѣ же звуки неземные,
 Такъ, щотъ же голосъ помню я;
 И снова, та-жь въ очахъ слеза,
 И снова шѣ-жь мечты былыя.
 О переспань,—зачѣмъ вскрываешь
 Могилы шайну въковую;
 Зачѣмъ её, давно нѣмую,
 Изъ безднъ забвенья вызываешь!....

II. Ослецкій.

Генваря 31-го.

КЪ Р.

Привѣтствую тебя, поэтъ
 Красавицы самолюбивой!
 Въ стихахъ мечты швоей щасливой
 Узналъ я вътрєнный поршрешъ
 Марии вѣчно-горделивой.
 Онъ очень сходенъ, очень милъ,
 Напѣвъ швой спроевъ, не унылъ;

Безъ грусти мрачной, безъ спраданья
 Твои безпечныя желанья.
 Въ швоихъ стихахъ завѣсныхъ нѣтъ
 Ни элегической разлуки,
 Ни горькихъ слезъ, ни долгой муки,
 Имъ чуждъ любви безумный бредъ.
 Щасливой юности поэтъ,
 Я знаю пламенную дѣву.
 Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю я стихамъ;
 Но я завидую напѣву,—
 Твоимъ обманчивымъ мечтамъ.

Н. Грєковъ.

ÉNIGME - ANAGRAMMATIQUE.

En fer, en bois, je suis d'un grand usage ;
 Aux importuns je ferme le passage.
 Mes cinq pieds rangés autrement,
 Vont nous offrir alternativement
 Des fleurs, des fruits et de l'ombrage.

Въ No 17-мъ, помѣщенный ономимъ значить: *Осетръ.*

MODÈS.

Nous sommes allées à la représentation de la *Somnambula*, où Mlle Grisi et Rubini ont été ce qu'ils sont toujours, c'est-à-dire admirables; presque toutes les femmes étaient en habits parés, et prêtes pour des soirées dansantes.

J'ai remarqué une jeune femme, coiffée d'un chapeau de velours noir, à bord plat relevé, posé très en arrière, formant auréole; trois plumes blanches magnifiques, étagées sur le côté gauche, la dernière tombait sur l'épaule; deux grosses touffes de cheveux bruns mêlés avec des nœuds de ruban de satin noir; robe de velours vert-azuré, larges manches courtes, collerette de blonde décolletée; elle n'a pas quitté un boa noir tourné trois fois autour de son cou.

Une autre avait des cheveux noirs en bandeau, un bonnet de *tulle illusion*, tellement mêlé avec des rubans couleur de rose pâle, que tout cela semblait une nuée transparente: la robe, de mousseline des Indes, rattachée d'une échelle de rubans comme ceux du bonnet, un très-gros nœud au milieu de la poitrine, dont les bouts tombaient jusqu'aux genoux; une polo-

наше en crêpe de Chine rose, entourée de cygnes; les manches étaient longues, avec des nœuds aux poignets; la robe drapée, sans aucun ornement ni en haut, ni en bas.

Deux jeunes sœurs, fort jolies et si ressemblantes que l'une paraissait le reflet de l'autre, mises de même, les cheveux blonds en bandeau, nattés très-bas par derrière; deux chaînes émaillées en noir, réunies au milieu du front par une plaquette émail noir: robes de crêpe rose, ceintures de ruban pareil, manches courtes, gants blancs garnis de rubans roses, les robes faites à la *Marie-Stuart*, sans blondes. Leur mère, qui paraissait excessivement jeune, était coiffée avec deux touffes de cheveux *semées* de géranium des champs; une robe de satin broché blanc sur blanc; une écharpe cerisé; la coiffure assez élevée par derrière était ornée d'un nœud de satin cerise.

Miss *Cock* était enchantée; les mœurs parisiennes la ravissent, et elle perd tous les jours de sa gravité. Pour moi, je ne saurais trop me louer des Français; en général les hommes ici aiment beaucoup les Anglaises; aussi ai-je *une cour* fort nombreuse. Edward s'est lié avec un jeune Français nommé *Georges Selmur*; il prétend qu'en remontant à quelques générations *il est Anglais par les femmes*, et s'appuie de cet argument pour ne pas me quitter. — *Qui sait? dit-il, je suis peut-être votre parent.*

Adieu, bonne *Nansy*, aimez-moi comme je vous aime, et pensez à votre *Sarah*.

Pl. No 7. Phaëton.

М О Д Ы.

Мы были въ представлении *Somnambula*, гдѣ г-жа *Grisi* и *Рубини* были таковы, какъ всегда, то есть превосходны; всѣ почти женщины были въ нарядныхъ платьяхъ, готовыхъ на танцовальныя вечера.

Я замѣтила одну молодую даму, въ черной бархатной шляпкѣ, съ плоскимъ приподнятымъ полемъ, надѣтой весьма назадъ, въ видѣ сяннѣ; при бѣлѣ пера съ лѣвой стороны, одно друго ниже, послѣднее упало на плечо; спереди два большіе куска темныхъ волосъ, перемѣшанныхъ съ баншами изъ черныхъ апласныхъ лентъ;

платье голубовато-зеленое, съ широкими короткими перчатками; блондовая открывшая колрешка. Она не снимала чернаго боа, обернутого въ три раза около шеи.

У другой гладкіе черные волосы; чепчикъ изъ шюля *illusion*, какъ перемѣшаннаго съ блѣдно-розовыми лентами, что все вмѣстѣ это казалось прозрачнымъ облакомъ; платье изъ Индѣйской кисей, съ льспинцею изъ шѣхъ же лентъ, что на чепчикъ; большой баншъ по срединѣ груди, отъ кошораго концы висѣли до коленъ; *rolonaise* изъ Китайскаго розоваго крепа, обшитъ лебяжьимъ пухомъ; рукава длинныя, съ баншами у кистей; платье драпировано, безъ всякой опдѣлки внизу и сверху.

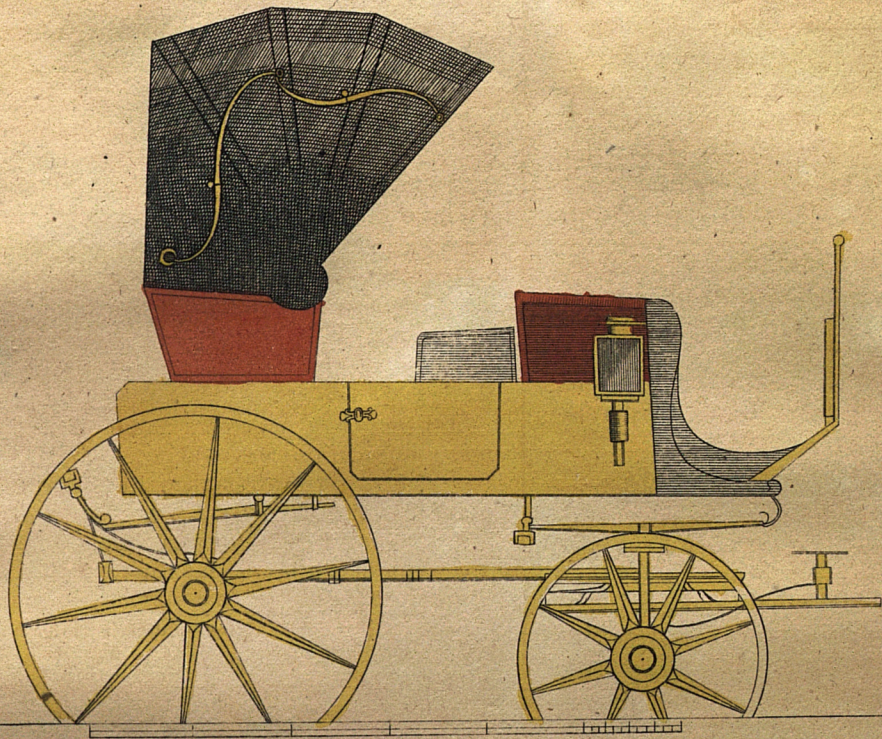
Двѣ молодыя сестры, очень не дурныя собою и такъ похожія между собою, что одна казалась опблескомъ другой, одѣты одинаково; бѣлокурые волосы положены гладко, сзади косы весьма низко; двѣ цѣпочки съ черной эмалью, схвачены въ срединѣ лба черной эмалевою бляхою; платья розовыя креповыя, пояса того же цвѣта, рукава короткіе; бѣлыя перчатки, опдѣланныя розовыми лентами. Платья сдѣланы à la *Marie-Stuart*, безъ блонды. Мать ихъ, казавшаяся чрезвычайно молода, причесана была съ двумя кусками волосъ, усѣянными полевымъ гераніумомъ; платье изъ запканнаго бѣлаго апласа; розовый шарфъ; прическа сзади довольно высока, съ баншомъ изъ апласныхъ лентъ вишневаго цвѣта.

Миссъ *Cock* была въ восхищеніи; Парижскіе нравы ея прельщаютъ; она всякой день перелетъ понемногу своей важности. Я же не могу довольно хвалиться Французами; вообще здѣсь мужчины очень любятъ Англичанокъ, и пошому весьма многіе мною занимаются. *Эдуардъ* подружился съ однимъ Французомъ *Жоржемъ Selmur*; онъ утверждаетъ, что взявъ нѣсколько поколѣній назадъ, онъ Англичанинъ по женской линіи, и опирается на это въ доводъ, чтобы быть всегда со мною. Кто знаетъ? говорите онъ: можете быть я вамъ родня.

Прощай, добрая *Нанси*, люби меня, какъ я тебя люблю, и не забывай свою *Sary*.

Карп. No 7. Фаэтонъ.

N° 7th Numeri. Nuovo. Tav. P. H.

Phaeton.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 19.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 6 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Зачѣмъ же мнѣ
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачѣмъ
Вы мнѣ поплъ часъ не показали?
Зачѣмъ, скажите, мнѣ внимали
Вы такъ прѣвѣтно между шѣмъ?
Зачѣмъ, глаза мои вспрѣчая,
Не отводили вашихъ глазъ?

Е. Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАБОЧАЯ ЖИВОПИСЦА.

(Эпизодъ изъ жизни художника.)

Въ молодости, я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, въ этомъ саду Европы, въ этомъ театръ изящныхъ искусствъ. Я осматривалъ всѣ мѣста, знаменитыя въ исторіи, и посѣщалъ масперскія извѣстнѣйшихъ живописцовъ и ваятелей. Въ то время познакомился я съ *Ринальди*, молодымъ художникомъ, одареннымъ отъ природы прекраснымъ талантомъ и отличнымъ умомъ. Мы скоро сдѣлались друзьями. Я почти не разставался съ нимъ, и присутствуя при его занятіяхъ, подавалъ ему совѣты, которые онъ съ удовольствіемъ выслушивалъ и которые иногда служили ему въ пользу.

Инокіи монашья *Монте-Кассино* заказали *Ринальди* картину, изображающую *Благовѣщеніе*, и обѣщали заплатить ему значительную сумму, если картина эта будетъ го-

пова къ извѣстному сроку. *Ринальди*, не опкладывая, принялся за работу.

Извѣстно, что въ Римѣ путешественники имѣютъ свободный доступъ въ масперскія художниковъ, которые подвергаются отъ эпаго большимъ непріятностямъ; поминутно прерываемые мнимыми знапоками, которые бздятъ по свѣту выказываютъ свое невѣжество, и хопятъ все видѣть для того только, чтобы сказать, что они все видѣли, — бѣдные арписы часпо изъ двадцати скучныхъ посѣтителей едва находятъ одного, способнаго оцѣнить ихъ искусство, и сдѣлать свое одобреніе лестнымъ для ихъ самолюбія. Къ *Ринальди* такъ же со всѣхъ сторонъ собирались такъ называемые любители. Каждый высказывалъ свое мнѣніе, и художникъ не зналъ, чему вѣрится въ этомъ хаосѣ различныхъ сужденій объ его произведеніи. Одинъ находилъ, что краски его слишкомъ ярки, другой, что онъ черезъ чуръ блѣденъ, и я часпо бывалъ свидѣтелемъ, какъ

Ринальди, который, по слабости характера, принималъ къ сердцу всѣ полки эпитетовъ не-прошенныхъ совѣтниковъ, бросалъ съ опчаянія кисель и гоповъ былъ опказаться опъ своего искусства.

Однажды я, по обыкновенію, сидѣлъ у *Ринальди*, когда его посѣтили нѣсколько любителей. Замѣчанія ихъ не имѣли другаго достоинства, кромѣ того, что служили къ испытанію перпендія моего друга; но по уходѣ ихъ, мы замѣтили человека лѣтъ пятидесяти, который сидѣлъ пропивъ недоконченной картины *Ринальди* и смотрѣлъ на неё глазами, полными слѣзъ. Нѣсколько минулъ онъ, по видимому, не замѣчалъ насъ, но потомъ тяжело вздохнулъ и обратился къ живописцу.

— Назначьте цѣну вашей картины, — сказалъ онъ ему: и я у васъ беру её. —

Ринальди возразилъ незнакомцу, что картина уже продана, и предложилъ написать съ неё копию.

— Нѣтъ, я хочу имѣть эту именно, — отвѣчалъ попъ, и взглянулъ на насъ такъ странно, что *Ринальди*, чтобъ только опъ него опдѣлаться, назначилъ ему припипи на другой день. Онъ поклонился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ, но воропился, снова взглянулъ на картину, вздохнулъ, оперъ слезу, которая показала на его рѣсницахъ, пожалъ *Ринальди* руку и вышелъ.

Мы долго разсуждали объ этомъ странномъ случаѣ, спаралсъ угадать, почему картина произвела на незнакомца такое сильное впечатлѣніе, и заключили пѣмъ, что единогласно признали его немного помѣшаннымъ; заключеніе, какое часто соспавляютъ о людяхъ, одаренныхъ необыкновенною чувствительностію или воображеніемъ. *Ринальди* полагалъ, что мы уже не увидимъ болѣе эпаго чудака, такъ мы его называли; но на слѣдующее утро, онъ опячь явился въ мастерскую, и пробывъ въ ней нѣсколько часовъ, спалъ постоянно приходитъ къ *Ринальди* въ одно и тоже время. Эпо продолжалось съ недѣлю, такъ, что наконецъ его посѣщенія намъ наскучили.

Въ одинъ день, онъ сказалъ: картина гопова, она мнѣ нравилсъ; завтра я пришлю за нею. Я называюсь *Джулио Леони*. —

По видимому, онъ нисколько не сомнѣвался, что картина принадлежитъ ему, и прежде, чѣмъ *Ринальди* успѣлъ отвѣчать, вышелъ изъ комнаты. На другой день, явились опъ его имени посланные, которые вручили *Ринальди* сумму, вдвое превышавшую ту, какая была ему обѣщана монахами Монте-Кассино. Тогда *Ринальди* рѣшилъ написать для монастыря копию съ своей картины, и занявшись пристально въ печеніе нѣсколькихъ дней, успѣлъ приготовить её къ назначенному сроку. Однако-же, какъ ни была она прекрасна, но все не могла сравниться съ картиною, купленною графомъ *Леони*.

Въ эпо время я уѣхалъ изъ Рима и увидѣлся съ *Ринальди* уже годъ спустя.

Возвратившись въ древнюю столицу міра, я прежде всего посѣтилъ мастерскую моего друга, и очень удивился, когда увидѣлъ въ ней картину, которая была нѣкогда куплена графомъ *Леони*.

«Какимъ образомъ очутилась у тебя эпа картина?» спросилъ я *Ринальди*, послѣ первыхъ объятій и лобзаний. Другъ мой подалъ мнѣ небольшой пакетъ, полученный имъ опъ графа *Леони*, накануне умершаго, и сказалъ мнѣ:

— Прочти эпо, и ты все узнаешь. —

Я сълъ и прочелъ слѣдующее:

..... «Никогда ея образъ не изгладился изъ моей памяти. Еще теперь, она предстопитъ предо мною, во всей своей очаровательной прелести, съ своими длинными, каштановыми локонами и голубыми глазами, оспненными чѣрными рѣсницами, какъ звѣзды мракомъ ночи.

«О! какую прелестью были исполнены эпи глаза, спорившіе цвѣтомъ своимъ съ чистою лазурью небосклона!.. *Изабелла*, мой ангелъ, нѣжный другъ мой, какъ ты была прекрасна для земли, для эпаго міра, въ которомъ ты не оставила ничего, себя подобнаго. О! никогда, никогда не позабуду я тебя, *Изабелла!*»

«Я любилъ её, любилъ спраспно. Я ревновалъ къ самымъ равнодушнымъ взглядамъ ея, къ самымъ незначащимъ словамъ, сказаннымъ ею другому. Однажды, во время ея прогулки въ публичномъ саду, какое-то дитя, бѣгая вокругъ, упало и ушиблось. *Изабелла* потчасъ подняла его, взяла къ себѣ на руки и осыпала поцѣлуями. Я почувствовалъ ревность къ этому ребенку. Судите по этому, какъ я любилъ её. Часто я завидовалъ даже вѣтерку, который рѣзвился къ волосахъ ея. Скоро я нашелъ благопріятный случай ей представиться, и черезъ это желанія мои опчаспи исполнились. Я неперцѣливо ждалъ минуты, въ которую буду говорить съ нею, и не смотря на то, не зналъ, что сказать ей, при первой съ нею встрѣчѣ; я, котораго почипали въ свѣтъ за челоуѣка съ умомъ, предъ нею спановилсѣ бессмысленнымъ.

«Я устремлялъ на неё такіе приспальные взоры, что она краснѣла и даже слѣзы показывались на глазахъ ея; но въ ея приемахъ не было ничего такого, чтообы обнаруживало неудовольствіе; причиною этой краски и этихъ слѣзъ было одно лишь цѣломудріе дѣвицы, которой скромность оскорблялась слишкомъ спраспнымъ обожаіемъ. Я такъ исключипельно занимался ею; и такъ ревностно продолжалъ мои исканія, что скоро она отличила меня отъ другихъ молодыхъ людей, её окружавшихъ, и я былъ оцаспливленъ ея улыбкою.

«*Изабелла* жила съ своею пѣпкою, маркизою *Гримани*, женщиною не злою въ глубинѣ души, но слабою, суешною и щеславною: она гордилась числомъ и знатностью обожателей *Изабеллы*, и такъ много твердила ей объ ихъ исканіяхъ, что, съ сожалѣніемъ должно признахься, *Изабелла* сдѣлалась кокеткою.

«Когда я упрекалъ её въ этомъ недоспапкѣ, она обращала на меня свой нѣжный и краснорѣчивый взоръ и шептала мнѣ на ухо: Я желала бы нравиться всѣмъ, но люблю только тебя, тебя одного.—Я не смѣлъ болѣе жаловаться.

«Однажды, во время бала у синьора *Моуци*, я нѣсколько разъ собирался подойти къ

ней, но не могъ этого исполнить, попомоу, что её всюду сопровождалъ графъ *Адольфъ Висконти*. Бѣшенство и ревность овладѣли мною и возмутили мое спокойствіе.

«Когда *Изабелла* и пѣпка ея собрались вхавъ, я кинулся къ нимъ, чтообы проводить ихъ до карепы, но *Изабелла* холодно поклонилась мнѣ, и подала руку графу *Адольфу*; который взглянулъ на меня съ поржешивующимъ видомъ.

«Сначала это какъ громомъ поразило меня, но опомнившись, я бросился вслѣдъ за ними, съ пвердымъ намѣреніемъ потребовать отъ графа опчета въ его дерзкой улыбкѣ; однако я не могъ уже догнапъ ихъ, и только видѣлъ издали, какъ соперникъ мой садилсѣ въ карету маркизы.

«Я возвратился домой въ соспоаніи, похожемъ на испушленіе. Я топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы, и словомъ, неисповспивовалъ, какъ безумный. Слуга мой, который былъ въ ближней комнапѣ, начиналъ уже думать, что я сошелъ съ ума; но когда совершенная тишина вдругъ заступила мѣсто моихъ испушленныхъ движеній и восклицаній, то опасался, не умеръ ли я, онъ вошелъ въ мою комнапу и нашелъ меня въ поспелѣ, добычею жестокой горячки. Призвали докпора, и нѣсколько дней почти все не надѣялись спаспи меня. Я былъ въ ужасномъ бреду. Зачѣмъ не сдѣлался я въ то время жертвою своей болѣзни? Смерть избавила бы меня отъ многихъ нещаспій, которыя испыталъ я въ послѣдствіи.

«Прошелъ цѣлый мѣсяцъ со времени роковаго бала прежде, чѣмъ я оправился. По выздоровленіи, пѣрвымъ дѣломъ моимъ было вхавъ въ домъ маркизы *Гримани*; я вошелъ въ будуаръ *Изабеллы*; но сердце билось во мнѣ такъ сильно, что я принужденъ былъ оспановишья, чтообы дать упихнуть моему волненію. Она сидѣла на софѣ, подлѣ опкрытаго окна, и взоры ея никогда не были такъ нѣжны, хопя лицо ея и казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Подлѣ лежала ея гиппара.—Какая-то задумчивость омрачала прекрасное чело ея и глаза ея были полны слѣзъ.

«Услышавъ мой голосъ, она содрогнулась и вспала; я хопѣлъ взять ея руку, но она

со страхомъ опустуила назадъ и, по видимому, преодолевая свою чувствительность, сказала мнѣ: графъ *Леони*, оставьте меня; вы оскорбляете меня своимъ присущивіемъ.

«Слова эти вызвали презрительную улыбку на уста ея, но глаза изменили ей... въ нихъ навернулись слезы.

«Мой ангель, моя обожаемая *Изабелла!*» сказалъ я: «опъ чего вы такъ ко мнѣ переѣнились? Со времени эшаго ужаснаго бала, я не выходилъ изъ комнаты. Я былъ очень болѣнъ и недалекъ опъ смерти.... Теперь вижу, что мнѣ лучше бы было умереть, нежели испытать опъ васъ такой пріемъ.»

— Болѣнъ! близокъ къ смерти!— Чпо это значить?— Мнѣ сказали, чпо вы оставили меня для *Лауретты*, оперной панцовщицы.—

«Судите о моей горести. Эша связь дѣйствительно была заведена моимъ двоюроднымъ брапомъ, которыи такъ же, какъ и я, назывался *Леони*. Я понялъ заблужденіе *Изабеллы*, и поспѣшилъ разувѣрить еѣ. Взавъ еѣ за руку, я изъяснялъ ей спрасъ мою въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, но въ эшу минуту вошелъ графъ *Адольфъ Висконти*. Глаза его засверкали гнѣвомъ; я такъ же бросилъ на него гордый взглядъ, и не выпустилъ руки *Изабеллы*, которая, увидя его, поблѣднѣла, какъ мраморъ, и упала на софу съ словами: мужъ мой!

«Она дѣйствительно была за мужемъ, и я навсегда терлъ надежду обладать ею.

«*Висконти* увлекъ *Изабеллу* изъ комнаты. Я вышелъ изъ дома въ спрашномъ волненіи и нѣсколько времени, какъ безумный, бродилъ по улицамъ. Успокоившись, я послалъ къ *Висконти* вызовъ на поединокъ, въ которомъ одинъ изъ насъ долженъ былъ опспаться на мѣспѣ. Посланный привезъ мнѣ письмо мое обратно. *Висконти* уже не было во Флоренціи, онъ скрылся вмѣспѣ съ графинею, и никто не зналъ куда они опсправились. Маркиза *Гримани* уѣхала въ Парижъ чрезъ нѣсколько дней послѣ свапыбы своей племянницы... мысли мои пришли въ разспройство; ничто не оставляло во мнѣ впечатлѣнія, потому чпо сердце мое было полно

однимъ полько чувспвомъ, чувспвомъ безнадежной любви. Я объѣхалъ всю Италию, опыскивая *Изабеллу*; видѣть еѣ еще разъ, было единспвеннымъ моимъ желаніемъ, исключительною мыслию.

«Тогда я рѣшилъ опсправиться въ Парижъ, надеясь найти памъ маркизу, и узнать опъ неѣ о мѣспопребываніи ея племянницы. Въ то время, какъ я уже готовъ былъ къ опѣзду, мнѣ случилось печально узнать изъ газетъ о смерти графа *Адольфа Висконти*; въ Неаполь, прогуливаясь верхомъ, онъ упалъ съ лошади и умеръ на мѣспѣ.

«Надежда пробудилась въ моемъ сердце; и я опсправился въ Неаполь, по прежнему полный мечпами любви и щастія. Я ѣхалъ день и ночь, но по пріѣздѣ узналъ, чпо *Изабеллы* уже нѣтъ на свѣспѣ.

«Не знаю, какъ доспало у меня сплъ перенести эшо извѣспіе и какъ опчаяніе не убило меня въ ту же минуту. Она умерла! Смерть мужа, случившаяся въ глазахъ ея, произвела на неѣ такое впечатлѣніе, чпо она скончалась опъ преждевременныхъ родовъ, оставя послѣ себя дитя, которому не суждено было знать своей матери....»

Когда я прочелъ эшу печальную повѣспь, *Ринальди* сказалъ мнѣ: Теперь слушай и подвись премудрымъ уставамъ Провидѣнія. *Изабелла* была мать моя. У меня есть порплетъ ея, и онъ-то внушилъ мнѣ мысль написать эшу карпину. Волненіе графа *Леони*, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ мое *Благовѣщеніе*, можетъ служить тебѣ доказательспвомъ, чпо въ карпинѣ соблюдено сходство съ порплетомъ. Три недѣли тому назадъ, графъ призвалъ меня къ себѣ. Онъ лежалъ въ постелѣ; карпина висѣла въ ногахъ его, и онъ до самой смерти не спускалъ съ неѣ глазъ. Чашто онъ повпорялъ: милая *Изабелла*, скоро мы соединимся, чпобы никогда болѣе не разспавапысья.

Однажды я сказалъ ему: спранно, чпо имл *Изабеллы*, такъ чашто вами повпоряемое, принадлежало такъ же той, которая внушила мнѣ эшу карпину.

РАЗСКАЗЪ У КАМИНА.

«Я никогда не спрашивалъ васъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ, кто служилъ оригиналомъ вашей карпинъ; я боялся узнать, что вы писали еѣ съ одной изъ пѣхъ женщинъ, которыя извѣстны между художниками подъ названіемъ *натурщицъ*; я пришелъ бы въ отчаяніе, если бы вы сказали мнѣ, что эти очаровательныя формы, эта плѣнительная красота—принадлежали женщинѣ, не столь чистой и добродѣтельной, какъ та, которую я обожаю во всю жизнь мою.»

Я сказалъ ему, что оригиналъ моей картины давно уже не существовалъ, и что это была мать моя.—Онъ пожалъ мнѣ руку.

«Покажите мнѣ портретъ ея.» Когда я сдѣлалъ это, онъ тотчасъ узналъ его. «Такъ, это она, это моя *Изабелла!*.. Но ваше имя, прибавилъ онъ; по этому, вы перемѣнили его?»

Я объяснилъ ему, что бѣдность заставила меня прибѣгнуть къ помощи художническимъ дарованіямъ, и что я почелъ обязанностію назваться другимъ именемъ, чтобы не оскорбить гордость моей благородной фамиліи.

Онъ обнялъ меня и долго не выпускалъ изъ своихъ объятий. Чувствуя слабость силъ, онъ велѣлъ позвать нопаріуса, чтобы объявить ему свою послѣднюю волю. Въ прошедшую ночь онъ скончался. Въ завѣщаніи его содержались двѣ главныя статьи: первую изъ нихъ онъ обязывалъ исполнителей этого завѣщанія построить великолѣпную часовню и поставить въ ней картину *Благовѣщенія*, съ тѣмъ, чтобы тамъ днемъ и ночью отправляемо было богослуженіе за упокой души *Изабеллы*; а впрочемъ предоставлялъ все свое состояніе въ пользу ея сына. Ты видишь, прибавилъ *Ринальди*, что Провидѣніе послало мнѣ благодѣтеля и что теперь я могу прудиться для искусства, для того, чтобы жить въ попомствѣ, а не съ тѣмъ, чтобы работою снискивать себѣ насущный хлѣбъ; завѣщаніе графа *Леони* избавляетъ меня отъ этой необходимости, которая убиваетъ геній и губитъ такъ много прекрасныхъ юныхъ дарованій.

(Изъ *The Keepsake* на 1835.)

Это было въ глубокую осень: въперъ дулъ холодный и пронзительный, а ночь была темна, хопъ глазъ выколи. Лошадь моя, измученная продолжительною ѣздою по перовой и каменистой дорогѣ, остановилась наконецъ предъ маленькимъ окномъ, въ которомъ свѣпшилъ благодѣтельный огонѣкъ, другъ запоздалаго пунника, возвѣщающій сму конецъ его спраданій.

Дверь отворилась и на порогъ показалась женщина, заслонявшая своимъ передникомъ гаснущее пламя ночника.

—Я заблудившійся путешественникъ. Далеко ли отсюда до деревни Б...?—

«Не далѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ: дохавъ до конца этой пропинки и поворота на лѣво, вы увидите прапиръ *Золотаго льва*; впрочемъ, если бы вамъ было угодно... мы также принимаемъ постояльцовъ,» прибавила она, попуслая глаза.

Добродушный и откровенный видъ этой женщины, холодный въперъ, яркій огонь, который я видѣлъ въ каминѣ чрезъ отворенную дверь и внутренняя чистота этаго дома, скоро заставили меня рѣшиться.

—Я не поѣду далѣе, моя милая, и останусь у васъ.—

Я вошелъ и сѣлъ у камина, посадилъ подлѣ себя двухъ малюпковъ, изъ уваженія, робко споявшихъ поодаль.

—Маменька, — сказалъ старшій ребѣнокъ: расскажи же намъ сказочку, которую ты намъ обѣщала.—

«Съ охотою,» отвѣчала мать: «если будешь угодно господину.» Я кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Маргарита остановила колесо самопрялки, и собравшись съ мыслями, начала рассказъ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ царствованіе добраго короля *Иоанна*, этому прошло столько лѣтъ! былъ построень замокъ, отъ котораго нынче остались однѣ развалины. Чудныя вещи рассказываютъ о знапомъ и высокомоцномъ его владѣльцѣ. Увѣряютъ, будто бы въ Италіи онъ имѣлъ случай научиться спрашнымъ пайнамъ чернокнижія, посредствомъ которыхъ повелѣ-

валь злыми духами, помогавшими ему дѣлать чудеса. Такъ наприимѣръ говорили, что однажды, въ опмщеніе какому-то волшебнику, непримиримому врагу его, онъ объѣхалъ на немъ верхомъ вокругъ свѣта въ такое короткое время, что въ замкѣ не замѣтили даже его отсутствія. Въ другой разъ, чтобы опдѣлаться опъ одного скучнаго духа, который ни днемъ, ни ночью не давалъ ему покоя, онъ заставилъ его вырыть ногами въ скалѣ бездонную пропасть, съ добрую чепверсть мили въ окружности. Её и теперь еще можно видѣть памъ, за лѣсомъ: она называется *Чертовымъ колодеземъ*.

«Изъ благодарности за свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ своемъ искусствѣ, онъ обязался спрашною клятвою опдать руку *Матильды*, своей дочери, бывшей тогда еще ребѣнкомъ, барону *Вальзейну*, наставнику своему въ чернокнижіи.

«Говорятъ однакоже, что на смерпномъ одрѣ (упокой Господи его душу) онъ раскался во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ и взялъ съ своей дочери обѣщаніе, что она никогда не будетъ женою его пресупнаго друга.

«Прошло пятнадцать лѣтъ, и *Матильда*, ставъ еще прекраснѣе, сдѣлалась предметомъ нѣжной склонности одного молодаго окрестнаго владѣльца, котораго сердце ея избрало прежде, чѣмъ обѣщана была ему рука ея: прошло пятнадцать лѣтъ, и во все время баронъ *Вальзейнъ* безвыѣдно жилъ въ *Италіи*. Памьять о данномъ ему обѣщаніи мало по малу испребилась, и все въ замкѣ дышало радостію и спокойствіемъ.

«Но слушайте далѣе: упромъ, ни одно живое существо не было свидѣтелемъ того, какъ мать прекрасной *Матильды*, въ самомъ сокровенномъ покоѣ замка, опдала руку своей дочери супругу, избранному ея сердцемъ, и однако же, въ потъ же вечеръ, появился въ замкѣ незнакомецъ... Шляпа съ широкими полями и чернымъ перомъ, освѣтля лицо его, опаленное лучами заморскаго солнца. Сверкающій взоръ его возбуждалъ невольный ужасъ въ пѣхъ, на которыхъ останавливался; словомъ, это былъ *Вальзейнъ*, *Вальзейнъ*, прішедшій пребовать исполненія торже-

спвеннаго договора, который опецъ *Матильды* подписалъ собственною кровью...

«Тайныя подробности эпагоспраннаго появленія неизвѣстны, но на другой день жестокій поединокъ завязался между двумя соперниками. Искры брызгали опъ ихъ оружія и наконецъ *Вальзейнъ* упалъ, пораженный смерпельнымъ ударомъ.

«Въ то время говорили, будто бы пѣло его было опправлено въ Палестину, и будто бы священникъ совершилъ надъ его гробомъ послѣднее поминовеніе, чтобы очистить ему дорогу на небо; какъ-бы то ни было, а день его смерти былъ ознаменованъ чудными явленіями. При блѣдномъ свѣтѣ погребальныхъ факеловъ, спрашныя пѣни рисовались на богатыхъ бархатныхъ обояхъ *Вальзейнова* замка, а между пѣмъ одинъ только служитель алшаря находился при баронѣ въ послѣднюю ночь его жизни. Въ рыцарской залѣ, гдѣ лежало его пѣло, раздавались смупные голоса, громкій хохотъ, спны и хрипѣніе умирающихъ, а между пѣмъ въ ней былъ одинъ только священникъ, который со спрахомъ молился за упокой души усопшаго грѣшника; когда же пробило полночь: то огромная черная собака, невиданная до того въ околдкѣ, при раза объжала вокругъ замка съ ужаснымъ воемъ, какъ будто призывая своего господина... Въ то же время пѣло барона *Вальзейна* исчезло!»

Тупъ *Маргарита* прервала свой чудесный рассказъ и перекрестилась, послышавъ у окна какой-то нечеловѣческой годось, въ то же время, опъ сильнаго порыва вѣпра, дверь со скрыпомъ повернулась на петляхъ, *Эрнестъ* и *Луиза*, едва переводя дыханіе, прижались къ мапери и схватились за концы ея передника; что же касается до меня, то хопя я и не вѣрилъ въ душъ сказочнымъ деревенскимъ хроникамъ, но по слабости, свойственной людямъ, невольный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ съ быспропою элекпрической искры. Послѣ краткаго опдыха, *Маргарита* продолжала слѣдующимъ образомъ:

«День свадьбы *Матильдиной* былъ уже назначенъ; васалды ея обширныхъ владѣній гоповились къ празднеству, которое должно было удивить всѣхъ своею пыпностью. Въ

зѣмкѣ раздавались частые удары молота; окрестные владѣльцы и блестящія свиты ихъ пѣснились на дворѣ зѣмка; но *Матильда* не могла освободиться отъ какого-то мрачнаго предчувствія. Щеки ея лишились румянца и свѣжести, глаза потеряли блескъ свой и очаровательный голосъ замиралъ на дрожащихъ устахъ ея.

«Отъ чего произошла эта внезапная переменѣна? Чего ей было опасаться? Не готовилась ли она стать женою прекраснаго юноши, избраннаго ея сердцемъ? Не имѣла ли она свиты блестящей и многочисленной, неустрашимой и преданной? Не освободилась ли она отъ *Вальзейна*? Все такъ, но ей извѣстно было могущество волшебниковъ, сохраняемое ими даже послѣ смерти; она знала и то, что предъ какимъ нибудь великимъ несчастіемъ, а особливо въ ночь наканунѣ *Иванова* дня, они собираются вмѣстѣ съ злыми духами въ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ, и памъ, при лунномъ свѣтѣ, пляшутъ съ адскимъ хохотомъ, спуща своими опротивительными осповами.

«Ночь, предшествовавшая браку *Матильды*, была ночь наканунѣ *Иванова* дня, и съ наступленіемъ ея, спрашныя видѣнія начали тревожить бѣдную дѣвушку. Даже караульный, стоявшій на плацформѣ зѣмка, закричалъ: къ ружью! потому что горизонтъ показался ему весь въ огнѣ. Эпаго мало: въ ту минуту, когда *Матильда* хотѣла подписать актъ, которымъ судьба ея соединялась навсегда съ судьбой ея супруга, перо прижды ломалось въ рукъ ея; она чувствовала, какъ чья-то ледяная рука пропивъ воли управляла ея дрожащею рукою и начерпала, вмѣсто собственнаго ея имени, спрашное имя барона *Вальзейна*, а между тѣмъ голосъ, который показался ей знакомымъ, шепталъ ей на ухо: «Ты моя на жизнь и смерть, *Матильда!* Я жду тебя!»

«Все было готово; тысяча благовонныхъ свѣчъ освѣщали своды церкви, въ которой повсюду сіяло золото; священникъ ожидалъ у алтаря, но юная владѣтельница зѣмка не явилась... Тогда среди мрачнаго безмолвія присутствующихъ раздался подъ сводами дикій, нечеловѣческій хохотъ.

«На разсвѣтѣ претпьяго дня выпащили изъ воды пѣло бѣдной *Матильды* въ одеждѣ невѣсты; руки ея прижимали къ сердцу разбитыя зерна ея чепокъ, а изъ ея прекрасныхъ русыхъ локоновъ вылетѣла мохнатая, черная бабочка. Но одно обстоятельство заставило надѣяться, что душа ея снискала помилованіе у Бога: золопой креспъ, вышитый на драгоценной пкани и никогда ея покидавшій, найденъ былъ въ пакой же цѣлоспи, какъ будто бы онъ вовсе не былъ подверженъ вліанію влаги и сырости.

«Съ тѣхъ поръ зѣмокъ попъ, сдѣлавшійся жилищемъ злыхъ духовъ, былъ оставленъ прежними своими владѣльцами, и отъ первоначальной его пышности остались однѣ развалины, опаленныя молніею и почернѣвшія отъ времени.»

Такъ рассказывала *Маргарита*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ГРАФУ А. А. МАНТЕЙФЕЛЮ.

Угостили меня хватски
Въ вашемъ зѣмкѣ вы теперь,
И прощаясь съ вами братски—
Съ грустью выхожу за дверь.

Рѣдко въ жизни удавалось
Добрыхъ встрѣпить мнѣ людей:
Щастіе ко мнѣ ласкалось
Лишь въ каютахъ кораблей...

И теперь, въ разлукѣ съ моремъ,
Я грущу, я жизнь влачу...
Но, распавъся съ моимъ горемъ,
Съ моею дѣвой—не хочу!...

Н. Д.

Мыза Саренгофъ, близъ Дерппа.

1834,
15, 18 Декабря.

Ш А Р А Д А.

Начало липера. Ея былъ жребій спрашной:
Одинъ еѣ вводилъ, другой же изгонялъ;

Кто поршилъ выговоръ, на-выворотъ писалъ;
Кто Русской называлъ, кто вовсе иностранной.

Второе съ цѣльми все одно:
То имя женское. Извѣстно вѣтъ оно.

Второе Русское, хопя уменьшено;
Не наше—цѣлое, и къ намъ завезено

Изъ Албіона.
Славянскому-жъ два раза суждено
Быть украшенемъ прона.

Въ No 18-мъ помѣщенная анаграмма-загадка значить: *Barre, arbre.*

M O D E S.

Chère sœur, j'ai la tête si pleine de la belle fête que j'ai vue cette nuit, que je ne puis penser à autre chose; il m'a semblé faire un beau rêve comme lorsque ma bonne m'avait conté un conte de fées. Le bal dont je veux vous parler était donné au profit des pensionnaires de la liste civile, dans l'hotel Laffitte. On dansait dans une salle immense d'environ cent pieds carrés, construite à la moresque, soutenue par des pilastres légers et gracieux, et éclairée avec une profusion inouïe. La réunion était composée de toute l'aristocratie et de tous les étrangers de distinction de la capitale. Autour de la salle et entre les pilastres, les femmes étaient assises sur des gradins; autour circule une allée qui présente un chemin libre aux promeneurs. L'orchestre est élevé dans le fond derrière la danse, et s'entend parfaitement de toutes les parties de la salle.

Je ne chercherai pas à vous analyser chaque toilette, il faudrait pour cela un volume. Toutes les robes étaient fraîches et élégantes. J'en ai remarqué quelques-unes que je tâcherai de vous décrire. En général, on porte les manches plus courtes, se terminant par un gros bouillon, à trois doigts au-dessus du coude; beaucoup de robes à dos plats garnis de hautes blondes et le devant drapé. Souvent, lorsque l'on n'a pas de ceintures à bouts pendans par devant, on fixe en haut du corsage de la robe un ruban fort long, pareil à la ceinture, que l'on attache sans nœud avec une broche de pierres ou autre, et dont les bouts, passés dans la ceinture, pendent jusqu'aux genoux.

La généralité des coiffures étaient élevées derrière, mais celles qui étaient basses étaient portées par des femmes si distinguées, que c'est peut-être ce qu'il y a encore de mieux. Beaucoup de guirlandes, les unes placées autour de la figure comme une garniture de bonnet, les autres passant derrière la natte, et les deux extrémités touchant sur les joues, quelques-unes placées sur le front, mais en bien moindre quantité. Peu de coiffures en plumes, assez en diamans, mais

surtout des fleurs; on pourrait dire que la salle de danse présentait l'aspect d'un *parterre mouvant.*

М О Д Ы.

Любезная сестра, голова шакъ наполнена прекраснымъ праздникомъ, на которомъ я была сегодня ночью, что я ни о чемъ больше не могу думать; мнѣ казалось, что я вижу прекрасный сонъ, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, которыя рассказывала мнѣ моя няня. Балъ, о которомъ я хочу тебѣ говорить, былъ данъ въ пользу пансіонеровъ штатной суммы (*liste civile*), въ домѣ *Laffitte*. Танцовали въ огромной залѣ, величиною около ста квадратныхъ футовъ, построенной въ Маврипанскомъ вкусѣ, и поддерживаемой легкими, щеголеватыми пиластрами; она была освѣщена съ неслыханнымъ изобиліемъ. Собрание состояло изъ дворянъ и всѣхъ значительныхъ иностранцевъ, находящихся въ столицѣ. Около залы и между пиластрами сидѣли дамы на ступенкахъ; вокругъ идешь алей, представляющая свободную дорогу для прохаживающихся. Оркестръ возвышался въ глубинѣ залы, сзади танцующихъ, и слышанъ прекрасно во всѣхъ частяхъ залы.

Я не буду раздроблять каждый нарядъ; тогда надо бы написать было цѣлую книгу. Всѣ платья были новы и щеголеваты. Я постараюсь тебѣ описать нѣ изъ нихъ, которыя болѣе замѣшала. Вообще рукава носятъ короче, оканчивающіеся широкой буфой, на три пальца выше локтя; много платьевъ съ гладкими спинками, обшитыми широкою блондою, спереди драпированы. Часто, вмѣсто пояса съ длинными концами, висящими спереди, къ верху лифа прикалываютъ ленту, такую же какъ поясъ, булавкою съ камнемъ, или какую нибудь; концы, пропущенные подъ поясъ, висятъ до колѣнъ.

Прически вообще сзади были высоки, но низкія прически были на дамахъ шолью отличною одевающихся, что можетъ быть это было лучше. Множество гирляндъ, однѣ положены около лица, какъ оборка чепчика, другія же положены сзади косы, а концы спущены на щеки, иныя положены по лбу, но весьма мало. Немного причесокъ съ перьями, довольно съ брилліантами, а всего больше съ цвѣтами. Можно сказать, что зала представляла видъ движущагося цвѣтника.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 20.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 9 ДНЯ 1835 ГОДА.

И глупостей не чтець,
А пуце образцовыхъ.

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИЗМѢНИКЪ.

(1348.)

Конецъ 1348 года составляетъ печальную эпоху въ исторіи Кале. Англичане, овладѣвшіе городомъ, водрузили знамя св. *Георгия* на спѣнахъ цитадели. Вечеромъ 13-го Декабря въ ней господствовало мрачное безмолвіе завоеванной крѣпости, перевязывающей своихъ раненыхъ и погребавшей убитыхъ. Предъ наступленіемъ ночи, выпалъ глубокій снѣгъ, и городъ одѣлся какъ бы широкимъ, бѣлымъ саваномъ. Часовые, какъ пѣвцы, неслыми шагами ходили по спѣнамъ, и пишина прерывалась по временамъ только ихъ протяжными окликами.

Между пѣвцами, на платформѣ самой высокой изъ башенъ цитадели стоялъ человекъ, котораго, не принадлежа къ числу караульныхъ, бодрствовалъ и отвѣчалъ на оклики часовыхъ насмѣшливымъ шопотомъ. «Да! говорилъ онъ самъ съ собою, сперегиге, охраняйте его, вашъ добрый городъ Кале, вѣрные стрѣльцы и воины короля *Эдуарда*, нашего повелителя! Мы съ *Филиппомъ Валуа*

знаемъ, чѣмъ васъ отблагодарить за это.» Попомъ, окинувъ взглядомъ мрачныя зданія, возвышавшіяся у ногъ его, онъ неперпѣливо завернулся въ широкій плащъ, и топнувъ ногою, съ досадою сказалъ: «Клянусь упробой Сатаны! 20,000 ефимковъ! Это поже, что даромъ; эта лисица *Жоффриуа де Шарни* хочетъ ограбить, разорить меня!»

Если бы въ эту минушу кто нибудь поднесъ факель къ лицу говорящаго, то въ его хитромъ взглядѣ и коварной улыбкѣ онъ открылъ бы признаки самаго гнуснаго измѣнника, когда либо виданнаго на свѣтѣ.

Это былъ человекъ небольшого роста, но плотный и плечистый. Разбирая истощенныя черты его, которыя своею мерзвостью блѣдностью составляли разительную противоположность съ его густыми, черными волосами, прудно было рѣшить, въ чемъ заключалась причина этого истощеннаго вида и эпои блѣдности: въ часпыхъ и пятоспныхъ лишеніяхъ суровой жизни, или въ испорченности сердца и развращенныхъ наклонностяхъ. Но всякое сомнѣніе на это щѣпъ спановилось излишнимъ, какъ скоро онъ произносилъ одно слово. Не видя причины скрывать отъ попомства имена из-

мътниковъ, мы смѣло назовемъ того, котораго сей часъ описали. Онъ назывался *Эмери изъ Пави*; родившись въ Ломбардіи, онъ еще въ ранней молодости оставилъ опечесство, и наспоющая причина эпато добровольнаго изгнація всегда оставалась неизвѣсною. По спеченію довольно спранныхъ обстоятельство, которыхъ не объясняютъ хроники того времени, онъ сдѣлался наставникомъ юнаго *Эдуарда* Англійскаго. По вступленіи на престолъ, новый государь возвелъ *Эмери* на степенъ начальника спръльцовъ своихъ. Въ послѣдствіи, надѣясь на преданность и усердіе челоука, котораго онъ осыпалъ благодареніями, *Эдуардъ* ему же ввѣрилъ начальство надъ драгоцѣннѣйшимъ изъ своихъ военныхъ приобрьшеній. Изъ немногихъ словъ *Эмери*, которыхы намъ удалось подслушать, можно догадываться о томъ, съ какимъ усердіемъ готовился онъ исполнить возложенную на него обязанность. Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, необходимо привести на память политическія происшествія, предшествовавшія обстоятельству, которое мы хотимъ описывать.

Филиппъ Валуа, вступивъ на Французскій престолъ, послѣ *Карла Красиваго*, умершаго, не оставивъ по себѣ потомства, опвергнулъ притязанія *Эдуарда* Англійскаго, который домогался признанія правъ на Французскую корону *Изабеллы*, своей матери и сестры трехъ послѣднихъ королей Франціи. Въ первыхъ числахъ Сентября 1348 года, когда Французскій дворъ былъ еще полонъ горести о кончинѣ *Иоанны* Бургундской, первой супруги короля, похороненной съ большою пышностію въ Сенъ-Денискомъ аббатствѣ. *Эдуардъ* объявилъ войну *Филиппу Валуа*.

Черезъ два мѣсяца, Англичане, соединившись съ Фламандцами, овладѣли городомъ Кале, но должны были опспустить опъ Сенпъ-Омера, состоявшаго подъ искусною и мужественною защитою *Жоффруа де Шарни*, храбрѣйшаго изъ воиновъ того времени, какъ говорятъ объ немъ одинъ испорикъ. Въ награду за его блистательные подвиги и многія полезныя услуги государству, *Филиппъ* предоставилъ ему неограни-

ченную власпъ надъ городомъ Сенпъ-Омеромъ, и *Жоффруа* вполне ею воспользовался. Одаренный прозорливимъ и наблюдательнымъ умомъ, онъ успѣлъ заключить перемиріе, которое позволяло ему опкрыть сношенія съ *Эмери*, начальствовавшимъ, какъ мы сказали, въ завоеванномъ городѣ Кале.

Двухъ или трехъ свиданій доспапочно ему было для того, чтобы проникнуть чувства, паившіяся во глубинѣ души презрѣннаго Ипаліанца. Онъ такъ хорошо опспигъ его коварный и вѣроломный характеръ, что почелъ возможнымъ, безъ околичностей, предложить ему 20,000 ефимковъ за сдачу города и крѣпости, охраненіе которыхъ было ему ввѣрено. *Эмери* не спалъ порговаться; онъ боялся упустить выгодный случай.

Такимъ образомъ, за нѣсколько дней до срока, назначеннаго для сдачи крѣпости, Ипаліанецъ прохаживался ночью по платформѣ цитадели. Величественное и невыразимо-грустное зрѣлище представлялъ эпопъ безмолвный городъ съ своими мрачными зданіями, которыхы готовились спать цѣною послѣднаго торга. Самъ *Эмери* съ невольнымъ смяшеніемъ смотрѣлъ на эпо зрѣлище. Скоро имъ овладѣлъ поопъ суевѣрный страхъ, который обыкновенно бываетъ удѣломъ низкихъ душъ и замѣняетъ въ нихъ угрызения совѣсти, когда они еѣ теряютъ. Онъ послѣшно возвратился въ свое жилище. Но справедливостъ заспавляетъ прибавивъ, что въ сердцѣ его главное мѣсто занимало сожалѣніе о томъ, что ему не удалось продать дороже важный поспъ, имъ оберегаемый.

Дома его ожидало особенное повелѣніе *Эдуарда*, по которому онъ долженъ былъ съ разсвѣтомъ опправиться въ путь, чтобы принять опъ короля нѣкоторыя тайныя наспавленія. Новостъ эпо очень вспревожила *Эмери*, и онъ провелъ опспокъ ночи въ помипельномъ недоумѣніи. Что ему должно было дѣлать? Слѣдовать ли повелѣніямъ своего государя, или искать спасенія въ бѣгствѣ? Ужели *Эдуардъ* узналъ объ его измѣнѣ? Нѣтъ, эпо невозможно. *Жоффруа де Шарни* очень хорошо чувспвовалъ всю вы-

году заключеннаго имъ порга, чптобы какоу нибудь неосторожностію сдѣлашь его гласнымъ. Одинъ только человекъ подсперегъ пѣйцу *Эмери*, и того велѣлъ онъ повѣсити и бросити въ море. Мерпвые не говорятъ, думалъ разсудительный Ипаліанецъ. Назавтра, онъ былъ уже въ Веспминстерѣ, въ покояхъ короля *Эдуарда*.

«Богъ да сохранитъ тебя!» сказалъ ему король, когда онъ смиренно преклонилъ колено на порогъ комнаты: «Я боялся, что ты не прѣдешь.»

— Чпо же подало вашему величеству поводъ думать, что я осмѣлюсь бытъ послушникомъ повелѣній моего государя?—спросилъ *Эмери*, крайне изумленный сомнѣіемъ, которое изъявилъ *Эдуардъ*, но еще болѣе встревоженный тѣмъ, что король, подозвавъ одного изъ своихъ приближенныхъ, тихо отдалъ ему какое-то приказаніе.

«Капитанъ,» возразилъ король, оставшись съ нимъ наединѣ: «я скоро стану отвѣчать вамъ на эпошь вопросъ, но прежде хочу знать, кому вы ввѣрили начальство въ Кале, на время своего отсутствія?»

— Сирю *Кольбурну*, государь.—

«Достаточно ли вы въ немъ увѣрены?»

— Какъ въ самомъ себѣ.—

«Какъ въ самомъ себѣ!» повпорилъ король съ горькою усмѣшкою.

Между тѣмъ въ ближнихъ комнатахъ слышался спукъ оружія. Спражи поспѣшно входили и выходили. У *Эмери* невольно вырвалось движеніе страха.

«Успокойтесь, сирь,» сказалъ *Эдуардъ*, вперивъ соколиный взоръ въ лицемѣрнаго Ипаліанца. «Не думаете ли вы, что Шотландцы ворвались во дворецъ вашего государя? Нѣтъ, я велѣлъ только пославити спражу у всѣхъ выходовъ. Я хочу, чптобы никто не могъ войти и выйти изъ дворца въ продолженіе нашего разговора;» прибавилъ онъ громко: «у меня естъ до васъ важное дѣло.»

— Ваше величество можете положиться на мое искреннее усердіе и испытанную преданность.—

«Такъ подойдите ко мнѣ, капитанъ,» продолжалъ *Эдуардъ*. «Кажется, вы чѣмъ-то встревожены; вы какъ будто боитесь вспрѣпиться со мной глазами. Зачѣмъ же вы сжимаете ручку своего кинорема, сирь *Эмери*? Въдь здѣсь вы не съ Французами, не между врагами. Полно, положите эпошь кинжалъ и эпо шпагу; они мѣшаютъ вамъ. (*Эмери* медлил повиноваться.) Клянусь распятіемъ! развѣ вы позабыли, что опасно оставлать при себѣ оружіе въ присутствіи короля?»

Сказавъ эпо, *Эдуардъ* взялъ оружіе изъ рукъ Ломбардца, который повиновался ему съ видимою неохотою. Взоръ, которымъ они обмѣнялись въ эпо минуту, былъ взоръ раба и властителя. Видъ Ипаліанца приводилъ на мысль пресмыкающагося гада, попираемаго ногою; на успахъ короля выражалось глубокое презрѣніе къ низкому предапелю. До сихъ поръ, блѣдный и угрюмый, *Эдуардъ* сохранялъ, однако-же, наружное спокойствіе, которому мало по малу началъ измѣнять его дрожащій голосъ. Но вдругъ, вырвавъ кинжалъ изъ ноженъ, онъ съ яростію сжалъ его своею желѣзною перчаткою, и задыхаясь отъ гнѣва, вскричалъ: «клянусь св. *Георгіемъ*! я не люблю смотрѣть, когда измѣнникъ такъ дерзко играетъ кинжаломъ!»

— Чпо вы хотите сказать, государь?—съ претепомъ прошепталъ *Эмери*.—«Чпо я хочу сказать?» загремѣлъ *Эдуардъ*, побагровѣвъ отъ бѣшенства. «Подлый измѣнникъ! развѣ не говоритъ тебѣ совѣсть, что ты заслуживаешь смерть? Развѣ не зналъ ты, что послѣ жены и дѣшей, я больше всего на свѣпѣ дорожилъ моимъ лучшимъ завоеваніемъ, моимъ городомъ Кале? Не ты ли продалъ его за 20,000 ефимковъ? Теперь иди приняти награду, которой ты достоинъ; распочленный свинецъ будетъ сладкимъ питьемъ, а желѣзо двадцати алебардъ легкою казнію для такого измѣнника, какъ ты!»

Послѣ эпоа настало минутное молчаніе; король прервалъ его, и горько улыбнувшись, сказалъ: «А! сирь *Эмери*, вы думали, что мерпвые не встаютъ изъ могилъ? Посмотрите же сюда!...»

Эмери взглянулъ и увидѣлъ въ отдаленіи спрашное лицо спирѣльца, котораго онъ по-

читалъ повѣшеннымъ и брошеннымъ въ море, и который теперь, блѣдный и неподвижный, смотрѣлъ на него, подобно испепеленному призраку. Италіанецъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ повелъ вокругъ себя робкій взглядъ, какъ будто думая о бѣгствѣ.

«О! теперь бѣги! я не спану больше тебя удерживать. Спуй! Тамъ ждетъ тебя *Самуиль*.» (*Самуиль* былъ палачъ.) Эти слова пригвоздили *Эмери* на мѣстѣ. Блѣдный, съ опчаяніемъ на лицѣ, онъ упалъ къ ногамъ *Эдуарда*, и громко завопилъ: Помилуй, государь, помилуй! Торгъ еще можетъ разойтись; я не взялъ ни шиллинга въ задатокъ... Но *Эдуардъ* сурово опполкнулъ его ногою: «Прочь! не пресмыкайся: я и безъ того знаю, что ты презрѣнный гадъ!»—Однако-же, униженный и посрамленный видъ, съ которымъ прежній любимецъ короля молилъ его о жизни, пронузъ *Эдуарда*, и онъ сказалъ:

«Встань; я дарю тебѣ ничтожную жизнь, единственное благо, о которомъ ты еще можешь жалѣть, но для эпаго я полагаю вопъ какія условія: Ты возвратишься въ Кале, чпобы окончить свой постыдный торгъ, и какъ можно вѣрнѣе уведомишь меня о днѣ, въ который назначена будетъ сдача крѣпости; но чпобы я могъ быть увѣренъ въ томъ, чпобы ты исполнишь мои приказанія, я пошлю съ тобою палача и его прислужника, которые будутъ ходить за тобою по пятамъ и водить тебя за руку. Эти люди умѣютъ держать обѣщанія; спуй!»—*Эмери* вышелъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, а въ глазахъ *Эдуарда* на вернулись слезы...

Опрывокъ эпопъ, совершенно согласный со свидѣтельствомъ исторіи, взятъ изъ одного еще ненапечатаннаго романа. Если читатели желаютъ знать послѣдствія измѣны *Эмери*, вопъ въ нѣсколькихъ словахъ развязка эпого происшествія.

Благодаря преданности двухъ спутниковъ, посланныхъ съ Италіанцемъ, *Эдуардъ* былъ вѣрно извѣщенъ о днѣ, въ который Французы должны были занять Кале. Ночью, онъ тайно вспушилъ въ крѣпость съ тысячею двумя снами солдатъ. На разсвѣтѣ, 27-го

Декабря, сдѣлана была неожиданная вылазка въ то самое время, когда Французы пребовали, чпобы отворили ворота города. Въ сшибкѣ эпой *Эдуардъ* сражался самъ на ряду съ проспыми воинами. Наконецъ, послѣ упорной и опчаянной битвы, Французы принуждены были уступить многочисленности, и *Жоффруа де Шарни* заплашилъ жизнью за безразсудство вѣрнопъ услугамъ измѣнника.

ПА ПСКА Я ОБЪ ДНЯ.

Неаполитанцы, въ восторгѣ, который возбуждаетъ въ нихъ прекрасное опечеспвленное небо, роскошное солнце, оплодотворяющее ихъ нивы, Средиземное море, орошающее спѣны Везувіева града, восклицаютъ: *Veder Napoli, poi mori* (*). Я увидѣлъ Неаполь, и не захопѣлъ умереть; но когда впервые представилась моимъ взорамъ па великая и величественная карпина, какую являеть въ торжественные дни собора св. *Петра*, то я чувспвовалъ, чпобы душа моя рвалась улеть на небо, въ шой невыразимо-сладоспной гармоніи, шой религіозной пышности, какою облекается церковь, когда ея глава, паспырь и государь, восходиптъ къ алтарю.

Многіе путешественники дивились Базиликѣ Христіанскаго міра, собору св. *Петра*, построенному на развалинахъ дворца *Неронова*. Каждый изъ нихъ, при видѣ пройнаго ряда его колоннъ, его обширной площади, огромныхъ водометовъ, его обелиска, привезеннаго изъ Египта и поставленнаго тамъ съ прахомъ *Цесаря*, вѣнчающимъ его вершину, какъ-бы приношеніемъ вѣковъ минувшихъ; каждый изъ нихъ, посѣпивъ святилище, въ которомъ дивишься и куполу *Микель-Анджело*, и мраморамъ *Пароса*, и первому золоту, привезенному изъ Перу, и множеству богатствъ, собранныхъ тамъ искусствомъ и религіею,—говорилъ все, чпобы можетъ внушить необычайность такого зрѣлища. Но я не спану повторапъ сказаннаго моими предшеспвенниками, хопя соборъ св. *Петра* видѣлъ я такъ, какъ онъ заслуживаетъ быть видѣннымъ. Я созерцалъ его днемъ и дивил-

(*) Увидѣть Неаполь, и потомъ умереть.

ся спройнымъ громадамъ его въ тѣ прекрасныя ночи, когда Римляне, упиваясь ихъ свѣжестію, бродящъ по городу, напѣвая гармоническіе мопивы, которые могли бы соспавить славу многихъ композиторовъ. Взоръ мой въ печеніи шестпи лѣтъ оспанавливался на исполинскихъ размѣрахъ купола эпого Христіанскаго Пантеона. Но когда, окруженный двоякимъ своимъ величіемъ, и сопровождаемый съ одной стороны прелатами, епископами и кардиналами, а съ другой избранною благородною спражею, предспалъ мнѣ Папа на золотомъ своемъ пресполь, шеспвующій сквозъ безчисленныя толпы, преклонявшія предъ нимъ колѣна, и благословляющей ихъ: о! погда я видѣлъ и слышалъ лишь одного его.

Радоспень для Римлянъ пощъ день, когда Папа совершаепъ богослуженіе. Цѣлый Римъ спѣшилъ облечься въ праздничныя одежды, чпобы доспойно вспрѣпшпъ наспушающее поржеспво. Въ Базиликѣ народъ, сенаторы, всѣ пропягивающъ другъ другу руки: ибо липургія, копорая должна бытъ совершена съ такою необыкновенною пышноспію, полагаепъ на все печать равенспва. Тотъ, копорый нынѣ блиспаепъ золотомъ, багрцомъ и драгоценнѣйшими камнями, можетъ бытъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ смиренный и убогій, о кускъ насущнаго хлѣба молилъ Бога, Копораго онъ пеперь первеспвующій служитель; можетъ бытъ также, чпо въ эпой густой толпѣ скрывается ребѣнокъ или преспой монахъ, копорому Небо судило возвыспсья нѣкогда до алпаря, на коемъ одинъ только Папа пользуется правомъ совершапъ святпыя пайны.

Въ церковныхъ обрядахъ еспъ нѣчто споль важное, споль поржеспвенное и прогашельное, чпо я всегда былъ Римскимъ Каполикомъ (*) по какому-то внуспреннему побужденію. Еще ребѣнкомъ, я любилъ тѣ вмѣспъ споль сладоспныя и споль груспныя молипы, копорыми сопровождается наше рождение и смерпъ юношей; я проливалъ слезы, когда въ

день Сошеспвія св. Духа или при отккрытіи училищнаго года, *Veni Creator* касалось моего слуха; я мечпалъ о славъ, о щасптіи, когда у подножія сельскаго алпаря священникъ провозглашалъ *Тебѣ Бога хвалимъ*, гимнъ Ангеловъ и побѣдителей. Судите же о чувспвованіяхъ, какими наполнилось мое сердце, когда я увидѣлъ въ первый разъ, въ главной Базиликѣ, намѣспника св. *Петра*, несомаго Римскими священниками и возсѣвшаго на пронъ свой, пропивъ алпаря, блиспающего пысячами огней. Я не замѣчалъ ни государей, преклоняющихъ колѣна вокругъ чепырехъ порфирныхъ колоннъ, копорыя какъ бы поддерживающъ куполь, ни посланниковъ ихъ, подражающихъ сему примѣру, ни Римскихъ сенаторовъ, распускающихъ свои древнія поги, ни шеспидесяпи кардиналовъ, копорыхъ ризы сверкающъ алмазами; я видѣлъ только одного чловѣка, и эпопъ чловѣкъ былъ Папа, спарець съ болѣзненнымъ лицомъ, сѣдыми власами, и священными словами въ успахъ.

Когда я ознакомился немного съ величеспвеннымъ характеромъ сихъ обрядовъ, погда мнѣ легче было отпдать себѣ отчѣпъ въ моихъ ощущеніяхъ. Вопъ то, чпо я видѣлъ и чего не выразили бы ни кистъ *Рафаэлева*, ни поэія Христіанскаго *Байрона*.

Когда посреди толпы народа, волнующейя подобно бурному морю, являепся позлащенный креспъ, несомый однимъ изъ епископовъ, и окруженный двѣнадцатью подсвѣчниками, копорые съ спрудомъ удерживающъ въ рукахъ молодыми прелатами, ихъ несущими, то благоговѣнное молчаніе проникаепъ сердце каждаго, и Каполическая пѣспь: *Tu es Petrus et super hanc petram aedificato ecclesiam meam*, привѣщпваетъ приходъ первосвященника и владыки, копорый, съ піарою на головѣ, преклоняепъ чело у подножія гробницы, заключающей въ себѣ прахъ Верховнаго Апоспола. Скоро онъ вспаепъ, и тотъ, копорый за минуту предъ тѣмъ молилъ какъ бѣдный грѣшникъ, пеперь, какъ земной власпитель и первоспещенникъ церкви, принимаепъ поклоненіе своихъ доспопочпенныхъ собратій кардиналовъ. Поклоненіе эпо, всегда предшеспвующъ

(*) Православная Греко-Россійская Вѣра совершаепъ свое богослуженіе съ такимъ же великолѣпиемъ, и припомъ съ священнымъ, сердечнымъ благоговѣніемъ.—В.

щее Папской обѣднѣ, представляется, безспорно, одно изъ благороднѣйшихъ зрѣлищъ въ мѣрѣ.

Пусть представяптъ себѣ шестьдесятъ спарцевъ, покрытыхъ багрянницею и повергающихся къ спопамъ того, котораго они избрали своимъ повелителемъ; того, которому нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, не разъ оказывали покровительство, когда еще будучи просхимъ монахомъ или священникомъ въ уединеніи, полагалъ онъ основанія своему будущему величію. Между сими кардиналами есть дѣти королей, принцы, и другіе знаменитые люди, извѣстные цѣлой Европѣ. Они-то съ наибольшою почтительностію лобызаютъ ноги и руку намѣстника св. *Петра*. За ними слѣдуетъ Римскій Сенатъ, потомъ принцы многихъ Христіанскихъ государствъ; когда же поклоненіе оканчивается, то Папа встаетъ, міара падаетъ съ головы его, и въ это время видишь въ немъ не болѣе, какъ сѣдовласаго священника. Литургія пачинается и церковь единодушно молился вмѣстѣ съ своимъ главою.

На спуненяхъ алтаря, къ которымъ въ подобные торжественные дни не дерзаетъ приближаться никто изъ людей непосвященныхъ, споятъ кардиналы, смиренные служители священнодѣйствующаго, епископы, которые въ своихъ соборахъ также пользуются особенными почестіями, и которые, смѣшавшись въ этой полѣ церковныхъ сановниковъ, домогаются чести поднести своему владыкѣ воду, вино или еиміамъ, благословляемый его рукою. При литургіи сей находяпся посланные отъ всего Каподическаго духовенства. Папріархи Греческой церкви, съ своими украшеніями времени Вселенскихъ Соборовъ, также здѣсь присутствуюптъ, и голосомъ, дрожащимъ не отъ спарости, но отъ вліянія старинныхъ гоненій, читаютъ на языкѣ *Омира* Евангеліе, повторенное передъ тѣмъ кардиналами-діаконами на языкѣ Латинскомъ. Когда умолкаютъ глаголы Апостола и Христа, тогда человекъ, Христіанинъ, пачинаетъ говорить въ свою очередь, и *Credo*, символъ нашей вѣры, испоргается изъ однихъ уснъ и ста тысячъ сердецъ.

Въ это время прелаты выносятъ изъ обширныхъ ризницъ, усроенныхъ *Піель VI*, священные сосуды, употребляемые только одними Папами, богатая міары, которыхъ они завѣщаютъ одинъ другому умирая, и всѣ сокровища, сославляющія богатство церкви. Въ сію торжественную минуту, когда Папа, взирающій съ высоты алтаря на безчисленную толпу народа, отдѣляется отъ всѣхъ его окружающихъ, и преклонивъ одно колѣно, произноситъ папиственныя слова, въ храмѣ нѣтъ и не можетъ быть невѣрующихъ; онъ наполненъ одними лишь Христіанами.

Скоро папство совершено; пѣніе снова пачинается; но это пѣніе, съ звуками котораго не соединяются звуки никакого инструмента, сдѣланнаго руками человека, заимствуетъ что-то сверхъ-естественное отъ свястости произнесенныхъ словъ. Неземная музыка обворожаетъ слухъ. Въ эпихъ голосахъ, въ эпихъ моливахъ есть нѣчто столь сладостное, что душа возносится вмѣстѣ съ ними, и каждый, опущая взоры отъ сего божественнаго зрѣлища, молился съ пламеннымъ усердіемъ.

Пушечный выстрѣлъ съ зѣмка св. Ангела и оглушительный звонъ колокола св. *Петра* возвѣщаютъ, что Папа, обратясь лицомъ къ народу, сходитъ съ алтаря, и готовится благословлять свой городъ и вселенную. Тогда всѣ тѣ, которые имѣли щастіе присутствовать въ храмѣ, и тѣ, которые не могли быть въ немъ, спѣшатъ на большую площадь Вапикана, озаряемую Итальянскимъ солнцемъ. Туда стекаются всѣ иностранцы, всѣ знатные, богатые и учёные люди, которые только находяпся въ Римѣ. Это живая панорама, представляющая изумленному взору копки всѣхъ націй, мундиры всѣхъ народовъ, принцевъ и подданныхъ всѣхъ государствъ. Полдень; пальба изъ пушекъ не умолкаетъ, звонъ колоколовъ со всѣхъ городскихъ церквей оглашаетъ воздухъ, и едва лишь на балконѣ собора св. *Петра* показывается блестящій пронъ первосвященника, какъ отъсюду раздается слово: *Il santo padre*, произнесенное въ полголоса: тогда мужчины, женщины, спарцы, дѣти, всѣ стоя на колѣ-

1793, les femmes à la mode de cette époque. La robe en crêpe blanc faite en cœur, très décolletée, les manches fort courtes, serrant le bras comme des manches de chemises. La jupe de la robe ouverte devant, garnie de chaque côté d'une guirlande *jardinière*; un dessous de satin blanc.

La coiffure était basse, par derrière, formée de nattes; un bouquet de fleurs placé sur le côté gauche de la tête, au-dessus de la tempe, et un autre derrière l'oreille droite. De chaque côté de la figure, trois tire-bouchons.

— Une autre robe de satin blanc unie, ouverte devant avec de hautes garnitures de blonde, les manches courtes et par dessus ces manches courtes, d'énormes manches longues ouvertes et laissant voir le bras nu; des épis de diamans dans la coiffure, le corsage à dos plat garni de blonde, drapé devant avec une plaque en diamans.

Voilà les deux singularités les plus remarquables; après cela les robes, peu différentes, quant aux formes, différaient par la couleur et les mille et une manières dont elles étaient ornées. Tous les gants garnis avec des rubans pendans.

Mme G. . . l'amie de *Cécile*, dont je vous ai parlé dans ma première lettre, était belle. Sa robe en cachemire blanc uni, drapée derrière et devant avec des manches demi-longues, d'où pendaient des rubans de satin blanc. Sa coiffure à l'*égyptienne* mêlée de perles d'un travail tout particulier, deux berthes peu descendantes sur les joues et entourées aussi de perles. Au cou, une belle croix en diamans suspendue à une petite gance noire; point de boucles d'oreilles.

En voilà bien long sur un bal, ma chère sœur, mais toutes ces lumières, toutes ces jolies femmes *me passent* devant les yeux, et le bruit de la fête charme mes oreilles. Je ne vous donne pas de mes nouvelles: quand on s'amuse autant, on n'a pas le temps d'être malade, mais on a celui de penser à sa chère sœur et de l'aimer, et c'est ce que fait votre *Sarah*.

Pl. No 8. Char à bancs.

М О Д Ы.

Всѣхъ замѣшнѣ была одна дама, попому что оригинальный нарядъ ея не имѣлъ сходства ни

съ однимъ пупъ находившимся; онъ напоминалъ нѣсколько костюмы, принятыя дамами послѣ революціи 1793 года. Бѣлое креповое платье, лифъ сдѣланъ сердцемъ, весьма открыто, рукава весьма короткіе, въ обтяжку, какъ рукава у рубашки, юбка открыта, съ обѣихъ сторонъ положены гирлянды изъ разныхъ цвѣтовъ, внизу бѣлое апласное платье,

Прическа сзади была низка, соспавлена изъ косъ; букетъ цвѣтовъ пришилень былъ на лѣвой сторонѣ головы надъ вискомъ, а другой позади праваго уха; съ каждой стороны у лица по три локона штопоромъ.

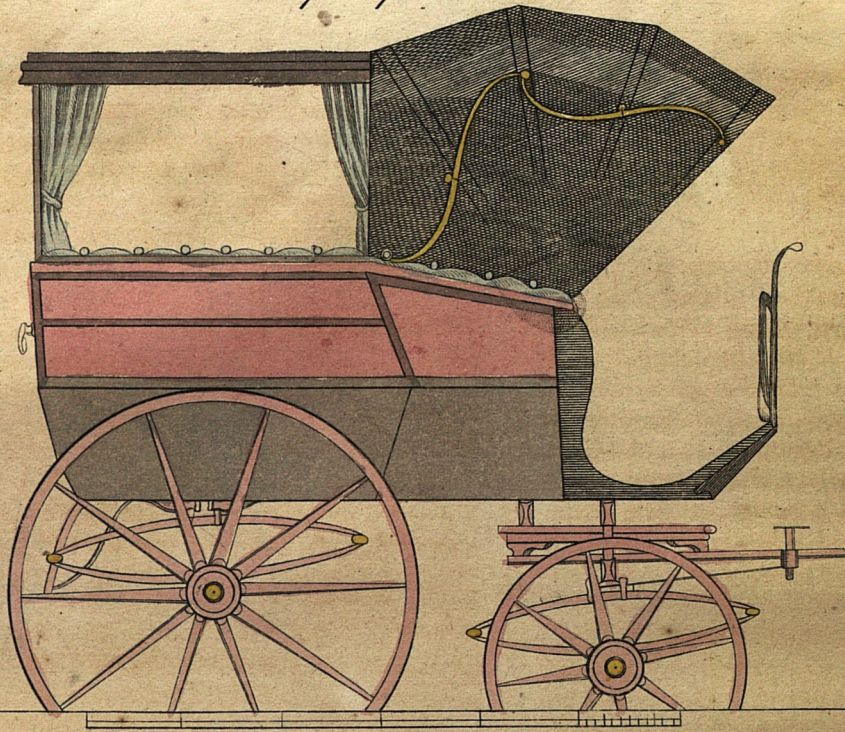
Другое платье, гладкое, бѣлое апласное, открыто спереди, съ широкими блондовыми оборками, рукава короткіе, а сверху огромные длинные открытые рукава, такъ что рука была голая; въ причeskѣ брилланшовыя колосья; спинка гладкая, обшита широкою блондою, спереди драпировано съ брилланшовою бляхою.

Вопъ двѣ самыя замѣчательныя спранныости; впрочемъ въ покроѣ платьевъ мало было различія, они опличались разными цвѣтами и тысячею различныхъ отдѣлокъ. Всѣ перчатки были съ висящими лентами.

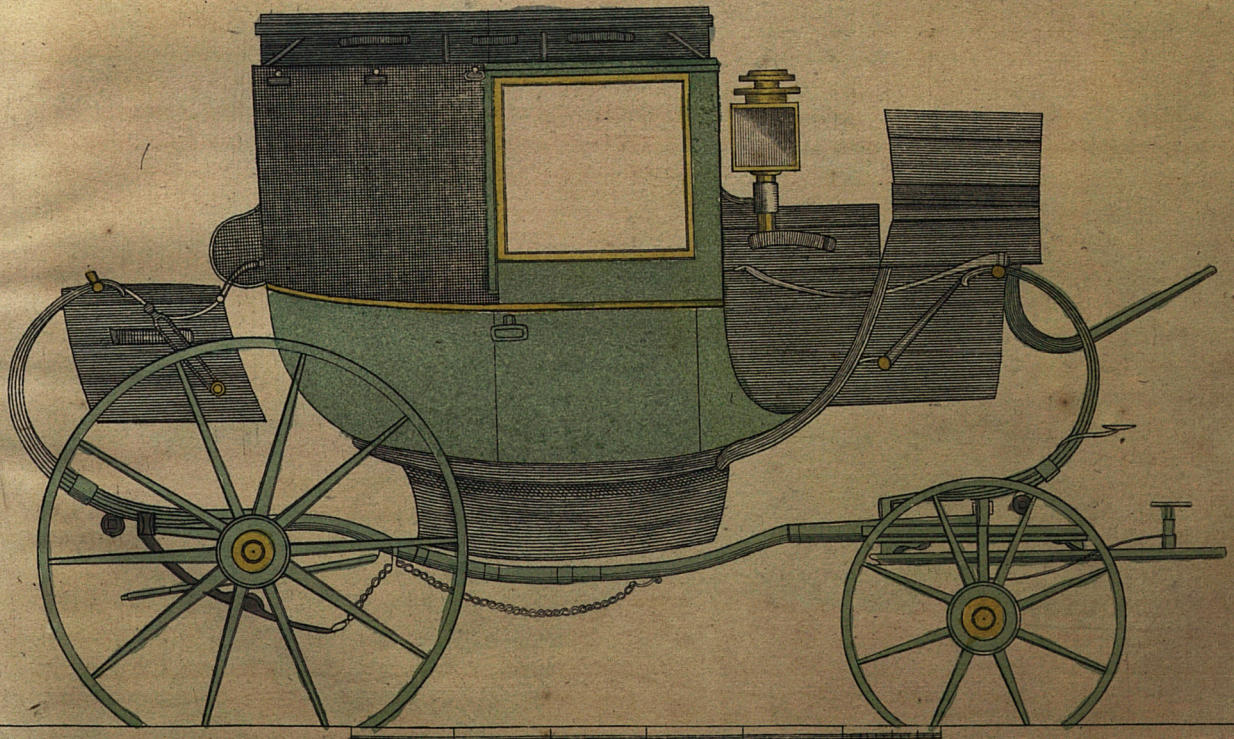
Г-жа G. . . , пріятельница *Цецилии*, о которой я шебъ говорила въ первомъ письмѣ, была прекрасна. Бѣлое кашемировое платье, драпировано сзади и спереди, съ полудлинными рукавами, откуда висѣли бѣлыя апласныя ленты. Египетская прическа съ бусами особенной работы, двѣ бершты, не очень спущенныя на щеки, также обернупы бусами. На шеѣ бриллантовый крестъ на шпонкомъ черномъ снуркѣ; серегъ не было.

Уже слишкомъ много объ этомъ балѣ, любезная сестра; но это освѣщеніе, эти хорошенькія женщины безпрестанно у меня передъ глазами; а шумъ праздника восхищаетъ мой слухъ. О себѣ я не говорю ни слова: нѣтъ времени хворать при такихъ удовольствіяхъ, но думаю о своей милой сестрѣ и любить еѣ—есть время, что и дѣлаешь твоя *Sara*.

Карш. No 8. Шарабанъ.

Char à bancs.

Diligence de Voyage.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 21.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 13 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Въ красавицѣ онъ ужъ не влюблялся,
А водочился какъ нибудъ;
Откажущъ—мигомъ утѣшался;
Измѣняющъ—радъ былъ отдохнуть.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НѢСКОЛЬКО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХЪ ЧЕРТЪ
КОРАБЛЯ И КАПИТАНА КОРАБЛЯ—НА-
СТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

(Морская сцена.)

То—было прежде, а это—теперь.

Капитанъ корабля *Д Д Д*, споящаго на
якорѣ на большомъ Кроншпадпскомъ рейдѣ,
лежалъ на баракановыхъ подушкахъ рун-
дука своей каюпы, и держалъ въ рукѣ—*la*
Salamandre *Евгенія Сю*. Но онъ не могъ чи-
пать книгу, онъ думалъ о чемъ-то другомъ:
онъ безпреспанно наводилъ зрительную
трубу къ споронѣ Петербурга.—Часъ по
полудни. Шпилевой Іюльскій день.

«Гмъ!... Нѣтъ, не вдушь!... Но, вопъ
письмо опъ *неё*.—Именно она хотѣла—се-
годня—наняшь пароходъ и прѣхашъ въ госпи-
ко мнѣ на корабль....

«Спранно!...»

И вопъ, упоженный ожиданіемъ и жа-
ромъ лучей солнечныхъ, онъ разспегнулъ

опъ верха до низа—крючки своего шпофна-
го архалуха.

«Гмъ!... Спранно!...» продолжалъ онъ,
крупя усы, и положивъ къ споронѣ *la Sa-*
lamandre.

Но шумъ обрапилъ его вниманіе.

Голосъ вахт. лейт. — Кпо бы вы ни бы-
ли!... Я исполняю мою обязанность.—Ка-
питанъ приказалъ никого не принимашъ се-
годня на корабль—по парадному прапу, ис-
ключая нашихъ флотскихъ начальниковъ!....

Незнакомый голосъ. Милоспивый государь
мой!.. Смѣю вамъ опяшь доложитъ, что я—
самъ опспавной флота капитанъ 1-го ран-
га, и имѣю право приспашъ къ правому бѣр-
пу!.. И хопя пушками въ меня палише, а
я всё таки приспану къ правому бѣрпу!..—
Я опспавной флота капитанъ 1-го ранга;—
волосы мои сѣды;—я прѣхалъ на флотъ из-
далека, изъ Сарапвской губерніи.
Чпобъ взглянуть на него, я бросилъ въ де-
ревнѣ жену, 12 человекъ дѣшей, а двухъ—
привезъ опредѣляшъ въ Морской Шляхеп-

ный корпусъ;.... подумайте, милоспивый государь мой,—всё это не даетъ вамъ права—обижать меня. Я никогда не переспуплю черезъ порогъ моего дома — лѣвою ногою, я никогда не взойду на корабль — по лѣвому прапу!...

Капитанъ, въ одинъ мигъ сбросивъ съ себя архалухъ — уже былъ въ мундиръ. Онъ спѣшилъ на шкапцы.

Вахтенный лейтенантъ встрѣпилъ капитана. Онъ приподнялъ фуражку, и показалъ ему ялбопъ—остановившійся саженьхъ въ 10-ти отъ параднаго прапа.

Въ ялбопъ сидѣлъ миніапюрный, худенькій спаричокъ, съ серебряными волосами, — въ нанковомъ сюрпукъ, и въ огромной фуражкѣ на вапѣ.

Ялбопчикъ, мужикъ съ окладиспою чѣрною бородою, въ красной запрапезной рубахѣ—не шевелилъ веслами, испуганный запрещеніемъ вахтеннаго лейтенанпа.

Капитанъ вышелъ на 1-ю спупеньку параднаго прапа.

«Лишь только я узналъ, что вы заслуженный, почпненный морякъ, то топчасъ вышелъ встрѣтитъ васъ.—Добро пожаловать. Вы доспавите намъ честь вашимъ посѣщеніемъ.»

Ялбопчикъ изо всѣхъ силъ принялся догребать до прапа. Спаричокъ снялъ фуражку и низѣхонько поклонился; лицо его сіяло воспоргомъ. Смущенный, онъ малъ судорожно шросъ въ рукахъ своихъ.

Посѣпипель всходилъ по прапу. Это былъ спарецъ лѣпъ семидесяти; но, посмотрипте, какъ онъ быспръ, какъ онъ бодръ, какъ онъ восторженъ. Это юноша, спѣшащій упаспъ въ объапія своей возлюбленной.—Есть чувспвопанія, которыя спарца превращаютъ въ юношу; есть чувспвопанія, которыя юношѣ даютъ немощность спарца!

Посѣпипель показался на шкафултѣ.

Руки и ноги посѣпипеля—дрожали. Онъ улыбался умильно, радоспно. Онъ хотѣлъ говорипъ, но не могъ говорипъ отъ избытка чувспвопаній. Онъ снялъ фуражку съ лишеннаго волосъ пемени, — и кланялся низко и мапросамъ и часовому, и лейтенанпу и капитану,—всѣмъ равно почпипельно, всѣмъ равно ласково.—Наружность спарика была свяпа, внушающа почпненіе въ эту минупу.

— Да неужелижъ-то я въ самомъ дѣлѣ на корабль!...—воскликнулъ наконецъ посѣпипель звонкимъ, прерывиспымъ голосомъ.—Такъ! я на корабль!... вопъ мачпы! вопъ пушки! вопъ палуба подъ ногами моими!.... Благодарю Тебя, Царю Господи: до смерпи моей, Ты сподобилъ меня еще разъ — повидать флопъ, повидать море!...—

И слѣзы, крупныя слѣзы капиплись по щекамъ его.

Капитанъ корабля и вахтенный лейтенантъ были пронупы этою сценою. Какъ моряки—они понимали чувспвопанія спарца.

«Добро пожаловать! добро пожаловать!» заговорилъ капитанъ. «Вы родной намъ! вы морякъ—по душѣ и по чувспвопаніямъ! мы уважаемъ, мы любимъ васъ—какъ опца!...»

И вопъ спарикъ бросился обнимать и капитана и вахтеннаго лейтенанпа. Троспъ его упала на палубу.

— Сблаговолипте повеспи меня къ капитану корабля: мнѣ хочется поклонипся ему.....—

«Я—капитанъ корабля, къ вашимъ услугамъ!» опвѣчала капитанъ, учпиво и граціозно наклоня голову, и приподнявъ фуражку: «и самъ долгомъ почель первый привѣспвопать васъ.»

— Какъ!... вы—командиръ корабля?!... Да вѣдь вамъ еще и 35-ти лѣпъ нѣпъ!!!... да вѣдь вы еще не въ капитанъ-командорскихъ эполетахъ!!!!... Ахъ, я было и забылъ, что шеперь ужъ нѣпъ капитанъ-командоровъ.—

«Нынче командуютъ кораблями и капитанъ-лейтенанпы, если только они доспой-

ны того. — Нынче во флотъ открыва широкая, лесная дорога, для опличнаго молодого моряка. Нынче во флотъ измѣряютъ достоинства—достоинствами, а не дѣлами.»

— Такъ неужьто-жь вы — капитанъ 2-го ранга? ... —

« Да, — къ вашимъ услугамъ.»

— Чудень спалъ нынче свѣпъ! ... — Но, позвольте мнѣ, милоспивый государь мой, изъяснить вамъ мое всенижайшее высокопочитаніе. — Я помѣщикъ Саратовской губерніи, опспавной флота капитанъ 1-го ранга. Опспавилъ дома жену, 12-ть человекъ дѣшей — для того, чпобъ взглянуть на флотъ, — а двухъ . . . — Говоря это, поспшипелъ низко, почпшипательно кланялся, жестоко расшаркиваясь, и размахивая въ воздухъ правою рукою, въ которой онъ держалъ фуражку.

« Очень радъ, очень радъ васъ видѣпъ; » прервалъ его капитанъ.

— И всё-та теперь не такъ, какъ было. — И матчы-то какъ-то спали больше! И корабль просторнѣе! ... —

« Это вамъ такъ кажется, опъ того, чпо вы ужъ давно не видали корабля. Напроривъ, нынче вооруженіе меньше и поньше; шакедѣжь поньше; корабль меньше, ибо снаружи незамѣпно его юпа, ибо гальюкъ его меньше и акурашнѣе. »

— А какъ чисто-то! чисто-то! ... А какъ богато-то все! богато! ... И краска-то другая! И спанки-то пушечные—другіе! и курки-то придѣланы къ пушкамъ! И койки-то какія пухлыя, чистыя! И мапроры-то какъ чисто одѣпы, — всё одинаково! и какія у нихъ у всѣхъ разумныя лица! —

« Капитанъ корабля долженъ поставитъ первѣйшею для себя обязанностію удлучшитъ жизнь мапрора, образоватъ его, датъ ему духъ! сдѣлатъ его огнѣвымъ! ... — Я завелъ въ своемъ экипажѣ то, чпо у каждого мапрора—прекрасный шюфякъ, прекрасная подушка; по 6-пи рубахъ хорошей холспины, съ широкими гребецкими рукавами, и по 6-пи шпукъ исподняго плапья. — Я приучилъ ихъ

къ чистотѣ такъ, чпо они сами собою теперь всегда опряпно, щеголевато одѣпы. — Вы знаете, чпо чистота еспъ вещь важнѣйшая на корабль, для сохранения здоровья мапророръ; кромѣ того, она придаетъ судну видъ щеголеватый, видъ чистаго лебедя.»

— А палуба-то, палуба—какая чистая! ... —

« У насъ нынче заливаютъ пазы бѣлымъ гѣрпюсомъ и задѣмываютъ болпы деревянными вспавками—видите? ... Къ тому-жь у насъ выводятся изъ упопробленія швѣбры, копорыя мшапъ палубу, и содержатъ копорыя въ чистотѣ—очень прудно.»

— Какъ! швѣбры? ... А на руслени-то со швѣбрами, во время боя, развѣ вы не высылаете? ... —

« Да, — на русленяхъ во время боя — онѣ нужны. — А знаете ли вы, чпо вмѣспо Фипилей—мы упопроблемъ *колпачки*? »

— Какъ? ... Чпо такое—*колпачки*? ... Ха! ха! ха! —

« Эй! — подайте колпачокъ. — Вопъ видите. Эпоть маленькой, мѣдный колпачокъ внупри намазанъ веществомъ, которое мгновенно вспыхиваетъ опъ удара. Эпоть колпачокъ надѣвается на запаль. Курокъ бѣпъ по колпачку и производитъ искру. — Разумѣется, чпо въ запаль до самага его верха насыпаются порохъ.»

— Вопъ-съ какъ! ... —

« Фипилей и скорострѣльныхъ прубокъ не существуетъ, а слѣдовательно и искръ, копорыя они разсыпали по палубамъ. А вы знаете, чпо одной искры довольно, чпобъ взорватъ корабль. ... »

— Какже, батюшка! какже! ... — Ахъ, Боже мой, Боже мой! Куда люди спали хипры, да запѣйливы! все-та теперь не такъ, какъ прежде! И корабли-то спали пахнутъ ужъ не смолой, а духами! —

Опъ капитана вѣяло благовонною атмосферою—*Герке*. — Улыбка умнаго, свѣпскаго щеголя—легла на губы его.

— Такъ вопль-съ нынче какіе юпы!... —

«Они скрадены корабельною поспройкою. А по въ спарину, высокій юпъ, еще съ высокимъ воропникомъ—дѣлалъ корабль горбатымъ, безобразнымъ, и для глазъ, слишкомъ погруженнымъ въ воду носовою часпію. — Морской глазъ любитъ видѣть, чпобъ корма корабля была больше погружена, чѣмъ носъ; чпобъ корабль имѣлъ видъ богатыря, гордо закинувшаго назадъ голову.»

— По мнѣ такъ лишь бы спрѣмлялъ хорошо корабль... а по, вѣдь иной, и богатырь—на видъ, а какъ придепъ, съ позволенія сказать, узломъ... такъ и давай Богъ ноги! —

«Тогда бы флотъ шель—назадъ, а не впередъ въ усовершенствованіи, когда бы онъ забылъ главнѣйшее назначеніе корабля!... Каждый изъ моихъ мапросовъ, храбрый, ловкій аршиллеристъ. Я увѣренъ, чпо ни одно ядро съ моего корабля не пролешипъ *лимо* непріятельскаго корабля. — И полько пусти меня въ дѣло! я бы показалъ, какво деретса Русскій корабль царствованія *Императора Николая!!*»

— Ура!... ура! —

«Полубуйтесъ на ружья, на абордажное оружіе. Они всѣ разложены по нумерамъ. Каждый мапросъ знаетъ свой Но, и чпспиптъ, холптъ свои пистолеты, свое ружье, свои мушкетоны, свою сѣкиру, свою пику; они всѣ подъ рукою у команды. — Нынче корабль, полько чпо вышедній изъ гавани, ужъ—на *военной погъ*. — Палки на барабанъ, ударяптъ превогу, и чрезъ нѣсколько секундъ каждый мапросъ на своемъ мѣспѣ, и всѣ—гопово къ бою. — О! какъ нынче высокъ нашъ флотъ въ военномъ отношеніи!...»

— Хорошо всѣ! очень хорошо!... Но вездѣ выкрашено *масляною* краскою, ярко-зелѣною, —налевою, —лазоревою, —оранжевою. А бывало, красились бѣлилами на клею. —

«Эти краски прочнѣе и удобнѣе содержатся въ чпспотѣ.»

— Я думаю, эпа чпспотпа птягоспна для мапросовъ. Я думаю, по и дѣло, чпо ходяптъ да моюптъ,—да чпспяптъ... —

«Ежели мапросъ приученъ къ чпспотѣ, по корабль почпи самъ собою всегда чпсптъ. Я довелъ до того своихъ мапросовъ, чпо они поднимаптъ на смѣхъ другой корабль, которій не споль чпсптъ—какъ мой; они—гордяпся чпспотою своего корабля.»

Посѣпипель и капипанъ вошли въ капипанскую каюпу.

Въ капипанской каюпѣ всѣ доспѣлось, сіяло какъ зеркало. На лучѣ солнечномъ не блеспѣло ни одной пылинки.

— Богато! важно!... и зеркала-по! и образы-по (бюспы)! и карпипы-по!... А какъ чпспо! а какъ чпспо!... —

«Да.—Топтъ, кто хочетъ узнать, чпо такое—*гистота*, не долженъ шеперь ѣздиптъ ни въ Англію, ни въ Голландію; онъ долженъ посѣпиптъ Русскій военный корабль.—Испипный морякъ всегда опряпентъ.—Многія дѣвпцы—пребывапельно, эспепично-опряпны; но всѣ бы имъ не мѣшало позаняптъ кой-чего, въ эпомъ отношеніи, оптъ моряковъ!...»

— Гичька гопова, капипанъ,—сказалъ вошедшій гардемаринъ.

«Иду.— Не угодно ли вамъ, почпенный госпъ мой, объѣхатъ со мною корабль. — Я всякой день, послѣ объѣда, осмаприваю корабль снаружи.»

Они сѣли въ гичьку. — Капипанъ велѣлъ спустиптсѣ въ гичьку и вахпенному гардемарину.

Чпо за гичька!... Какъ длинна! какъ легка! какъ быспра! какъ чпспта!... При каждомъ пѣмпѣ вѣселъ — она мѣпнѣпса сажени на двѣ впередъ.—А сколько граціи въ гребцахъ!.. Манера ихъ гребли—нова, жива, воинспвенна, сановипта!...

— Ахъ, бапюшка!... да ваши гребцы—босые!... —

«Эпо — слѣдствіе того духа, которій вдохнулъ я въ мапросовъ. Я не принуждаю гребцовъ моихъ быптъ босыми на шлюбокѣ.—Они—любяптъ гичьку. Понимаюптъ, чпо она

понка, нѣжна; видяпть, что она щеголевато выкрашена,—и не хопяпть ломать, царапая еѣ—обувью.—Босая нога всегда свѣжѣ и здоровѣе—обушой.»

— Чудеса! чудеса!... — Скажите мнѣ пожалуйста, что у васъ борпть корабля пакъ доснипся?—Аль онъ лакомъ вымазанъ?... —

«Вмѣсто чѣрной краски, мы красимъ корабль особеннымъ смолистымъ, чернымъ составомъ, который очень долго удерживаетъ доску.—Г. гардемаринъ — смоприпе, въ исправности ли снаспи между гропъ и фокъ-мачпою?...»

— Гропъ-марсабулень — не пуго выплунуть,—опвѣчалъ гардемаринъ попчасъ, безъ запинки.

« Прекрасно! »

Гардемаринъ вспыхнулъ опъ радости, опъ того, что капитанъ похвалилъ его.

«Замѣпьте,» продолжалъ капитанъ гардемарину. «Всѣ снаспи должны бытъ всегда пуго выплунушы: мерзко, мерзко, когда хопъ одна изъ нихъ — повиснетъ между цѣпною линіею!»

«Вопъ видипте, почпенный госпъ мой: рангоупъ таково машпаба, какого онъ еспъ пеперь: п. е. мачпы и спѣныги болѣе коропкя, чѣмъ онъ были въ ваше время, выгоды въ 1-хъ попому, что чрезъ это вооруженіе — короче, легче; во 2-хъ въ попъ вѣшеръ, въ какой въ ваше время можно было неспъ одни марсели, я понесу пеперь — брамсели, и пойду—скорѣе; въ 3-хъ большое вооруженіе опнимаепть цѣну у корпуса корабля, бравъ корабль какъ вещь, привлекающую вниманіе, возбуждающую чувспвоаня. — Но вопъ половина 3-го часа. Г. гардемаринъ, вы сказывали артиллерійскому офицеру, что я приказываю ему въ половинѣ 3-го часа начатъ учипъ манросовъ—по пушкамъ?...»

— Сказываль-сь. —

«Гмъ!... Вопъ половина 3-го!... я не перплю такой несправности!... А!... вопъ пушки двдигаюпть въ корабль; началось ученѣе.— *На вѣслахъ!*...»

И вопъ гребцы еще разъ хруснули вѣслами, и переспали греспъ. Вѣсла, лежа въ уключинахъ, были горизонтальны, неподвижны въ воздухѣ; гребцы также неподвижны.

«У насъ, нынче, по большой части спашуи на корабляхъ—двуглавые, бѣлые орлы.—Ежели орелъ хорошо вырѣзанъ, и хорошо посаженъ на водорѣзь, то это очень величественно, и красиво.—А замѣчаепе вы, какіе у насъ акурапные, маленькіе гальюны?... Гальюнъ еспъ самая прозаическая необходимость на кораблѣ, и, вмѣстѣ съ пѣмъ, еспъ вещь красящая корабль. Гальюнъ придаепть кораблю нѣсколько длины, и, обводами своихъ линій, придаепть носовой части корабля—необыкновенную прелеспъ. Корабль, въ опношеніи къ своей внѣшности, безъ надѣлокъ на носовой части его, который соспавляюпть—гальюнъ, былъ бы подобенъ орлу—безъ клюва.—Взгляните, какъ безобразенъ носъ Бердовскаго бѣпа, попому что на немъ нѣптъ гальюна.»

— Да никакъ у васъ на кораблѣ поведерпупо много бѣгучаго—пакелажъ?... —

«Нѣптъ,—его не видатъ! Онъ прихваченъ къ ванпамъ, шпагамъ и шупенантамъ.—Это придаепть вооруженію что-то невещественное, духовное, идеальное! Это нѣсколько удалепть вооруженіе опъ прозаической вещественности!...»

— Сирѣчь будучи, вы хопипе сказатъ... что... то еспъ... понимаю! понимаю!... —

И вопъ спарикъ выпиралъ плапкомъ крупныя капли попа со лба своего: онъ пужился, и не могъ поняпть языкъ моряка наслощаго времени.

«*На—воду!*»

Вѣсла опяпть захруспѣли въ уключинахъ,—гичька полепѣла сирѣлою.

Въ это время они огибали лѣвую раковину корабля.

Капитанъ укусплъ себѣ губу опъ досады.

«Послушайте, почпенный госпъ: хороши у васъ глаза?»

— О! слава тебѣ Господи! безъ очковъ... —

«Чиста ли раковина?»

— Да чего-жъ чище эпаго! —

«Нѣптъ! а я вижу на ней каболку (*)!»

«Вы не совсѣмъ исправны,» сказалъ капитанъ вахпенному лейтенанту, взоидя на шканцы, и показалъ ему каболку и гробъ—марсабулень.

«Наконецъ! наконецъ!...» Капитанъ вспыхнулъ отъ радости. Бердовскій пароходъ спучалъ колесами ужъ на рейдѣ. Подъ тактъ имъ заспучало сердце капитана. — «Наконецъ!...»

«Музыка!... гизьку!... Шарль—послать!...»

Есть!... есть!

Тридцать человекъ горнисповъ выбѣжали на шканцы. Шарль, камердинеръ капитана, — въ модномъ фракѣ, въ галспухѣ съ огромными бантами, въ богатомъ жилетѣ, съ часами на бронзовой цѣпочкѣ, съ золотымъ сувениромъ отъ милой на мизинцѣ правой руки — оспановилсѣя, припопнувъ каблуками передъ капитаномъ.

«Зонпагъ кадрилъ! — Перчатки, пару изъ пѣхъ, что я привезъ изъ Петербурга; саблю, шляпу, духи...»

— Miel d'Angleterre — прикажите, или... —

«Всѣ равно, — только скорѣй.»

Музыканты по темпамъ приславили рога ко рпу, и по знаку режисѣра, Зонпагъ-кадриль раздаласѣя въ воздухѣ. Шарль, скользя на носкахъ тонкихъ, лакированныхъ сапоговъ своихъ — побѣжалъ въ каюпу капитана.

Въ это время посѣпшилсѣя сидѣль на пушкѣ, слушалъ музыку и лобзалъ глазами предмешы. Онъ шаялъ отъ восторга.

Ялбопчикъ апепипно зѣвалъ. Съ парохода дѣвица махала капитану плапкомъ...

Щаспливецъ — эпомъ капитанъ: онъ можетъ имѣть сочиненія Сю!... Онъ любитъ! онъ любимъ!...

Н. Д.

АНЕКДОТЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I-мѢ.

Недавно я пришелъ къ одному изъ моихъ знакомыхъ: въ госпиной нѣсколько мушницъ собрались въ кружокъ около человека въ генеральскихъ эполеталъ, и жадно слушали его рассказъ. Это былъ генералъ С... Онъ сопровождалъ Императора Александра Благословеннаго почти во всѣхъ его путешествіяхъ, и былъ свидѣтелемъ многихъ анекдотовъ, случившихся съ симъ великимъ Государемъ, анекдотовъ, драгоценныхъ для всякаго Россіянина. Я подошелъ къ слушателямъ; генералъ продолжалъ рассказъ:

«Въ нѣсколькихъ верспахъ отъ Полтавы, нашъ фореипоръ упалъ съ лошади и переломилъ себѣ ногу. Коляска оспановиласѣя; самъ Государъ посѣпшилъ на помощь нещасному; всѣ хлопотали около него и не знали, что съ нимъ дѣлать. Взять его съ собою было невозможно, сдатьъ на руки некому. Кругомъ спешь: не видно ни жилья, ни проѣзжаго. Но вопъ, къ общей радости, вдали показаласѣя пылъ; она медленно подвигаласѣя къ намъ, и наконецъ къ коляскѣ подѣхалъ возъ, запряженный парюю воловъ; на немъ сидѣль человекъ средняго роста, широкій въ плечахъ; смуглое лицо его осѣнялось длинными усами, досягавшими до груди; изъ подъ густыхъ, чѣрныхъ бровей сверкали каріе глаза, исполненные огня и живоспи; вокругъ правагоуха вилсѣя оселедецъ. Съ перваго взгляда въ немъ легко было узнать Малороссійскаго поселнина. Беззаботно напѣвая какую-то пѣсенку, онъ тянулсѣя въ Полтаву.

«Послушай! добрый человекъ,» сказалъ я ему: «доставъ въ городъ вопъ эпаго больнаго.»

Малороссъ снялъ шапку и почтительно поклонилсѣя; потомъ подошелъ къ фореипору, посмотрѣлъ на него, почесалъ запылокъ, и молча, принялся укладывать въ возу сѣно. Вскорѣ уложили больнаго; другой фореипоръ сѣлъ на лошадь; все было готово къ отпѣзду.

— Гдѣ же мнѣ оспавить вашего хлопца въ городъ? — спросилъ мужикъ.

Государъ приказалъ написать записку въ городскую больницу о принятіи, а поселя-

(*) Маленькій клочокъ леньки.

нину дамъ 50 рублей. Онъ принялъ бумагу, но опъ денегъ отказывался, говоря: за что это?

«За пвои труды,» отвѣчалъ я.

— Не возьму, незачто, я ѣду въ Полтаву по своему дѣлу и мнѣ ничего не стоить труда его доставить. —

«Но ты будешь за нимъ присматривать!»

— Такъ и за то брать деньги, что не дамъ умереть своему брату, Христианину? Богъ съ вами, паны, я не Жидъ и не хочу вашихъ денегъ. —

Безкорыстіе поселнина понравилось *Государю*. Онъ велѣлъ дамъ ему сто рублей.

«Когда ты не хочешь брать пятидесяти,» сказалъ я: «накъ вопъ тебѣ спо.»

Поселнинъ пожалъ плечами. *Одвѣжится пожалостя!*—вскричалъ онъ: вы, какъ я вижу, смѣетесь надо мною. Гей!— онъ махнулъ племью, волю пронули.—Прощайте, паны!—

«Но вѣдь это тебѣ *Государь* даетъ!»

— Царь? Гдѣ же Онъ? —

«Вопъ Онъ!» И я указалъ ему *Государя*.

Шапка выпала изъ рукъ поселнина.

— Царь! — сказалъ онъ: и пакъ милоспивъ съ нашимъ братомъ! а нашъ комисаръ.... да что и казать! Теперь давайте ваши деньги; опъ васъ не возьму, а опъ Царя, какъ не взять! Пусъ мои дѣни расскажутъ внукамъ про мое щастіе.—Онъ взялъ ассигнацію и прижалъ сѣ къ загорѣлой груди своей; слѣзы лились изъ глазъ его.

Коляска помчалась; я оглянулся назадъ: Малороссъ споялъ въ помъ же положеніи; взоръ его былъ прикованъ къ удаляющемуся экипажу; вѣперъ игралъ оселедцемъ; шапка лежала у ногъ.»

—Что-жь сказалъ *Императоръ*?—спросили слушатели.

«Онъ молчалъ; но спокойное—свѣпное чело Его говорило: я щастливъ, имля такихъ подданныхъ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Я.

Ласпочка лепитъ изъ за-моря,
Прилетѣла изъ за-Синяго:

Принесла ли мнѣ касачочка
Вѣсточку опъ друга милого.

*

Щебетунья приюпилася
Подъ окномъ въ родномъ гнѣздышкѣ:
Ахъ, согрѣй же сердце радостью,
Расскажи мнѣ про желаннаго;—

*

Носишь ли онъ буйну голову?
Помнишь ли онъ *Дулю* бѣдную?
Всѣ ли вѣренъ ей по прежнему?
Такъ ли любишь, какъ говаривалъ?

*

Нѣтъ, не снесъ мнѣ пляжкой учаспи,
Не дождашься ненагляднаго;
Дай мнѣ крылушки, касачочка,
Полечу я къ другу за море.

*

Расскажу про муку люпую,
Укажу на слѣзы горькія,
Возвращу его на родину,
Али скроюсь въ безопвѣпную.—

Ал. Бистроль.

ÉPITRE A M. P...,

CAPITAINE DE DRAGONS,

*Qui se donne le surnom du Solitaire et voudrait vivre
à la manière des plantes.*

Quoi! vous voulez, aimable solitaire,
Pour vous soustraire aux rigueurs du destin,
Devenir plante et vivre sur la terre
Sans nul souci du soir ni du matin!

Du grand Linnée oubliant le système,
Ignorez-vous des plantes les amours?
Adieu la paix, du moment que l'on aime!
Au frais bocage on souffrirait toujours.

Mais admettons une métémpsycose,
Dont vous tracez un tableau si parfait!

Rêvons tous deux cette métamorphose;
Tout comme vous j'y trouve quelque attrait.

On vous verrait, tulipe nuancée,
D'un beau jardin décorant le contour;

Moi, je serais ou lierre ou pensée,
J'habiterais votre nouveau séjour.

D'ennui mourant auprès des violettes,
Bientôt, je crois, vous me diriez: Ma soeur,

Ah! mieux valaient brillantes épaulettes,
Qui m'attiraient un regard enchanteur.

J'entends souvent la beauté séduisante,
A haute voix, sans baisser ses grands yeux,

Dire, en passant: cette fleur est charmante!
Rien ne promet de plus tendres aveux.

Elle s'approche, et m'admire, et me touche
Sans hésiter, sans trembler, ni rougir;

Un doux sourire apparaît sur sa bouche,
Mais c'est en vain que j'espère un soupir.

Et vous diriez: Destin, je t'en conjure,
Rends-moi les maux et rends-moi le bonheur

Du cœur brûlant, palpitant sous l'armure,
Qui lit amour au front de la candeur.

Ah! respectons ce qu'a fait la nature,
Du bel ormeau savons-nous le secret!

Est-il heureux sous sa verte parure?
Bouton de rose a peut-être un regret. . .

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* цыфра или число;
Второй слогъ—эгоистъ; имъ родъ людской из-
мученъ;

Имъ пропасть грабежей, войнъ, зла нанесено;
А въ *цѣломъ* живучи, я вѣкъ благополученъ.

Въ No 20-мъ, помѣщенная шарада значить: *Cure-dent*.

М О Д Е С.

On vous aura sans doute communiqué la lettre
d'Edward, ma chère sœur; n'avez-vous pas trouvé son
style bien léger et peu en harmonie avec *les engour-*

dissemens dont-il était *accablé* à Londres, lorsqu'il
était obligé d'écrire le plus simple billet? Voilà ce que
l'air de France a produit. Je suis allée au bal de l'O-
péra la nuit dernière, il y avait un monde prodigieux.
Les bals masqués de France ne ressemblent point
aux nôtres: ici, tous le monde, hommes et femmes,
circulent dans la salle; à Londres, vous le savez, la
bonne compagnie loue les loges et y reste; point d'in-
trigues, de conversations; mais à Paris, ce n'est point
de même. Chacun fait assaut d'esprit et de finesse pour
faire savoir aux gens ce que l'on sait sur leur compte
et ne point en être reconnu. On tire une loterie; un de
nos compatriotes a gagné hier soir une fort belle paire
de boucles d'oreilles. Toutes les femmes étaient en do-
minos, les noirs prédominaient, on en comptait à pei-
ne une douzaine de couleur; une femme en avait un en
satin noir doublé de bleu et une *toque polonoise* en ver-
lours noir et bleu. Comme elle a passé la soirée au bras
d'un Polonais, je la crois une de ses compatriotes.

М О Д Ы.

Тебѣ вѣрно давали чипанъ, милая сестра, Эду-
ардово письмо; не нашла ли ты, что слогъ его
весьма легокъ и не согласенъ съ пѣмъ, какъ въ
Лондонѣ находила на него шупость, когда нуж-
но было написать самую простую записку? Вошь
что сдѣлалъ Французскій воздухъ. Я была въ ма-
скерадѣ прошедшую ночь, гдѣ было множество.
Маскерады во Франціи не похожи съ нашими:
здѣсь, всѣ мужчины и женщины, ходятъ по замъ;
въ Лондонѣ же, ты знаешь, люди хорошаго обще-
ства нанимаютъ ложи и сядятъ въ нихъ; отъ
того нѣтъ ни интригъ, ни разговоровъ; но въ
Парижѣ не то. Здѣсь всякой спарается блеснуть
умомъ и прозорливостію, давъ почувствовать
другимъ, что знаешь что *нибудь* на ихъ счетъ,
а самому оспаваться скрытымъ. Разыгрываютъ
лотерею; одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ
выигралъ вчера вечеромъ прекрасныя серги. Всѣ
дамы были въ домино; черныя господствовали; едва
можно было счесать двѣнадцать цвѣтныхъ; одна
дама была въ черномъ опласномъ, подбишомъ го-
лубымъ, и *Польскомъ токъ*, черномъ бархатномъ съ
голубымъ. А какъ она весь вечеръ ходила подъ
руку съ однимъ Полякомъ, то я полагаю, что
это его соотечественница.

(*Описание сего письма въ слѣд. листѣ.*)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ,

№ 22.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 16 ДНЯ 1835 ГОДА.

Вчера я распорихъ пемницу
Воздушной пѣлнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвницу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, упоная
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, удепая,
Какъ бы молилась за меня,

Ө. Туманскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПИСЬМО ПРІѢЗЖАГО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА
ЧИНОВНИКА 12-го КЛАССА, КЪ ТОРОПЕЦ-
КОМУ ПОМѢЩИКУ.

Милостивый государь

Семень Ивановичъ!

Извините меня, что я не имѣлъ щастія лично васъ знать обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ. Я пріѣзжій изъ Петербурга, кварширую въ Т. въ домъ присяжнаго *Туздова*, куда приспаюпъ и ваши креспьянѣ, по опѣздѣ моемъ изъ Петербурга, нѣкто молодой человекъ прекраснѣйшаго повѣденія, служащій въ Коммисіи *** 8-го класса Аркадій Мипрофановичъ *Бѣлхвостовъ*, получаетъ жалованья 1500 р. въ годъ и каждый годъ полугодное награжденіе и извѣстный мнѣ весьма съ хорошей стороны, просилъ меня не вспрѣшиться ли съдѣсь въ Т. какой барышня невѣспы, дворяночки посвапашъ за него. По рекомендаціи нѣкоторыхъ особъ

что у вашей невѣспушкѣ еспъ дочери дѣвцы, я имѣя чеспъ рекомендовать сего молодаго хорошаго чиновника, покорнѣйше васъ прошу, если заблагоразсуждено имъ будетъ выдать которую нибудь дочь свою, то сей молодой человекъ можетъ пріѣхать сюда для смотру или гдѣ вы сами пожелаеппе. При семъ позволите вамъ доложитъ, что сей молодой человекъ, кромѣ жалованья не имѣетъ ни какаго состоянія; но будучи хорошаго повѣденія и любимъ своимъ начальствомъ, безъ сомнѣнія по молодости его лѣтъ онъ заслужитъ можетъ ни въ примѣръ болѣе. Впрочемъ я васъ покорнѣйше прошу, если угодно будетъ вашей невѣспушкѣ выдать дочь свою за сего молодаго человека, то не прикажите ли мнѣ пріѣхать къ вамъ для личнаго съ вами по сему дѣлу соглашенія.

Въ ожиданіи опѣтпа и

27 Января 1835.

*Съ подлиннымъ вѣрно и правописание наблю-
дено тогню: Издатель В.*

РЕЦЕПТЪ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЪ НОВОИЗДАННАЯ КНИГА ХОРОШО РАСКУПАЛАСЬ.

Надобно взять нѣсколько экземпляровъ на веленовой бумагѣ, переплестъ въ богатый сафьянный переплѣтъ, и еще нѣсколько на простой и одѣтъ по-проспѣе, нанявъ извозчика на цѣлый день и развезти сафьянные—главнымъ редакторамъ газетъ и журналовъ; въ корешкѣ ихъ сотрудничкамъ, которые часто сильнѣе самихъ редакторовъ. Совѣдуемъ, при пакихъ поѣздкахъ на поклоненіе, оспавлять спинную кость дѣла и не щадить ни похвалъ, ни челобитья и разсыпавъ всѣмъ и вездѣ самую паглую лесть: вы не повѣрите, какъ это помогаетъ! Можно ли бранить того, кто хвалитъ съ энтузіазмомъ, съ исповѣдью?

Это *первый* шагъ! Чпобъ сдѣлать *второй*, надлежитъ напечатать огромными, какъ слонъ, и разноцвѣтными, какъ радуга, липерами краткое заглавіе вашей книги и прилѣпить на окнахъ книжныхъ магазиновъ (которые на улицу), на стѣнахъ каждаго лавокъ, разбросать по сподамъ кондиторскихъ, кофейныхъ, гостиницъ, и даже, если совѣсть не закричитъ: то и харчевенъ.

Для *третьяго* нужно купить разноцвѣтной Французской бумаги: алой, жѣлтой, голубой, массака, свѣтло-зеленой, розовой, и, напечатавъ на ней, въ осьмушку, прекрупными Готическими буквами заглавіе, на остающихся запѣтъ полупора спраницахъ написать самую великолѣпную похвалу вашему творенію. Это еще неважно, важно то, чпобы упростили почтеннаго А. Ф. *Смирдина*: приказавъ своимъ прикащикамъ вложить сіи разноцвѣтныя объявленія во вновь издаваемую книжку *Библиотеки для чтенія*.

Четвертое средство, съ успѣхомъ употребляемое иногда главнѣйшими сочинителями романовъ, есть то, чпобы опъ времени до времени припечатывать въ вѣдомостяхъ о маломъ числѣ остающихся у васъ въ запасѣ экземпляровъ и о предпринимаемомъ вами второмъ изданіи.

Исполнивъ все вышепрописанное, вы въ мѣсяць навѣрное сбудите съ рукъ 1000 экземпляровъ, а если ваша книга не совѣтъ

бѣтъ занимательности, п. е. не похожа ни на романы Пепра *Машкова*, ни на повѣсти Оедопа *Кузьмичева*: то и весь заводъ.

НАСТОЯЩІЙ ПАТРИОТЪ.

Въ книжной лавкѣ у *Фарикова* сполкнулись двое знакомыхъ. Размѣнявшись парю привѣтствій, которые у всякаго пеперь на языкѣ, одинъ изъ нихъ оборотился къ книгопродавцу и спросилъ *сочиненія Якова Борисовича Княжнина*. Ему ихъ подали. Просматривая книги, онъ сказалъ: «Преоспрыя комедіи, особливо *Сбитенщикъ*, наспоющая Русская, неподдѣльная. Масперъ былъ писать, нечего сказать!»—Согласенъ съ вами, что *Княжнинъ* имѣлъ пипическій палантъ;—замѣшилъ ему его знакомецъ: жаль только, что онъ многое бралъ у Франгузовъ.—«Бралъ? у Франгузовъ? Вопъ ужъ это неправда!»—Какъ неправда? Знаете ли, что и оперу *Сбитенщикъ* нашъ драматургъ цѣликомъ взялъ изъ *Мольера*, и именно изъ *Школы женщинъ*.—«А я такъ думаю, что *Мольеръ* взялъ изъ *Сбитенщика* свою *Школу женщинъ*!» съ горячностію вспунилъ папріотъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННУЮ ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Всякая національная литература въ произведеніяхъ своихъ подчинена бываетъ какому-то послоянному хронологическому ходу. Сначала появляются народныя пѣсни и эпическая поэзія (которая сама есть не иное что, какъ па же народная пѣсня), испорія, философія и сочиненія для пептра. За ними слѣдуютъ произведенія воображенія и фантазіи, романы, аллегоріи, ученые и литературныя разсужденія, и наконецъ безпредѣльное и свободное развитіе мысли челоѣческой по всѣмъ оспрасламъ просвѣщенія.

Необходимыя условія для всякой литературы соспавляются Вѣра, копя бы перемѣшанная съ заблужденіями. Первые вѣки за-

ключаютъ въ себѣ всегда богатый запасъ убѣжденій и поэзіи; здѣсь мы смѣшиваемъ поэзію съ литературою: ибо литература безъ поэзіи существовать не можетъ.

Подвигаясь впередъ на поприщѣ жизни и образованія, народъ достигаетъ извѣснаго періода, когда ему оспается еще довольно спаринныхъ вѣрованій для вдохновенія себя. Это время называлось у Грековъ вѣкомъ *Перикла*, у Римлянъ вѣкомъ *Августа*, въ новой Италіи вѣкомъ *Льва X*, во Франціи вѣкомъ *Людвика XIV*.

За симъ періодомъ совершенства и обилія наступаетъ эпоха пониженія (époque de décroissance), въ которую литература, измѣняя форму, не теряетъ еще своей силы. — Это вѣкъ *Вольтера*, *Дидерота* и энциклопедистовъ. Духъ анализа задушилъ мѣсто вдохновенія и убѣжденій. Скептицизмъ вооружается противъ познаній. Сія борьба представляетъ еще любопытную картину и поддерживаетъ дѣятельность книгопечатанія: но что оспается послѣ одержанія эпои плачевной побѣды? Благородныя вѣрованія, вдохновлявшія писателей великихъ вѣковъ, разсыяны и мѣсто ихъ заступила какая-то пустота. При такомъ расположеніи, духъ человѣческій упадаетъ въ чувства нечестія и сомнѣнія; оно поражаетъ литературу мрачную и опчаянную, впрочемъ сохраняющую еще величіе; но это величіе падшаго ангела; она производитъ лорда *Байрона*. Эпопъ могучій умъ, равно вооружающійся противъ вѣрованій, установленій и святой Вѣры, коему насмѣшка и опчаяніе служатъ Музами, и который одинъ среди всеобщаго молчанія, подобно *Манфреду* на вершинѣ Юнгъ-фрау, разлагольствуетъ языкомъ ужасающимъ, и которымъ никто послѣ него говорить не въ состояніи.

Видя печальныя послѣдствія, порожденныя въ наше время совершеннымъ отсутствіемъ вѣрованій, должны ли мы заключить изъ этого, что родъ человѣческій теряетъ съ одной стороны всё, ничего не выигрывая съ другой? Преслѣдованіе выгодъ число матеріальныхъ, холодный анализъ, приводятъ еще къ выводамъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

полезнымъ. Науки подвигаются впередъ и гражданственная дѣятельность можетъ извлечь изъ нихъ для себя выгоды; но что сдѣлается съ литературою и кто въ состояніи будетъ воскресить еѣ?

Поэзія въ наше время выражалась нерѣдко языкомъ чистымъ и возвышеннымъ. *Беранже* въ пламенныхъ стихахъ воспѣлъ бѣдствія Большой арміи. *Шатобрианъ* и *Ламартинъ* почерпали въ религиозныхъ чувствованіяхъ высокое вдохновеніе писателей первыхъ вѣковъ. — Будучи усерднымъ поклонникомъ *Шекспира*, *Викторъ Гюго* подарилъ насъ въ своихъ *Восточныхъ Стихотвореніяхъ* (Orientales) и *Осеннихъ Листкахъ* (Feuilles d'Automne) нѣсколькими страницами изумительной силы и блеска. Послѣ нихъ, нѣсколько отличныхъ поэтовъ: *Генрихъ Делатушъ*, *Бартеlemi*, *Юлій Лефевръ*, *Эдуардъ Тюркети*, *Эмилій Дешанъ*, и нѣсколько замѣчательныхъ женщинъ: г-жи *Амабль Тастю*, *Дельфина Ге*, *Дюффриноа*, *Добордъ-Вальморъ* — усыяли яркими цвѣтами поле поэзіи: но сколь бы ни были знамениты сіи имена, они не въ состояніи поставили нашу эпоху на одномъ ряду съ вѣками *Корнеля*, *Расина* и *Вольтера*.

Французская философія, въ недавнемъ времени еще ограничивавшаяся однимъ сухимъ идеализмомъ, безъ общихъ и важныхъ взглядовъ, незадолго предъ симъ сдружилась съ Нѣмецкою философіею. Теперь она сдѣлала нѣкоторые успѣхи, или, по крайней мѣрѣ, приняла новое направленіе; но съ тѣхъ поръ, какъ молчитъ *Ройе-Коларъ*, философія имѣетъ состояннхъ представителей только въ Гг. *Кузень*, *Жоффроа* и *Лерминье*, всѣхъ прехъ одаренныхъ краспорѣчьемъ, богатыхъ воображеніемъ, но безильныхъ создать систему; способныхъ изображать и характеризовать людей и вещи, но не имѣющихъ довольно силъ для составленія ученія.

Обращаясь къ нынѣшнему драматическому искусству, находимъ, что здѣсь пониженіе еще гораздо явственнѣе и тѣмъ огорчительнѣе для насъ.

По какой спранный, случайной взаимности, нравы наши сдѣлались несообразными для комедіи, въ ту самую пору, какъ писа-

пели переспали сообразоваться съ достоинствомъ искусства? Въ прежніе годы обществу, раздѣленное на сословія, отличалось болѣе рѣзкими чертами нравовъ. Нынѣ, говоря словами г-жи *Сталь*, оно уже спертая медаль. Комедія *Мольера* и *Бомарше* совершенно невозможна въ наше время.

Скрибъ, одинъ, по видимому, объявляющій приписаніе на пшпультъ комическаго писателя, имѣетъ нѣкоторое превосходство предъ другими и свою особенную физиономію. По прелести кисти и по оспроштъ ума, его талантъ весьма замѣчательнъ, но недостаткомъ нравственной силы въ его созданіяхъ не можетъ вывести комедіи изъ сословія униженія, въ которомъ она находится. *Казимиръ Делавинъ* извѣстенъ многими прекрасными историческими опытами: но не ему суждено воскресить трагедію; онъ только продолжаетъ ея предсмертныя судороги. Новѣйшая драма находится не въ лучшемъ сословіи, какъ и комедія. Главные представители ея *Александръ Дюма* и *Викторъ Гюго* кажутся намъ неизмѣющимися ни опредѣленной цѣли, ни постоянной системы. Несправедливо было бы не признавать въ ихъ драматическихъ твореніяхъ нѣкоторой силы изображеній, роскоши слога и нерѣдко точной живописи нравовъ извѣснаго времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не порицать ихъ за то, что они выдаютъ исключенія изъ общихъ нравовъ, за самые нравы. Явными несообразностями и романическою безсвязностью, запечатлѣны *Антоній* и *Анжело*, *Гернани*, *Лукреція Боргіо* и *Маріонъ Делормъ*! Оба начальника школы открыли новую дорогу, но съ перваго шага дали ей ложное направленіе, и оставили новѣйшую драму безъ путеводителя и безъ компаса, и можетъ быть, что еще печальнѣе, безъ божественности. Все нынѣшнее драматическое искусство заключается наконецъ въ одномъ водевилѣ, эпосъ незаконномъ сынѣ комедіи, который способенъ иногда забавлять публику, но почти всегда оскорбляетъ нравственность и посрамляетъ искусство.

Исторія представляется намъ въ видѣ болѣе уптѣшительномъ. Такъ какъ исторія

есть не иное что, какъ изученіе дѣйствительности: по нашъ вѣкъ долженъ имѣть особенное влеченіе къ ея обработыванію. Мужичи просвѣщенные, отличные публицисты, продолжали для неѣ новыя дороги. Крипика сдѣлала большіе успѣхи: наконецъ почувствовали нужду сохранять временамъ и предметамъ ихъ мѣстные и первоначальныя краски. *Тьеръ*, *Гизо*, *Барантъ*, *Сисмонди*, *Миге*, Августинъ *Тьерри*, *Мишеле*, *Биллонъ* и другіе распространили область исторіи; но, къ сожалѣнію, они почти всегда забывали, что исторія имѣетъ свою собственную поэзію, и если Всемирная исторія *Боссюэта*, лучшая изъ всѣхъ доселѣ сочиненныхъ, написана подѣ влияніемъ одной исключительной идеи: по нельзя не согласиться, что истинная Вѣра производитъ отличные синтезы, которыхъ таинство останеся всегда недоступнымъ для холоднаго анализа *Локковъ* и *Кондильяковъ*.

Сказанное нами объ исторіи, можетъ быть въ нѣкоторой степени примѣнено и къ историческимъ романамъ. Эпосъ родъ сочиненій, которому прудолубивое юношество Франціи предавалось съ удивительнымъ рвеніемъ, свидѣтельствуемъ о возобновившемся стремленіи къ занятіямъ степеннымъ; оно, будучи мудро управляемо, можетъ принести щастливые плоды. Но, къ сожалѣнію, большая часть сихъ писателей, забывая примѣръ *Вальтеръ-Скотта*, *Купера* и другихъ великихъ романистовъ, болѣе заботятся въ своихъ книгахъ о томъ, чтобы поблизать пустымъ наборомъ словъ, воскресить испорченный языкъ среднихъ вѣковъ, и ищутъ изысканности въ понахъ и краскахъ, а не спараются о томъ, чтобы съ искусствомъ, умомъ и разборчивостью придумать для своихъ сочиненій занимательное содержаніе, которое бы равномерно согласовалось съ исторіею и со вкусомъ.

Не взирая на это невыгодное направленіе большой части Французскихъ романистовъ, къ эпосу роду словесности относятся превосходнѣйшія современныя творенія.

Послѣ историческаго романа, романъ семейственный (*roman intime*) сдѣлалъ самыя большіе успѣхи: онъ имѣлъ во Франціи свои

дни славы; но злой дух *Байрона* слишкомъ часпо вдохновлявшій его, наконецъ измѣнилъ ему и предалъ его въ жертву жалкой посредственности.

Высшая литературная критика обрабатывается во Франціи съ оптимнымъ успѣхомъ: мы существуемъ однимъ только анализомъ, и чтобы оспалось намъ, если-бъ не было у насъ критики, которая споль опчеписто обсуживаетъ творенія прежняго времени? Мы имѣемъ умныхъ профессоровъ, которыя недавно еще поучали съ кафедръ съ такимъ искусствомъ; между прочими *Вильмена*, который гораздо драгоценнѣе былъ для Французскаго юношества, когда заздаль въ Сорбонъ, нежели съ тѣхъ поръ, какъ допущенъ въ Палату Перовъ.

Въ нашъ вѣкъ, споль обильный безплодными опытами, явился еще новый родъ словесности, котораго существованіе поддерживаемо было дарованіями отличныхъ писателей: *Евгенія Сю*, *А. Жалъ*, *Ед. Корбьера* и другихъ; мы говоримъ о *Морской* литературѣ, введенной у насъ по образцу, созданному и споль хорошо разработанному *Фениморомъ Куперомъ*. Такъ какъ Франція, въ спрогомъ смыслѣ, не есть *Морская* держава: по сіи произведенія, единственно по силѣ своего колорита, по странности языка и по новости картинъ, возбудили интересъ и завлекли вниманіе; но мы сомнѣваемся, чтобы они могли существовать долго при тѣхъ же условіяхъ. Когда нибудь публика упомята эпими техническими терминами, эпимъ непонятнымъ словаремъ, совершенно чуждымъ нашей домашней жизни, нашимъ гражданскимъ обычаямъ.

Намъ оспается обозначить въ литературѣ нашей еще одну новую силу, которая поглощаетъ почти всю современную дѣятельность писателей: періодическія изданія. Публика обязана нѣсколькимъ остроумнымъ фельетонистамъ, несправедливо именуемымъ себл писателями легкой словесности, многими щасливыми минурами и приятными развлеченіями; авторы сіи, между которыми въ особенностяхи отличаются: *Жюль-Жаненъ*, *Сентъ-Бѣфъ*, *Л. Гозланъ*, *Леве-Веймаръ*

и другіе, могутъ, по внутреннему убѣжденію, защищать съ умомъ и паланпомъ свои любимыя ученія, но не въ силахъ соспавить собою словесность. Одинъ изъ числа знаменитѣйшихъ между ними сказалъ недавно въ Атеней, разсуждал о нынѣшней литературѣ:

«Новая школа есть уже событіе; она не смѣетъ нужды защищаться; ей оспается «только производить.»

Эти слова, споль справедливыя и глубокомысленныя, выражаютъ вполне всю нашу мысль. *Жюль-Жаненъ* правъ! Новая школа должна только производить. XIX-й вѣкъ ждетъ ея твореній, готовый рукоплескать ея успѣхамъ, всякой разъ, какъ усилія ея усспремлены будутъ на возвышеніе достоинства искусства, споль глубоко униженнаго въ послѣдніе годы.

Въ семь крапкомъ, но ясномъ обзорѣніи, мы ограничили себя однимъ общими чертами, надѣясь замѣнить недоспапокъ подробностей откровенностию и испиною мнѣнія, нами высказаннаго. Мы вполне увѣрены, что эпотъ обширный вопросъ могъ бы наполнить цѣлый томъ подъ опытнымъ перомъ *Леве-Веймара*, *Леона Гозлана* и *Сентъ-Бѣфа*; но безъ сомнѣнія, они не согласились бы заняться развитіемъ подробныхъ мыслей, потому, что слишкомъ пвердо вѣруютъ въ самихъ себя и въ поэтическую будущность вѣка.

Съ Франц. К. К — ii.

СОБАКА - ПРИЗРАКЪ.

(Изъ *Mémoires d'un médecin*, par le docteur Harisson.)

Вѣкъ духовъ и привидѣній прошелъ, говоритъ почтенный докторъ *Гиббертъ*, и мы повпоряемъ съ нимъ то же. Всѣ эти таинственные и ужасныя существа почитаются теперь, — или плодами нашего воображенія, или слѣдствіемъ оппическихъ обмановъ.

Г-нь *Д****, пасторъ Протеспантской церкви, получившій образованіе въ Оксфордскомъ

университетъ, былъ человекъ учёный и добродѣтельный, одаренный отличными способностями, но лишенный, какъ онъ и самъ сознавался, всякаго воображенія. Онъ исполнялъ свои обязанности съ ревностію и усердіемъ и былъ уважаемъ всѣми своими прихожанами.

Возвращаясь однажды вечеромъ въ Воскресенье изъ маленькой церкви, находящейся въ прехѣ миляхъ отъ Лондона, ему послышалось будто за нимъ бѣжипъ собака. Онъ поспѣхъ осмотрѣлся, ничего не увидѣлъ и пошелъ далѣе, предавшись размышленіямъ. Шумъ повторился, но онъ всё ничего не увидѣлъ. Опоседъ не болѣе десяти шаговъ, паспортъ очень ясно услышалъ шелестъ шаговъ собаки, идущей по правую его сторону.

«Господи помилуй!» воскликнулъ Д***, остановившись въ претѣй разъ и осматриваясь во всѣ стороны: «право, это удивительно, потому что я не могъ же теперь ошибиться.»

Онъ споялъ нѣсколько времени неподвижно, упираясь пошъ, градомъ капившійся съ его лба; попомъ, нахлобучивъ на голову шляпу и, ударивъ по землѣ полспюю своею палкою, пошелъ далѣе съ видомъ рѣшительнымъ. Опойдя немного, ему послышался пошъ же шумъ, и онъ съ ужасомъ опсочилъ, когда ему показалось, что мохнапый хвостъ его невидимаго спупника допронулся до него. Онъ обернулся съ удивленіемъ и боязнію, и увидѣлъ наконецъ пѣнь огромной Ньюфундлинской собаки, коришневою масти. Онъ спѣшипъ удалился, но призракъ слѣдуетъ за нимъ. Уперевъ рукою глаза, и покачавъ головою, какъ-бы желая опомниться, онъ снова посмотрѣлъ въ спорону, но огромная, величшною съ шелѣнка собака, не опспавала отъ него, и пѣнь еѣ казалась ему пеперь еще болѣе ясною. Цвѣпъ ея не измѣнялся, а глаза сверкали подобно раскаленнымъ углямъ, и были обращены на него.

Гнѣвъ заспупилъ мѣсто спраха: поднявъ обѣими руками свою полспюю палку, чпо-бы разомъ освободиться отъ неопвязчиваго спупника, онъ пщетно спарался убипъ

его: собака, копорую онъ уже нѣсколько разъ разсѣкалъ съ головы до ногъ, снова являлась его взорамъ, невредимая и даже не перемѣняя своего мѣспа.

«Не уже ли это дѣйствіе опшики?» воскликнулъ г-нъ Д***: «оно удивительно, непонятно!»

Въ это время шумъ приближающагося дилижанса прервалъ его догадки: онъ велѣлъ кучеру оспановипсья. Къ его шаспю, оспавалось еще пуспое мѣспо въ қарепъ, и онъ занялъ его, надѣясь избавипсья пакимъ образомъ отъ своего спрашнаго спупника.

Не желая разговаривать съ полспюю, сидѣвшею близъ него женщиною, немилосердо прижимавшею его къ дверцамъ; а еще менѣе съ маленькимъ спаричкомъ, находившимся пропивъ него, и копораго огромные, грязью наполненные сапоги очень его беспокоили, онъ рѣшился закрыть глаза и предапсья своимъ размышленіямъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очнулся и съ ужасомъ увидѣлъ лежавшую у него въ ногахъ пу же собаку.

«Я надѣюсь, что собака моя васъ не беспокоиптъ, милоспивый государь,» сказалъ онъ маленькому спаричку, неперпѣливо желая узнать, видна ли и другимъ эпa прокляпая собака.

— Собака! — закричалъ сей послѣдній, проснувшись.

«Собака!» повторила полспая дама.

— Собака! собака! — воскликнули удивленные пупешеспвенники.

«Нѣптъ, нѣптъ, это ошибка, увѣрю васъ,» оппѣчалъ г-нъ Д***: «я вѣрно вздремалъ и бредилъ; извините, сдѣлайте милоспѣ.»

Всѣ засмѣялись, онъ одинъ не смѣялся и, не спуская глазъ съ собаки, увѣрился наконецъ, что-то былъ призракъ. По выходѣ изъ дилижанса, собака проводила его до дому. Вошедъ въ комнату, онъ уже не видалъ еѣ; но едва успѣлъ погасипъ свѣчу и лечъ въ постель, какъ почувспвовалъ, что собака вспрыгнула на кроватъ и ложипсья въ ногахъ у него. Онъ вспалъ и опкрылъ окно, собака спрыгнула на полъ. Видя невозмож-

носпь опъ неѣ опдѣлапьяся, онъ снова легъ, завернулъ голову въ одѣяло, и проспалъ до самаго упра.

Проснувшись, онъ еѣ уже не видалъ, и думалъ, что то былъ продолжительный сонъ; но вечеромъ снова явилась къ нему собака. Тогда онъ рѣшился совѣщываться со мною. Въ моемъ присутствіи показался ему страшный призракъ. Я тщательнo разсматривалъ его глаза, но не замѣпилъ ничего пакого, чпобы показывало разслабленіе въ глазной системѣ.

Мнѣ случалось бытъ свидѣтелемъ и другихъ подобныхъ примѣровъ, но они производили страннѣйшее дѣйствіе въ людяхъ, менѣе умныхъ, нежели какимъ слывешъ нашъ добрый паспортъ Д***.

Съ Франц. Ал. Ф—ръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ДРУГУ.

Еще я не забылъ побою!
Ты всё меня не разлюбилъ!
Но, мнѣ нѣтъ щастья подъ луною,
Мнѣ бѣлый свѣтъ посыль.

*

Мой другъ! *многи люди обгцали:*
«Составить щастье!»—Я мечпалъ. . .

И дни за днями пролешали,—
Я все напрасно ждалъ!

*

Нѣтъ, полно, полно ослѣпляпьяся
Впередъ надеждою пущпой!
На Бога буду полагапьяся,
Онъ покровишель мой.

*

Проспи спрана—гдѣ сполько гора
Въ немного лѣтъ я перенесъ!
Гдѣ мало зналъ себѣ покоя,
И много пролилъ слѣзъ!

*

Пусть буду я бѣднѣе *Ира*,
Пускай съ водою ѣсть буду хлѣбъ!
Но мнѣ дана на радость лира
Опъ Всеблагихъ Судебъ!

*

Найдепъ ли грусть?—Тогда наспроу
Я спруны вѣщія,—и вамъ,
Моею пѣснью простою,
Мои спраданья передамъ.

Сухановъ.

Вятское. 1832.

LOGOGRIPHE.

Je parle et pourtant nul ne nie
Que je ne sois muet;
J'ai des frères qui font le guet
Pour recueillir ce que je leur confie,
Et se le répéter entr'eux:
Sourds et muets, pouvons nous faire mieux ?
De mes dix pieds, lecteur, si tu déranges
Le mobile édifice, alors tu peux trouver
Ce que font résonner les célestes phalanges;
Ce que l'on aime à prendre auprès de son foyer;
Un fleuve de l'Espagne; un mal épouvantable;
Ce que plus qu'il ne faut, redoute un sexe aimable;
Un jeune adolescent, qu'on trouve dans les cours,
Et toujours prêt, dit-on, à nous jouer des tours.
Mais poursuivons notre oeuvre commencée,
Et nous verrons d'abord, un animal rongeur;
Ce qui détruit l'espoir du laboureur;
Ce qui d'un grand artiste occupe la pensée;
Un faubourg de Stamboul, habité par les Francs;
Ce qui sait plaire à tous les vrais gourmands;
Dans ta cuisine un meuble nécessaire;
Deux notes en musique; un brillant luminaire
Qui, dans l'obscurité, sert de guide aux nochers,
Pour entrer dans un port, éviter les rochers;
Enfin ce lieu plein de délices,
Où prennent leurs ébats les folâtres genisses.

Въ 21-мѣ, помѣщенная шарада значить: *Сель-л.*

M O D E S.

Les Puritains amènent plus que jamais la foule ou Théâtre-Italien, et comme il n'y a pas de soir où l'on ne donne plusieurs grands bals à Paris, les toilettes remarquées au spectacle sont aussi nombreuses que brillantes. Voici celles que j'ai vues être le plus regardées. — Une robe de crêpe couleur de rose, une couronne ronde, fermée, de quatorze à seize pouces environ de longueur, en roses blanches sans feuilles, relevant un lez de la jupe au dessous du genou droit; une draperie de tulle blanc plissée sur la poitrine et les épaules; une guirlande pareille à celle du bas de la robe, posée à la place du peigne et descendant derrière les oreilles; les cheveux en bandeau par devant, une simple natte sur le haut de la tête derrière la guirlande; point de bijoux. — Un turban de gaze brillante cerise, orné, à gauche au dessus du front, d'une large plaque de pierreries de différentes couleurs, à l'imitation d'une rosace de vitraux gothiques. Une robe de satin blanc broché, blanc sur blanc, une écharpe blanche tulle-illusion, une rosace au milieu de la poitrine semblable à celle du turban, — une robe de gaze à larges raies satinées couleur de rose, manches de gaze imitant la blonde, mantille de blonde, manches courtes à trois rangs de blonde, soutenus par trois bouillons d'étoffe pareille à la robe, un rang de blonde au bas de la manche avec un nœud à bouts très pendans. Cheveux en touffes; sur le côté droit de la tête, très élevé, un bouquet de roses et de violettes, un bouquet semblable à gauche, fort bas, et réunis par une galerie à jour de plusieurs rangées de gros diamans, cheveux noués par derrière sur le haut de la tête, diamans aux oreilles. — Touffes de cheveux très noirs tombant à l'anglaise, nœud en cheveux sur le haut de la tête rattaché avec un large ruban de satin coquelicot, formant une suite de coques du côté gauche, terminée par un ruban fort long qui tombait sur la poitrine; robe de reps coquelicot, draperie en tulle sur les épaules, collier et boucles d'oreilles en perles fines.

Voilà bien des sujets de commentaires pour votre petit *cercle féminin*, ma chère *Nancy*; il me semble vous voir dans votre *grand fauteuil de président*, lisant à haute voix à notre jeune et joli auditoire, *l'oracle de la mode*, c'est-à-dire les lettres de votre *Sarah* qui vous aime.

M O Д Ы.

Les Puritains привлекаютъ множеству въ Италіанской пеапръ, и какъ нѣтъ вечера въ Парижѣ, въ который бы не было нѣсколькихъ большихъ баловъ: по замѣчательные наряды въ спектаклѣ столько же многочисленны, какъ и блестящи. Воиъ шѣ, на которые больше смотрѣли. — Газовое креповое платье, круглая гирланда, опъ четырнадцать до шестнадцать дюймовъ длины, изъ бѣлыхъ розъ безъ листьевъ, подхватывала одно плечико ниже праваго колѣна; бѣлое шюлевое драпри, сложенное складочками на груди и плечахъ; на головѣ такая же гирланда какъ на платье, положенная гдѣ гребень и спущенная за уши; спереди волосы гладко, проспан коса на верху головы сзади гирланды; вещей не было. — Турбанъ изъ блестящаго алаго газа, ошдѣланный слѣва надъ лбомъ широкою бляхою съ разноцвѣтными каменьями, на подобіе кружка гошическихъ спеколь. Бѣлое апласное зашканное платье, бѣлый шаръ изъ шюля illusion, кружокъ по срединѣ груди, подобный тому, что на шюрбанѣ; — розовое газовое платье съ широкими апласными полосами, газовые рукава подъ блонду, маншль блондовая, рукава корочки, обшитые блондою въ при ряда, поддерживаемые тройными буфами изъ такой же шкани, какъ платье; одинъ рядъ блонды внизу рукава и бантъ съ висящими концами. Волосы кустиками; съ правой стороны головы, весьма высоко, букетъ розъ и филокъ, шкой же букетъ слѣва, весьма низко; они соединены нѣсколькими нипками крупныхъ брилантовъ; волосы завязаны сзади высоко, въ ухахъ бриланты. — Кустики изъ весьма черныхъ волосъ, висящихъ на Англійскій манеръ, бантъ изъ волосъ на верху головы, прихваченный широкою апласною лентой цвѣта *coquelicot*, откуда продолжалось нѣсколько пещель съ лѣвой стороны, оканчивавшихся длинной лентой, упадавшею на грудь; платье изъ репса цвѣта *coquelicot*; драпри изъ шюля; на плечахъ ожереде и серги жемчужный.

Воиъ много предметовъ къ шолкованіямъ для вѣшого небольшого *женскаго круга*, милая *Нанси*; я кажешя вижу себя въ швоихъ большихъ *президентскихъ креслахъ*, чипающую вслухъ нашимъ молодымъ и хорошевымъ слушательницамъ *оракуль-моды*, по ешь письма шебя любящей *Сары*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 23.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Марта 20 дня, 1855 года.

Ты жадуешься, Клипъ, что Фирсъ тебя ругаетъ
И замарать жадаешь:
Фирсъ плусть опъявленной; о чемъ же, Клипъ, тужишь?
Всѣ знаютъ, что онъ лгунъ; чего-жь тебѣ бояться?
Припомъ же въ эпосъ тѣи увѣренъ можешь быть,
Что уголь сажею не можешь замараться.

П. Суляроковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА.

I.

Берлинъ, Августъ 1854 года.

Я въ прекрасномъ Берлинѣ. Живу на Липовой алеѣ (unter den Linden). Это лучшая улица въ городѣ и, при красотѣ зданій своихъ, оживлена множествомъ гуляющихъ. Но прежде, нежели приступлю къ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ о семъ городѣ, скажу тебѣ нѣсколько словъ о дорогѣ моей изъ Тильзита.

Древнюю столицу Пруссіи Кёнигсбергъ видѣлъ я только проездомъ. Обширный, торговый городъ. Но видѣть городъ проездомъ почти тоже, что въ панорамѣ, только съ болѣе широкаго спора, а потому я не могу ничего болѣе о немъ сказать. На улицахъ было множество военныхъ, прибывшихъ для маневровъ, назначенныхъ въ окрестностяхъ города. Ждушь и короля съ принцами.

Пруссія, то есть та часть ея, которую я видѣлъ на протяжении 700 верстъ отъ

Русской границы до Берлина, есть бѣдная, пещаная земля, выключая однако-же окрестностей Кёнигсберга, въ коихъ почва плодородна. Все же прочее пространство на сей дорогѣ состоитъ изъ пещанаго грунта, едва вознаграждающаго трудолюбиваго поселенина. Кой-гдѣ поля, засѣяныя картофелемъ и огромныя стада гусей. Немудрено, что любящъ здѣсь картофель; безъ него было бы много голодныхъ годовъ. Какъ часто ѣдешь еловыми и сосновыми лѣсами, или пещаными полями, покрытыми кочками, подобно какъ и у насъ по нѣсколькимъ губерніямъ. Однако, среди этой жалкой, бесплодной природы пролегаешь, какъ пологно, прекраснѣйшее шоссе (*), продолжающееся безпрерывно отъ Тильзита до Берлина и, начиная отъ Кёнигсберга, оно обсажено красивыми пополами, сливными, вишневыми, грушевыми или яблонными деревьями, копорыя въ проездѣ

(*) Нынѣшнему королю обязана много Пруссія благоустройствомъ своимъ. Въ его царствованіе успрено въ Прусскихъ владѣніяхъ на 1000 миль шоссе.

мой были унижены плодами. Деревья эпи заслоняютъ бѣдную природу и веселятъ путешественника. Приятно видѣть много маленькихъ городовъ по эпой дорогъ. Случается, что раза при сряду почтовыхъ станціи въ городахъ. Красивѣйшій городъ между Кёнигсбергомъ и Берлиномъ — Эльбингъ. Я спросилъ *Фрота*, каковъ онъ ему кажется. — «Село Тарупино лучше,» отвѣчалъ онъ. Онъ вѣтъ не совсѣмъ глупый, но чрезмѣрно приспраспный. Я видѣлъ село Тарупино; оно прекрасно, но все таки село, состоящее изъ крестьянскихъ деревенныхъ домовъ; а въ Эльбингѣ еспъ прекрасныя улицы и площади, украшенныя красивыми каменными зданіями. *Фрота* примирляетъ нѣсколько съ чужими краями здѣшняя водка. Говорятъ, что она крѣпче и лучше нашей. Къ сожалѣнію, было тому нѣсколько и опытовъ: не одинъ разъ онъ едва сидѣлъ на козлахъ.

Что касается до климата, то уже за Ригию примѣтна разница, и по мѣрѣ, какъ ѣдешь далѣе въ Пруссію, климатъ чувствительнее теплѣе. За Кёнигсбергомъ начинается ростъ виноградъ; въ большемъ количествѣ видѣтъ онъ миль за 30 до Берлина. Съ Ландсбергомъ прекращаются мертвые, еловые лѣса; дорога становится приятнѣе; видны большія селенія; не только зеленѣетъ виноградъ, но и распутъ на открытомъ воздухѣ персики. Порядокъ; устройство вездѣ примѣтны.

Говоря о Ландсбергѣ, я долженъ тебѣ рассказать черту романической привѣпливости Нѣмцовъ. Я хотѣлъ провести ночь въ этомъ городѣ; но бессонница заставила меня встать въ претъемъ часу утра, и я приказалъ впрягать лошадей, чтобы ѣхать далѣе. Погода была прекрасная; я открылъ окно и услышалъ музыку, очень близко отъ нашего пракпира. Музыка эпа производила приятное впечатлѣніе: въ споль необыкновенное время и среди самой мрачной ночи, такъ, что музыканшовъ невозможно было видѣть. Что-жь это вышло? Музыканты, называемые *Berg Leute*, играли для одной дѣвицы, чтобы пробудить её музыкальною гармонією; это былъ день ея рожденія. Кто давалъ эту серенаду, родственникъ ли, женихъ ли ея? въ этомъ я не могъ добиться

полку. Но мнѣ сказали, что когда она пробудится, то дастъ нѣсколько денегъ музыкантамъ. Безъ денегъ здѣсь ни шагу нельзя сдѣлать; и подчивающій и подчумый плапятъ, одинъ больше, другой меньше; только дѣло иначе не можетъ обойтисл. Надобно видѣть, когда проѣзжающій проведетъ нѣсколько дней въ пракпирѣ, какъ при отъѣздѣ его обступятъ всѣ составляющіе услугу того пракпира. И горничныя и слуги, и дворникъ и кучера, все сбѣжится къ каретѣ и смотритъ ему въ глаза, чтобы получить на водку. И не думай, чтобы они довольствовались малымъ; за маленькой подарокъ услышишь громкія нареканія. Должно дать, по крайней мѣрѣ, вчетверо больше, чѣмъ у насъ, и едва будешь довольны. Они съ тѣмъ вступаютъ въ услуженіе къ пракпирщику, что будутъ получать деньги отъ проѣзжающихъ. Для пракпирщика эпо выгодно; онъ по эпой причинѣ даетъ меньше жалованья; а иногда и совсѣмъ не даетъ. Но каково эпо для проѣзжающихъ, которые безъ сихъ издержекъ плапятъ въ пракпирахъ за все въ придорога. Если уже никакъ нельзя избѣгнуть сихъ издержекъ, то лучше-бъ было, чтобы въ пракпирахъ къ щѣпу за издержки прибавляли и плату прислугѣ, которая бы уже не смѣла докучать явнымъ образомъ.

При нынѣшнемъ новомъ и весьма хорошемъ устройствѣ почтъ въ Пруссіи, все придумано, чтобы отстранить отъ путешественниковъ докучливыя просьбы почтовыхъ служителей. Въ прежнее время, на всякой почтѣ экипажъ былъ окруженъ людьми, изъ коихъ одни пребожали за мазанье колесъ, другіе за то, что поднимали карету, претпы за то, что привели изъ конюшни лошадей, и такъ далѣе. Теперь, только что лошади впряжены, вагенмейстеръ подаетъ печатную записку, въ которой вписано все, что можно пребоать съ проѣзжаго. На прим: сколько слѣдуетъ вагенмейстеру за лошадей распорядительныхъ денегъ, за мазанье (мажутъ или нѣтъ, все равно), въ паче, за шоссе, за плошины, за мосты; за пломы и прочая. Заплата путъ деньги, можно спокойно и безъ оспаловки ѣхать до

слѣдующей станціи. Случается, что и теперь выходитъ болѣе означеннаго въ запискѣ, ибо вагенмейстеръ такъ умильно подаетъ её, мазальщикъ такъ усердно доноситъ, что карепа вымазана, что добровольно имъ дашь на водку. Ты мнѣ скажешь: гдѣ-жь деньги не пализманъ? И у насъ онѣ нерѣдко сбиваютъ съ истиннаго пути. Правда, но здѣсь онѣ какъ-то повсемѣстнѣе цѣлю прудовъ и желаній; здѣсь, кажется, не сдѣлаютъ шагу безъ платы. Но я не разумѣю чрезъ это, чтобы они продавали свою совѣсть. Вообще у служащихъ здѣсь много и чести и честности. Они изъ денегъ не спанутъ угнетанію невиннаго и поповорствовать преступленію.

Говоря о нравственности ихъ, пельзя не упомянуть, что они очень пекутся о сохраненіи ея и о средствахъ для обезпеченія бѣдныхъ и спраждующихъ. Во всѣхъ городкахъ найдешь какое нибудь челоѣколюбивое заведеніе, плоды попеченій благодѣтельнаго правительсва. Почти на всѣхъ почтовыхъ дворахъ, въ комнахъ, назначенной для проезжающихъ, и въ первѣйшихъ гостинницахъ Берлина стоитъ кружка съ надписью: *въ пользу воспитательнаго дома для дѣтей, коихъ нравственность была въ небреженіи*. Прекрасная цѣль! Надо искоренять зло въ началѣ; когда же оно дастъ отрасли: то исправленіе рѣдко удается. На одной изъ сихъ кружекъ были прибавлены весьма къ спашу слѣдующія слова изъ Товія: *Да не отвращаеши лица твоего отъ всякаго нищаго, и отъ тебя не отворотится лице Божіе, Тов. IV. VII*. Есть и отъ партикулярныхъ людей челоѣколюбивыя заведенія въ пользу бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Сіи послѣднія не могутъ въ объемъ сравниться съ нашими Московскимъ Спраннопріимнымъ домомъ графа *Шереметева* и больницею князя *Голицына*. Въ Пруссіи нѣтъ такихъ богатыхъ людей; но нѣтъ болѣе дѣлаетъ имъ честь то, что они при умѣренномъ состояніи дѣлаютъ значительныя для нихъ издержки съ столь похвальной цѣлю. Въ одномъ Кёнигсбергѣ щипается до двадцати челоѣколюбивыхъ заведеній, успроенныхъ частными людьми. Кромъ того, что на дорогѣ здѣсь выходитъ много денегъ, плащешь безъ

удовольствіа. По всей дорогѣ въ Пруссіи на почтовыхъ дворахъ споль очень дуренъ и, можно почти рѣшительно сказать, что отъ Петербурга до Берлина (кромъ Риги, гдѣ пракширы прекрасны) врядъ ли удастся имѣть вкусный обѣдъ, не исключая и многолюднаго Кёнигсберга. Вообще здѣсь гаспрономамъ не живиё. Вода поже очень дурна. Не одинъ разъ вспомнишь Невскую.

Подъѣзжалъ къ Берлину, ожидаешь видѣть болѣе; селеній совсѣмъ нѣтъ. Послѣднія 4 или 5 станцій представляютъ мало населенности. Большая часть послѣдней станціи не возвѣщаетъ близости прекрасной столицы. Только одни поля, и версты за 3 или 4 начинаются 6 рядовъ густыхъ деревьевъ, образующихъ пять алей, изъ коихъ въ средней шоссе. Туть по сторонамъ низенькіе домики, въ которыхъ пракширы и кофейные дома. Эта дорога не можетъ сравниться съ нашею Петергофскою, гораздо ея превосходящею. Начало города поже не предвѣщаетъ ничего важнаго; но вскорѣ глаза мои изумлись красотою зданій. Чрезъ множество красивыхъ улицъ подѣхалъ я ко Дворцу; увидѣлъ фонпанъ, бьющій между королевскимъ музеумомъ и Дворцомъ; попомъ привезли меня на улицу, посреди которой липовая алея, наполненная множествомъ народа—и я въ Hôtel de Rome.

II.

Берлинъ, Августъ 1834.

Липовая улица прекрасна. Она лучше нашего Невскаго проспекта, но не такъ длинна: пропаяженіе ея съ небольшимъ на верспу, въ ширину она имѣетъ 23 сажени. Она оканчивается у Бранденбургскихъ воротъ. По срединѣ ея широкая алея, по бокамъ которой два ряда деревъ, не однихъ липовыхъ, но каштановыхъ и другихъ, весьма вѣтвистыхъ и высокыхъ; равняющихся съ домами, кои большою частію въ пять этажей и весьма красивой архипекпурѣ. Нижнія этажи унизаны вѣтвками; есть всевозможные магазины и лавки. Прекрасное дѣйствіе производятъ свѣтъ фонарей, поставленныхъ въ зелени на амеѣ; у домовъ поже фонари, такъ, что на эпой улицъ ихъ четыре ряда; они

освящаются газомъ, равно какъ и во всемъ Берлинѣ. На Липовой улицѣ всегда множество гуляющихъ, слоняющихся и зѣвакъ. По обѣимъ сторонамъ внутри алеи длинныя скамейки, въ близкомъ разстояніи одна опъ другой. Часу съ осьмага вечера и до 11-го алея эта еще болѣе наполняется женщинами, ищущими приключеній. Опъ того и невидать ни въ какое время на этомъ гуляньѣ дамъ хорошаго круга. На деревьяхъ налѣплено множество афишекъ о театральныя представленія, о загородныя концерта и балахъ, о зѣринцахъ и проч. На этой же прекрасной улицѣ увидишь у домовъ вываленный возъ дровъ, которыя пупъ же распиливаютъ и колятъ; иначе и бытъ не можеть, потому что двory чрезвычайно малы. Въ одномъ изъ домовъ, въ которомъ я жилъ, дворъ имѣлъ около четырёхъ сажень длины и полторы ширины. Также увидишь почильщика съ пѣлежкой, на которой колесо для поченья. Ему выносятъ ножи — и онъ почишь ихъ на улицѣ.

Тупъ и водяные насосы; приходятъ съ кувшинами и наполняютъ ихъ водою. Здѣсь дѣлають очень хорошее употребленіе изъ собакъ. Большая часть молочницъ привозятъ всякое упро изъ-за города молоко въ маленькихъ пѣлежкахъ, везомыхъ одною или двумя собаками. Молочница останавливается гдѣ надобно и песеть молоко, оставляя пѣлежку на охраненіе неподкупному спорожу-собакъ. Лошадки эти, встрѣпясь съ себѣ подобными, привѣтствуютъ ихъ лаемъ. Должно замѣнить, что съ большими хлопотами можно достать въ Берлинѣ хорошихъ сливокъ. Подаютъ къ кофе молоко, увѣряя, что это сливки. Чтобъ имѣть ихъ, надобно призвать молочницу и, послѣ довольно длинныхъ объясненій, она берѣтся спавить сливки, по нашему довольно жидкія. Когда идешь опъ Липовой алеи ко Дворцу, на правой сторонѣ по рѣкѣ Шпре, п. е. въ самой срединѣ города, увидишь двѣ мукомольныя мельницы. Для насъ Петербургскихъ жителей, это кажется странно. Мы не привыкли видѣть мельницъ и ничего сельскаго въ городѣ. Нѣтъ можеть бытъ города въ свѣтѣ, который бы содержанъ былъ въ такой чи-

стотѣ, какъ Петербургъ. Что же касается до мельницъ въ срединѣ Берлина: это весьма благоразумно. Рѣка Шпре въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно узка, а пупъ она не имѣеть и 3-хъ сажень ширины, а потому ни малѣйшей красоты не дѣлаеть городу, и домъ на набережной, гдѣ стоятъ мельницы, омываются рѣкою такъ, что вдоль ихъ не видно берега; слѣдственно весьма благоразумно, что устроили пупъ столь полезное заведеніе.

Кромѣ Липовой, естъ въ Берлинѣ много прекрасныхъ улицъ. Таковы между прочими: *Вильгельмова*, обипаемая большою частію высшимъ дворянствомъ, *Лейпцигская*, *Шарлотенштразе*, *Фридрихштразе*. Сія послѣдняя имѣеть полмили длины, п. е. нашихъ при версты съ половиною; она идѣтъ чрезъ весь городъ опъ Ораніенбургскихъ до Гальскихъ воротъ. Изъ площадей замѣчательнѣйшая по величинѣ своей была бы *Жандармская*, но она въ срединѣ застроена двумя церквами. На сей же площади сооружень театръ. Другая площадь, называемая *Опернъ-плацъ*, служитъ продолженіемъ *Липовой* улицы къ большому королевскому Дворцу. На ней древнее зданіе, въ которомъ Университетъ; другое зданіе, сполщее бокомъ къ *Опернъ-плацу*, естъ *Королевская Библиотека*. На этой площади, противъ гауптвахты, памятникъ *Блюхеру*; онъ поставленъ ему въ 1826 году и открытъ въ день сраженія при Бель-алиансѣ. Спашуя *Блюхера* вылита изъ бронзы и имѣеть 11 футовъ вышины. Онъ представленъ въ мундирѣ, сверхъ коего накинута плащъ. Въ правой рукѣ держитъ онъ обнаженный мечъ, а лѣвая лежитъ на колѣнѣ, упирающемся въ непріятельскую пушку. На этой же площади стоятъ двѣ спашуи мраморныя: генераловъ *Шарнгорста* и *Бюлова*. *Вильгельмова* площадь очень необширна; она обсажена деревьями и замѣчательна по мраморнымъ монументамъ шести Прусскихъ полководцовъ, героевъ семилѣтней войны: принца *Дессавскаго*, *Винтерфельда*, *Кейта*, *Зейдлица*, *Цитена* и *Шверина*.

Къ примѣчательнымъ памятникамъ принадлежатъ здѣсь сооруженный послѣ войны

1813, 1814 и 1815 годовъ. Памятникъ эпопѣ изъ чугуна въ Готическомъ вкусѣ, въ видѣ часовни, на крестообразномъ пьедесталѣ; на верху онаго желѣзный крестъ; онъ сползъ за Гальскими воропами, на горѣ, называемой Kreuzberg, съ которой виднѣнъ весь Берлинъ. Видъ прелестный! На пьедесталѣ слѣдующая на Нѣмецкомъ языкѣ надпись: *Король соорудилъ сей памятникъ своему народу, который, при воззваніи своего Монарха, постыжился принести въ жертву отечеству свое имущество и кровь; погибшими на полѣ брани — въ память ихъ; находящимся въ живыхъ — въ память ихъ пожертвованій; потомству — чтобы оно подражало столь прекрасному примѣру.*

Надъ сею надписью означены золотыми буквами главнѣйшія сраженія эпопѣ войны.

Надзоръ надъ симъ памятникомъ порученъ инвалиду, потерявшему руку при одномъ изъ означенныхъ сраженій, а именно при Гросъ-Гершенѣ. Онъ живетъ у сего памятника; къ нему обращаются для осмотра онаго.

A. B.

В Е З Д Ѣ О Н А !

Вездѣ и нигдѣ....

Выконпшъ д'Арлеикуръ.

Знаете ли вы эпо легкое божество, копорое правитъ безъ скиптра и владычествуетъ безъ короны, по украшенное цвѣтами радуги, по обремененное богатствами *Вулкана, Сивиллы, Эола и Амфитриты?* Оно обпекаетъ попеременно берега Шпреи и Огіо, Тибра и Дуная, Ница и Эбро; судя по его легкой поступи, его блистательной свитѣ, можно было-бы почестъ его Форпуною, но злая повязка не помрачаетъ блеска его взоровъ.

Руководимая одною прихотью, быспрая Нимфа мчися, лепитъ, спремился, и съ высоты сафирной колесницы провозглашаетъ свои велѣнія, заповѣживаемыя легкомыслиемъ, часпо проклинаемыя *Гилленелъ* и не всегда одобряемыя вкусомъ. Всѣ климаты, всѣ моря, всѣ спихіи и самыя нѣдра земли спановяпся ея даниками. Для неѣ Индѣецъ презираетъ

свирѣпость разъяреннаго слона; для удовольстворенія ея гордости, червь, започенный въ прозрачной пемницѣ, прядетъ свои понкія узы; Лапландецъ взбирается на ледяныя горы, чпобы повергнувъ къ ея спопамъ кожи оленей; для неѣ обдѣлываютъ лаву Эпны и испоргаютъ кораллъ изъ водной его опчизны; губительный свинецъ или мешкая спрѣла избираютъ подѣ Американскимъ небомъ крылатыя жертвы, для украшения храмовъ и убранства алтарей ея. Аравійскіа благовонія, добытыя въ знойныхъ степяхъ, разливаютъ ароматы въ роскошныхъ ея черпогахъ; золопо Попоза, алмазъ и опаль, по волѣ ея принимаютъ видъ блестящихъ перьевъ, цвѣтовъ и колосьевъ.

Пила ремесленника, карандашъ живописца, лира поэта, посвящаютъ славу ея пруды свои. Своею волшебною властію она придаетъ плѣдо благовоніямъ, чувство распечіямъ, вѣчностъ красотѣ: соперница времени, богиня эпа разрушаетъ, испребляетъ, попираетъ ногами всё, что прежде было освящено ею, и такжѣ какъ время, изглаживаетъ или воскрешаетъ воспоминанія.

Чпимая равно повсюду, она обитала нѣкогда въ Вавилонѣ, Мемфисѣ, Авинахъ, Римѣ, и оптуда предписывала законы; но опнынѣ Парижъ избранъ ею для мѣспопребыванія. Хопите ли знать ея имя? подите по улицамъ обширной столицы, обойдите ея площади и общеспвенныя гулянья; вы услышите повсюду: *мода! мода! вездѣ и все мода!*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢВЕЦЪ КЪ СЛАВЯНАМЪ ПРЕДЪ ОТЪЪЗДОМЪ НА ВОЙНУ.

О, какъ же сердцу не грустить! —

Какъ высказать печаль,

Когда опъ плѣхъ, съ кѣмъ зило жить,

Сспремимся въ плену даль!

Козловъ. На отъѣздѣ.

Славяне! прѣспѣла пора отправленья!
Давно уже рапщые кони васъ ждутъ!

Смошрите! — Они ужъ удила грызутъ,
Бьютъ въ землю копытомъ, и ржатъ съ неперпѣня!

Но прежде спруей искромешной вина
Напѣйте полиѣ вашъ кубокъ прощальный,
И въ память опцовъ осушите до дна!...
И рушатся ваши всѣ думы печальны!...

Вы, юныя жены, въ сей горестный часъ,
Въ послѣдній разъ къ груди насъ вѣжной прижмише;
Не плачьте! Порой вспоминайте о насъ
И нашихъ малютокъ-дѣтей берегите!...

Когда же сосѣдній, березовый боръ,
Подъ саваномъ снѣжнымъ сокрытъ, побѣлѣетъ;
Нависнутъ шуманы надъ пѣменемъ горъ
И вѣтеръ холодный съ востока повѣетъ,

И вамъ, въ опустѣломъ безъ насъ шалашѣ,
Безъ друга, сгруснется въ безсонницѣ ночи,
И ваши слезами наполнятся очи, —
О насъ вспомните съ надеждой въ душѣ!...

И если заплачете дитя въ колыбели
И въ сердцѣ уныломъ пробудитъ печаль,
То пойте вы пѣсню, какъ мы улетѣли,
За бранною славой, въ шуманную даль.

Такъ! пойте вы дѣтямъ про наши побѣды,
Про дивную сладость кровавой бесѣды,
Какъ мы оплавивши имъ кровью за кровь—
Цируемъ на шрупахъ сраженныхъ враговъ.

Когда же покроешься класами нива,
Опъ сна вспрепенется пѣвица долинъ,
И въ лѣсъ пѣнистомъ раскинется ива
И вновь заволнуется воды спремнишь,

Въ то время насъ ждите съ добычею браши—
Себѣ отобъемъ мы вина и коней;
Вамъ—камни драгіе, узорныя шкани
И много заморскихъ серѣгъ и перспней!

И мните, покоясь въ мечпаняхъ пріятныхъ,
Какъ молнія сверкнетъ, или громъ прогремитъ—
Не наши-ль видѣются шлемы булашны,
Не шопотъ ли слышитесь конскихъ копытъ?

Но, если обманутъ васъ лживые звуки,
И мы, послѣ долгой и грустной разлуки,
Съ добычею въ длани, съ весельемъ въ очахъ,
Назадъ не примчимся на борзыхъ коняхъ,

И если вамъ, въ пляжкой безсонницѣ ночи,
Безъ друга сгруснется въ пуспомъ шалашѣ,
И ваши слезами наполнятся очи,—
О насъ вспомните съ уныньемъ въ душѣ!...

И если заплачете дитя въ колыбели
И въ сердцѣ уныломъ умножитъ печаль,
То пойте шу пѣсню, какъ мы улетѣли,
За славой, за смерпью—въ шуманную даль!...

Такъ! пойте вы дѣтямъ опцовъ пораженъе,
И въ юныя души кровавое мщенъе
Вдыхайте къ врагамъ за погибель опцовъ,
За ихъ поржество, за пролишую кровь!...
О. Менцовъ.

Февраль, 1835.

О М О Н И М Ъ.

Уѣздный городъ я, губерніи же Псковской,
И опъ губерніи Московской
Въ осьми спахъ слищечкомъ верспахъ,
За шо опъ Пипера на половину ближе.
И только? Нѣтъ! Гора я, лишь пониже,
Да не гранишная, а часпо, какъ въ лугахъ,
На мѣъ права произрастаетъ,
А иногда песокъ мое
Все бытіе
И суцность соспавляетъ.

Въ No 22-мъ, помѣщенный логорифъ значипъ: *Télé-
graphie*; въ коемъ заключается: *Harpe, thé, Tage, rage, âge,
page, rat, grêle, art, Péra, régat, rape, ré, la, phare* и
pré.

Н О В А Я К Н И Г А.

Сцены на морѣ, соч. Н. В. Давыдова.—
С. Петерб. 1835, въ Типогр. Греча, въ 12 д. л.
336 стр. съ металлографированными картинками.
Ц. 5 р. (*)

Мы уже нѣсколько разъ имѣли удовольспвіе
любоваться въ Инвалидѣ, Сѣверной Пчелѣ,

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ Анд. Вас. Глазунова
въ С. Петербургѣ подъ No 25, у комисс. Лисенкова, въ
Москвѣ на Никольской въ No 1 и 2, въ его же лавкахъ
въ Казанѣ и Харьковѣ, также въ Кіевѣ у С. И. Ли-
това и въ Одессѣ у В. И. Картамышева.

Сынъ Отечества и Императорныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду прекрасно и жарко написанными морскими спашьями пера г. флота лейтенанта Н. В. *Давыдова*, который собралъ воедино всѣ видѣнные имъ на морѣ сцены, изложилъ на бумагу и издалъ особю книжкою. Тутъ 14 сценъ, изъ которыхъ три или четыре были прежде сего помѣщены въ газетахъ и журналахъ. Вотъ оглавленіе книжки: 1) *Вечерняя заря на флотъ*, 2) *Императорскій смотръ флоту*, 3) *Эскадра въ туманъ*, 4) *Балъ на корабль*, 5) *Именины Лосева*, 6) *Театръ на корабль*, 7) *Необыкновенный случай*, 8) *Лунатикъ*, 9) *Человѣкъ упалъ*, 10) *Утро на фрегатъ*, 11) *Кадетъ Ловейковъ*, 12) *Десятка*, 13) *Конецъ крейсерства* и 14) *Корабль въ гавани*. Книжку свою нашъ молодой авторъ заключаетъ слѣдующимъ простидушнымъ эпилогомъ: «Вишюсъ предъ благоразумнымъ читателемъ во многомъ множествѣ плаксиво-поэпическихъ опспусленійхъ, песпрящихъ морскія спашья. Въ оправданіе скажу: мнѣ 21 годъ!—Еще я живу не умомъ, а сердцемъ. Еще я подобенъ челноку, немѣющему ни кормила, ни весла; челноку, подвергнутому бурѣ спраспей въ океанѣ жизни. Пройдетъ еще лѣтъ 10 или 15, и я буду смотрѣть на жизнь холоднымъ взглядомъ опыта. Теперь все кипитъ во мнѣ; тогда, какъ будто въ кускѣ зеркала, будущъ во мнѣ отражаются образы! Тогда морскія спашья мои будущъ спройны и характерны, какъ рангоутъ фрегатовъ: *Паллады* и *Кастора!*» — Эпаго рода признаніе очень мило въ юномъ морякѣ, котораго проявляющее дарованіе льститъ намъ пріятными надеждами въ будущемъ.— Изъ лейтенанта *Давыдова* явился писатель съ перомъ превосходнымъ. Мнѣ особенно нравится его *Необыкновенный случай*, гдѣ онъ выводитъ нашего *Нельсона*—безсмертнаго *Сенвина* и обрисовываетъ вѣрнымъ карандашемъ порпиретъ эпаго великаго мужа; нравится и его *Кадетъ Ловейковъ*, гдѣ такъ хорошо, съ такими пріятными для сердца Русскаго подробностями, описана кадетская эскадра, повинующаяся Александрійскому телеграфу въ виду Монарха-Опца, въ присупствіи Генераль-

Адмирала. У меня Русское, чистое Русское сердце, еще молодое, очень молодое сердце—и оно сильно билось въ груди, когда я читалъ его книгу. Благодарю за то любезнаго автора, умѣвшаго всемъ спашьямъ своимъ дать колоритъ высокаго папріотизма. Слогъ г. *Давыдова* пріятенъ, жаль только, что молодость его мѣстами промелькиваетъ и иногда замѣтна напыщенность, споль свойственна эпому возрасту; еще сказать должно, что въ его книжкѣ довольно много ореографическихъ ошибокъ; картинки, приложенныя къ морскимъ сценамъ, мепаллогравированныя очень дурно г. *Окерегескегемъ*, очень безобразны; но всѣ сіи недоспапки не вредятъ цѣлому, въ чемъ служитъ, между прочимъ, доказательствомъ дѣпская книжка г. *Бурнашева*, которую безпощадно разбраили въ Библиотекѣ для чшенія, и похвалили всѣ и Московскіе и Пепербургскіе журналисты. Желательно, чтобы г. *Давыдовъ*, болѣе и болѣе ознакомляясь съ моремъ, болѣе и болѣе дѣлился бы съ нами своими впечатлѣніями, своими творческими мыслями, своими высокими и горячими чувспвоаніями.

Б. Б. Б.

M O D E S.

Je me suis acquittée de toutes vos commissions, ma très chère sœur, et de celles de ces dames; je vous ai commandé, chez Mme *Lepetit*, marchande de modes, un chapeau de velours noir à fond très bas, passe plate en auréole, une magnifique plume blanche, plate, attachée en dehors de la passe, et la pointe tournée en arrière; une plume semblable attachée derrière la passe et la pointe tournée en avant; c'est un chapeau de soirée. Avec cela il faut mettre les cheveux en bandeau. Pour mettre avec ce chapeau, une robe de velours noir, une mantille de blonde noire, les manches de la robe longues à crevés de satin blanc et velours noir. Vous mettrez avec cette toilette votre grande croix de diamans, suspendue à un velours noir. — Pour lady B. — une robe de reps blanc montante, manches longues garnies en cygne, un bonnet de blonde dont le papillon relevé par de petites branches de fleurs bleues, posés à distances régulières et rapprochés, alternant avec la blonde, forme un éven-

tail autour du visage, qui diminue un peu au-dessus des oreilles; deux grands rubans bleus de gaze brochée sont attachés sur le haut du bonnet et doivent tomber par devant extrêmement bas. — Une robe en gros de Tours, bleu, glacé de blanc, ornée sur le côté du jupon, de quatre bouquets de roses blanches sans feuilles, attachés par un nœud dont les bouts retombent jusqu'au bouquet de dessous, continuant ainsi jusqu'au bas du jupon; au-dessus des manches, des roses retombant en rond; mantille de blonde, et coiffure en cheveux entre-mêlée de roses.

Pour ma cousine Sophia: — une robe en satin blanc, qui est ornée par devant sur la jupe, de deux rangs de bouquets brodés en or et soie blanche, qui forment comme un tablier; corsage plat à pointe avec cinq nœuds de ruban; mantille en tulle-illusion à plis ronds, nœud de ruban sur les épaules; manches à trois sabots séparés par un nœud. Elle mettra pour coiffure les cheveux en tresse derrière placés assez bas, des bandeaux, et au milieu du front, une plaque de diamans à la naissance des cheveux. Je joins un éventail à la *Dubarry*. — Un turban fait par *Herbault en tissus du sérail*, avec un oiseau de paradis. Je crois que vous serez étonnée de la beauté de ce turban, on a entamé la pièce pour moi, et personne n'en a encore à Paris. On doit donner un beau bal travesti chez *Mme de D.* . . jeudi, je vous en rendrai compte. Rien n'est plus agréable que ces bals, il semble que le déguisement autorise une gaîté plus franche, et la femme la plus prude s'y laisse aller à l'entraînement du plaisir général.

Pl. No 9. Costumes d'enfants.

М О Д Ы.

Я исполнила всё порученія, любезная сестра, твои и наших знакомых; я заказала для тебя, у г-жи *Lepetit*, модистки, черную бархатную шляпу съ весьма низкой шпилью; полу-плоское въ видѣ сѣянья, великолѣпное бѣлое, плоское перо, прищиплено подъ поле, конецъ завернутъ назадъ; такое же перо прищиплено сзади поля, конецъ завероченъ напередъ; эта шляпка для вечера. Она надѣвается съ гладкими волосами. Съ этой шляпкой прилично надѣть черное бархатное платье, черную блондовую маншилю; рука-

ва у платья длинныя, съ прорѣзами изъ чернаго бархата съ бѣлымъ апласомъ. Ты надѣнешь при этомъ нарядѣ пвой большой брилліантовой крестъ, на черномъ бархатцѣ. — Для леди *B.* — бѣлое репсовое платье съ высокимъ лифомъ, рукава длинныя, обшиты лебяжьимъ пухомъ; блондовый чепчикъ, у котораго оборка приподнята небольшими вѣшками голубыхъ цвѣтовъ, расположенныхъ правильно въ недалекомъ разстояніи, попеременно съ блондою; это составляетъ видъ онахала около лица, которое уменьшается немного надъ ушами; двѣ длинныя голубыя газовыя, зашканныя ленты, прищиплены на верху чепчика и должны висѣть спереди весьма низко. — Платье изъ голубаго гродесура съ бѣлымъ опливомъ, юбка отдѣлана на боку чепырьмя букетами бѣлыхъ розъ безъ листьевъ, прихваченныхъ бантами, отъ которыхъ концы висѣтъ до слѣдующаго букета, продолжаясь такимъ образомъ до конца юбки; надъ рукавами кружки изъ розъ; блондовая маншиля; прическа изъ волосъ съ бѣлыми розами.

Для моей двоюродной сестры *Софьи* — бѣлое апласное платье, перѣдъ юбки вышитъ въ два ряда букетами золотомъ и бѣлымъ шелкомъ, составляющимъ родъ передника; лифъ гладкой съ мыскомъ, съ пятью бантами изъ лентъ; маншиля изъ тюля *illusion*, сдѣланная круглыми складками, съ бантами на плечахъ; рукава съ тремя *sabots*, раздѣленными бантами. Волосы пускай уберетъ: косу сзади довольно низко, спереди волосы гладко, а въ срединѣ лба, гдѣ начинаются волосы, положишь брилліантовую бляху. Тутъ же прилагаю онахало à la *Dubarry*. — Турбанъ, дѣланный у *Herbault* изъ *tissus de sérail*, съ райской пшичкой, Я думаю, ты удивишься красотѣ этого шюрбана; при мнѣ начали шпую эту матерію; въ Парижѣ ни у кого нѣтъ подобнаго. Въ четвергъ г-жа *D.* предполагаетъ дать прекрасный маскарадъ, о которомъ я тебѣ буду говорить. Ничего нѣтъ пріятнѣе этихъ баловъ; кажется, будто переряживание допускаетъ смѣлѣйшую веселость, и женщина самыхъ строгихъ правилъ увлекается невольно общему веселостию.

(Орочтаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карт. No 9. Дѣтскія плащницы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 24.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 23 ДНЯ 1835 ГОДА.

Съ чернилицей перо заспорили о помѣ,
Кто новой оды былъ изъ нихъ прямымъ творцомъ,
Вошелъ Поэтъ, и споръ рѣшилъ высокоумья. —
Такія естъ вездѣ чернилицы и перья.

Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СКАЗКА О МОРОЗѢ СНѢГОВИЧѢ, И О ДВУХЪ КУЩАХЪ РОДНЫХЪ БРАТЬЯХЪ. (*)

Сказка голая, чѣмъ епанча однополая; сказка безъ хлѣба, безъ соли, сказуется черезъ силу, слушается по неволѣ; — моя сказка одѣша, обуша, въ началѣ спольничаютъ, въ концѣ бражничаютъ, а по серѣдкѣ пьютъ, да гуляютъ, да добрыхъ людей поминаютъ.

Жилъ былъ старикъ, а у него два сына. А какъ, благостию Всевышняго, старики на эпомъ свѣпъ помираютъ, да дѣлѣмъ добро свое покидаютъ, такъ и нашъ старикъ жилъ, жилъ, да и умеръ, а дѣйги оставилъ сыновьямъ. Пошли ему, Господи, царство небесное, а намъ многогрѣшнымъ кроху на поминъ души!

У старшаго брата, по имени *Оплеталы*, была совѣсть коновальская; а меньшей, *Силькайло*, былъ и съ бородой, да съ худобой; борода-то выросла, а ума не вынесла. Спали

(*) Изъ второй книжки *Былей и небылицъ* казака Владимира Луганскаго, вышедшей въ началѣ текущаго года. — В.

они дѣлѣмъ наслѣдство: *Оплетало* брашнашка своего оплелъ, обобралъ, — это мнѣ, это тебѣ, это мнѣ; это мнѣ, это тебѣ, это мнѣ — обдѣлилъ, да и на свѣпъ пустилъ. А какъ у него, у сердечнаго, хозяйки не было, такъ вскорѣ поправился онъ до того изъ кулька въ рогожу, чѣмъ бывало, собаки въ избѣ ложки моютъ, а козы въ огородѣ щавель да капуста полютъ! Пошолъ было онъ просить помощи у брата — да пошъ, какъ сыпный голоднаго не понимаетъ, согналъ его со двора. Медомъ, пивомъ поить не богатый, а пороватый.

Деньги прахъ, подумалъ *Силькайло*, а животны, чѣмъ голуби, гдѣ поведутся! Знать моя доля такая; доброе братство мнѣ бы и милѣй богатства, да вишь нѣтъ ни того, ни другаго! Ишли было въ гости, да никто не зоветъ; а брюхо злодѣй, спараго добра не помнитъ! Вспать пораньше, да шагнуть подальше, не набрѣдешь ли гдѣ на съѣстное! Снялъ кафтанъ съ нашестпи, подпоясался, ухватилъ шапку и рукавицы, и пошолъ въ шу спорону, куда голова перевѣсь взяла. Шелъ онъ шелъ подъ пролѣскомъ, чѣмъ налимъ-рыба подъ мушнымъ берегомъ,

напкнудся на избушку; — а избушка та, за ночь, какъ дождевикъ, выросла. *Смькайло* вошелъ, перекрестился, поклонился въ уголь, въ другой и въ прешій. — «Здравствуй, коли кто живой въ избѣ естъ!» — Богъ помочь, опозвался съдой спарикъ на полатяхъ. — «А что, дѣдушка, никакъ у тебя холодно?» — А *Смькайло* по голосу слышалъ, что дѣдъ въ избѣ на печи сидитъ: — «нѣтъ ли гдѣ погрѣться?» — Не люблю я васъ молокососовъ баловать, — отвѣчалъ дѣдушка *Морозъ Снѣговикъ*: я про себя топлю снѣжкомъ, да ледкомъ; ну, да ужъ набери, пожалуй, хворосту, разведи огня, да погрѣйся — а въ печи ешь, коли хочешь, и каша, и щей горшокъ! — Нашему *Смькайлу* ни кой кладъ, погрѣлся, наѣлся, выпался, дѣдушкѣ поклонъ въ поясъ, да и собрался съ разсвѣтомъ въ пущь. — Чпобы ты не плакался на бѣду, да меня поминалъ, — сказалъ *Морозъ Снѣговикъ*: такъ возьми вопъ кожаную суму; съ нею богатъ не будешь, а сытъ будешь; когда ѣсть захочется, такъ кинь на полъ, ни по на споль и молви: *сума, дай пить и ѣсть*; и дасиъ. Да смопри, не отдавай ее никому! — *Смькайло* дѣдушкѣ въ ноги, прибѣжалъ домой, ѣлъ и пилъ при дня хорошо и сыто, да и вздумалъ позвать брата съ невѣспкой на именины, похвалились передъ ними добромъ своимъ. Братъ долго опинѣкивался, наконецъ обѣщалъ прийти, хлѣба-соли именинника отвѣдать. Братъ онъ мой, подумалъ *Смькайло*, а умъ у негѣ свой; богатство спеси съ родни! Дай же я надъ нимъ шупку пошучу! Взялъ ржаного хлѣбца ломоть, да зеленого луку на грошь, да квасу-сыровцу кружку, вина-сивухи полкварты, да соли на кружокъ насыпалъ, исполокши, и поспавилъ все на споль. Братъ *Оплетало* съ невѣспкой пришли, разодѣтые, какъ Божьи племянники, ни къ чему не приступаютъ, уста пречистыя опорочить опасаются. Тогда *Смькайло* досталъ суму, кинулъ на споль, и молвилъ: Богъ вѣспъ, что въ сумѣ естъ; а вѣспимо и пому, кто принесъ суму! Сума, дай пить и ѣсть! Въ топъ же мигъ при челядинца высочили, яствами и напишками драгоценными споль весь успавили, и *Оплетало* съ женой не могли такому добру на-

дивиться и нарадоваться. Ёли они и пили; наконецъ *Оплетало* брата подпоилъ, да и опмелъ: суму вымѣнялъ на балалайку и пошелъ домой. Заупро *Смькайло* спохватился поздно; коли за своими щеками калача не удержалъ, а за чужими не удержишь! На балалайкѣ при красныя спруны, а хлѣба ни ломпя! Пришелъ онъ къ брату: за своимъ добромъ, да я же тебѣ челомъ, — а братъ его велѣлъ вытолкать. Не проси у богатаго, проси у пороваатаго! Взвыла да пошла изъ кармана кошна! Взяло копа поперегъ живота; охъ, охъ, а пособишь нечѣмъ! Пошелъ онъ опять къ дѣдушкѣ *Морозу Снѣговикъ*. «Дѣдушка, провинился я передъ побой! Суму завѣщную отдалъ брату, а у самого ни хлѣба, ни гроша на распрапу!» — Добро, сказалъ дѣдушка, добро, собьемъ ведро, обручи подъ лавку, а клѣпки въ печь, такъ авось и не будешь печь! Ты уменъ, какъ дьякъ *Семень*, книги продалъ, да карты купилъ! — «Дѣдушка, помилуй!» — Былъ такъ, *Смькайло*; на первой разъ прощаю — гляди же, впередъ не шали! — Напоилъ его, накормилъ, и далъ ему суму серебряную; изъ нее, по пому же слову, шесть человекъ выскакиваютъ, кормятъ, поятъ, до упаду. *Смькайло* таки не уперѣлъ, чпобы передъ братомъ не похвалилъ новымъ добромъ своимъ; а топъ, какъ пришелъ, какъ глянулъ, такъ вислоухаго *Смькайлу*, по прежнему, опоилъ, да и опмелъ; на рожокъ съ табакомъ вымѣнялъ у него суму, да и пошелъ! *Смькайло* проснулся упромъ, — было густо, спало пусто! Запѣлъ чпо коза на привязи! Аль на мою голову прахъ палъ, аль я въ такой часъ уродился, аль на такихъ рукахъ окрестился, чпо мнѣ нѣтъ талану, чпо я ни съ чего не разживуся? Добрый *Иванъ* и людямъ и намъ, а плохой *Иванъ* ни людямъ, ни намъ! Таковъ и я теперь! Гдѣ бѣда не была, а къ намъ опять пришла! Какъ бытъ? Братъ меня обижаетъ; онъ богатъ, такъ на немъ хопъ не ищи, на него ни суда ни докащиковъ; а Богъ и видитъ, да не скоро скажетъ! Но сколько нашъ *Смькайло* ни разсуждалъ, а пришлось въ препижды ийти къ дѣдушкѣ *Морозу Снѣговикъ*; *Смькайлу* ѣсть захотѣлось, а голодъ не сосѣдъ, опъ него не уйдеиъ! Пусть

жипь горько, да вѣдь умирапть не находка!— «Дѣдушка, виноватъ; а суму пвою я опять прогулялъ, на рожокъ съ табакѣмъ промѣнилъ! Дѣдушка *Морозъ Силговихъ*, пы православному человѣку свой; накорми да сумкой подари; ай дѣдушка, ѣспь хочу сего дня, захочу—напередъ знаю—и завпра!»—На всякое чиханье не наздравспвуешься, опвѣчалъ дѣдушка: а на дурака добра не напасешься; не дамъ тебѣ ничего.—«Дѣдушка, помилуй, грѣхъ да бѣда на комъ не живепть?»—Грѣхъ грѣхомъ,—молвилъ опять дѣдушка: а вина виной; у тебѣ борода съ воропа, а ума съ прикалпнокъ; глупому сыну не въ помощь и богатспство!—«Дѣдушка, помилуй, впередъ не буду; у меня теперь опкодъ умъ взялся, не спану пипть да гуляпть, не спану на суму порговапть!»—Ты съ коробомъ, а я съ норовомъ,—сказалъ дѣдъ: каипься, такъ кайся, да опять за спарое не принимайся; тебѣ проучипть порядкомъ надо; громъ не грянепть, мужикъ не перекрестпипся, — горбапаго исправипть могила, а упрямаго—дубина! Пропспипть развѣ еще разъ тебѣ только для того, что родному брапу суму опдалъ! На, вопть тебѣ сума золотая; когда ѣспь захочепся, скажи: сума, дай пипть и ѣспь—двѣнадцать человѣкъ молодцовъ выскочапть и накормяпть тебѣ въ волю; да только пы, какъ наѣшъся, кричи поскорѣй, не зѣвай: молодцы въ суму! Теперь похлебай моихъ щецъ, надломи хлѣбецъ мой, опдохни, да и спупай съ Богомъ!—*Силькайлѣ* у дѣда ѣль не ѣль, все домой глядѣль, наконецъ пошелъ. Пупемъ-дорогою вздумалъ онъ позакусипть маленько своего хлѣба и соли, золотой сумой попѣшипъся. Онъ кинулъ суму на землю, и молвилъ: сума, дай пипть и ѣспь! Двѣнадцать молодцовъ выскочили изъ сумы, и припяли бѣднаго *Силькайлу* въ плети, приговаривая: не пьянспвуй, не бражничай, не балуйся! да такъ, что онъ едва успѣлъ опомнися закричатъ: молодцы въ суму! и молодцы схоронились. Чпобы тебѣ спарому чорпу ежа пропивъ шерспи родипть, проворчалъ *Силькайлѣ*, почесывая бока и спину, какими учиптелями меня подарилъ! Эдакъ, по неволь, даспся и собакъ наука! Погодише-жъ вы, дружки полоконнички, полоконце съѣвъ,

да и розно всѣ! Эпо все вы брапа моего съ пупи сбпваете; чпобы васъ, дармоѣдовъ, чорпть разтасовалъ! Я васъ напою и накормлю всѣхъ, и тебѣ, доведъ щаспѣя, брапть любезный, проучу я пакже! Не успѣлъ онъ припипти домой, какъ *Оплетало* съ ровнями своими самъ напросился на обнову поглядѣпть. Золотая сума до того приглянулася брапу, что онъ опдалъ *Силькайлѣ*—а ужъ *Силькайлѣ* не промахъ—и кожаную, и серебряную, только бы добыпть себѣ золотую. Добыль, пришелъ домой; хлѣбосольниковъ гоповыхъ полна изба;—онъ суму на споль, давай хвалипъся гопямъ: Богъ вѣспь, что де въ сумѣ еспь, и невѣдомо и пому, кпо принеспь суму! Сума, дай ѣспь и пипть! Двѣнадцать молодцовъ, одинъ одного ухвапками чище, выскочили, ровно съ лука спрянули, и припяли всѣхъ, кпо живый пупть былъ, въ плети, приговаривая: полно пьянспвовать, полно бражничатъ, пора за умъ хвапипъся!—Холопы и челядинцы съ крикомъ на улицу повыскакали и со спрахомъ повѣдали *Силькайлѣ*, ждавшему конца пѣсни у воротъ, на какую пирушку гопи попали! *Силькайлѣ* кинулся въ избу, и закричалъ: молодцы въ суму! Все сппхло и плети улеглись въ сумку; гопи, почесывая спину, въ охапку кушакъ и шапку, да скорѣй безъ памяци домой. *Оплетало* сидѣль, прижавшись въ красномъ углу подъ образами, по креспился, по на суму косился, по поглядывалъ на *Силькайлу*, и добывалъ слова. Знаепть кошка, чье мясо съѣла! *Силькайлѣ* подошелъ къ нему и сказалъ: «успокойся, брапть любезный, молодцы въ сумѣ! Хопъ они вамъ и дались знапть, что до новыхъ вѣнниковъ чай не забудете, но на эпомъ не взыци; пы знаепшь, что у насъ одинъ бипый семерыхъ небитыхъ спопипть! Любишь ѣзипть, люби и возипть; на людяхъ и смерть красна, а какъ намъ гуляпть, такъ и ночь коротка! Любезный брапть! добрая сумки обѣ у меня, а поганая у тебѣ; помирися со мною, обѣщай меня болѣе не обманывать, не оплепапть, такъ у насъ все будепть опять пополамъ, и добро и худо. Чпобы тебѣ въ пвоемъ богатспствѣ, брапть любезный? Богатый не по два раза на день обѣдаепть да сыпть бы-

васть; а бѣдному мосоль—онъ сытъ и ве- сѣлъ! Двѣ головки вмѣстѣ всегда курятся, любезный бракъ, а одна гаснетъ; крѣпка арпель апаманомъ,—двое и въ полѣ воюютъ, а одинъ и дома горюетъ!—Вонъ, видишь, и дѣдушка *Морозъ Снеговикъ* идетъ насъ съ по- бою мирить; гляди, какъ посыпалъ!—Сытъ, бапюшка, сказалъ *Оплетало*, всаая и по- глядывая въ окно, сытъ, опецъ родной; у насъ масляна на дворѣ, пора сани заклады- вать, да салазки припасать! Русскому дорого личко къ Христову дню!»—По рукамъ, такъ по рукамъ, бракъ *Смѣйкало*; кто старое помнеть, того чортъ на расправу попя- нетъ! Доставай-ка свою сумку, а эпу, ока- янную, закинь хопъ пуда, гдѣ черпи въ чушки играютъ; доставай, такъ мы пере- хватимъ съ перепугу, да на мировую вы- пьемъ!—

— Ну, а напугалъ было пы меня, бракъ *Смѣйкало*, что помучило на сердцѣ и въ головѣ одурѣло! Мировую, такъ мировую! и худой миръ лучше доброй ссоры!—

Вопъ вамъ сказка хватская, наука брап- ская, былъ казацкая!

О ВЛІЯНІИ ВООБРАЖЕНІЯ НА ЗДОРОВЬЕ.

Молодой человекъ, 16-ти лѣтъ, слабого сложенія, впрочемъ совершенно здоровый, вышелъ изъ училища, въ которомъ онъ воспитывался, въ сумерки, и потчасъ же воротился, блѣдный какъ смерть, въ величай- шемъ испугѣ. Дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ своему поварищу: «Я умру въ 9 часовъ утра послѣ завтра!» Товарищъ его, полагая, что такая внезапная переменна въ веселомъ молодомъ человекѣ должна имѣть основа- ніемъ что либо чрезвычайное, всячески рас- прашивалъ, почему онъ такъ думаетъ? А какъ любопытство его оспалось неудовле- твореннымъ: то и старался онъ вывѣдать шутками; однако-жь и этимъ не достигъ желаемого. Весь отвѣтъ состоялъ только въ томъ, что смерть его вѣрна и неизбѣж- на. Множество доброжелательныхъ ему лю- дей собралось около его и старались вывести его изъ такого заблужденія веселыми разго-

ворами, шутками и даже сапирическими за- мѣчаніями; но онъ сидѣлъ съ ними задумчивъ и грустенъ, и даже не принималъ никакого участія въ ихъ разговорахъ; вздыхалъ, и на- конецъ уже сердился, когда надъ нимъ под- шучивали.—Всѣ надѣялись, что сонъ разго- нитъ пакую меланхолю, но онъ и глазъ не сводилъ во всю ночь, будучи занятъ мыслию о скорой смерти. Рано поутру прислали за мною, и я дѣйствительно нашелъ его въ спраннымъ положеніи: человекъ въ добромъ здо- ровѣ, приготовляетъ все нужное къ своимъ похоронамъ, чувствительно прощается съ своими друзьями, пишетъ къ своему отцу, увѣдомляя его о насупленіи своего послѣдня- го часа, и навѣки съ нимъ прощается. Это меня поразило! Я осмопрѣлъ его и не на- шель ничего необыкновеннаго, кромѣ блѣд- носпи лица, впалыхъ глазъ, покраснѣвшихъ отъ слѣзъ, холодныхъ оконечностей и пи- хаго біенія пульса, слѣдствіе нервныхъ су- дорогъ, копорыл довольно обнаруживали со- стояніе его мыслей. А потому я старался удостовѣрить его самыми сильными доказа- тельствами въ его легкомысліи и увѣрялъ, что здоровый человекъ не имѣетъ никакой причины ожидать скорой смерти; короче, я употребилъ все краснорѣчіе, однако не успѣлъ сдѣлать на него ни малѣйшаго впе- чатлѣнія. Онъ охотно вѣрилъ, что я, какъ медикъ, не могъ открыть никакой причины ожидающей его смерти; но прибавлялъ, что есть особенное обстоятельство въ его по- ложеніи, и что безъ всякой натуральной причины, а единственно отъ непреложной судьбы, смерть его должна послѣдовать; и хопя онъ не надѣется, что мы убѣдимся его словами; однако-жь оно вѣрно сбудется на другой день.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я сказалъ ему: такъ какъ онъ находится въ такихъ труд- ныхъ обстоятельствахъ, то я долженъ щи- тать его спраждущимъ въ болѣзни, и потому обязанъ предписать ему медицинское посо- біе.—«Очень хорошо,» отвѣчалъ онъ: «но вы увидите, что ваши лекарства не только не сдѣлаютъ мнѣ никакого добра, но даже не произведутъ вовсе никакого и дѣйствія.»

Не должно было перясть времени, ибо мнѣ оставалось только 24 часа на леченіе; и для того я щипалъ лучшимъ употребить сильныя средства, дабы освободить его отъ узъ, связывающихъ его воображеніе. Съ симъ намѣреніемъ, я далъ ему крѣпкое рвотное и сильное слабительное принять, и поставилъ Шпанскія мушки на обѣ лжки; онъ повиновался вполнѣ, увѣряя, что пѣло его уже въ половину мертво, и что всѣ средства, мною употребленныя, бесполезны. Къ крайнему моему удивленію, когда позвали меня ввечеру, послѣ сего распоряженія, я услышалъ, что рвотное почти не дѣйствовало, и что отъ Шпанскихъ мухъ даже пѣло не покраснѣло! Больной торжесествовалъ надъ нами, а изъ недѣйствительности лекарствъ выводилъ, что пѣло его уже почти безчувственно. Обстоятельство сіе, по мнѣнію моему, принимало важный видъ. Я убѣдился въ силѣ души надъ пѣломъ: ибо въ ней существовало начало недуга, пѣло же было совершенно здорово. Я по справедливости могъ полагать, что пѣло, воображеніемъ доведенное до такой крайности, можетъ дойти до высшей еще степени помертвѣлости.

Всѣ наши изысканія о причинѣ твердаго его вѣрованія въ скорую смерть остались тщетны, до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ одному изъ своихъ друзей, съ величайшею тайною, что предшествовавшего вечера, когда онъ вышелъ изъ горницы, видѣлъ фигуру въ бѣломъ, которая манила его, и въ то же время онъ услышалъ произнесенныя слова: «Послѣ завтра поупру въ 9 часовъ ты умрешь!» Ему ничего не оставалось послѣ сего явленія, какъ привести въ порядокъ свои дѣла, сдѣлать завѣщаніе, распорядить своими похоронами. Онъ требовалъ священника, дабы приобщиться Св. Тайнъ; но, по моему настоянію, въ этомъ ему отказано. Наступила ночь, и онъ началъ щипать часы, остающіеся до пагубнаго 9 часа слѣдующаго утра. Каждый разъ, какъ часы били, безпокойство его видимо увеличивалось. Я начиналъ бояться за послѣдствіе, потому что я зналъ много случаевъ, въ которыхъ воображеніе о смерти производило пагубныя послѣдствія. Я вспом-

нилъ чипанное мною о мнимой казни, при которой пресупникъ, послѣ прочтенія ему приговора, по которому присужденъ онъ къ лишенію головы, взведенъ на эшафотъ, съ завязанными глазами положенъ на роковую плаху, и, вмѣсто удара попоромъ, получа ударъ по шеѣ хлыстикомъ, умеръ отъ воображенія. Это обстоятельство давало мнѣ причину опасаться, что подобный примѣръ можетъ случиться и съ моимъ несчастнымъ больнымъ, воображеніе котораго было чрезвычайно испугано. Звонъ колокола въ 9 часовъ могъ быть столько же пагубенъ моему спрадальцу, какъ и ударъ прупика! Но положимъ, что обошлось бы и безъ потери жизни, но звонъ колокола, сопровождаемый чрезвычайнымъ напряженіемъ воображенія и сильнымъ судорожнымъ состояніемъ, отъ котораго вся кровь бросается къ головѣ и къ внутреннимъ частямъ, можетъ произвести опаснѣйшій переворотъ: спазмы, обмороки, геморойды, или даже вовсе перясть разумъ, который уже и такъ вытерпѣлъ сильный толчокъ.

Что было дѣлать? Я положился на единственное средство: обмануть его на щепъ печенія времени, не давая ему того почувствовать. Надлежало, чтобы десятый часъ прошелъ для него незамѣтно: тогда онъ можетъ вылечиться. Я положилъ всю свою надежду на опиумъ, и прописалъ ему 20 капель лаудана, съ двумя гранами куросльпа (Henbane) принять около полуночи. — Послѣ того я распорядился съ его товарищами, что ежели, какъ я и ожидалъ, онъ проснись пагубный часъ благополучно: то собратъся имъ около его постели и, по пробужденіи его, громко засмѣяться надъ его глупостію, и тѣмъ не допустить его оставаться при его мрачной мысли. Мои наставленія были въ точности исполнены: вскорѣ по принятіи опиума, онъ впалъ въ глубокой сонъ, отъ котораго проснулся не ранѣе 11-ти часовъ слѣдующаго утра. «Который теперъ часъ?» былъ первый его вопросъ при открытіи глазъ. Ему отвѣчали: двѣнадцатый! И вмѣстѣ съ симъ словомъ больной поздравленъ громкимъ смѣхомъ за свою глупость. Онъ спряпался подъ одеяло, а наконецъ спалъ и самъ смѣялся,

говоря, что все прошедшее представляется ему какъ сонъ, и что онъ не можетъ понять, какъ онъ могъ быть такимъ проспякомъ. Съ той поры онъ наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ и никогда не давалъ воли колобродить своему воображенію.

ГОСТЕПРИМНЫЕ МОНАХИ.

Монахи горы Сень-Бернарда составляютъ любимую мечту мою; не имѣя никакого расположенія къ монастырской жизни, я люблю до присраспія эписхъ добрыхъ пустынниковъ.

Одинъ антикварій, знающій Альпы не хуже своихъ пяти пальцевъ, увѣрялъ меня, что спраннопріимное заведеніе на горѣ Сень-Бернардѣ существовало еще прежде распроспраненія Каполической вѣры, вопреки мнѣнію присяжныхъ ученыхъ, утверждающихъ, что чувство любви и состраданія къ человѣчеству родилось только въ новѣйшее время.

На этой горной вершинѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ, стоялъ храмъ въ честь Юпитеру, жрецы коего заботились объ опысканіи заблудившихся спранниковъ; при немъ содержались собаки, которыя послѣ обрыва лавинъ бѣгали по горамъ, опыскивая человѣческіе слѣды.

Мнѣ самому удалось видѣть у одного антикварія горы Юры нѣсколько медалей и небольшихъ испукановъ въ память горы Юпитера. Название горы Жу (Joux) происходитъ отъ *Jovis*; если вѣрить этимъ фигурамъ и эмблематическимъ изображеніямъ, то гора Юра съ давняго времени служила пріютомъ идеѣ человѣчества, которую восприняли и которой посвятили себя здѣсь монахи Сень-Бернардскіе.

Начало многихъ вещей, которое мы по щеславію приписываемъ нашему времени, перенесено во мракъ вѣковъ.

Уже столько говорено было о благопвортельности и кротости сихъ благочестивыхъ иноковъ, которые относятъ успрое-

ніе монастыря своего къ 962 году подъ эгидою Бернарда Монпонскаго, что я оспариваю это общее мѣсто, и приведу вамъ одинъ примѣръ храбрости и присутствія духа.

Надобно имѣть много мужества, чтобы жить въ спранѣ, гдѣ въ печеніе восьми мѣсяцовъ бываетъ холоду не менѣе 18 градусовъ; гдѣ небо всегда сѣро, гдѣ вѣчно падаетъ снѣгъ, который заноситъ монастырскія спѣны, едва не закрывая кровли. Посреди этой блестящей бѣлизною массы бросается въ глаза понкая и высокая сѣраго цвѣта колокольня, которая такъ противопрѣчаетъ упоминательному однообразію окрестностей.

Подлѣ монастыря лежитъ большое озеро, раздѣляемое на двѣ части дорогою, ведущею къ припвору и къ монастырской прапезѣ.

Въ лучшее время года, т. е. въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, нѣсколько сотъ коровъ пасутся на берегу озера, питаются появляющеюся здѣсь на короткое время правою.

Казалось бы, что для воровъ нѣтъ никакой поживы въ такомъ мѣстѣ. Но драгоценные сосуды, украшающіе алтарь, и монастырская казна, непрерывно умножаемая дарами Савоіи и Франціи, вкладами частныхъ лицъ и щедротами Папы, привлекли однажды въ монастырь, въ Августъ мѣсяцъ, шайку мошенниковъ, которые явились сначала чинно, прося убѣжища.

Лишь только ихъ впустили, они потчасъ перемѣнили обращеніе: обнажили оружіе и схватили наспоптеля за бороду.

Монахи думали было опдѣлаться отъ нихъ прогательными увѣщаніями и упреками, но эти господа не увлекаются краснорѣчіемъ, а думаютъ только о своемъ дѣлѣ. Одинъ изъ нихъ схватилъ серебряный крестъ, другой золотой дискосъ; третій подсвѣчники, четвертый сундукъ съ казною: у каждаго было что нибудь въ рукахъ. — Не довольствуясь этимъ, они продолжали вездѣ обыскивать, и рѣшились даже угнать съ собою коровъ. Монахи приведены были въ ужасъ.

Наспоптель опдавалъ имъ всё безъ всякаго сопротивленія, на что братія смотрѣли

съ негодованіемъ: ибо если мошенники все у нихъ оберуть, то имъ нечѣмъ будетъ угостить спранника, нечѣмъ будетъ подать ему милосыню. — Съ ворами должно скряжничать, и нѣтъ никакой добродѣтели въ томъ, чптобы дозволилъ себя спокойно обкрадывать.

«А!» воскликнулъ наспояшель въ то время, какъ мошенники, паща добычу, съ радостію спѣшили къ монастырскимъ ворошамъ: «я забылъ еще про одну вещь.»

Съ этими словами онъ выпустилъ со двора собакъ, которые въ одно мгновение бросились на воровъ, свалили ихъ и начали топтать своими огромными лапами. Онъ бы навѣрно расперзали ихъ, если-бъ не вступились монахи. — Опобравши добычу, они засадили воровъ на хлѣбъ и на воду въ подземную пещицу; которые потомъ вскорѣ обратились къ религіи и сдѣлались примѣрными Христіанами.

Самъ начальникъ шайки рассказывалъ мнѣ эпозъ случай. Изъ плуша онъ спалъ благочестивымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, и смотришь теперь за монастырскими коровами; онъ нерѣдко съ удивленіемъ рассказываетъ, какими спранными путями Провидѣніе приводитъ иногда людей ко спасенію.

Съ Франц. К. К.

МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

— Жизнь кратка и скучна; она проходитъ вся въ желаніяхъ: мы въ *будущности* полагаемъ найти спокойствіе и радость; то есть, въ тѣ лѣта, когда лучшія блага жизни: здоровье и юность, уже исчезли. Наспаемъ и это время, а мы все не переспаемъ желать; посреди желаній, болѣзнь низводитъ насъ въ могилу; если-бъ мы выздоровѣли, то спали-бъ по прежнему желать.

— У дѣшей нѣтъ ни будущаго, ни прошедшаго; они, чего съ нами взрослыми не бываетъ, наслаждаются настоящимъ.

— Я съ тѣмъ легко уживаюсь, кто съ самимъ собою уживается.

— Жизнь не есть извѣстный видъ тѣла; но тѣло есть извѣстный видъ (Gestalt) жизни. Тѣло относится къ душѣ, какъ слово къ мысли.

— Гдѣ есть нравы, тамъ владычествуетъ умъ надъ чувственностію, и обратно, гдѣ умъ начинаетъ владычествовать надъ чувственностію, тамъ рождаются нравы.

— До тѣхъ поръ, пока человѣкъ медленно забываетъ, нежели научается, онъ дѣлаетъ успѣхи. Но если онъ скорѣе и болѣе забываетъ, чѣмъ научается, то успѣхи отпаиваются и онъ идетъ назадъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТВѢТЪ РУССКАГО ГЕРМАНКЪ, СКАЗАВШЕЙ ЕМУ: Я НЕ РУССКАЯ.

Пѣсня.

Ты Нѣмка наша! ты гражданка
Спраны, подъ Русскою звѣздой;
Но, *Полурусская Германка*,
Не любишь Русскихъ: *Богъ съ тобой!*

*

Германцы—мой народъ любимой,
Хотя я Русской, коренной;
Но ты, хоть Русь твоя край родимой,
Не любишь Русскихъ: *Богъ съ тобой!*

*

Но, можешь, сердце равнодушно
Не къ споронъ моей родной;
Тебѣ, быть можешь, только скучно
Съ однимъ изъ Русскихъ: *Богъ съ тобой!*

*

На всѣхъ шопъ Русской грусть наводишь;
Немудрено: онъ здѣсь чужой,
Одинъ, какъ тѣнь, межъ Нѣмцовъ бродишь.
Тебѣ съ нимъ скучно: *Богъ съ тобой!*

*

Ты весела—онъ сердцемъ болѣтъ,
Тоскою болѣтъ роковой;
Свободна ты—а онъ неволенъ;
Тебѣ съ нимъ грустно: *Богъ съ тобой!*

*

Знашь мнѣ съ-Перусскою, съ чужою,
Нытъ общаго въ странѣ родной;
Но Богъ одинъ: и пусть со мною
Хоть будетъ общій... *Богъ съ тобой!*

N. N.

Нарва,
1852.

ENIGME.

Sans que je sois estropié,
Je suis sans bras, je n'ai qu'un pié;
Mon surtout de toile est modeste;
Trop de pluie est pour moi funeste;
Immobile dans mon emploi
Je donne gîte aux hirondelles,
Aussi bien que j'ai des aîles;
Mon maître n'en a point et vole mieux que moi.

Въ No 23-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Холмъ*.

MODES.

Je crois notre frère amoureux d'une petite femme fort jolie et fort coquette (soit dit sans médisance), qui le mènera loin s'il n'y prend garde. Son mari est un riche banquier qui donne de fort belles fêtes et lui laisse pleine et entière liberté. Edward vient d'acheter chez *Crémieux* deux chevaux superbes pour suivre *la dame de ses pensées* au bois ce printemps. M. *Selmur* se moque de lui et prétend que *son flegme britannique* ne triomphera pas des yeux noirs de la dame. Elle est venue ce matin m'engager à aller chez elle; elle avait une charmante toilette: — une robe en velours bleu-de-ciel faite en redingote et fermée devant avec des passementeries noires d'un travail si fin qu'elles imitaient la dentelle; un chapeau de velours bleu avec un *héron*; dessous une couronne de petites campanules bleues qui encadrait sa figure. Elle n'est restée qu'un instant, mais si elle est aussi aimable que jolie, je conçois que mon frère en perde la tête.

Adieu, ma bonne *Nancy*, ne vous déciderez-vous pas à faire le voyage de Paris; dans ce moment nous serions bien mondains pour vous, mais la belle saison va arriver, les bals vont finir et nous pourrons faire des *promenades scientifiques* plus en harmonie avec vos goûts que ne le sont nos plaisirs, qui, comme vous le dites, ne laissent que des traces de fatigues sur la figure et du vuide dans le cœur. En voilà assez, car je ne veux pas encore devenir *philosophe*, et je sais vous aimer *quand même*. — *Sarah*.

МОДЫ.

Я думаю, что братъ нашъ влюбленъ въ одну миленькую женщину, которая очень недурна собою и большая кокетка (будь сказано безъ словесія); она заведетъ его далеко, если онъ не осперещетъ. Мужъ ея богатый банкиръ, даетъ прекрасные праздники, а она пользуется полной свободой. *Эдуардъ* купилъ у *Crémieux* двѣ прекрасныя лошади, чтобы сопутствовать ей нынче весною въ Булонской лѣсъ. *Selmur* насмѣхается надъ нимъ, и утверждаетъ, что его Брипанская флегма не воспоржешивуетъ надъ черными глазами его любезной. Она пріѣзжала сегодня упромъ звать меня къ себѣ, и прелестно была одѣта. Платье изъ небесно-голубаго бархата, сдѣланное рединготомъ, схвачено черными племеными зашежками, споль изящно сдѣланными, что они совершенно походили на кружево; голубая бархатная шляпа съ перомъ цапли; подъ полемъ узенькая гирланда изъ мелкихъ голубыхъ колокольчиковъ окружала лицо. Она пробыва одну минушу; но если она сполько же любезна, какъ хороша, то легко поспигаю, что братъ мой сходитъ опъ пеѣ съ ума.

Прощай, добрая моя *Nancy*; не рѣшишься ли ты пріѣхать въ Парижъ; теперь мы были бы для тебя слишкомъ развлечены; но скоро наступитъ лѣто, балы кончатся и мы можемъ дѣлать тогда *успешныя прогулки*, болѣе согласныя съ пивонми склопоспями, нежели наши веселоспши, которые, какъ ты говоришь, оставляютъ сполько слѣды успалоспши на лицѣ и пустоту въ сердцахъ. Довольно, потому что я не хочу еще сдѣлаться философскою, а если бы и шакъ, то я все умѣю себя любить. — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 25.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 27 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Вступая въ новый годъ, любезная Климена,
Не бойся, чшобъ въ судьбѣ швоей произоща
Какая перемена:
Ты будешь всегда пріятна и мила,
И лѣтъ швоихъ щипать друзья швои не стануть,
Душой прекрасныя—не винушь.

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. СТРАННАЯ ЖЕНИТЬБА.

Литовская быль.

Человѣкъ предполагаетъ,
А Богъ располагаетъ.

Въ одной изъ западныхъ нашихъ губерній, неподалеку отъ небольшого уѣзднаго города, жилъ помѣщикъ Гауденшій *Цинша*. У него былъ сынъ и двѣ дочери. Въ меньшую изъ нихъ *Анету* влюбился довольно значительный чиновникъ изъ сосѣдняго города, молодой, веселый, съ свѣтлыми кудрями на челѣ и всегдашнюю сорнею цѣлковыхъ въ карманѣ. Его звали *Янъ Неборакъ*.—Панна *Анета* была молоденькая, толстенькая дѣвушка, съ черными бровями и черными очами, — какъ водились у Польскихъ паненокъ. Съ перваго взгляда, она больно приплась по сердцу молодому кудрявому чиновнику; отецъ давалъ за нею цѣлыхъ три пыслчи злыхъ чистагану, — и женихъ съ невѣстою были уже помолвлены.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1830-го года у пана *Цинши* праздновали *обжинки*, ш. е. окончаніе жатвы,—и эпошъ-по день былъ назначенъ для совершенія обрученія. — На широкомъ панскомъ дворѣ пинулись рядами накрытые длинные столы, уставленные разными сельскими яствами, среди коихъ красовались два ведра водки и бочка пива — душа деревенскаго пира.

Панъ, паня, паничъ и паненки, женихъ-чиновникъ и куча госпей, сядя и стоя на широкомъ крыльцѣ, ждали людей съ нивы—и прислушивались къ опдаленнымъ пѣснямъ, которыя по звучно разливались по вечерней зарѣ, въ чистомъ осеннемъ воздухѣ, по пшхо зампрали, уносимыя свѣжимъ вѣтеркомъ, дувшимъ съ юга, гдѣ на сѣняхъ всхолмившихся облакахъ препешала румяная зарница.

Переливы пѣсенъ становились часъ отъ часу громче, яснѣе—и вдругъ замолкли. Наконецъ, чрезъ нѣсколько минутъ пишины, онѣ раздались у самыхъ воротъ панскаго двора, — и длинный хороводъ жницъ и ра-

бопниковъ попянулся къ крыльцу, при звукахъ рожка и волюнки. Впереди шла молодая креспьянка въ вѣнкѣ изъ васильковъ и колосевъ ржи. Обѣими руками она несла огромное оловянное блюдо съ большимъ вѣнкомъ изъ колосевъ. Подошедъ къ господамъ, она поклонилась; барыня приняла отъ неѣ тяжелей вѣнокъ, а баринъ высыпалъ горсть мѣди на блюдо, — и въ тоже время представивельницу Цереры облили изъ ковшы водою, при громкомъ хохотѣ всей толпы и шумныхъ поздравленіяхъ съ окончаніемъ богатой жапывы.

Начался пиръ, потомъ креспьянскія пляски на дворѣ и заморскія панцы въ барской залѣ. Обрученіе совершилось съ обыкновенными обрядами. — Женихъ вышелъ, чптобы прохладиться и отдохнуть послѣ тяжелой церемоніи. Въ это время изъ толпы пляшущихъ отдѣлилось существо длинное, тонкое, но живое, вертлявое: женщина въ красномъ испасканномъ плащкѣ, накинупомъ небрежно на одно плечо, наподобіе мантіи, и съ особенною на головѣ повязкою, въ родѣ чалмы. — Она подошла къ жениху и запыла попкимъ, пріятнымъ голосомъ, прищолкивая подпяпыми вверхъ пальцами и припопывая въ шапыть ногою:

Я Цыганка молодая,

Я Цыганка не простая:

Знаю ворожыть (2).

Пока, баринъ, ручку,

Положи-ка денегъ кучку —

Всю правду скажу (2).

Все, чпто было, я узнаю,

И чпто будешъ разгадаю:

Тебѣ расскажу (2).

«Ну, чпто было, я и самъ знаю; расскажи-ка лучше, голубушка, чпто *будешъ* со мною? — Вотъ тебѣ гривенникъ, — и вотъ рука!» — Правую, баринъ, правую, вотъ такъ-то, бапышка!... лѣвую самъ лукавый спережешъ; не въ укоръ будъ сказано вашей милоспыи; на лѣвой не намъ, дуракамъ, гадашпыто!... — Цыганка взяла правую руку чиновника, какъ бы зналъ, чпто она виновата меньше своей подруги: чиновникъ былъ *львица* и имѣлъ привычку опускаты въ кар-

манъ всегда лѣвую руку, когда оканчивалъ условіе съ просипелями, а правую отъ подавалъ иногда въ праздники милоспыню. Онъ пряталъ лѣвую руку въ задній карманъ своего фрака, какъ бы боясь, чптобы опшуда не выпашпыми чего нибудъ, а можешъ спашпыся, и такъ — по привычкѣ.

Цыганка приспалпыно посмопырѣла на ладонь жениха, подняла глаза къ небу и сказала, чпто теперъ нельзя ворожыть на рукъ, чпто де звѣзды не на помъ мѣсптъ спояпытъ, какъ бы нужно было для этого гаданья. —

«Войдемъ-ка лучше, панченокъ, въ хапыу: тамъ я тебѣ поворожу на яйцѣ.» — Хипрой Цыганкѣ хотѣлось только вперешпыся въ комнапы: тамъ было много молодѣжи, и слѣдспвенно — много надежды на поживу отъ легкомысленныхъ охопниковъ знапыть будущее.

Такъ и спалось. Лишь только подали Цыганкѣ яйцо и спаканъ воды, — еѣ окружпыли любопыпыные и со всѣхъ споронъ посыпалысь вопросы: Чпто будешъ со мною? — Хорошо ли я продамъ спараго жеребца? — Скоро ли моя *Сонюшка* выдепытъ за мужъ? — Убью ли я завтра медвѣдя на охотъ? — Хорошо ли просоляпыся мои огурцы? и проч. и проч. — «Погодише, кормилцы, погодише, мапышки! За разъ, за разъ, всѣмъ разгадаю и расскажу! Дайше прежде поворожыть красному солнышку, ненаглядному женишку нашей мапышки сударыньки-панчочки!» — проговорила колдуныя скороговоркою, поворачывалъ по въ шу, по въ другую спорону.

Все понемногу упыхло. Новая Пифѣя спспавила спаканъ съ водою на сполъ; облепыла его восковыми зазжеными свѣчами; взяла яйцо, прошепышала чпто-то надъ нимъ и надъ водою; съ особеннымъ испуспывомъ разбила яйцо объ край спакана, — и выпустпыла бѣлокъ въ воду. Потомъ прикрыла спаканъ обѣими руками и начала приспалпыно спмопырѣшпы въ него, мурлыча и напывая чпто-то въ полголоса... Вдуръ глаза ея засверкали; она схвасыла руку жениха — и торжеспственнымъ голосомъ, какъ вдохновенная жрыца Дельфійская, произнесла слѣдуюшчее:

«Я вижу розовый гробъ: . . . вопъ священникъ въ чёрной ризѣ; чу, звонящъ колокола; вопъ поющъ вѣчную память. . . Тише, тише!.. Вопъ алтарь, весь въ свѣчахъ и убранъ цвѣтами. . . Вопъ спойтъ дѣвица, спройная, вся въ бѣломъ, но лица не видашь; а вопъ и женихъ; онъ оглянулся назадъ, онъ не скученъ и не пакъ-по радостень: эпо пы. . . Вопъ молодые пошли вокругъ наюла. . . Ну, кормилецъ!» сказала Цыганка, какъ бы очнувшись и отдыхая: «жишь шебъ скоро не одному; не забудь и меня на радостяхъ!»

—Цыганка! а розовый гробъ-то?.. — спросила молоденькая, рѣзвая сволченица жениха дрожавшимъ голосомъ. «И, панночка, мало ли кто умираетъ; не все же свѣпиптъ красное солнышко: бываетъ, что и дождь идетъ; а послѣ ненастья-то и опять свѣпиптъ ясное солнышко. Вѣдь ваша свадьба опложена до лѣта; мало ли въ зиму умретъ на бѣломъ свѣпѣ: обо всѣхъ ли плакать, кормилица. Дай-ка я поворожу шебъ, голубушка!»

—Нѣтъ, Цыганка! Что-то спрашно; въ другой разъ! — И она и невѣста, съ какою-то невольною грустью, опошли въ спорону — и спали у окна пригорюнившись.

Въ душное, памятное намъ лѣто 1831 года, въ самый полдень, по широкой сполбовой дорогѣ къ уѣздному городу, близъ котораго было помѣстье пана *Цинши*, капилась спаро-Польская бричка, запряженная тройкою лихихъ курьерскихъ. За пылью, густымъ облакомъ покрывшею и лошадей и бричку, нельзя было разглядѣть проѣзжихъ. Зной былъ ужасный. Ни одна пшичка не поркала въ раскаленномъ воздухѣ, какъ бы боясь обжечь свои крылышки; ни одинъ цвѣпокъ не красовался на широкомъ лугу, который расплался по одну спорону дороги, пожелтѣлый опъ пыли и жара, примыкалъ вдали къ лѣсу, какъ бы желая спряпаться въ опрадной его пѣни. — Тощее спадо не щипало правы — и для прохлады отдыхало въ глубокомъ оврагѣ, пересѣкавшемъ поле по другую спорону; да-

же попрыгуньи-козы, всегда неупомимыл и рѣзвыя, лѣниво лежали на мягкой правѣ, роскошной опушкѣ ручья, который серебряною ленпою капился и сверкалъ на днѣ оврага.

Бричка оспановилась; пыль улеглась. Кучеръ, соскоча съ козелъ, спалъ суешпясь около лошадей; прѣзжіе вышли изъ экипажа, и одинъ изъ нихъ, набивъ трубку изъ дорожнаго кпсета, висѣвшаго у него на пуговицѣ, вынулъ зажигательное стекло — и навелъ на трубку; но табакъ не дымился: солнце кровавымъ пятномъ глядѣлось сквозь какую-то дымную полосу, широко опоясавшую небосклонъ; оно безъ блестящихъ лучей жгло атмосферу, какъ раскаленная печь въ рабочей комнапѣ алхимиста.

«Петрушка! сбѣгай — вонъ къ пѣмъ пашпухамъ и закури трубку; тамъ у нихъ что-то дымится.» *Петрушка* мальчикъ лѣтъ 16-ти, по видимому лакей проѣзжаго пана, лѣпомъ исполнилъ приказаніе — и возвратился запыхавшись и раскуривая трубку. — Пашпухи палюць мохъ съ хвороспомъ, да сосновую кору; яны (они), паночикъ, говоряць, что у нихъ въ дзереви *хорела мордусъ*, и что люди безъ милосердія умираюць! — «А чьи они?» — спросилъ торопливо баринъ. — Кто, паночикъ? — «Дуракъ! Пашпухи!» — А пана Гаудентія *Цинши!* —

Япъ *Неборакъ*, поропившійся женипсья, опрометью бросился въ бричку; за нимъ, какъ кошка, вскарабкался *Петрушка*, — бичъ хлопнулъ, лошади помчались.

Проскакавъ верспѣ пѣнь, они поворопили на лѣво, по проселочной дорогѣ, и скоро взобрались на высокую гору, которая крупно спускалась въ лощину. По лощинѣ змѣйкою вилась узкая дорога, между кочекъ и кустарниковъ. Направо и налѣво видѣлся песокъ, за пескомъ — лѣсокъ, а за лѣскомъ еще песокъ. . . . Тамъ пѣмный сосновый боръ; за нимъ высока колочья и возлѣ неѣ едва примѣтный крестъ на маленькомъ куполѣ деревянной церкви, которая чуть-чуть мелькала между пѣмными соснами. — «Что эпо тамъ видно, за лѣсомъ?» — спросилъ панъ

Неборакъ у кучера. — А это маюншекъ пана *Цинши!* — «Спой! памъ кажешся звонятъ?» *Извощикъ*, оспанавливая коней, почти перевалился назадъ — и чуть не упалъ въ объятія пана *Яна*. Грозный кулакъ быспрѣ молнии упалъ на голову бѣднаго кучера: онъ вскочилъ какъ въспрепанный. — «Пошелъ скорѣй, чоршово племя! живѣй, капай по всѣмъ!» закричалъ панъ, оппуская при каждой заплотой и знакъ восклицательномъ по полновѣсному кулаку въ спину бѣднаго кучера.

Бричка неслась вихремъ, спуща и перекачиваясь съ кочки на кочку. Наконецъ они пролепѣли лѣсъ и очутились у самаго кладбища, — носомъ къ носу съ похоронною процессією.

Панъ *Янъ Неборакъ* осполбенѣлъ: передъ нимъ открытый розовый гробъ; за гробомъ шелъ Гауденшій *Цинша*, его родня и знакомые; всѣ въ слезахъ, съ плапками у глазъ; но невѣспы его, панны *Анны*, лпутъ не было. Припавъ дыханіе, какъ бы ожидалъ громоваго удара, онъ приспально взглянулъ на гробъ, и упалъ безъ чувствъ: милая его *Анета*, надежда жизни его, та, которую онъ думалъ уже очень скоро назвапъ своею, — лежала въ гробу, блѣдная, обезображенная смертью. — Ударъ былъ жестокъ: бѣдный *Неборакъ* очнулся уже въ домъ *Цинши*.

Спусти двѣ недѣли, у кровати палимага горячкою *Неборака* сидѣла пanna *Марина*, младшая сеспра покойной *Анеты*. Съ нѣжнымъ учаспіемъ она спрашивала у больнаго: лучше ли ему? Съ необыкновенною заботливостію предупреждала она малѣйшія его желанія; безпреспанно посмапривала на часы, лежавшіе на столѣ возлѣ кровати — и не пропускала ни одной секунды, предписанной врачемъ для принятія больному лекарства. — На столѣ, успавленномъ множествомъ спкляночекъ и баночекъ, изъ коихъ возлѣ каждой лежала по споловая, по чайная ложка, — въ двухъ спеклянныхъ вазахъ, наподобіе урнѣ, спояли цвѣпы, нарваные *Мариною* съ цвѣпниковъ маленькаго ея садика. По временамъ, она наклонялась къ эпимъ цвѣпикамъ,

впивая ихъ благоуханіе розовымъ кончикомъ своего носа и навѣвая бѣлою ручкою ихъ ароматы на ложе бѣднаго больнаго.

Въ такихъ, скучно-пріятныхъ занятіяхъ, время шло ни медленно, ни скоро; часы чикали однозвучно и усыпшельно, — и порою упомлѣнная *Марина*, склонясь на изголовье постели, сладко дремала, и не думая о томъ, что въ комнату, кромѣ больнаго мущины и еѣ, полной и румяной, нѣпъ ни души живой; что намъ до эпаго!... Больные имѣютъ сполько привилегій... Щаспливые больные!

Прошло уже при недѣли, а панъ *Неборакъ*, уже выздоравливающий, не хотѣлъ оставлать постели. — Ему было такъ хорошо! Онъ любилъ смопрѣпъ на дремлющую у его изголовья *Мариноу*; онъ былъ погда въ идеальномъ пареніи, и въ эпомъ пареніи, память объ *Анетѣ* мало по малу испарялась. Онъ видѣлъ, что *Марина*, съ такимъ сердоболіемъ за нимъ ухаживавшая, была ни чѣмъ не хуже своей сесприцы, и двумя годами моложе. Персиковыя щѣчки ея были еще полнѣе и не скрадывали ни одной ямочки. Ея спанъ былъ на цѣлые полдѣйма болѣе въ объѣмъ; а это имѣло въ глазахъ его, какъ любилеля сущеспвеннаго, свои выгоды.

Я знаю однако-жъ одного человекъ, который терпѣтъ не можетъ полныхъ дѣвущекъ: спранный человекъ!

Я знаю также, что пanna *Марина*, при жизни сесприцы, не такъ-по равнодушно смопрѣла на *улицѣ* кудриваго чиновника, копорыя онъ безбожно распчалъ предъ хорошенькою *Анетою*, не замѣчая зависпи младшей ея сеспры. На сговорѣ *Анеты*, *Марина* была не въ самомъ хорошемъ расположеніи духа — и не мудрено! она была моложе, свѣжѣе, веселѣе сеспры своей. Хотя по смерпи *Анеты*, такъ неожиданно похищенной алчною холерою, *Марина* плакала неупѣшно, и долго еще потомъ печалилась о невозвратной своей поперѣ; однако госпожа *Природа* взяла свое; привычка быть почти безвыходно у постели больнаго, помогла *Природѣ*, — и дѣвущка всею душою полюбила бывшаго жениха своей *Анеты*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Вешней нѣгой солнце дышитъ!
 Весель, радость надъ челою,
 Мчится всадникъ—ржетъ и пышитъ
 Конь подъ мѣднымъ сѣдокомъ!
 На гранихъ вскакалъ—десница
 Распростерта надъ Невой!
 Зрите!... «Здѣсь моя столица!»
 Воззвалъ голосъ громовой.

*

Блещетъ царственная пога,
 И изъ топкихъ Фянскихъ бласть
 По воззванью полубога
 Возникаетъ чудный градъ.
 О, какъ гласъ швой, мужъ великій,
 Дивенъ, силенъ и могучъ,
 Какъ гласъ Русскаго владыки!
 Надъ шбой—безсмертья лучъ!

*

Тамъ, гдѣ нѣкогда пустыни
 Былъ печальный дикій видъ,
 Нынѣ дивныя пвердыни
 Изумленный странникъ зритъ,
 Очаровывая взгляды,
 Вдоль граничныхъ береговъ
 Всюду высаятся громады
 Зданій стройныхъ и дворцовъ.

*

Все здѣсь нѣжитъ взоръ и чувства!
 Какъ по зву, въ державный градъ
 Роскошь, знанья и искусства
 Съ юга, съ сѣвера спѣшатъ.
 Разсыкая Фински волны,
 Дань морей и дань земли
 Опъ всѣхъ спрантъ, кошницы полны,
 Въ даръ приносятъ корабли.

*

Кто же Ояъ, сей всадникъ чудный,
 Маньемъ чьимъ изъ влажныхъ ядръ

Что прикажете дѣлать съ человѣческимъ
 сердцемъ, съ восковымъ сердцемъ шеснад-
 цатилѣтней дѣвушки?

Влюбленные не объяснялись между собою
 на словахъ, которыя такъ припорны даже
 въ романахъ. Они поняли другъ друга,—и
 какъ бы условясь, почти въ одно время оп-
 крылись родителюмъ: *Марина* сказала своей
 матери, что любитъ пана *Яна*, а панъ *Янъ*
 сказалъ отцу *Марины*, что любитъ его дочь.
 Дѣло было сложено. Препятствій никакихъ
 не существовало: хопъ сей часъ по рукамъ,
 да и за свашьбу. Одинъ только законъ при-
 личія удерживалъ ихъ такъ скоро послѣ
 смерти любимой ихъ *Анетты* сыгранъ свашь-
 бу: нужно было, чшобы прошло хопъ шесть
 недѣль.

И еще двѣ недѣли пролетѣли мигомъ, и
 на претшѣй влюбленная чепга, предъ брач-
 нымъ алпаремъ, украшеннымъ цвѣтами,
 произнесла роковое: *да*.

Слова Цыганки сбылись.

Спустия нѣсколько дней, щасливый *Небо-*
ракъ увлекъ плачущую свою супругу, впер-
 вые оставявшую родительскій кровъ, въ
 губернский городъ, куда онъ перемѣстился
 на пѣпленкое мѣстечко, еще зимою, вскорѣ
 послѣ обрученія съ *Анетою*. Служба не поз-
 воляла ему оставаться долѣе въ деревнѣ
 тешя, гдѣ судьба такъ неожиданно лиши-
 ла его любимой имъ невѣсты и замѣнила его
 потерю доброю женою, сеспрою той же
 невѣсты.

Очень недавно панъ *Цинша* посѣщалъ сво-
 ихъ дѣпокъ, жителей губернскаго города, и
 до слѣзъ былъ ушѣшенъ ихъ благоденствіемъ
 и ласками маленькаго внучка, котораго онъ
 любитъ забавлять, щекоча его крошечную
 ручку своимъ морщиноватымъ длиннымъ
 пальцомъ, и приговаривая: «*Пипка кашку ва-*
рила.»

Василій Звелейской.

Сентябрь 1854 г.

С. Петербургъ.

Градъ явился многолюдный?

Эпо *Петръ*, нашъ Русскій *Петръ*!

Мудрый мудрому укажешь

На божественный сей ликъ,

И попомокъ дальній скажешь:

Сей Державный быль великъ!

И. Петровъ.

С. П. бургъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* означаетъ вѣсь,
Второй есть дерево, не лѣсъ.

А *все* звѣрокъ кудрявый и домашній,
Въ болопахъ спутникъ пвой всегдашній.

И въ полсненіе скажу еще вопъ пакъ:
Умѣе кошекъ онъ и смѣшливѣй собакъ.

Ш.

Въ Но 24-мъ, помѣщенная загадка значить: *Moulin à vent.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ 30 *Апрѣля* 1834 года, т. е. съ открытія
театра послѣ поста, по 17-е *Феврала* до за-
крытія вновь передъ *Великими* постомъ, или въ
такъ называемый театральный годъ, вновь были
играны и возобновлены слѣдующія пьесы.

Т Р А Г Е Д І И :

Въ 1-й разъ.

Осада Пскова, въ 5 дѣйствіяхъ, въ спи-
хахъ; соч. барона Е. О. *Розена.*

Марія Спюарсъ, въ 5 дѣйствіяхъ, въ спи-
хахъ; перев. съ Нѣм. А. *Шушковымъ* 2-мъ.

Сыны Эдуарда, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ спи-
хахъ (еслили только подобные спихи мо-
жно назваъь спихами).

Князь Скопинъ-Шуйскій, въ 5 дѣйствіяхъ,
въ спихахъ; соч. Н. В. *Кукольника.*

Роксолана, въ 5 дѣйствіяхъ, въ спихахъ;
соч. Н. В. *Кукольника.*

ДРАМЫ:

Въ 1-й разъ.

Ламмемурская Невѣспа, въ 3 дѣйствіяхъ;
перев. съ Французскаго (*Хопя* въ ней есть
наводненіе, однако же она суха).

Безумная, повѣспъ въ 1 дѣйствіи; передъ-
лана изъ соч. *Козлова.*

Генріета, въ 4 карпинахъ; перев. съ
Французскаго. (*Тупъ*, все если свальба,
мщеніе, убійство; недоспаетъ лишь здра-
ваго смысла.)

Мужъ, Жена и Сынъ, или Сердце Матери,
въ 2 дѣйствіяхъ; перев. съ Французскаго.
(Переводъ слишкомъ плохъ.)

Первая любовь, въ 3 дѣйствіяхъ; перев.
съ Французскаго.

Слѣсарь, въ 1 дѣйствіи; перев. съ Фран-
цузскаго.

Возобновлены:

Одинъ годъ, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Фран-
цузскаго. (Не прожила и двухъ мѣсяцовъ.)

Преціоза, въ 4 дѣйствіяхъ; съ Нѣмецкаго.

Соколъ, въ 4 дѣйствіяхъ; соч. князя А. А.
Шаховскаго.

Рославлевъ, въ 4 дѣйствіяхъ; соч. князя
А. А. *Шаховскаго.*

Жоко, Бразильская обезьяна, въ 3 дѣй-
ствіяхъ; перев. съ Французскаго.

КОМЕДИИ:

Въ 1-й разъ.

Оцѣпленіе, въ 1 дѣйствіи, въ спихахъ;
соч. *Пасынкова.* (На безрыбьи и ракъ рыба).

Другъ и Любовникъ, въ 2 дѣйствіяхъ; съ
Французскаго.

Дружба Женщинъ, въ 1 дѣйствіи, въ спи-
хахъ; съ Французскаго (очень хорошій пе-
реводъ.)

Преданіе, въ 1 дѣйствіи.

Дебютантъ, въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ;
съ Французскаго.

Полина, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.
Опець и Кумъ, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.

Возобновленія:

Жена и Должноспь, въ 3 дѣйствіяхъ.
Солиманъ II, или Три Сулпанши, въ 3 дѣйствіяхъ.

О П Е Р Ы:

Въ 1-й разъ.

Морской Разбойникъ Цампа, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго. (Держится игрою актеровъ, музыкою и обспановкою.)

Двѣ Ночи, въ 3 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.

Робертъ Дьяволь, въ 3 дѣйствіяхъ.

Возобновленія:

Два Слова, въ 1 дѣйствіи.
Новая Сумапоха, въ 1 дѣйствіи; соч. князя А. А. Шаховскаго.
Десять дней женишбы, въ 1 дѣйствіи.
Сандриліона, въ 3 дѣйствіяхъ.

В о д е в и л и:

Въ 1-й разъ.

Заѣмныя Жены, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго (довольно забавень).

Женихъ-Лунапикъ, въ 1 дѣйствіи; оригинальный.

Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Надежда и Любовь, въ 2 дѣйствіяхъ; соч. актёра Григорьева большова.

Горе опъ шѣщи, въ 1 дѣйствіи; соч. актёра Григорьева большова.

Назовите какъ хопшпе, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго. (Названіе говоритъ за себя.)

Жена Сосѣда, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Теобальдъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Женихъ по довѣренности, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Дочь знамениаго арписпа, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Тринадцатый за споломъ, въ 1 дѣйствіи; перев. съ Французскаго.

Спрятчій подъ споломъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго. (Г-нь Дюръ, можно сказать, безподобень въ роль Жовіала.)

Всё горе или Бѣда за бѣдой, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго. (Горе! горе!)

Зоя, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Романтизмъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Маркизь по неволѣ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Кривые Любовники, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Семейство Барона, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Воспитанница и Пансіонерка, въ 2 дѣйствіяхъ; съ Французскаго.

Въ пихомъ омушъ черши водяпся, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Нещастіе Красавца, въ 1 дѣйствіи; перев. съ Французскаго.

Лорнепъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Разборчивый Женихъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Возобновленія:

Моя Жена выходитъ за мужъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Ломоносовъ, въ 3 дѣйствіяхъ; соч. князя А. А. Шаховскаго.

Ревность не ведеть къ добру, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

Ужасная Ночь, въ 1 дѣйствіи; соч. А. В. Иванова.

Учитель и Ученикъ, въ 1 дѣйствіи; съ Французскаго.

И Н Т Е Р М Е Д И:

Въ 1-й разъ.

Семикъ въ Рыбацкой, въ 1 дѣйствіи: (разумѣется съ пѣмъ же плясками и пѣснями,

какія пляшутся и поюцца въ импермедіяхъ: на Воробьевыхъ горахъ, въ Мипавской ярмаркѣ, на Прѣсенскихъ прудахъ и проч.)

Возобновлена:

Праздникъ на Воробьевыхъ горахъ, въ 1 дѣйствіи.

БАЛЕТЫ:

Въ 1-й разъ,

Кесарь въ Египтѣ, въ 5 дѣйствіяхъ; соч. *Титюса*. (Костюмы и декораціи прекрасны.)

Дафнисъ, въ 1 дѣйствіи; соч. *Блаша*.

Возобновлены:

Ница, въ двухъ дѣйствіяхъ.

Кавказскій Пльщикъ, въ 4 дѣйствіяхъ; соч. *Дидло*.

Сумбека, въ 4 дѣйствіяхъ; соч. *Блаша*.

Кіа-Кингъ, въ 5 дѣйствіяхъ; соч. *Титюса*.

Женщина-Лунастикъ, въ 3 дѣйствіяхъ.

Телемакъ, въ 3 дѣйствіяхъ.

Сила Любви, въ 1 дѣйствіи; соч. *Блаша*.

Маскарадъ въ Театрѣ, диверсиссементъ, въ 1 дѣйствіи.

Всего сыграно вновь: трагедій 5, драмъ 6, комедій 7, оперъ 3, водевилей 23, импермедія 1, балетовъ 2.—И того 47.

Возобновлено: драмъ 5, комедій 2, оперъ 4, водевилей 5, импермедія 1, балетовъ 8.—И того 25.

Чаще всѣхъ играны были, изъ новыхъ: Робертъ-Дьяволъ—21 разъ; изъ старыхъ: Фидлапка и Мирошка—10 разъ.

M O D E S.

Je suis enchantée que vous ayez été satisfaite de vos commissions, ma chère sœur, et suis reconnaissante des remerciemens que l'on veut bien m'en faire. Les modes à Paris sont assez stagnantes dans ce moment;

voilà l'été qui tire à sa fin et le printemps va nous amener mille choses nouvelles qui n'ont point encore parues. Cependant, comme il n'y a encore aucun ralentissement dans les plaisirs et que les réunions sont toujours aussi fréquentes et aussi nombreuses, mes remarques de toilettes sont les mêmes et je vais en citer plusieurs.

Voici une mise qui a été fort remarquée chez la comtesse P. . . — un dessous de satin blanc, par dessus une robe de gaze blanche parsemée de petites rosaces peintes en jaune d'or, corsage uni, décolleté, pélerine basse tout autour; deux gros bouillons de tulle formant manches courtes; *surmanches* plissées en berret au-dessus, pas de rubans, de garnitures. Les cheveux noués par derrière le plus simplement possible; deux coques en cheveux sur les tempes, un bandeau d'or sur le front n'allant de chaque côté que jusqu'aux nœuds de cheveux, au bandeau étaient attachées de petites poires, de petits ornemens mouvans en or brillant, point d'autres bijoux.

М О Д Ы.

Я въ восхищеніи, что ты довольна моими покупками, любезная сестра, и весьма признательна за изъявленіе ихъ благодарности. Моды въ Парижѣ остановились на одной почкѣ; зима приближается къ концу, а съ весною появился много жество новостей. Впрочемъ, какъ въ удовольствіяхъ нѣтъ никакого уменьшенія, и какъ собранія бывають также часто и также многочисленны, замѣчанія мои о нарядахъ все тѣже, и я опишу тебѣ многіе изъ нихъ.

Вотъ нарядъ, который очень былъ замѣтенъ у графини P. . . — Нижнее платье бѣлое апласное, верхнее бѣлое газовое, усыянное небольшими рисованными кружками золотого цвѣта, лифъ гладкой, открытой, кругомъ корошенькая пелеринка, двѣ большія буфы составляютъ короткіе рукава, *surmanches*, сложенные берешами сверху; ни лѣнть, ни оборокъ. Волосы сдѣланы сзади весьма просто; двѣ пепли изъ волосъ на вискахъ; по лбу золотая повязка, идетъ съ каждой стороны до банта изъ волосъ; къ повязкѣ были прихвачены маленькія групи и маленькія движущіяся украшенія изъ блестящаго золота; другихъ никакихъ вещей.

(Окончаніе всего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 26.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 30 ДНЯ 1835 ГОДА.

Когда въ дѣлахъ, — я оны вселій прачусь,
Когда дурачипься, — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть пѣма искусниковъ; я не изъ ихъ числа.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О ТОМЪ, КАКЪ ПИСЫВАЛИ ИСТОРИЮ ВЪ
СТАРЫЕ ГОДЫ.

(*Нормандская хроника.*)

Недавно, роясь въ старинныхъ книгахъ, я
опыскалъ Нормандскую хронику *Жана На-
гелля*, и раскрылъ её на удачу въ помъ мѣспѣ,
гдѣ описывается жизнь *Роберта I*, осьмого
герцога Нормандіи. Всего удивительнѣе, а
чаще забавнѣе, та трудолюбивая заботли-
востъ, съ какою авторъ собиралъ всё нель-
пости, которыя рассказывались объ его ге-
роѣ; то безусловное вѣроятіе, какое онъ имъ
оказываетъ, и протосердечныя его сужде-
нія по этому предмету. Бьюсь объ закладъ,
что если бы въ наше время изданъ былъ
переводъ этого творенія, съ Татарскими или
Индійскими именами вмѣсто Нормандскихъ,
то никто бы не вздумалъ подозрѣвать шупъ
подлога. . . .

По сказанію своего лѣтописца, *Робертъ I*
былъ человекъ ужасный: онъ убивалъ мона-

ховъ, посягалъ на честь монахинь, пилъ,
игралъ, сорилъ деньгами, а когда ихъ у него
недоспавало, грабилъ церкви или опорож-
нивалъ карманы прохожихъ.

Послѣ этаго прекраснаго изображенія, *На-
гелль* повѣспвуетъ намъ, что юность *Ро-
берта* была исполнена большихъ смяшеній.

«Движимый необузданнымъ честолюбіемъ;»
продолжаётъ историкъ: «онъ взбунтовался
«противъ отца своего *Ричарда II* и стар-
«шаго брата *Ричарда III*, которыхъ, какъ
«говорятъ, оправилъ попомъ, въ раз-
«ное время, чптобы достигнуть чрезъ то
«владычества надъ прекраснымъ Норманд-
«скимъ герцогствомъ. . .»

Далѣе онъ прибавляетъ: «Нельзя сказать,
«чптобы онъ не имѣлъ нѣкоторыхъ великихъ
«качествъ; но къ сожалѣнію, они не всегда
«служили ему для хорошаго употребленія.»

Достигнувъ цѣли своихъ желаній, *Робертъ*,
прозванный Дьяволомъ, и какъ кажется, по-
служившій въ послѣдствіи героємъ для всѣхъ
повѣстей, писанныхъ о помъ, кто послѣ

эпо́ю имя, *Робертъ*, говорю я, переспалъ грабить, убивать и оскорблять женщинъ, подобно простому разбойнику, но по привычкѣ къ подвигамъ эшаго рода, онъ придалъ имъ обширнѣйшій объемъ и началъ вести войну съ своими родственниками, сосѣдами, вассалами. Неумолимый, онъ опустошалъ, рѣзалъ и жегъ, повсюду оставляя за собой кровавые слѣды; короче, онъ довелъ до такой высокой степени искусство все испробовать во время войны, что и друзья его, также какъ непріатели, спали пренепатъ отъ одного его имени. Скоро онъ усмирилъ враговъ своихъ, для униженія которыхъ употреблялъ средство, вполне его достойное. Онъ заставлялъ ихъ молить себя о пощаду, подползал къ ногамъ его на четверенькахъ, съ подвижною козлиною бородою и съ сѣдомъ на спинѣ. Тотъ долженъ былъ очень дорожить жизнію, кто рѣшался на такое посямленіе.

Между тѣмъ *Робертъ* оказывалъ родъ варварскаго правосудія, въ которомъ было какое-то благородство и величіе; созвавъ къ себѣ всѣхъ своихъ сановниковъ, какъ завѣдывавшихъ особыми частями управленія, такъ и наблюдавшихъ за сохраненіемъ общественаго порядка и безопасности, онъ сказалъ имъ: «Я удвойваю ваше жалованье, чтобы не оставялъ вамъ никакого повода быть приспасными въ чью бы то ни было пользу.» Съ эшаго дня, поѣтъ, кто оказывался виновнымъ въ лихоимствѣ, былъ немедленно оповодимъ на висѣлицу. Отсюда произошла половица: *Sitôt pris, sitôt pendu.*

Побѣдивъ всѣхъ собственныхъ враговъ своихъ, герцогъ Нормандскій спалъ вести войну въ пользу своихъ союзниковъ, у которыхъ онъ забиралъ за это города и цѣлыя округи, въ видѣ благодарности за пособіе, и такимъ образомъ распространилъ Нормандію до Корбелля.

Не смотря на то, *Робертъ* сохранилъ свой распотчительный характеръ. Онъ давалъ всѣмъ и каждому, и не только въ награду за какую нибудь заслугу, но изъ одной лишь прихоти; особенно же любилъ онъ доставлять поводъ къ неожиданной радости. Ска-

зываютъ; что однажды какой-то бѣдный конюшій упалъ замертво къ ногамъ его отъ восторга и изумленія, при полученіи отъ него драгоценнаго золотого сосуда, который герцогъ отдалъ ему, взявъ изъ рукъ одного богатаго вельможи, предложившаго эпотъ сосудъ въ подарокъ своему повелителю. Я бы могъ привести двадцать подобныхъ примѣровъ, но хроника *Жана Негеля* гораздо длиннѣе, чѣмъ долженъ быть объемъ эпоты спатыи, и по эпоту не распространяясь болѣе о распотчительности *Роберта*, я оставяю самага льпописца рассказывать вамъ объ эпотѣ государѣ и о любовныхъ дѣлахъ его.

«Однажды герцогъ *Робертъ* прибылъ въ Фалезъ, гдѣ увидѣлъ молодую дѣвушку, по имени *Арлетту*, прекрасную пѣломъ, чиспую сердцемъ и просподушную въ поступкахъ, дѣвушку, которая такъ ему понравилась, что онъ, влюбившись въ нее, немедленно отправился къ ея опцу, гражданину того города, чтобы просить у него дочери не въ замужство, а иначе; на что поѣтъ не хотѣлъ сначала согласиться, но наконецъ, убѣжденный просьбами герцога и пронутый склонностью, какую онъ оказывалъ къ его дочери, уступилъ ему ее, съ тѣмъ только, если она сама будетъ на это согласна. Призвали *Арлетту*; она, какъ дѣвица благо-разумная и благовоспитанная, не могла ничего опвѣчать опцу своему, какъ только: «Я ваше дѣпиче (geniture) и спану дѣлаю все, что вы мнѣ прикажете.»

Должно полагать, что опецъ приказалъ своему дѣпичу слѣдовать за герцогомъ, потому что льпописецъ представлялъ намъ *Арлетту* на ложѣ *Роберта*, на которомъ ей грезится, будто бы отъ нее произросло древо, осяняющее всю Нормандію; во время эшаго сновидѣнія, окружающіе замѣнили на головѣ ея вѣнецъ изъ звѣздъ: это значило, что она понесла сына, бывшаго въ послѣдствіи *Вильгельмомъ Завоевателемъ*; а въ то время рожденіе каждаго значительнаго лица предвозвѣщалось сновидѣніями и явленіемъ звѣздъ.

«Когда настало назначенное природою время,» продолжаетъ историкъ: «*Арлетта* родила

сына, котораго повивальная бабка положила безъ пеленъ на клочекъ соломы; ребенокъ попчасъ началъ дергать и пащипъ къ себѣ солому, и набралъ еѣ въ горсти, сколько былъ въ силахъ. Увидя это, повивальная бабка сказала: вопъ дитя, которое рано начинаешъ копипъ и приобръщашъ. » Никогда предсказаніе не бывало удачнѣе.

Герцогъ *Робертъ* тогда же рѣшилъ въ душѣ, что сынъ *Арлетты* будетъ его преемникомъ; послѣ того, освободившись почти опъ всѣхъ заботъ, онъ занялся своею совѣсно, и будучи недоволенъ ею, спалъ думать о томъ, какъ-бы загладишь прежнія злыя дѣла свои. Для сего онъ возвелъ на высшую степень санъ духовный, спалъ раздавать милосыню бѣднымъ, а особенно прокаженнымъ, которыми часто самъ подносишь пищу. Онъ основалъ аббатство Серизе, и льтописецъ начинаешъ съ этого времени говорить объ немъ иначе: онъ называетъ его уже не *Робертоль-Дьяволомъ*, а *Робертоль Великолѣпнымъ*; предсавляетъ его кропкимъ, милоспивымъ, снисходительнымъ и благонравнымъ; надѣляетъ его всѣми добродѣтелями и совершенствами; но немного дамѣе, забывшись, говоритъ: «Горе было пѣмъ, которые не бѣжали опъ него, когда видѣли его разгнѣваннымъ!»

Какъ-бы то нибыло, но кропкій *Робертъ*, съ намѣреніемъ загладишь предъ Небомъ свои прегрѣшенія, вздумалъ предпринять пупешествіе къ св. Гробу Господню; а чтобы запланишь за нихъ съ лихвою, вознамѣрился иппи пуда босыми ногами, въ одной рубахѣ и съ тяжелымъ креспомъ на спинѣ. Приведши въ порядокъ дѣла свои, онъ отправился; въ сопровожденіи множесства бароновъ, которые, вѣроятно, имѣли на ногахъ обувь, и безъ сомнѣнія были рады случаю совершить подвигъ, угодный Небу, не пересавая съ пѣмъ вмѣстѣ дѣлать пріятное своему государю. Кажется, что сначала герцогъ-пилигримъ не оказалъ въ этомъ пупешествіи особенной бодрости, ибо льтописецъ рассказываетъ, что однажды въ какомъ-то городѣ одинъ привратникъ, видя, что онъ лѣнливо пащипъ за обозомъ, поза-

ди всѣхъ своихъ спупниковъ, больно ударилъ его палкою, чтобы подогнать его. Впрочемъ, герцогъ защитилъ этого человека опъ мщенія своихъ приближенныхъ, и сказалъ, что онъ не промѣнялъ бы полученнаго опъ него удара на такой же богатый городъ, какъ-то былъ Руанъ, его столица.

Продолжая пупъ свой чрезъ Бургундію, Савою, Ломбардію, онъ прибылъ наконецъ въ Римъ. При выходѣ изъ этого города, онъ увидѣлъ конную спашую *Койстантина*, едва прикрытую одеждою или вовсе рбнаженною. Эпа скупоспъ на пкани очень не поправила нашему Норманну. «Не ужели,» сказалъ онъ: «Римляне имѣютъ пакъ мало уваженія къ своему властипелю, что не могутъ сдѣлать ему покрайней мѣрѣ одного плащя въгодъ?» И *Робертъ*, прибавляетъ льтописецъ, которій очень одобряешъ его за это, велѣлъ принести лучшую свою одежду и съ почтеніемъ покрывъ ею спашую.

Робертъ прибылъ въ Конспанциополь. Здѣсь смиреніе кающагося грѣшника смѣнилось дикою кичливостію Нормандскаго герцога, и пупъ-по заключаетъ красота испорціи для охощниковъ до сказокъ. *Нагель*, для котораго пилигримъ его сдѣлался образцомъ добродѣтели, рассказываетъ множесство, неспей о томъ, что онъ называетъ его пыпностію. Онъ повѣспуешъ, что герцогъ, по прибытіи въ столицу Восточной Имперіи и резиденцію Императора *Романа* и Императрицы *Зои*, его супруги, приказалъ подковать своихъ лошадей и муловъ золотыми подковами, съ пѣмъ, чтобы подковы эти были прикрѣплены слегка, и запрешилъ своей свипѣ поднимать ихъ, когда онъ будетъ оставаться на дорогѣ. Такимъ образомъ, онъ вступилъ въ городъ, усывая пупъ-свой слпсками золота. Можно судипъ, съ какимъ усердіемъ спѣшилъ за нимъ народъ, и какая многочисленная свипа должна была сопровождать его.

Императоръ и Императрица, увидѣвъ изъ оконъ своего дворца, что онъ ѣдетъ мимо, пожелали знать, кто былъ этотъ пыпный принцъ, прибывшій въ ихъ владѣнія. Имъ опвѣчали, что это *Робертъ Первый*, осьмой

герцога Нормандіи, и какъ слава о подвигахъ эпаго великаго мужа еще прежде достигла ихъ слуха, то они немедленно послали одного изъ значительныхъ чиновниковъ пригласить знаменитаго чужеземца ко Двору ихъ. *Робертъ* спалъ осведомляясь о соблюдаемыхъ при Дворѣ обыкновеніяхъ, и узналъ между прочимъ, что долгъ уваженія къ Императору претовалъ, чтобы пѣ, которые удостоивались чести говорить съ нимъ, спускали какъ можно ниже съ плечъ свои мантіи. Распросивъ объ этомъ, герцогъ немедленно опдалъ нужныя приказанія людямъ, которые должны были составлять его свиту.

На другой день принцъ Нормандскій явился по приглашенію во дворецъ въ сопровожденіи своихъ бароновъ. Всѣ они были въ роскошныхъ одеждахъ, поверхъ которыхъ надѣты были мантіи, ослѣплявшія своимъ блескомъ. Императоръ и Императрица приняли герцога сидя на тронѣ и въ присутствіи всего Двора своего. Императоръ поздравилъ его съ пріѣздомъ, а *Робертъ*, пригласивъ отвѣчать ему, не только спустилъ свою мантію съ плечъ, но уронилъ ея на полъ; и этому примѣру послѣдовала вся его свита.

Увидѣвъ это, всѣ присутствовавшіе подумали, что чужеземцы худо поняли данное имъ наставленіе. Нѣкоторые полагали, что они хотѣли доказать этимъ свое неограниченное уваженіе къ Императору; но какъ изумились они, когда при выходѣ изъ залы *Робертъ* съ гордостію отвѣчалъ одному изъ придворныхъ служителей, который подалъ ему его мантію, что онъ никогда не надѣнетъ того, что однажды было брошено на землю. Всѣ бароны повпорили слова своего поведителя, и къ крайнему удивленію двора, удалились изъ залы, съ пренебреженіемъ попирая ногами прекрасныя пкани своихъ мантій, покрышыя драгоцѣннымъ шипьемъ.

Съ людьми, которые бросали себѣ подъ ноги золото и другія драгоцѣнности, трудно было отличиться пышностію и великолѣпіемъ. Императоръ не хотѣлъ однако же уступить чужеземцамъ, и запретивъ всѣмъ

порговцамъ въ городѣ брать за что бы то нибыло деньги съ герцога, его бароновъ, воиновъ и слугъ, приказалъ довольствоваться ихъ всѣмъ на щетъ Императорской казны своей.

Но можно ли было думать, чтобы *Робертъ* Великолѣпный захотѣлъ пользоваться чьими нибудь одолженіями! Онъ призвалъ людей своихъ и приказалъ имъ, переодѣвшись въ платье жителей города, отправиться въ такомъ нарядѣ для покупки нужныхъ имъ припасовъ, не объявляя настоящаго своего званія и плаща вездѣ вдвое противъ назначенной цѣны.

Императоръ Востока узнавъ, что герцогъ *Робертъ* не хотѣлъ ничего принимать отъ руки его, былъ крайне эшимъ раздосадованъ (право, у меня недостаетъ смѣлости пересказывать вздорныхъ вымысловъ льбописца): «Если онъ доспалъ безъ меня мяса, то по крайней мѣрѣ, безъ меня его не сварить.» Немедленно онъ запретилъ продавцамъ дровъ отпускать свой поваръ кому бы то нибыло безъ особеннаго его повелѣнія, надѣясь принудить пѣмъ Норманновъ обратиться къ нему съ своими надобностями.

Повара герцога съ смятеніемъ донесли своему государю, что наконецъ имъ необходимо надобно прибѣгнуть къ великодушію Императора. Но *Робертъ* рѣшительно имъ запретилъ это. «Сипупайте по городу,» сказалъ онъ имъ: «и покупайте всѣ орѣхи, которые только найдете; закупите ихъ сполько, чтобы на скорлупѣ, которую съ нихъ соберете, можно было сварить для меня кушаче...» Здѣсь перо падаетъ у меня изъ рукъ; я хотѣлъ только показать читателю, какъ писывали въ старые годы исторію.

ДВОЙНОЙ ГРУЗЪ.

Одинъ помѣстный бургомистръ вздумалъ ѣхать въ Прагеръ, и приказалъ позвать къ себѣ извозчика. Сей взглянувъ на обширный объѣмъ дорожнаго бургомистра, сказалъ съ коварною улыбкою: «Нѣтъ, баринъ, въ одной каретѣ я не доведу васъ до Прагера.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ч А С Ы.

Съверный въперъ спремительно мчалъ спѣговья пучи, усплавшїя землю мягкимъ бѣлымъ покровомъ. Улицы были почти пуспы; только изрѣдка мелькали въ нихъ поропливые пѣшеходы, опрѣхавшіе снѣгъ, который покрывалъ ихъ шляпы и одежду.

Г. М*, застигнутый непогодою, спѣшилъ возврапитися къ своему семейству, когда вниманіе его было оспановлено спарикомъ, который, судя по его нетвердой походкѣ и вѣпхому плащю, влачилъ тяжелое бремя лѣпъ и щипцы; однакожь выраженіе какой-то гордой независимости сіяло на челѣ его, полу-прикрытомъ сѣдинами, спорившими бѣлизною съ спѣгомъ, которымъ онъ былъ усѣянъ. Изсохшая и обнаженная рука его, которою онъ опирался на полспую прость, покраснѣла и окостенѣла отъ холода. Но смотря на него, не трудно было замѣпитъ, что душа владычествовала въ немъ надъ тѣломъ, и по видимому, онъ вовсе не заботился о суровости погоды.

Видъ эпаго спарца, обремененнаго годами и нещастїями, живо пронулъ чувствительность г-на М*. Полагая, что одинъ только благородный спыдъ не позволѣлъ ему прибѣгнать къ состраданію проходящихъ, онъ подходилъ къ спарику съ серебряною монетою въ рукѣ; но въ эпу минуспу смупное воспоминаіе мелькнуло въ умѣ его; черпты незнакомца привели ему на память прошедшее; онъ спалъ думать, припоминаать, и наконецъ сказалъ:

— Если я не обманываюсь, вы Анкетиль-Дюперронъ? —

«Да, эпо мое имя;» отвѣчалъ спарецъ съ благородною улыбкою.

Дѣйствительно эпо былъ знаменитый ученый, посвятившїй наукѣ всю жизнь свою; ученый, который для исполненія своихъ великихъ замысловъ, добровольно подвергся самымъ спрогимъ лишениямъ; который, бѣднымъ и безпомощнымъ спранникомъ, объ-

халь Азіатскїя госуларспва и прошелъ чрезъ знойныя пуспыни, гдѣ вѣроломные вожатые едва не оставили его въ добычу пиграмъ; который, съ помощію перпѣнія и мужеспва и подвергая опасности собственную жизнь, успѣлъ проникнуть въ таинственныя убъжища послѣдовапелей *Зороастра*, и даже снискалъ доступъ въ пѣ спрашныя мѣспа, гдѣ пылаелъ священный огонь, въ по свяпилище науки и религіи, изъ котораго новопосвященный заимствовалъ невестественныя сокровища, и обогатилъ ими весь просвященный мїръ (*).

Г-пъ М* былъ уже недалеко отъ своего дома и пригласилъ почпейнаго спарца зайпн опдохнуть въ немъ. Анкетиль согласился.

Яркое пламя камина пролило живительную отраду въ сердце г-на М*, но спунникъ его, не смотря на всѣ его убѣжденїя, опошелъ отъ огня и сѣлъ по-одалъ, въ углу комнаты.

«Не удивляйтесь,» сказалъ онъ: «что я не раздѣляю ни нужды, ни удовольствїя другихъ людей. Мнѣ знакомы холодъ и голодъ, и я переносу ихъ безъ пятоспи. Бѣдный, какимъ я былъ всегда, снѣдаемый жаждою познанїя, съ душою, исполненною любви къ свободѣ, я, какъ только началъ сознавать въ себѣ разсудокъ, понималъ уже, какъ много вспрѣпитися мнѣ преяпспвїй въ удовольворенїи моей склонности къ учению и независимости. Я понялъ, что могу успѣпн въ своихъ предположенїяхъ не иначе, какъ упвердивъ владычество духа надъ вещеспвомъ; тогда я наложилъ оковы на свои чувства и всѣ наслажденїя предоспавилъ одной только душѣ своей.

«Хлѣбъ, молоко и чистая ключевая вода, вопъ моя вседневная пища. Я сплю безъ одѣяла, зимою обхожусь безъ огня. Ограничивъ такимъ образомъ жизненныя потребности, я довольствуюсь немногимъ, и эпо небольшое нахожу въ своихъ литературныхъ занятїяхъ. Я вспунилъ въ эпо объ-

(*) Анкетиль-Дюперронъ издалъ въ 1771 году *Зенд-Авесту*, книгу, заключающую въ себѣ ученіе *Зороастра*, нравственныхъ правила и религіозныя усшавы древнихъ Персовъ.

сненіе съ вами не попому, чпобы хваспался своимъ образомъ жизни, а полько чпобы поблагодарить васъ за соспраданіе, копорое вы сей часъ мнѣ изъявили. Я цѣню по чувспиво, копорое возбудило въ васъ желаніе помочь мнѣ, и чпобы гошовноспъ ваша сдѣлапъ добро не оспалась безъ дѣйспвія, я попрошу васъ о пособіи для одного дряхлаго спарика, опъ копорого шелъ я, когда мы съ вами вспрѣпились. Обо мнѣ не беспокоійтесь; я не почиаю себя нещаспливимъ, и не могу имъ быпъ.»

Въ словахъ эпихъ заключалось выраженіе какого-то чпососердечія, исполнившее г-на *М** глубокимъ удивленіемъ къ споль проспой и возвышенной добродѣтели.

По согласію съ аббатомъ *Бартелеми*, онъ спалъ заботипъся объ исходапайспвованіи пансіона ученому спарцу. *Анкетиль* узналъ объ эпомъ, и написалъ къ нимъ письмо, въ копоромъ просилъ ихъ оспавипъ свои исканія, попому, писалъ онъ, чпю я рѣшилъ не принимапъ никакихъ пособій, чпобы навсегда сохранипъ свое драгоцѣннѣйшее благо: независимоспъ.

Опказь *Анкетилля* бѣлъ пѣмъ прискорбнѣ для друзей его, чпю холодная комната, въ копорой жилъ бодрый спарецъ и суровая пища, какою онъ пипался, при неусыпныхъ ппудахъ его, распроивали его здоровье. Г-нъ *М** не переспавалъ изыскивать средствъ къ облегченію его ппгоспнаго положенія, и наконецъ въ умѣ его родилась щаспливая мысль. Однажды, поспивъ *Анкетилля*, онъ подошелъ къ камину, на копоромъ спояли небольшие часы, купленные за самую дешевую цѣну у одного мелочнаго продавца, и принялся разспавривапъ ихъ съ видомъ особеннаго вниманія.

«Чпю вы памъ разспавриваете?» спросилъ *Анкетиль*.

— Вещь, копорая для одного знакомаго мнѣ анпикварія можетъ имѣпъ большую цѣну, попому чпю онъ соспавляетъ коллекцію разныхъ предметовъ въ эпомъ родѣ. —

«Вы говорите объ эпой дряни!»

— Вамъ, какъ незнапоку, позволипельно пакъ думапъ объ эпихъ часахъ, но для любипеля, они могутъ имѣпъ гораздо болѣе цѣны, нежели самый важный манускриптъ.—

Анкетиль улыбнулся и приспально посмопрѣлъ на часы свои, чпобы опкрыпъ въ нихъ чпю нибудъ занимательное, но, сколько ни спарался, онъ не замѣпилъ въ нихъ ничего, кромѣ чернаго дерева, выложеннаго бронзою и поднившаго опъ времени.

«Я признаю себя невѣждою въ эпихъ вещахъ,» сказалъ ученый: «но въ такомъ случаѣ и купецъ, копорый долженъ бы бѣлъ знапъ эпю лучше меня, также ошибся, попому чпю онъ продалъ мнѣ эпю неоцѣненное сокровище за умѣренную сумму, за ппнадцатъ франковъ.»

— Позвольте мнѣ привеспи къ вамъ моего пріапеля, чпобы показапъ ему эпю часы.—

«О, съ охогою, если эпю можетъ доспавипъ вамъ удовольствіе.»— Чрезъ два дни явился къ *Анкетиллю* посланный г-на *Крѣтеля*, бѣвшаго тогда министрмъ внуспренныхъ дѣлъ и безусѣбно предлагавшаго ему въ числѣ другихъ ученыхъ денежное вспомоцспвованіе. Г-нъ *М**, копорый пакже бѣлъ пупъ, представилъ эпаго посланнаго ученому спарцу подъ именемъ своего пріапеля.

Мнимый анпикварій, увидѣвъ часы, пріспворился, чпю онъ опъ нихъ въ восторгѣ, спалъ разспавривапъ ихъ съ видомъ испиннаго любипеля, и наконецъ предложилъ за нихъ *Анкетиллю* 600 франковъ.

Ученый засмѣялся.

«Согласипъся на ваше предложеніе;» сказалъ онъ: «значило бы васъ ограбипъ; я не хочу упопребляпъ во зло вашего вниманія къ пакой вещи, копорая въ моихъ глазахъ вовсе не имѣетъ цѣны.»

— Но честностъ не позволяетъ и мнѣ воспользоваться вашимъ равнодушіемъ къ рѣдкости, копорую всякій знапокъ оцѣнилъ бы почно пакже какъ и я.—

Наконецъ, послѣ непродолжительнаго спора, мнимый любипель положилъ на каминъ шесть солъ франковъ, взялъ часы и вышелъ,

разсыпаясь передъ *Анкетилемъ* въ изъявленіяхъ благодарности.

Около того же времени послѣдовало преобразование инспитута. *Анкетиль* былъ назначенъ его членомъ. Жалованье, присвоенное этому званію, улучшило его положеніе. Привыкнувъ къ бѣдности, онъ нашелъ излишество въ томъ, что для другаго было бы только доспадкою. «Я теперь слишкомъ богатъ;» говорилъ онъ одному изъ друзей своихъ: «скажи те мнѣ какое нибудь честное, но бѣдное семейство, которому бы я могъ отдавать деньги, оспающіяся у меня каждый мѣсяць.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕЗНАКОМКѢ, КОТОРУЮ Я УВИДѢЛЪ ВЪ ТЕАТРѢ.

Я васъ увидѣлъ въ первый разъ
 Въ нарядѣ миломъ, въ белъ-эпажѣ,
 Навелъ двойной лорнетъ на васъ;
 Но я не знаю кто вы даже;
 Не знаю кто вы? — Что за вздоръ.
 Хотя мы съ роду не встрѣчались,
 Но эпомъ чудный спанъ и взоръ
 Мнѣ сколько разъ въ мечтахъ являлись.
 Во цвѣтѣ льпѣ, я всѣмъ чужой, —
 Я госпъ, забытый въ вихрѣ свѣта,
 Гонимый магікой-судьбой,
 И оклеветанный толпой,
 Я не встрѣчалъ друзей привѣта.
 Да, я чудакъ, я врагъ глупцовъ,
 Невѣждъ-бездушниковъ надменныхъ,
 Ихъ двуязычниковъ льстецовъ,
 Бездарной знаменности рабовъ,
 Спыдомъ разврата озаренныхъ.
 Гуляка бездомовный, я
 Одинъ средь жизненнаго пира;
 Но гордо бьется грудь моя,
 Свободна шворческа я лира.
 Я не склоню моей главы
 Ни предъ одной кокешкой свѣта;
 Я мизогинъ; но еспьди вы
 Очами полными привѣта

Вдругъ поглядите на меня,
 Падеть во прахъ система эпа,
 И буду снова щасливъ я.

М. Делидовъ.

LOGOGRIPE.

Rien de plus beau que moi, dans ma sublime horreur.
 Sans tête, avec raison, j'inspire la terreur;
 Encore un membre ôté, le temps impitoyable
 Imprime sur ton front ma trace ineffaçable.
 Mon cœur *seul* arraché, je présente à tes yeux
 De la blonde Cérès un don très-précieux;
 Ne gardant que deux pieds, je suis le seul mobile
 Des actions d'un homme à l'âme basse et vile.

Въ No 25-мъ, помѣщенная шарада значить: *Пудельъ*.

M O D E S.

Une robe de gaze blanche, drapée sur la poitrine et sur les épaules; une ruche de gaze blanche au-dessus du genou. Au milieu de la poitrine, du dos, sur les épaules, de petits nœuds des couleurs de rose le plus pâle, un gros nœud au milieu de la ruche par devant; point de ceinture, une rosette par derrière au bas de la taille. Les cheveux en bandeau, relevés en tresse par derrière; de la tresse partaient deux-branches d'églantine, qui formaient un demi-cercle arrêté derrière les oreilles. Point de bijoux; — coiffure à *la Clotilde*, large bandeau d'or mat ouvragé formant une plaque semblable au milieu du front; boucles d'oreilles, collier, blacelets pareils; robe de satin marron broché, dont le corsage, drapé par devant, est partagé de la ceinture en haut par une suite de petites plaques d'or mat ouvragé! — Cheveux à *la Ninon* sur le devant, choux en cheveux derrière la tête, relevés d'une chaîne de turquoises entourées de perles fines, touffes de pervanches à gauche de la tête; longs pendans d'oreilles en turquoises et perles fines, robe de gros des Indes bleu glacé de blanc; manches longues en tulle de blonde, serrées au poignet par une turquoise; une torsade de gros des Indes pareille à la robe, et de tulle de blonde, garnissait le bas de sa robe, souliers blancs avec une turquoise au milieu. — Une demi-redingote en crêpe, mais fermée sur le côté par cinq nœuds de satin-mâis, manches longues, corsage montant à revers dessous une guimpe de blonde. Un velours noir soutenant une croix de turquoises entourées de petits dia-

mans. Un petit chapeau de velours noir relevé sur le côté par une grande plume bleue qui retombait en se *roulant* jusque sur l'épaule. On porte les bonnets très petits et placés tout-à-fait derrière la tête. Les coiffures en cheveux varient de mille manières différentes; on peut dire que dans ce genre il n'y a rien d'arrêté.

J'ai fait hier une partie bien amusante et dont certes vous doutez guère; je suis allée dîner au *Restaurant*; je suis sûre, ma chère sœur, que vous relirez deux fois cette phrase et croirez encore être sous le poids d'une fascination, car à Londres, une pareille infraction aux mœurs serait punie d'un article dans le *Morning chronicle*, sous la rubrique *scandale*, et de l'exclusion de tous les *fashionables routs*. Rassurez-vous, ici c'est une partie de plaisir très-ordinaire et de très-bon goût; madame de *Nelgis* avait donné à ses gens toute la journée, et nous avons été une douzaine, dîner chez *Vèry*, et de là, voir la *Fille de l'Avare*, la pièce à la mode dans ce moment. Miss *Cock* en était; je vous en prie dites cela à toutes nos vieilles *ladies*, afin qu'elles se cachent la figure avec leurs éventails en criant *choquing*.

Adieu, chère sœur, je vous embrasse et vous aime.—*Sarah*.

Pl. No 10. 1) Coiffure.— 2) Chapeaux.— 3) Bonnets de blonde.— 4) Turban.— 5) Sac à ouvrage.

М О Д Ы.

Белое газовое платье, драпированное на груди и плечах; повыше колѣнъ бѣлый газовый рюшъ, въ срединѣ груди, спины и на плечахъ маленькіе бантики самага блѣдно-розоваго цвѣта; большой бантъ въ рюшъ спереди; безъ пояса; сзади, внизу талии, розетка. Волосы гладкіе, сзади коса изъ косы возвышалась, сославлявшіе полу-кругъ, который оканчивался позади ушей. Вещей не было.—Прическа à la *Clotilde*; широкая повязка изъ матоваго выработанаго золота, сославлявшаго подобную бляху въ срединѣ лба; серги, ожерелье и браслеты такіе же. Заштанное атласное платье каштановаго цвѣта; лифъ, драпированный спереди, раздѣленъ отъ пояса до верху маленькими бляхами изъ выработанаго матоваго золота.—Волосы

спереди à la *Ninon*, сзади капушка изъ волосъ, обернутые цѣпью изъ бирюзъ, осыпанныхъ жемчугомъ; кустики изъ *perwanchies* на лѣвой стороне головы; длинныя серги изъ бирюзъ съ жемчугомъ; платье изъ голубаго *gros des Indes* съ бѣлымъ опливомъ; длинныя рукава изъ блондоваго пюля, схваченныя у кисти бирюзою; внизу платье отдѣлано было торсадою изъ сакаго же *gros des Indes*, какъ платье съ блондовымъ пюлемъ; башмаки бѣлыя, съ бирюзою въ срединѣ.—Креновой полу-редингошь, схваченный съ боку пястью бантами изъ атласа *maise*; рукава длинныя; лифъ высокой, съ отворотами, снизу гладкая блондовая шемизетка. На черномъ бархатцѣ висѣлъ бирюзовый крестъ, осыпанный мелкими бриллиантами. Маленькая черная бархатная шляпка, приподнятая съ боку большимъ голубымъ перомъ, которое извиваясь, висѣло до плеча. Чепчики носятъ весьма малыя и надѣваютъ совсѣмъ на задъ головы.—Прически чрезвычайно разнообразны; можно сказать, что въ этомъ родѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго.

Я провела вчера время чрезвычайно весело, а какъ, ты вѣрно не отгадаешь: я обѣдала въ *ресторацин*. Я увѣрена, любезная сестра, что ты перечепаешь два раза эту фразу, и все еще будешь думать, что худо видишь, потому что въ Лондонѣ такое нарушеніе нравовъ наказано было бы съащью въ *Morning chronicle*, подъ заглавіемъ *Scandale*, и исключеніемъ изъ всѣхъ модныхъ раумовъ. Успокойся, здѣсь это весьма обыкновенное удовольствіе и въ хорощемъ пошѣ. Г-жа *de Nelgis* дала людямъ своимъ свободу на цѣлый день, и мы въ числѣ двѣнадцати обѣдали у *Vèry*, а опшуда поѣхали смотрѣть Дочь скупаго: пьеса въ большой модѣ. Мисъ *Cock* была съ нами. Сдѣлай одолженіе, расскажи объ этомъ всѣмъ нашимъ пожилымъ леди; пускай онѣ закрываютъ лицо опахалами, восклицая *choquing*.

Прощай, любезная сестра, цѣлую тебя и люблю.—*Sara*.

Карп. No 10. 1) Прическа.— 2) Шляпки.— 3) Чепцы.— 4) Турбанъ.— 5) Рабочій мышокъ.

КОНЕЦЪ СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ПЕРВОЙ 1835 ГОДА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ПЕРВОЙ

НА

1835 годъ.

I.	II.
ПЕРЕСМѢШНИКЪ.	СЛОВЕСНОСТЬ.
О повѣстяхъ <i>Безумнаго</i>	Письмо одной дамы объ Алжирѣ
Сцена изъ прозаической жизни	Испытаніе
Награда за сочиненіе	Гризель Кохранъ
Надгробное слово покойному Моск. Телеграфу	О живописи въ Испаніи и о живописцахъ Испанской
Смѣшливый кучеръ	школы
Стихотворное кладбище	—
А мнѣ доспаненся!	Вспорое письмо изъ Рима; <i>К. П.</i>
Подарокъ	Доспомятное слово нещаснаго <i>Лудовика XVI</i> -го.
Причудливая любовь или женская странность	—
Взглядъ подъ спохъ; пер. <i>С—р—а.</i>	Вейнахтсбаумъ въ — вѣ; соч. <i>А. Кораблинскаго.</i>
Благоденствіе Польши въ бытность ея Варшавскимъ	Два лекаршва опъ любви
Герцогствомъ	Женщины
Магорское вино	Сладость дружбы
Трагедія, представленная живописными	Совѣтъ; пер. <i>А. С.</i>
Дядя и племянникъ; соч. <i>К. П. ка</i>	—
О вліяніи бѣснующейся (фантаспической) липературы	Каламбуръ
на здоровье; пер. <i>К. К.</i>	Книги-фушляры
Избави Богъ и думашь; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	—
Дорогая оцѣнка	День Нового года въ Пешербургѣ
Безконечный канашъ	Самоубійца
Оно и лучше!.	Щепъ дичи, попребляемой въ Парижѣ въ круглый годъ
На свѣшъ вѣпъ безобразныхъ женщинъ	Освальдъ
Гаврида Гаврилычъ Прындиговъ; соч. <i>А. Кораблинскаго.</i>	Благодѣпельный указъ объ оспорожности опъ наводне-
Десять тысячъ доходу! соч. <i>А. Кораблинскаго.</i>	ніа
Шадость Шеридана.	—
Письмо пріѣзжаго изъ Пешербурга чиновника 12-го класса	Незабудка.
къ Торопецкому помѣщику	Ложные слухи; соч. <i>К. Д. м. . . . а</i>
Рецептъ для пого, чпобъ новоизданная книга хорошо	Плаваніе по Рейну; пер. <i>Бр.</i>
раскупалась	Мысли Жанъ-Поля
Настояцій патриотъ	Гора Сень-Бернардъ
О шомъ, какъ писывали испорію въ шарые годы	Могила Аппильи; пер. <i>Евг. Ивова</i>
Двойной грузъ	Два слова о книгѣ: Сцены на морѣ; соч. <i>Н. Давыдова</i>
	Письма изъ Дерпша; <i>Авт. Вегер. мол. людей</i>
	Рабочая живописца
	Разсказъ у камина
	Измѣнникъ
	Папская обѣдня, пер. <i>Ип. Г—ва</i>

Нѣсколько опличительныхъ чертъ корабля и капитана корабля—насполицаго времени; соч. <i>Н. Д.</i>	спрн. 161.
Анекдотъ объ Императорѣ <i>Александрѣ I</i> -мъ	166.
Взглядъ на современную Французскую литературу; пер. <i>К. К—аго</i>	170.
Собака - призракъ; пер. <i>Ал. Ф—ра.</i>	173.
Два письма изъ Берлина; соч. <i>А. В.</i>	177.
Вездѣ она!	181.
Сказка о Морозѣ Снѣговичѣ, и о двухъ кушцахъ родныхъ братьяхъ; соч. <i>Вл. Луганскаго</i>	185.
О вліяніи воображенія на здоровье	188.
Госпепримные монахи; пер. <i>К. К.</i>	190.
Мысли, выбранныя изъ разныхъ авшпоровъ	191.
Спранная женишьба; соч. <i>В. Завелійскаго</i>	193.
Часы	205.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Казаку; соч. <i>Ив. Галанина</i>	7.
Въ альбомѣ <i>А. С. Т.</i> ...вой; соч. <i>Л. Р.</i>	—
Мечта; соч. <i>Пл. Волкова.</i>	15.
Душевная спрана; соч. <i>Алексѣя Зилова.</i>	21.
Призракъ (сказка); соч. <i>К. Петерсона</i>	31.
Къ <i>Л.</i> ...му; <i>Е. Ш—аго</i>	—
Разсаванье	39.
Въ альбомѣ <i>Ал. Мо.</i> ...въ <i>Кр. п. н. в.</i> вой; пер. <i>А. Бистрома</i>	54.
Возваніе къ <i>Фебу</i> ; соч. <i>А. Измайлова</i>	55.
Чѣрный глазъ; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>	63.
Романсъ	—
Пѣснь радости; соч. <i>Ө. Гюттева</i>	69.
Судьба волны; соч. <i>Ив. Галанина</i>	79.
Я знаю васъ	—
В. В. Энгельгардшу; соч. <i>П. Хотлицова</i>	87.
Къ графу <i>А. А. Маншейфелю</i> ; соч. <i>Н. Д.</i>	95.
Воспоминаніе; соч. <i>П. А.</i>	103.
Предчувствіе; соч. <i>А. Подолинскаго</i>	111.
Романсъ; соч. <i>А. Бистрома</i>	—
Мотылѣкъ; пер. <i>Ив. Галанина</i>	119.
Сирота	127.
Романсъ; соч. <i>Е. Ш—го.</i>	135.
Къ незнамой пѣвицѣ; соч. <i>П. Осменскаго.</i>	143.
Къ <i>Р.</i> ...; соч. <i>Н. Грекова</i>	—
Къ графу <i>А. А. Маншейфелю</i> ; соч. <i>Н. Д.</i>	151.
Къ генію; соч. <i>В. Тихонравова</i>	159.
Пѣсня; соч. <i>Ал. Бистрома</i>	167.

Épître à <i>М. Р.</i> ...;	спрн. 167.
Къ другу; соч. <i>Суханова</i>	175.
Пѣвецъ къ Славянамъ предъ отъѣздомъ на войну; соч. <i>Ө. Менцова</i>	181.
Опѣвшъ Русскаго Германкѣ, сказавшей ему: я не Русская.	191.
Мѣдный всадникъ; соч. <i>И. Петрова</i>	197.
Незнакомкѣ; соч. <i>М. Демидова</i>	207.

IV.

КРИТИКА.

Nota - bene г-му <i>Ротгеу</i>	22.
Карпина послѣдней войны съ Персіею; соч. <i>В. Б.</i>	71.

V.

НОВАЯ КНИГА.

Сцена на морѣ, <i>Н. В. Давыдова</i> ; соч. <i>Б. Б. Б.</i>	182.
---	------

VI.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О пьесахъ новыхъ и возобновленныхъ, предспавленныхъ съ 30 Апрѣля 1834 по 17 Феврала 1835 года.	198.
--	------

VII.

ШАРАДЫ, ОМОНИМЫ, ЛОГОГРИФЫ, ЗАГАДКИ, АНАГРАММА-ЗАГАДКА.

Русскія.—*Шарады*: 1) Лимон-адъ; 2) Купи-донъ; 3) Па-ша-ликъ; 4) Сор-ока; 5) Муха-морь; 6) Э-лиза; 7) Семь-я, 8) Пуд-ель.—*Омонимы*: 9) Орехъ; 10) Кошмы; 11) Свѣтъ; 12) Осепрь; 13) Жолъ.

Французскія.—*Шарады*: 1) Pas-sage; 2) Succès; 3) Bois-seau; 4) Pas-sage; 5) Cure-dent.—*Логогрифы*: 6) Emeute; 7) Télégraphe; 8) Orage.—*Загадки*: 9) Songe; 10) La lettre; 11) Mine; 12) Moulin à vent.—*Анаграмма-загадка*: Barre.

VIII.

МОДЫ.

Спащны о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пепербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашен-ныхъ карпинокъ, и сверхъ того *девѣ прибавочныхъ*, изображающихъ модныя мебели.